…НИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
…НСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

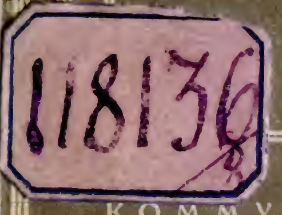
КОЛОНИАЛЬНАЯ СЕРИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. Бухарина, Е. Варга, Е. Пашуканиса и Ф. Ротштейна

Л. МАДЬЯР

ОЧЕРКИ
ПО ЭКОНОМИКЕ КИТАЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ, С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Е. ВАРГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1930

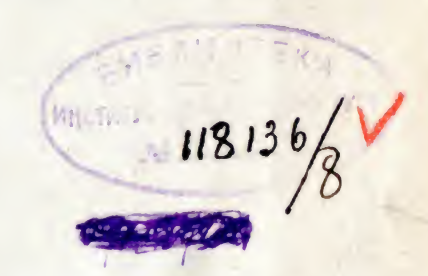
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Колониальная серия
под редакцией
Н. Бухарина, Е. Варга, Е. Пашуканиса и Ф. Ротштейна

Л. МАДЬЯР

ОЧЕРКИ ПО ЭКОНОМИКЕ КИТАЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ, С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ тов. Е. ВАРГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1930

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие Е. Варги 5

От автора 7

Основные данные о Китае 10

Глава первая. Китайское сельское хозяйство 12

Земледельческие районы Китая . . . . —
Особенности китайского сельского хозяйства 15
Истоки агрономического кризиса 17

Глава вторая. Аграрный строй Китая 20

Земельная собственность 21
Арендные отношения 24
Наемный труд в сельском хозяйстве 27
Налоговая эксплоатация крестьянства . . . . —
Ростовщическая эксплоатация крестьянства 28
Торговая эксплоатация крестьянства 29
Капиталистическая домашняя промышленность 31
Переходные и капиталистические способы эксплоатации 32
Империализм и китайское сельское хозяйство 33
Классовое расслоение деревни 35
Аграрный кризис в Китае 39
Классы и аграрный вопрос 40

Глава третья. Судьбы цехового ремесла в Китае . . . 42

Глава четвертая. Развитие мануфактур 80

Глава пятая. Домашняя промышленность и кустарные промыслы 108

Глава шестая. Развитие крупной машинной индустрии в Китае 118

Глава седьмая. Показатели промышленного развития Китая 156

Истоки послевоенного кризиса промышленности . . . . —
Угольная промышленность 161
Металлургическая промышленность 163
Горная промышленность 166
Силовые установки и индустриализация 168
Текстильная промышленность 171
Шелковая промышленность 174
Несколько косвенных показателей 177
Место Китая в промышленной продукции мира 183
Ближайшие перспективы 184

Глава восьмая. Китай в системе мирового хозяйства 196

Китай как потенциальный рынок . . . . —
Китай как рынок сбыта и источник сырья 198
Китай как сфера для экспорта капитала 203
Международные долги Китая 205
Иностранный капитал в добывающей промышленности 209
Иностранный капитал в легкой индустрии 212
Нормы процента в Китае 215
Монополии в Китае 217
Нормы прибыли в Китае 222
Иностранные банки в Китае 237
Интересы держав в Китае 240
Вывоз рабочей силы из Китая 245
Торговый и платежный баланс Китая 251

Глава девятая. Город и деревня 258

√ Перспективы китайской революции. Заключительная статья Е. Варги 278

Особенности социальной структуры до проникновения империализма в страну 280
Путь буржуазной революции для Китая немыслим 286
Прусский путь развития не может иметь места в Китае 287
Кемалистский путь развития для Китая невозможен 291
Роль Китайской буржуазии в революции 293
Китай после победы контрреволюции 296
Остается еше одна возможность — путь некапиталистического развития Китая 301

Китайские меры 305

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга т. Мадьяра — плод серьезной исследовательской работы. Работа эта чрезвычайно затруднялась одним обстоятельством совершенно объективного характера,— тем, что в Китае не существует сколько-нибудь достоверной и полной статистики. Отдельные области гигантского Китая представляют собой почти самостоятельные экономические и политические единицы; этот факт находит свое идеологическое отражение в том, что Китай не имеет ни общей для всей страны статистики, ни даже материалов чисто описательного характера, касающихся народного хозяйства страны в целом. Это обязывало автора собирать статистические данные по отдельным отраслям, подбирать отдельные примеры, иллюстрирующие развитие народного хозяйства Китая, чтобы, таким образом, подвести под свои выводы экономическую базу. Не имея предшественников, он был вынужден сам проделать всю подготовительную работу; в результате книга загружена статистико-описательным материалом, чего можно было бы легко избежать, если бы автор имел возможность ссылаться на готовые, систематизированные и обобщающие источники. Волей-неволей получилось, что в общем плане книги теоретический анализ не занимает достаточного места по сравнению с массой фактического материала. Зато предлагаемая работа имеет то преимущество, что может *служить источником для изучения развития всего народного хозяйства Китая*.

Исключением является лишь сельское хозяйство. Главы, посвященные сельскому хозяйству, гораздо более кратки и сжаты, чем это логически могло бы вытекать из той преобладающей роли, которую играет земледелие в общей экономике Китая. Объясняется это тем, что автор уже опубликовал труд, посвященный специально сельскому хозяйству Китая, и стремился избежать повторений; читатель, желающий подробно ознакомиться с этим вопросом, найдет в упомянутой работе весь необходимый материал.

Проблема «азиатского способа производства», вызвавшая продолжительную дискуссию в связи с появлением упомянутой выше книги т. Мадьяра, в предлагаемой работе не затрагивается.

Хотелось бы лишь отметить следующее: из труда самого т. Мадьяра о сельском хозяйстве с полной очевидностью явствует, что если та общественная формация, которую Маркс определял термином «азиатский способ производства» (т. е. государство — собственник всей земли, земельная рента — единственный причитающийся государству налог), и существовала в давние времена в Китае, то в наши дни от этого способа производства остались лишь чисто идеологические следы в виде юридической фикции собственности государства на всю территорию. Однако фикция эта никаких реальных последствий за собой не влечет: земля является в Китае объектом частной собственности совершенно так же, как в Европе. Азиатский способ производства, если он и имел место в истории Китая, не является в наше время элементом его общественного строя.

Предлагаемая работа, вопреки общей программе нашей «Колониальной серии», не давала картины борьбы китайского народа с империализмом. Однако всемирно-историческое значение китайской революции так велико, что по этому вопросу существует целая литература, краткое резюме которой нам казалось целесообразным дать. Поэтому я в согласии с автором сделал попытку представить в заключительной главе перспективы китайской революции, — попытку смелую, так как в этом важном вопросе до сих пор нет полной ясности.

Е. Варга

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей работа «Экономика Китая» может разочаровать во многих отношениях.

Колониальная серия Коммунистической Академии поставила себе три задачи: 1) дать анализ социально-экономического строя колониальных и полуколониальных стран до проникновения иностранного капитала; 2) дать анализ влияния иностранного капитала и впоследствии империализма, а также развития капитализма в колониальных и полуколониальных странах на социально-общественный строй этих стран; 3) дать анализ национально-освободительных движений в этих странах.

Мы не дали ответа на все эти вопросы в данной работе. Мы не остановились подробно на вопросе об общественном строе Китая до проникновения иностранного капитала и касались этой проблемы лишь постольку, поскольку остатки и пережитки прошлого еще довлеют над экономикой страны в настоящее время, лишь постольку, поскольку «мертвые хватают живых». Мы не попытались дать анализ национально-освободительных движений в Китае, анализ уроков великой китайской революции 1925—1927 гг. и последующих этапов революционной борьбы. По этим вопросам уже собран гигантский материал, установлены основные вехи, осмыслено немало важнейших уроков; но нельзя сказать, что уже выработаны, установлены, осмыслены в достаточной мере все величайшие и важнейшие уроки величайшего и важнейшего революционного движения в полуколониальном Китае. Эта задача еще не разрешена досконально и до конца. Уроки китайской революции служат уже маяком и путеводной звездой для великой революции в Индии, которая все приближается, нарастает, для великих революционных битв в Индонезии, в арабских странах, в Египте, в негритянских областях, в Латинской Америке и вообще во всех колониальных и полуколониальных странах. Тем более важно тщательное изучение ее уроков и тем более важно применение этих уроков сейчас — на новом подъеме Китайской революции.

Мы поставили себе главной задачей в данной работе дать анализ экономики Китая в настоящее время. Будем надеяться, что читатель учтет огромные затруднения, связанные с разрешением этого вопроса. Ряд проблем — о судьбах ремесла, о развитии капитализма, особенность развития внутреннего рынка и крупной индустрии в колониальной стране в период империализма — еле-еле разработан. Мы только приступаем к изучению вопроса о том, как влияет империализм на социально-экономический строй колониальных стран. В Китае изучение этих вопросов затрудняется и осложняется полным отсутствием надежных статистических материалов. Мы сами основным недостатком данной работы считаем чрезвычайно упрощенную разработку аграрного вопроса — данную лишь в самых общих и грубых чертах. Здесь даны в весьма кратком изложении всего лишь несколько основных тезисов нашей работы: «Экономика сельского хозяйства в Китае». Чрезвычайно сжато и коротко изложены вопросы о развитии железных дорог и о финансово-валютной системе. Если в работе т. Г. Сафарова: «Классы и классовая борьба в китайской истории» (с основной теоретической установкой которой мы не согласны) читатель найдет множество ценных указаний относительно общественного строя Китая в прошлом, то работы т. Канторовича («Иностранный капитал и железные дороги Китая») и т. Штейна («Очерки финансового кризиса в Китае») дают много ценных фактических материалов относительно положения жел. дорог и финансов Китая.

Мы не касались также в данной работе вопроса об азиатском способе производства и тех споров, которые были вызваны среди марксистов в связи с постановкой этого вопроса вообще и применительно к Китаю в частности. Мы попытаемся в ближайшее время разобрать этот вопрос в другом месте. Мы признаем здесь ошибкой, что в своей работе «Экономика сельского хозяйства в Китае» мы не уделяли достаточного внимания процессам феодализации в разные периоды китайской истории и в разных областях Китая. Мы не поставили теоретически этот вопрос, и это было несомненной ошибкой, хотя в конкретно-фактическом изложении мы указали в порядке описательном эти процессы. Вместе с тем мы считали и считаем постановку нами вопроса об азиатском способе производства, о восточном обществе попрежнему вполне правильной и применение марксова учения о восточном обществе к историческому прошлому Китая вполне обоснованным. Споры, разгоревшиеся вокруг этого вопроса, несомненно способствовали его выяснению. Мы надеемся в ближайшее время

вернуться к этой проблеме с положительным изложением наших взглядов и с критикой эклектических и просто неверных концепций.

Итак, данная работа содержит в себе преимущественно попытку анализа городской экономики Китая и лишь вкратце освещает главные проблемы экономики сельского хозяйства. Мы не остановились на положении рабочего класса, на происхождении и развитии рабочего движения, считая, что освещение этих проблем читатель может найти в других работах.

Л. Мадьяр

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ О КИТАЕ

В Китае нет достоверной статистики. Нанкинское правительство только в настоящее время пытается произвести перепись в нескольких провинциях. Все же приводим некоторые данные о Китае, подчеркивая всю их условность.

Китайская почта определяет народонаселение за 1926 г. в 485 508 838 человек. Морская таможня оценивает население страны в 448 807 тыс. человек. Другие источники утверждают, что население страны не превышает 320—350 млн. человек. Число иностранцев в Китае равняется 346 883 чел. Территория страны — 4 278 347 кв. миль. Длина железнодорожной сети по одному источнику 16 683 *км*, по другому — 11 тыс. *км*. Количество почтовых посылок за 1925 г. — 565 007 703. Внешние и внутренние займы страны составляют 2 386 608 309 долл.

Может быть будет небезынтересным привести данные о состоянии экономики Китая, сравнивая их с соответствующими данными о США [1]. Они составлены коммерческим атташе США в Китае — Арнольдом и говорят о следующем:

	В США (в тысячах)	В Китае (в тысячах)	Китай в % к США
Народонаселение	110 000	400 000	—
Территория (кв. миль)	3 743	4 278	—
Железные дороги (миль)	250	7	2,7
Длина телеграфа (миль)	1 850	84	4,3
Длина телефон. линий (миль)	17 000	100	0,6
Добыча угля (тонн)	585 000	25 000	4,1
Душевое потребление железа и стали (в %)	99,4	0,6	0,6
Производство пшеничн. муки (баррелей)	115 000	20 000	17,4
Производство пшеницы (бушелей)	800 000	300 000	37,5
Производство риса (бушелей)	34 000	800 000	235,3
Производство хлопка (кип)	15 000	2 500	14,3

[1] I. Arnold, Some Bigger Issues in Chinas Problems, Shanghai 1928.

	В США	В Китае	Китай в % к США
	(в тысячах)		
Колич. ткацких станков	650	29	4,4
Количество веретен	37 000	3 500	8,6
Мощность электростанций (киловатт)	14 000	250	1,8
Мощность доменных печей (тонн)	45 000	500	1.1
Внешняя торговля (в долл.)	9 000	1 300	12,1
Автомобили	22 000	22	0,1
Почтовые отделения	51	11	18,8
Шоссейные дороги	500	5	1

Разумеется, эти данные, поскольку они относятся к Китаю, также не совсем надежны. Они все же в основном правильно отражают развитие производительных сил в крупнейшей империалистической стране и в крупнейшей полуколонии мира.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КИТАЙСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ РАЙОНЫ КИТАЯ

С точки зрения предпосылок для сельскохозяйственного производства Китай можно разделить в очень общих и грубых чертах на следующие районы:

1) Южный и Центральный Китай. Для этих областей — искусственное регулирование водоснабжения является важнейшей предпосылкой земледельческого производства. Без искусственного орошения здесь немыслимо сельское хозяйство, ибо выпадение дождей не обеспечивает необходимого количества влаги для нормального развития важнейших культур. Главной культурой в этих областях является рис. Он же является главным предметом питания в гораздо большей степени, чем пшеница, рожь, ячмень, кукуруза в других странах мира. Рис же требует для своего созревания большого количества воды, гораздо большего, чем какая бы то ни была другая культура. Необходимость искусственного орошения предполагает, что решающие районы земледельческих культур расположены в долине рек, в окрестностях озер и вообще вблизи источников воды. Необходимость искусственного орошения предполагает создание оросительных систем. А создание оросительных систем может быть осуществлено лишь усилиями центрального или провинциальных правительств, деревенских общин, крупного предпринимательства.

Необходимость искусственного орошения при условии частной собственности на источники водоснабжения вводит категорию водной ренты в круг изучения проблем китайского сельского хозяйства. В то же время особое значение приобретает категория «земли—Капитал», т. е. присоединенные к земле на продолжительный срок строения (канавы, резервуары и т. д.). Эти сооружения принадлежат к категории основного капитала, но процент с этого капитала попадает в карман помещика даже

в том случае, если оросительные системы являются результатом сознательного вмешательства государства или общин в сельскохозяйственное производство. При условии частной собственности на землю и развитых товарно-денежных отношений, предполагающих образование средней рыночной цены на сельскохозяйственные продукты, необходимость искусственного орошения оказывает сильное влияние на образование диференциальной ренты. Наряду с качеством почвы и расстоянием данного участка земли от рынка большое значение имеет с точки зрения образования диференциальной ренты расстояние данного участка от источников воды, возможность регулярного получения воды, качество воды, богатство воды в питательных веществах, ее химический состав. Искусственное орошение далее предполагает особо тщательную нивелировку земли, а в гористых и холмистых областях даже террасизацию земли. Нивелировку и террасизацию также следует отнести к категории земли-капитала, т. е. основного капитала. В виду того, что основные земледельческие области расположены в долинах рек, ручейков, озер; в виду того, что по природным и географическим условиям уровень воды в китайских реках чрезвычайно быстро и резко меняется, с точки зрения сельского хозяйства огромное значение приобретает урегулирование рек, борьба с наводнениями. В урегулировании рек, в борьбе с наводнениями заключалась одна из важнейших общественно-полезных функций китайского государства. Создание сооружений для урегулирования рек, для предотвращения наводнений, постройка плотин, дамб предполагает сознательное государственное вмешательство. Без этого нельзя обеспечить непрерывность сельскохозяйственного производства, а тем самым и непрерывность эксплоатации со стороны господствующих классов, образующих государство.

Климатические и почвенные условия, с одной стороны, искусственное орошение, с другой, предопределяют то обстоятельство, что в этих частях Китая с одного участка земли можно снимать два (Центральный Китай), три (Гуаньдун)), а в некоторых местах и четыре урожая. Быстрое созревание риса и других культур является характерным для Южного и Центрального Китая. Это в основном относится к так называемым мокрым, т. е. орошаемым землям. Суходольные, т. е. неорошаемые, земли дают только один урожай. Это, конечно, имеет огромное значение для высоты ренты. Искусственное орошение повышает в два-три раза урожайность, а тем самым и ренту. В зависимости от того, дает ли данный участок один, два, три или четыре урожая, соответственно повышается и

рента. Высокая же рента укрепляет экономическую, а тем самым и политическую мощь класса помещиков.

Ввиду того, что искусственное орошение является важнейшим условием земледельческого производства, при данных общественных отношениях следует учесть, что земельные отношения переплетаются, усложняются водными правоотношениями. Оросительные системы и источники воды в одних местах представляют государственную собственность. В других местах они представляют собственность сельских общин. Во многих случаях источники воды и оросительные системы захвачены помещиками. Имеются случаи, когда отдельные капиталисты, акционерные общества, товарищества на паях с ограниченной ответственностью организуют орошение. В редких случаях городские силовые установки выступают как организаторы водоснабжения. Бывают случаи, когда монастыри владеют оросительной системой. За последнее время провинциальные правительства и международная комиссия помощи голодающим также приступили к созданию оросительных систем. В очень редких случаях оросительные системы принадлежат кооперативным организациям. В зависимости от того, кому именно принадлежит оросительная система, кому принадлежат источники водоснабжения, решается вопрос о том, кто собирает водную ренту, — государство ли в виде налога, помещик, капиталист, акционерное общество в виде ренты, или деревенская община в виде отработки или налога на содержание оросительной системы.

2) Северный Китай (Хобей, Хэнань, часть Шандуна, Анхуй, Шаньси, Шеньси) представляет особый район. Основной характерной чертой этого района является наличие лёссовой почвы и вытекающие из качеств лёсса особенности. Лёсс является не только чрезвычайно плодородной, но и самоудобряющейся почвой. Но прекрасные качества лёсса проявляются лишь в том случае, если достаточное количество дождевой влаги обеспечивает посредством капиллярности правильное общение между подпочвенными пластами и поверхностью почвы. Вопрос о том, обеспечивали ли в историческом прошлом климатические условия лёссовую почву необходимым количеством дождевой влаги, является спорным. Но абсолютно бесспорно, что не только в настоящее время, но и в течение последних десятилетий и столетий в Северном Китае выпадение дождей стало нерегулярным и недостаточным. В связи с этим возникла необходимость искусственного орошения и в этих областях, причем на Севере орошение из колодцев играет несравненно большую роль, чем на Юге.

Однако лёсс является не только самоудобряющейся почвой. Он в то же время чрезвычайно пористая почва, чрезвычайно легко размывается, засоряет русло рек своим илом. Это обстоятельство предопределяет, что в областях лёссовой почвы борьба с наводнениями приобретает особую важность и значение (Желтая река!). В областях лёсса создание и содержание сооружений против наводнения является особенно важной предпосылкой непрерывности и воспроизводства сельского хозяйства.

В то же время особенность лёссовой почвы предопределяет, что строительство и содержание дорог в областях лёсса чрезвычайно затруднительно.

Создание и содержание дамб и плотин, создание и содержание дорог в этих областях могут явиться лишь результатом весьма широкой кооперации.

Характерно для области лёссовой почвы, что там не рис, а просо, гречиха и гаолян являются основными земледельческими культурами и основными предметами питания.

Свойство лёсса самоудобряться предопределяет, что в этих областях удобрение при нормальных климатических условиях не играет настолько важную роль, как в Южном или Центральном Китае. Однако, ввиду изменения климата, удобрение становится все более важным фактором ведения сельского хозяйства.

На Севере Китая с одного участка снимают, как общее правило, в течение двух лет три урожая.

3) Манчжурия и Внутренняя Монголия представляют по своим климатическим и почвенным условиям особый район, который весьма похож на советский Дальний Восток. Орошение играет здесь роль лишь постольку, поскольку речь идет о разведении специальных культур (рис, тутовые деревья). Главная пищевая культура — гаолян и пшеница. Главная торговая культура — соевые бобы.

4) Китайский Туркестан является районом оазисно-поливного хозяйства. В этих областях оседлое оазисно-поливное хозяйство сочетается с кочевым скотоводческим хозяйством. Оросительные системы здесь играют огромную роль. Чтобы помешать засорению оросительных каналов, их проводят часто под землею.

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1) Важнейшей отличительной чертой китайского сельского хозяйства является в решающих областях страны необходимость сознательного регулирования водоснабжения. Мы уже

указали вкратце на социально-экономические последствия, вытекающие из этого обстоятельства, наложившего особый отпечаток на весь ход исторического развития и на общественный строй Китая.

2) В связи с относительно высокой урожайностью (вследствие искусственного орошения), с одной стороны, и в связи с двойными и тройными урожаями с одного участка в течение года, с другой, удобрение играет в китайском сельском хозяйстве особенно важную роль. Для целей удобрения используются всякие отбросы, человеческие экскременты, ил, пепел, солома, лёсс, скотский навоз, избойня и т. д. Минеральное удобрение играет пока ничтожную роль. Борьба против истощения почвы является важнейшей задачей крестьянской агрономии в Китае. Применение весьма искусного севооборота, применение азото-собирательных культур, грядковая культура служат также этой цели.

3) За исключением отдельных областей Китая (Монголия, мусульманские области Шаньси, Шеньси, Юнани, Китайского Туркестана) животноводство не является особой отраслью китайского сельского хозяйства. Лишь свиноводство и птицеводство играют сколько-нибудь серьезную, но все же в общем и целом подчиненную роль. Мясные продукты, молочные продукты не являются предметами питания широких народных масс. Кожа, шерсть не служат одеждой для народных масс. Молочного хозяйства, как правило, нет. Пастбища, выгоны водопои не играют сколько-нибудь серьезной роли. На севере лошадь, осел, мул, на юге корова, вол, буйвол являются преимущественно рабочим скотом. Даже в области транспорта роль скота относительно весьма скромна.

4) Несмотря на эмпирически в общем и целом правильно установленный севооборот, несмотря на в общем и целом правильное и целесообразное использование отбросов для унаваживания почвы, орудия производства китайского сельского хозяйства находятся на чрезвычайно низком уровне. Сельскохозяйственные орудия являются архипримитивными. Деревенская соха не заменена плугом. Только в Манчжурии главным образом для поднятия нови, применяется несколько десятков тракторов. Завоевания агрономической химии применяются в ничтожнейшей мере. Оросительные орудия старомодны. В то время, как в Египте, Индии, Индонезии, Японии, Корее и т. д. для создания оросительных систем, для рытья колодцев и резервуаров применяются современные гигантские машины — в Китае все еще применяются допотопные орудия. В то время, как в Индии, Египте и т. д. процесс искусственного

орошения совершается машинными насосами, паровыми двигателями, электроэнергией, моторами, в Китае в общем осталась старомодная техника, старомодные оросительные колеса, ведра и т. п., и лишь в трех-четырех местах применяется электричество, лишь несколько сот моторов внутреннего сгорания действуют у насосов в долине Ян Цзы-цзяна. В то же время ряд специфических земледельческих операций, как орошение, рассаживание риса, уборка риса, проведение грядковых культур, процесс унаваживания (удобряется не земля, а отдельные растения), требуют огромного количества ручного труда. В области транспорта также применяется огромнейшее количество человеческого труда (кули). Трудоинтенсивность является характерной чертой китайского сельского хозяйства.

ИСТОКИ АГРОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В настоящее время китайское сельское хозяйство переживает глубочайший кризис. Производительные силы сельского хозяйства не растут, а падают, происходит не расширенное воспроизводство, а производство на суживающемся базисе, происходит упадок сельского хозяйства. Это относится к собственно Китаю, но не относится к Манчжурии и Внутренней Монголии, где происходит процесс колонизации, расширение посевной площади, рост производительных сил, хотя в отдельных провинциях и там наблюдаются уже процессы упадка (Мукденская провинция, Чахар, Сюнань). Причины этого кризиса заключаются в следующем:

1) В связи с гражданской войной, развалом государственного аппарата, генеральскими войнами, развалом даже провинциальных правительств происходил и происходит все еще развал, упадок оросительных систем. Источники водоснабжения захватываются помещиками, чиновниками, ростовщиками, генералами и становятся средствами добавочной эксплоатации. Когда-то цветущие области земледельческого производства превращаются в болота. Орошаемые земли превращаются в суходольные или болотистые, или же совершенно выходят из оборота. Уменьшается посевная площадь и урожайность. В связи с разложением и разорением крестьянства сельская община или родовая община также во все меньшей степени выполняют роль организатора орошения. Старые оросительные системы разваливаются, а новые не создаются.

2) Расширение и углубление рыночных отношений все более обостряет неэквивалентный обмен между городом и деревней. Город выкачивает все более значительные массы

земледельческих продуктов из деревни без соответствующего эквивалента. В то же время все более расширяется и внешняя торговля, причем все более возрастает количество земледельческих продуктов, поступающих на внешний рынок. Хотя за последнее время увеличивается ввоз пищевых продуктов в Китай (рис, пшеничная мука, пшеница), именно в связи с кризисом сельского хозяйства весь внешнеторговый баланс Китая в смысле вывоза и ввоза земледельческих продуктов является глубоко пассивным. Китай продает плодородие своей почвы. Агрономические убытки китайской почвы все более возрастают. Борьба против истощения почвы становится все более трудной. Ввоз или производство минеральных удобрений не возмещают этих убытков. Во многих местах идет быстрый процесс истощения почвы. Когда-то плодородные области превращаются в пустыни. Рента, налог, ростовщичество, торговля подрывают урожайность и производительные силы сельского хозяйства.

3) Обезлесение страны достигло в Китае (за исключением Манчжурии, южной части Хунани, Фуцзяни и западной части Сычуани) небывалых нигде в мире размеров. Это обозначает собой, что пахотная земля снабжает население не только пищевыми продуктами, не только сырьем для одежды и обуви, но также и топливом. Обезлесение страны привело к изменению климата, к нерегулярности выпадения дождей. Обезлесение способствует частым засухам, с одной стороны, и вызываемым проливными дождями наводнениям, с другой. Обезлесение страны ускоряет вымывание и выветривание почвы и, в случае обильных дождей, вызывает наводнение. Недостаток или полное отсутствие леса затрудняет строительство, развитие домашней промышленности, производство сельскохозяйственных орудий. Облесение страны является одной из важнейших задач с точки зрения развития сельского хозяйства. А облесение предполагает вложение крупных капиталов, широкую кооперацию, охрану и сохранение лесных запасов, — словом, осуществление ряда задач, посильных лишь для центрального или провинциальных правительств. Отдельные хозяйства или даже отдельные общины не в силах разрешить проблему облесения. А теперешняя буржуазно-помещичья власть не ставит вопрос об облесении страны.

4) Отсутствие пастбищ, выгонов и водопоев привело к тому, что рабочий скот кормится в основном с пахотной земли. Дробление и измельчание хозяйств обусловливает чрезвычайно неэкономное использование скота. Ввиду того, что мясо не является массовой пищей и скот в качестве убой-

ного скота не используется, огромное количество уже непригодного скота делит жалкие кормовые запасы с здоровым скотом. Идет процесс вырождения скота. В областях кочевого скотоводства в связи с развитием меновых отношений быстро распространяются разные эпизоотии. Усиленная борьба против эпизоотии возможна лишь при условии сознательного вмешательства государства. Классовое государство помещиков и буржуазии эту общественно полезную функцию выполняет однако крайне слабо и крайне плохо.

5) Развитие меновых отношений и торгово-технических культур привели к широкому распространению эпидемий растений и разных вредителей. Успешная борьба против них предполагает также организованное выступление большого коллектива. Все более учащаются бедствия, вызванные саранчей, кроликами, сусликами. Болезни шелковичных червей подрывают шелководство. Даже там, где делались попытки к введению улучшенных семян, растения скоро вырождаются (хлопок, земляные орехи и т. д.). Завоевания агрономии в этой области привились в Китае до сих пор архислабо.

6) Решающие земледельческие области страны расположены в долине рек. Урегулирование рек, создание и содержание сооружений для борьбы с наводнениями пришли в упадок в связи с развалом государства. Учащаются наводнения, которые причиняют огромные убытки, разрушают оросительные системы, превращают огромные территории в болото.

7) Стихийные бедствия учащаются. Голодовки принимают все более массовый характер. Раньше государство, отдельные провинции и сельские общины создавали и содержали целую систему амбаров, в которых хранились запасы хлеба на случай недорода. Эта система выродилась в руках чиновников в систему искусственного регулирования цен на хлеб в интересах чиновников, в ростовщичество, в спекуляцию на голоде. Амбарная система пришла в упадок. Слабое развитие транспорта чрезвычайно затрудняет перевозку большого количества хлеба в пораженные недородом области. Голодовки уничтожают не только огромные количества человеческих жизней, огромное количество скота, но очень часто приводят к тому, что не остается даже семян для нового сева. Вследствие голодовок большие территории выходят из сельскохозяйственного оборота, большие посевные площади превращаются в пустопорожние земли.

Корень этих факторов агрономического кризиса следует искать конечно не в природных условиях, а в общественных отношениях Китая.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АГРАРНЫЙ СТРОЙ КИТАЯ

Мы не признаем никакой ценности или надежности за китайской официальной статистикой и поэтому даже не попытаемся привести анализ данных официальной статистики. Все данные, все наблюдения, весь опыт крестьянского движения, все уроки революции указывают на то, что основным, главнейшим, важнейшим вопросом в Китае является вопрос о земле.

В южных провинциях Китая около 60—70%, в Центральном Китае около 50—60% всей земли находится в руках помещиков. В Хэнани и Шеньси около 50%, в Шаньдуне около 30—40%, в Хобее около 10—30% всей земли является помещичьей собственностью. В Манчжурии и во Внутренней Монголии помещичья собственность составляет 50—70% всей земли в разных провинциях.

Мы не будем подробно останавливаться здесь на вопросе о том, является ли данное распределение земли остатками феодализма, и вообще на спорном вопросе об общественном строе исторического Китая. Нам кажется, что в решающих областях собственно Китая распределение земли между помещиками и крестьянством не является остатком феодализма, а скорее результатом воздействия торгово-ростовщического капитала на крестьянское землевладение. Помещик, как общее правило, по своему исторически-социальному происхождению не является выходцем из феодальной знати, как это имело и имеет место во многих странах Европы. Купец, ростовщик, чиновник, джентри забирал крестьянскую землю и становился помещиком. Это вовсе не исключает того, что в отдельные периоды китайской истории (например, к концу господства Сунской, Юаньской и Минской династии) в Китае происходил процесс феодализации. Это вовсе не значит, что в отдельных частях Китая даже в период Манчжурской династии не создавались чисто феодальные отношения (знаменные земли). Это вовсе не значит, что в отдельных частях Китая в настоящее

время не существует феодальных отношений или не происходит процесс феодализации, процесс образования феодальных отношений. Феодальные отношения существуют в монгольских областях Внутренней Монголии или там происходит процесс феодализации. Феодальные отношения преобладают у целого ряда племен, первоначальных жителей Китая. Но в решающих областях собственно Китая распределение земли является скорее экспроприацией крестьянского землевладения купцом, ростовщиком, джентри, чиновником, чем остатками феодальных отношений. Лишь в отдельных частях Китая можно констатировать остатки феодальных отношений в распределении земли. Закрепощение крестьянства к земле, наподобие европейских феодально-крепостнических отношений не играет сколько-нибудь серьезной роли и не является и не являлось ведущим началом аграрного строя.

Однако это вовсе не обозначает, что в аграрном строе Китая нет остатков и пережитков докапиталистических отношений. Наоборот, мы утверждаем, что в китайском аграрном строе имеются даже остатки и пережитки, свойственные общественным формациям, предшествовавшим в исторической последовательности феодализму. В то же время это вовсе не обозначает, что арендные отношения в Китае являются капиталистическими, что отношение между помещиком и арендатором-крестьянином является отношением между землевладельцем, получающим абсолютную и диференциальную ренту, и арендатором-предпринимателем, получающим прибыль, т. е. процент на свой капитал и предпринимательский доход, и платящим заработную плату наемным рабочим, которых он эксплоатирует. Наоборот! Мы считаем, что к арендным отношениям в Китае целиком и полностью применимо ленинское определение о полуфеодальной и в смысле экономическом полурабской испольщине. Лишь весьма тонкий, весьма узкий слой арендаторов выделился в качестве арендаторов-предпринимателей в ходе разложения крестьянства под влиянием развития капитализма.

Конкретный анализ форм и содержания земельной собственности и арендных отношений целиком и полностью подтверждает наши положения.

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Если рассмотреть все формы земельной собственности и землевладения, то можно установить, что в Китае существуют следующие формы земельной собственности:

Коронные земли, принадлежащие бывшей династии Манчжу. Они имеются еще в Манчжурии. Их удельный вес ничтожен.

Удельно-императорские земли, принадлежавшие императорскому двору. Они уже ликвидированы.

Знаменные земли, принадлежавшие манчжурским родам завоевателей. Отношения на этих землях между манчжурскими завоевателями и китайскими крестьянами — непосредственными производителями — были чисто феодальными. Манчжурские знаменные земли в собственно Китае уже ликвидированы. Знаменные земли имеют еще большое значение во Внутренней Монголии и монгольских областях. Здесь образовались или находятся в процессе образования феодальные отношения между монгольскими князьями и буддийскими монастырями, с одной стороны, и монголами-скотоводами, с другой.

Монастырские земли, принадлежащие буддийским или в редких случаях даоистским монастырям, которые через ряд арендаторов и субарендаторов или непосредственно сдают землю в аренду крестьянам.

Учрежденские и училищные земли, принадлежащие отдельным учреждениям или училищам. Отношения здесь те же, что и на монастырских землях.

Государственные земли, принадлежащие государству. К этой категории относятся пустопорожние земли, никем еще не возделываемые; камышевые земли, которые образовались в результате разлива рек или разрушения оросительных систем; наносные земли, которые образовались или образуются в результате нанесения ила реками.

Общинные земли, принадлежащие отдельным сельским общинам, где собирается топливо, трава и т. п. К этой же категории относятся:

Земли деревенских кумирен, принадлежащие деревенским храмам и кумирням, причем доходы со сдачи в аренду этих земель формально используются для содержания храма, кумирни или на покрытие расходов сельской общины, а фактически эти доходы захватываются джентри.

Родовые или клановые земли. Они играют весьма важную роль в южных провинциях Китая (Гуандунь, Гуаньси, Фуцзянь, Гуичжоу). Земли эти принадлежат отдельным родам. Они сдаются в аренду как членам рода, так и нечленам рода. Управление землями находится формально в руках родовых советов. Доходы с этих земель формально

должны были бы быть использованы для общих целей рода (содержание школ, содержание дорог, родовые праздники, вспомоществование членам рода, содержание храма рода, содержание оросительных систем и т. д.); фактически же доходы с родовых земель присваиваются джентри.

Общинные земли аборигенов. Среди аборигенов в некоторых местах сохранилась еще родовая собственность или же собственность соседских общин. Во многих случаях среди аборигенов существуют феодальные и в некоторых местах даже рабовладельческие отношения.

Военные поселения. За военную службу в пограничных областях и по важнейшим путям сообщения предоставлялись земли солдатам. Они сохранились лишь в отдельных частях Западного Китая.

Земли Храма Предков, принадлежащие отдельным семьям или родам и предназначенные для содержания храма предков.

Частновладельческие земли, принадлежащие помещикам или крестьянам.

Частновладельческие земли представляют подавляющую часть всей пригодной и обрабатываемой земли. Из остальных категорий земельной собственности только клановые земли (на Юге) и знаменные земли (во Внутренней Монголии) играют сколько-нибудь серьезную роль в сравнении с частновладельческими.

Однако следует иметь в виду, что даже частновладельческие земли не представляют собою частную земельную собственность в ее чисто буржуазном виде, — частная земельная собственность во многих частях Китая покрыта разными докапиталистическими остатками и пережитками. Мы имеем в виду, что:

1) совместное землевладение в ряде провинций Центрального Китая играет еще весьма важную роль. При совместном землевладении подпочва принадлежит помещику, а плодотворная поверхность земли принадлежит крестьянину — совладельцу. Помещик и крестьянин делят продукт в определенной пропорции. Эта пропорция меняется не только в разных местах, но даже в одной и той же деревне;

2) вечная аренда в ряде провинций Южного Китая имеет огромное значение. При вечной аренде помещик получает известную долю урожая, но зато он не имеет права согнать арендатора с земли. Арендатор имеет право переарендовать или продать свое право на аренду. К этим ограничениям частной земельной собственности следует отнести и то

обстоятельство, что во многих частях Китая все еще существует в области купли и продажи земли обычай

а) продажи земли с правом выкупа без определения срока выкупа;

б) продажи земли с правом выкупа в определенный срок.

Все эти докапиталистические формы земельной собственности и, тем более, всякие ограничения частной земельной собственности являются препятствием для развития капитализма, хотя капитал все эти формы собственности подчиняет себе. Но основное препятствие к свободному развитию капиталистических отношений заключается в распределении земли между помещиками и крестьянством, в тех арендных отношениях, которые создались в ходе исторического развития на помещичьей земле. Помещик в виде арендной платы выкачивает из подавляющего большинства крестьян-арендаторов не только ренту в собственном смысле слова, но и процент на капитал, предпринимательский доход и даже часть заработной платы.

АРЕНДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В Китае существуют все виды арендных отношений, все виды ренты.

Отработочная рента играет сравнительно небольшую роль. В отношениях между помещиком и испольщиком существуют еще остатки отработок. По праздникам, в случае постройки или ремонта дома или прочих работ, арендатор обязан отработать несколько дней во дворе помещика (3—6 дней в год). В Манчжурии и во Внутренней Монголии, где недостаток рабочих рук в областях новой колонизации во время полевых работ остро чувствуется, отработки имеют гораздо большее значение и достигают иногда 60—70 дней в год.

Рента продуктами является главным видом ренты в Китае, причем, как общее правило, она достигает 50—60% всего урожая. Она все чаще взимается со всех урожаев, а не только с главного. Кроме того арендатор обязан преподносить разные подарки из побочных продуктов своего хозяйства (гуси, фрукты, овощи, рыба, свиньи). Рента продуктами при условиях капитализма может прикрывать и капиталистические отношения. Поскольку оставшаяся у арендатора масса продуктов при наличии средней рыночной цены и при существовании средней нормы прибыли после уплаты ренты помещику продуктами и после уплаты заработной платы рабочим покрывает процент и предпринимательский доход, то рента продуктами по своему экономическому содержанию может прикры-

вать капиталистические отношения. В Соединенных штатах, во Франции рента продуктами во многих случаях является по своему содержанию капиталистической. В Китае удельный вес ренты продуктами с капиталистическим содержанием весьма невелик. В подавляющем большинстве случаев рента продуктами является кабальной рентой, выражает докапиталистические арендные отношения, прикрывает голодную аренду, обнаруживает все черты аренды из нужды. Если применить к Китаю понятие «years purchase» т. е. понятие о том, в течение скольких лет покрывает рента цену земли, то оказывается, что в Китае «years purchase» соответствует 5—12—16 лет в то время, как в Англии «years purchase» выражается в 20—25 лет. Рента продуктами вообще, и испольщина в частности, обнаруживают в Китае бесконечные вариации в зависимости от наличия «совместного землевладения», вечной аренды, качества и расположения участка, от условий орошения, соотношения классовых сил и т. д. и т. п. За последнее время начинает распространяться так называемая «твердая рента» продуктами. При твердой ренте арендная плата вносится определенным количеством продуктов, совершенно независимо от урожая. Эта система очень часто сочетается с задатком. Арендатор обязан при системе задатка внести известную сумму денег для обеспечения внесения твердой ренты.

Денежная рента как превращенная форма ренты продуктами. По мере развития товарно-денежных отношений начинает распространяться и этот вид ренты вблизи городов, в областях специальных культур и, главным образом, тогда, когда цены показывают понижательную тенденцию. Денежная форма не определяет экономического характера и содержания ренты, как ренты капиталистической. Поскольку в денежной форме от арендатора помещик отбирает не только ренту, но и прибыль и, может быть, часть заработной платы, рента по своему содержанию остается докапиталистической. Этот вид ренты часто сочетается с системой задатков.

Издольное хозяйство. Помещик предоставляет арендатору часть основного или оборотного капитала (с.-х. орудия, скот, семена, удобрение и т. д.), и часть капитала имеет арендатор. Урожай делится в известной пропорции, причем учитывается, что кроме ренты помещик получает соответствующую долю прибыли на свой капитал. Этот вид арендных отношений является переходным к капиталистическим отношениям. Издольщина особенно распространена в Манчжурии.

Капиталистическая рента. Арендатор платит только ренту, а прибыль на капитал остается за ним. В этом

случае арендатор превращается в капиталистического предпринимателя. Удельный вес капиталистической аренды в Китае очень небольшой. Даже кулак чаще выступает в роли сдатчика земли в аренду, чем предпринимателя, приарендующего землю. Такой вид ренты обыкновенно предполагает и эксплоатацию наемного труда, причем сам арендатор-предприниматель может участвовать в процессе производства.

Эти виды арендных отношений существуют в Китае в бесконечных вариациях, с бесконечными модификациями, в различнейших сочетаниях.

Издольное батрачество представляет собою одну из таких частных форм арендных отношений. Артель батраков снимает землю «в аренду», помещик предоставляет им весь основной и оборотный капитал и на содержание батраков предоставляет известное количество продуктов в виде аванса. После урожая артель батраков получает за вычетом аванса известную долю урожая в качестве заработной платы. Эта категория однако скорее относится к категории наемного труда, чем к аренде.

Главной, преобладающей формой арендных отношений следует считать испольщину.

Отношения между помещиками и арендаторами осложняются еще целым рядом докапиталистических пережитков:

Снижение арендной платы в случае недорода является еще пережитком докапиталистической «патриархальщины».

Внеэкономическое принуждение также играет известную роль. Существует тюрьма для неисправных арендаторов в ряде провинций (Гуаньдун, Цзянсу). Помещики имеют своих минтуаней (деревенская жандармерия), которые избивают, подвергают пыткам арендатора, если он не платит арендной платы. Помещик же забирает детей или жену арендатора в случае неисправного платежа.

Долговое рабство арендатора также имеет место в ряде провинций (Гуандун, Шаньдун, в областях аборигенов и т. д.). Непосредственный производитель точно так же, как земля и орудия производства, является частной собственностью помещика, и помещик предоставляет ему минимальную долю из урожая, необходимую для голодного существования. Эта категория походит на арендные отношения лишь постольку, поскольку долговой раб ведет хозяйство, но не проживает во дворе помещика. В Западном Сычуане рабы содержатся в отдельных местах, как в древнегреческих и римских эргастуллумах.

Право бедных на собирание колосьев в отдельных частях страны также является докапиталистическим пережитком.

НАЕМНЫЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Отсталость орудий производства, особенности китайского сельского хозяйства, отдельные специфические земледельческие операции (орошение, удобрение отдельных растений, рассаживание риса, сбор чая, хлопка, тутовых листьев и т. д.) наряду с возникновением кулацких хозяйств и разложением крестьянства предполагает, что в китайском сельском хозяйстве применяется относительно много наемного труда. Сельскохозяйственные рабочие разделяются на три категории.

Постоянные батраки, которые обыкновенно нанимаются на год, живут на хозяйских харчах, получают большую часть заработка натурой и лишь небольшую часть в денежной форме. Среди постоянных батраков имеется изрядное количество долговых рабов (в Индии свыше 6 миллионов!), которых по сути дела нельзя отнести к категории рабочих.

Сезонные батраки, которые нанимаются на 1—2—3—4 месяца.

Поденщики. На поденной работе эксплоатируется огромное количество женского и детского труда.

В виду трудоинтенсивности сельского хозяйства нередко бывает, что не только середняк, но даже бедняк применяет наемный труд для проведения отдельных операций, причем тот же бедняк, а, может быть, и середняк сам нанимается в качестве рабочего. Применение наемного труда в китайских условиях не всегда является безусловным признаком того, что речь идет о кулацком хозяйстве. Бедняцкие, а отчасти и середняцкие слои деревни зарабатывают часть своего дохода в виде заработной платы. Как особую категорию следует рассматривать кули, которые заняты, главным образом, транспортом, но выступают также в качестве чернорабочих.

НАЛОГОВАЯ ЭКСПЛОАТАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Там где еще сохранилась крестьянская собственность, на место помещичьей эксплоатации выступает эксплоатация крестьянства путем выжимания налога. Китай принадлежал к числу тех восточных деспотий, где государство считалось верховным собственником ренты, где налог и рента совпадали или где не существовало никакого налога, который отличался бы от этой

формы земельной ренты. Как бы эти отношения ни разложились в Китае, как бы ни укрепилась частная собственность на землю, в отношении к крестьянскому землевладению земельный налог в значительной мере совпадает с рентой, земельный налог экономически имеет то же содержание, что и рента, ибо помещичье-буржуазное государство выступает, как верховный собственник земли, собирающий ренту. Разложение и развал государства, гражданская война, милитаризм еще обострили этот вопрос за последнее время точно так же, как система отдачи налога на откуп обострила его в прошлом и в настоящем.

В Индии в тех областях, где английские завоеватели в свое время создали каррикатуру крестьянской собственности (система райотвари в Бомбейском президентстве, Пенжабе, в некоторых частях Мадраса), также сохранились эти пережитки отношений, при которых государство выступает верховным собственником земли. Земельный налог во многих провинциях Китая собирается несколько раз в год и по своему экономическому значению часто превышает даже ренту.

Наряду с земельным налогом крестьянство эксплоатируется также путем принудительного труда. В прошлом принудительный труд крестьянства применялся главным образом для создания плотин и дамб и для их содержания, для создания оросительных систем, для проведения общественных работ (Большой Канал, Китайская стена, дороги). В настоящее время принудительный труд применяется преимущественно для обслуживания армий генералов. Крестьяне забираются в армию, чтобы перетаскивать грузы, обозы, вооружение, аммуницию.

Монополии (на соль, на опиум), принудительная культура опия также относятся к разряду эксплоатации крестьянства помещичье-буржуазным государством. Бесконечное множество поборов, акцизов, лицзинов и т. д. и т. п. также падает в конечном итоге на крестьянство. При этом разведение опиума, даже принудительная культура опиума и монополия на опиум пока лишь на словах отменены Нанкином.

Натуральные поборы для содержания генеральских войск, реквизиция скота для армии также играет большую роль, в особенности в тех провинциях, где происходят военные действия.

Несомненно, что помещичья эксплоатация крестьянства и выкачивание из него ренты-налога государством представляют собой докапиталистические способы эксплоатации.

РОСТОВЩИЧЕСКАЯ ЭКСПЛОАТАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Огромнейшую роль в жизни китайской деревни играет ростовщический капитал, который почти всегда сочетается

в той или иной форме с торговым капиталом. Торгово-ростовщический капитал разоряет крестьянина, мелкого ремесленника, а часто и помещика. С другой стороны, помещик часто выступает одновременно в роли ростовщика, как купец и ростовщик выступают часто в роли помещика или со временем становятся помещиками.

Ростовщический процент меняется по местам и временам от 24 до 200 — 300 процентов. Ростовщичество отягощается часто натуральными формами ростовщических займов. В областях торгово-технических культур оно имеет особое значение. Здесь ростовщичество часто переплетается и сочетается с своеобразной ростовщической контрактацией. Ростовщик предоставляет займы крестьянам при условии разведения специальных культур и продажи продукта по заранее обусловленным низким ценам ростовщику. Именно ростовщичество, охватывающее бедняцкие, а весьма часто и середняцкие хозяйства, препятствует выходу крестьянина на городской рынок. Высокие налоги, падеж скота, стихийные бедствия, семейные события, праздники, недороды, реквизиции, — все обстоятельства, мешающие нормальному воспроизводству хозяйства, толкают крестьянство в руки ростовщика. В то время, как в городах индивидуальный ростовщик действует наряду с туземными банками и ломбардами, в деревне индивидуальному ростовщику принадлежит первенство.

Иностранный капитал функционирует в деревне часто как торгово-ростовщический капитал. Чаеторговля, торговля шелком, хлопком и отчасти табаком осуществляется именно этим способом. Иностранный банк авансирует иностранного купца, иностранный купец — китайского городского купца, городской купец через ряд посредников деревенского купца, а деревенский купец заключает ростовщическую контрактацию с крестьянами-производителями. Ростовщичество является могущественнейшим рычагом концентрации земли в руках денежных капиталистов. Наряду с помещиком, купцом, чиновником кулак также выступает в роли ростовщика.

ТОРГОВАЯ ЭКСПЛОАТАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Китайское крестьянское хозяйство уже не является натуральным хозяйством. Китайский крестьянин стал в значительной мере товаропроизводителем, его хозяйство стало в значительной мере товарно-денежным. По известным нам данным выборочных обследований товарность крестьянского хозяйства нигде не опускается ниже 40%. Не меньше 40% своей

продукции крестьянин продает на рынок и не меньше 40% своих потребностей он удовлетворяет при помощи рынка. Несмотря на слабое развитие транспорта в Китае, наблюдается специализация отдельных районов на отдельных культурах, районирование страны по отдельным культурам, разделение земледельческого труда внутри страны. Имеются районы хлопководства, культуры чая, табаководства, разведения тутовых деревьев, районы земляных орехов и разных масличных семян и т. д. Манчжурия специализируется на соевых бобах. Это, конечно, в значительной мере способствует развитию товарно-денежных отношений, несмотря на то, что во многих местах двойной и тройной урожаи делают возможным разведение пищевых культур и торговых культур на одном и том же участке. Все же в областях специальных культур товарность крестьянского хозяйства достигает 60 — 70%. Разумеется бедняцкие и кулацкие хозяйства являются более товарными, чем середняцкие.

Однако, развитие товарно-денежных отношений происходит в условиях китайского аграрного строя, отягощенного докапиталистическими пережитками, в условиях сильного развития ростовщического капитала, слабого развития транспорта, слабых связей между отдельными местными рынками и господства империализма в Китае. Это обозначает, что цены на деревенском рынке чрезвычайно резко меняются, повышаются и снижаются по отдельным годам в зависимости от урожая. Это обозначает, что цены на деревенском рынке чрезвычайно резко меняются по отдельным сезонам года (резкое повышение цен перед урожаем, резкое снижение после урожая и т. д.). Из этих же обстоятельств вытекает, что раствор между деревенскими и городскими ценами чрезвычайно велик. Из этого же вытекает, что расходы на транспорт, налоги, акцизы, лицзины и всякие другие поборы составляют непропорционально большую часть цены на сельскохозяйственные продукты. В то же время расходы на транспорт, налоги и т. д. чрезвычайно увеличивают цены на промышленные изделия, доставляемые из города в деревню. При этом следует еще учесть, что значительную часть сельскохозяйственных продуктов деревня отдает городу в виде ренты, налога, ростовщического процента почти без всякого эквивалента. Кроме того, городской торговый капитал выступает организованно в лице торговых гильдий, устанавливающих цены по отношению к разрозненным крестьянским хозяйствам. Все эти обстоятельства отягощаются еще с точки зрения крестьянства ростовщичеством.

Все эти обстоятельства объясняют чрезвычайно большую высоту торговой прибыли, тяжесть эксплоатации крестьянства в форме торговой прибыли.

Рента, налог, ростовщический процент, торговая прибыль, — вот основные формы эксплоатации крестьянского хозяйства. Разумеется эти способы эксплоатации обрушиваются на разные слои крестьянства по разному. Кулак, поскольку он приарендует землю, платит ренту. При продажности государственного аппарата налог является обратно-прогрессивным. Кулак платит относительно меньше, чем бедняк. Ростовщичество бьет по бедняку. Кулак же сам выступает ростовщиком. Кулак имеет возможность задержать свои продукты и выждать повышения цен. Бедняк вынужден продавать свои продукты при низких ценах непосредственно после урожая, а прикупать хлеб перед урожаем при высоких ценах.

Кроме того высота ренты также обратно-пропорциональна экономической мощи арендатора. Мы знаем о фактах, когда кулак за единицу пахотной земли платил в три раза меньшую арендную плату, чем бедняк. Кулак платит коммерческую ренту, а бедняк кабальную.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Эксплоатация крестьянского хозяйства торговым и ростовщическим капиталом существует при любой досоциалистической формации, при любом досоциалистическом способе производства. При азиатском способе производства, при восточном обществе государство присваивает большую долю прибавочного продукта. При феодальном обществе помещик присваивает ренту. Но китайское крестьянство уже подвергается также капиталистической эксплоатации. Бедняцкие и отчасти середняцкие слои крестьянства наряду с батраком и кули эксплоатируются в качестве наемных рабочих, сезонных и поденных батраков. Заработная плата играет очень большую роль в доходах бедняцких слоев деревни.

Новым капиталистическим способом эксплоатации следует считать эксплоатацию крестьянства в области современной капиталистической домашней промышленности. Старомодная крестьянская домашняя промышленность, обслуживающая собственное потребление крестьянского хозяйства, все больше подрывается, уничтожается, и ее место занимает капиталистическая домашняя промышленность. Правда, в Китае ряд отраслей домашней промышленности испокон веков производил на рынок, как, например, шелководство. Прядение

и ткачество хлопчатобумажной пряжи и ткани также производились в крестьянском хозяйстве, и излишки шли на рынок. Развитие товарно-денежных отношений способствовало превращению крестьянской домашней промышленности в современную капиталистическую и развитию ряда новых отраслей домашней промышленности. Прядение и ткачество стали в значительной мере капиталистической домашней промышленностью. Выделка цыновок и плетений, выделка соломенных шляп и вышивок, трикотажная, кружевная промышленность, изготовление вееров, игрушек, волосяных сеток, изготовление хлопушек и т. д. и т. п. являются важнейшими отраслями современной домашней промышленности. При этом существуют все формы подчинения домашней промышленности торговому капиталу, как-то домашняя работа на рынок, продажа изделий домашней промышленности комиссионным агентам, работа на заказ, предоставление купцом сырья крестьянину, прокат машин и орудий производства, сдельная работа на заказ и т. д. и т. п. Развитие фабрик и мануфактур, ввоз иностранных товаров отчасти подрывают, отчасти вызывают к жизни различные отрасли домашней промышленности. Ввоз фабричной пряжи и ее производство разрушили старомодное домашнее прядение, но дали толчок к развитию домашнего ткачества. Развитие ткацкой промышленности и ввоз тканей подорвали домашнее ткачество. Рост внешней торговли дал толчок к развитию изготовления вееров, соломенных шляп и т. д., но иностранная конкуренция подорвала эти производства. Иностранный спрос развивал изготовление волосяных сеток, а изменение моды подорвало его.

Доходы домашней промышленности играют значительную роль в хозяйстве бедняцких и кулацких слоев деревни.

ПЕРЕХОДНЫЕ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ЭКСПЛОАТАЦИИ

Довольно большое значение имеет с точки зрения социально-экономических отношений эксплоатация бедняцких слоев деревни путем сдачи скота и сельскохозяйственных орудий в наем. Бедняцкие слои деревни, как общее правило, не располагают рабочим скотом, а нанимают его у помещиков и кулаков. В отдельных местах помещики держат целые стада рабочего скота для сдачи их в наем беднякам. Ввиду измельчания и дробления хозяйств, ввиду почти полного отсутствия выгонов и пастбищ рациональное использование скота для бедняка невозможно. Содержание скота также чрезвычайно

дорого. Поэтому бедняк прибегает скорее к найму скота, не говоря уже о том, что он не в состоянии приобрести скот для своего хозяйства. То же самое относится к сельскохозяйственным орудиям, а в особенности к дорого стоящим. Оросительные колеса, плуги, молотилки, рисоочистительные и маслобойные приспособления и вообще орудия производства сосредоточиваются в руках помещиков и кулаков. Бедняк вынужден нанимать их у кулака или помещика. Нередко бывает, что бедняк орошает свою землю из колодца кулака. Кабальные условия найма приближают эти отношения скорее к ростовщичеству, чем к капиталистическим отношениям. Очень часто бывает, что бедняк платит за наем скота, орудия или за воду отработками в хозяйстве кулака.

ИМПЕРИАЛИЗМ И КИТАЙСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Империализм возглавляет аппарат и способы эксплоатации в Китае, развивает, углубляет и расширяет помещичью, налоговую, ростовщическую и капиталистическую эксплоатацию крестьянства, чтобы таким образом выкачивать из китайского сельского хозяйства нужные ему товарные массы. В то же время империализм все же произвел глубочайшие изменения в китайском сельском хозяйстве, развивая и углубляя товарно-денежные отношения, расширяя внутренний рынок.

Иностранный или китайский капитал не создали в Китае в сколько-нибудь заметной мере плантационных хозяйств, как это имело место в ряде других колониальных и полуколониальных стран. Лишь на острове Хайнань имеются каучуковые плантации. Крупные хозяйства плантационного типа (виноградники, разведение льна) можно перечислять по пальцам.

До сих пор проникновению иностранного капитала в землевладение были поставлены определенные препятствия, и если не считать скупку земли миссионерами, японскими колонистами в полосе отчуждения КВЖД, японским Восточным колонизационным обществом в отдельных частях Манчжурии, то в этом отношении иностранный капитал никакой роли не играет. Английский рисоочистительный завод в Манчжурии, отдельные табачные фабрики и перегонные заводы имеют землю и сдают эту землю в аренду крестьянам, при условии разведения и продажи соответствующего сырья для данных заводов. Но речь идет об единичных случаях, а не о сколько-нибудь существенном экономическом явлении.

Непосредственное влияние иностранного капитала на сельское хозяйство выражается в следующем:

1) Проникновение иностранного капитала привело к распространению культуры мака (опиум!).

2) Иностранный капитал дал могущественный толчок развитию шелководства. Впоследствии иностранная конкуренция вызвала острейший кризис китайского шелководства.

3) Иностранный капитал способствовал развитию культуры чая в Китае, но развитие крупных чаевых плантаций на Цейлоне и Яве, в Японии и в Индии вызвало упадок и острейший кризис культуры чая.

4) Ввоз иностранных продуктов разрушил или привел к упадку ряд культур, как, например, индиго и прочих красильных растений, сахарного тростника, в некоторой мере и льна, кендыри, китайской травы и т. д.

5) Рост внешней торговли и вывоза сельскохозяйственных продуктов привели к быстрому распространению целого ряда культур, и в особенности масличных семян. Соевые бобы в Манчжурии, кунжут в Хэнани, земляные орехи в Шаньдуне, хлопок и в некоторой мере рис в Манчжурии являются тому типичными примерами.

6) Развитие иностранной (точно так же, как и китайской) промышленности способствовало развитию внутреннего рынка. В том же отношении огромное значение имело строительство железных дорог, развитие судоходства, что в значительной мере обусловливалось проникновением иностранного капитала. Это же обстоятельство способствовало районированию и специализации земледельческого производства, что в свою очередь влияло на расширение внутреннего рынка. Железнодорожное строительство являлось могущественным фактором для колонизации.

7) Одним из важнейших последствий проникновения иностранного капитала явилось отделение крестьянской домашней промышленности от сельского хозяйства, подрыв или разрушение крестьянского прядения и ткачества, превращение отдельных отраслей крестьянской домашней промышленности в капиталистическую, создание новых отраслей домашней промышленности.

8) Посредством войн, навязанных Китаю, военных контрибуций, международных займов, захватов таможен, монополий (соль), акциза (вино, табак в известной мере) иностранный капитал способствовал увеличению налогового обложения, превращению натуральных поборов в денежный налог.

9) В смысле ввоза сельскохозяйственных и оросительных

орудий, минерального удобрения, применения улучшенных семян и прочих агрономических улучшений, более современных способов шелководства влияние иностранного капитала следует признать ничтожным.

10) Иностранные фабрики (точно так же, как и китайские) поглощают известное количество рабочей силы. Эмиграция в колонии империализма на постоянную и временную работу также имело и имеет влияние на жизнь деревни в отдельных провинциях.

11) Влияние империализма привело к дезорганизации финансово-валютной системы Китая, к обесценению серебра, распространению бумажных денег без всякого обеспечения, к постоянно воспроизводящим себя процессам инфляции.

12) Обмен между китайским сельским хозяйством с низким органическим составом капитала и империалистическими странами с высоким органическим составом капитала является неэквивалентным обменом и приводит к огромнейшим экономическим и агрономическим убыткам китайского сельского хозяйства.

13) Империализм разжигает генеральские и гражданские войны и тем самым ответственен за разрушение и убытки, вызванные войной.

14)Империализм состоит в политическом блоке с классовыми врагами крестьянства против революционного движения. Империализм поддерживает помещиков, ростовщиков, купцов, чиновников, джентри, компрадоров против крестьянства.

Разумеется, мы перечислили здесь только наиболее заметные проявления империалистического влияния на китайское сельское хозяйство. Само собой разумеется, что влияние империализма на банки, промышленность, городские и деревенские ремесла и вообще на городскую экономику непосредственно отражается и на деревне, на сельском хозяйстве.

Несомненно, что империализм отчасти вызвал, отчасти ускорил развитие капитализма в китайском сельском хозяйстве, но в то же время империализм способствовал созданию тех факторов, которые мешают развитию капитализма.

КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ ДЕРЕВНИ

Основным решающим классовым противоречием в китайской деревне является противоречие между помещиками и крестьянством.

В Китае относительно мало крупных латифундий. Преобладает среднее и мелкое помещичье землевладение. Земле-

владение теснейшим образом связано с торговым и ростовщическим капиталом. Мы здесь совершенно оставляем в стороне вопрос о возникновении и развитии земельной собственности в Китае, о ее исторических корнях. Этот вопрос был поставлен Марксом, как особая проблема[1]. В настоящее время помещик, купец, ростовщик очень часто совмещаются в одном лице, рента превращается в торгово-ростовщический капитал; торговая прибыль и ростовщический процент вкладываются в землю и становятся источником ренты. Не только крупная буржуазия, но и средняя и некоторые слои мелкой буржуазии связаны с землевладением. Именно это обстоятельство придает борьбе за землю чрезвычайную остроту. Именно это обстоятельство предопределяет, что крестьянскую борьбу за землю может возглавлять изо всех городских классов только пролетариат.

Несомненно, что огромную долю прибавочного продукта, выжатого из крестьянства, получает класс помещиков. Но точно также несомненно, что история знает страны, где государство получило большую долю прибавочного продукта[2], и что Китай принадлежит к категории тех стран, в которых сохранились остатки и пережитки этих отношений. Мы не говорим о том, что в областях клановой собственности рента присваивается джентри, большими людьми рода. Но и в областях крестьянской собственности генералы, откупщики, чиновники, джентри и тухао присваивают ренту в виде налога. Таким образом в Китае категория получателей ренты не исчерпывается классом помещиков, к этой категории следует отнести также джентри и тухао. Не случайно, что основной лозунг крестьянского движения в Китае: «Долой помещиков, джентри и тухао»! Не случайно, что китайское крестьянское движение выдвигает лозунг «тройного отрицания» — отказ уплатить арендную плату, налог и ростовщический процент. И вовсе не случайно, что даже в 1929 г. в резолюции «реорганизационалистов» т. е. «левых гоминдановцев» по аграрному вопросу подчеркивается, что мелкие помещики «принадлежат к самым разнообразным классовым прослойкам; так, например, большинство деревенских купцов и промышленников, городских мелких купцов, ремесленников, интеллигенции и людей свободной профессии имеют в деревне землю, т. е. сами являются мелкими помещиками». Вовсе не случайно, что даже

[1] Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, изд. «Прибой», Л. 1924 с. 136.

[2] Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. IV, с. 377.

наиболее «левое» крыло Гоминдана высказывается только за конфискацию крупных помещиков (их же и абсолютно и относительно мало!) и против конфискации мелких помещиков, за «ограниченную конфискацию», а лозунг о снижении арендной платы снимает.

Докапиталистические остатки в земельных отношениях, грабительские налоги, ростовщичество, отчасти и стихийные бедствия, реквизиции, бандитизм задерживают классовое расслоение деревни. Все же китайское крестьянство в общем и целом уже диференцировалось на кулаков, средних, бедных и карликовых крестьян. С какой бы точки зрения мы ни подходили к социальным группам крестьянства — посевная площадь, мертвый и живой инвентарь, применение наемного труда, размер продукции, доход — эти группы обнаруживаются. Какую бы мы ни взяли формальную категорию крестьянства — крестьян-собственников, полуарендаторов-полусобственников, арендаторов — мы можем обнаружить во всех этих формальных категориях четыре основные социальные группы крестьянства. При этом следует иметь в виду, что низшие социальные слои — бедняцкое и карликовое крестьянство — составляют огромное, подавляющее большинство всего крестьянства. Кулак составляет весьма тонкий слой крестьянства и развивается там, где экономические и политические условия благоприятствуют развитию рыночных отношений. Следует отметить, как чрезвычайно важное обстоятельство, что китайский кулак скорее сдает землю, скот, инвентарь в аренду, чем приарендует землю, что китайский кулак скорее занимается ростовщичеством, чем эксплоатацией наемного труда, что китайский кулак скорее занимается кабальной эксплоатацией, чем ведением капиталистического хозяйства. Классовая борьба идет не только между классом помещиков и крестьянством, но внурти самого крестьянства. Борьба идет не только за помещичью землю, но и за то, кто должен получить эту землю.

Значительная часть карликовых и бедняцких слоев крестьянства живет ниже китайского прожиточного минимума. Несмотря на то, что значительную часть их доходов составляет заработная плата или доходы от домашней промышленности или отхожих промыслов (собирание отбросов и топлива, перевозка грузов, работа на маслобойных, сахарных, кирпичных мануфактурах, в некоторых местах рыболовство, в других солеварение и т. д.), экономически и социально положение этих слоев крестьянства приближается скорее к категории пауперов, чем к положению полупролетарских слоев европейской деревни.

Наряду с этими социальными группами в китайской деревне существует абсолютно и относительно довольно значительная социальная группа, которая не имеет ни собственной, ни арендованной земли. Лишь относительно небольшой слой этой группы можно отнести к категории батраков, занятых наемным трудом в сельском хозяйстве. Нам кажется, что в социальной группе деревенского пролетариата удельный вес кули больше, чем удельный вес батраков. Однако кроме кули и батраков существует еще довольно значительная группа пауперов, которые имеют лишь случайные заработки, поденную работу. В Индии этот слой по своей численности превышает 22 млн. Мы не знаем, сколько пауперов проживают в китайской деревне, но их число вряд ли меньше, чем в Индии. Ввиду слабого развития промышленности и капиталистических крупных хозяйств в деревне, для этих пауперов нет другой возможности к существованию, как эмиграция в колониальные области, бандитизм, уход в наемные армии генералов. Торможение промышленного развития страны империализмом, с одной стороны, и аграрный строй Китая, а также его общественные отношения в целом, с другой, привели к тому, что, несмотря на рост отдельных крупных городов (Шанхай, Гонконг, Дайрен, Мукден и т. д.), в Китае так же, как и в Индии, вряд ли можно говорить об обезлюдении деревни и об относительном росте городов. Вероятно, в Китае так же происходит процесс относительного роста деревенского населения за счет мелких и средних городов, как это имеет место в Индии, происходит обострение относительной перенаселенности деревни, уход городских ремесленников в деревню, превращение деревенских ремесленников в крестьян, словом рост «давления на землю». Отчасти это объясняет чрезвычайно высокие цены на землю, чрезвычайную высоту ренты, процесс измельчания и дробления хозяйств у низших слоев, крестьянства, вырождение и ухудшение условий ведения хозяйства и ту ужасающую нужду и нищету, под гнетом которых задыхается деревня, тот глубочайший кризис, который вызвал китайскую революцию.

Разрешение этого кризиса возможно лишь путем свержения империализма и коренной решительной ломки существующего аграрного строя. Движущими силами революции против империализма, борьбы за землю являются рабочий класс и основные массы крестьянства в союзе с городской беднотой. Возглавлять эту борьбу может только рабочий класс, гегемон буржуазно-демократической революции в Китае.

Аграрный кризис в Китае

В 1927 г. в Китае голодало 9 млн. в 1928 г. 37 млн., а в 1929 г. 57 млн. людей. В этих голодовках обнаруживался глубочайший хронический кризис Китайского сельского хозяйства обусловленный упадком производительных сил, вызванный общественными отношениями страны. Здесь мы имеем кризис недопроизводства основных предметов питания. Огромный рост ввоза пищевых продуктов за последние годы указывает на глубину кризиса недопроизводства. Мы подобный же кризис недопроизводства наблюдаем в Индии, в Индонезии, в Персии, Турции, Тунисе, в Бельгийском и Французском Конго и в ряде других колониальных стран. Мы подобный же кризис недопроизводства основных предметов питания наблюдаем в большинстве европейских стран при переходе от феодализма к капиталистическому способу производства. А подобные голодовки наравне с разрушением производительных сил, с вымиранием миллионов людей чрезвычайно ускоряет разорение и разложение крестьянства, пауперизацию огромных крестьянских масс и в то же время выделение тонкого слоя кулачества. Учащение голодовок в условиях товарно-денежного хозяйства обостряет эти процессы в Китае в небывалом масштабе.

На ряду с кризисом недопроизводства основных средств питания в 1929 г. в Китае в связи с мировым аграрным кризисом разразился острейший кризис перепроизводства важнейших технических и торговых культур. Этот кризис перепроизводства вызвал резкое снижение цен на важнейшие предметы китайского вывоза: на соевые бобы, шелк, чай, земляные орехи, кунжут и прочие масляничные семена и т. д. При этом следует иметь в виду, что кризис перепроизводства и тем самым и резкое снижение цен, обусловливались вовсе не быстрым ростом производства этих продуктов в самом Китае, а их перепроизводством в мировом масштабе. Перепроизводство чая в Индии, на Цейлоне, Яве, в Японии и вовсе не перепроизводство в Китае вызвали падение цен на китайский чай. Перепроизводство масляничных семян в Аргентине, Восточной Африке и отчасти в Индии вызвали резкое снижение цен и на соответствующие продукты в Китае. В Китае имел место недобор шелковых коконов, но несмотря на это рост производства в Японии, Италии, Франции, Персии и т. д., оказали влияние на цены на китайский шелк. Итак аграрный кризис в 1929—30 гг. носит в Китае двойственный характер. Страна страдала от кризиса недопроизводства основных предметов

питания и от кризиса перепроизводства важнейших технических и торговых культур.

Именно это и объясняет всю остроту и глубину аграрного кризиса.

КЛАССЫ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Период революции и контрреволюции с полнейшей ясностью выявил отношение разных классов к аграрному вопросу и к его разрешению.

Пришедший к власти Гоминдан не предпринимал ни одной сколько-нибудь серьезной меры для разрешения аграрного вопроса. Даже жалкие лозунги о снижении арендной платы на 20—25%, об обуздании ростовщичества были сняты. Даже аграрная программа сунятсенизма была похоронена. Попытки к снижению арендной платы в Чжэцзяне на 25% и к снижению ростовщического процента в Цзянсу были отменены по требованию помещиков и купцов. Комиссия во главе с Ху Хан Мином начала разрабатывать проект аграрной реформы на основе ухудшенного издания аграрной программы Сун Ят-сена, но даже этот жалкий проект был отвергнут. Даже проведение нового кадастра, упорядочение поземельного обложения, создание сельскохозяйственной кредитной кооперации, введение ряда агрономических улучшений не осуществлялись. Если революция 1925—27 гг. с полнейшей ясностью и несомненностью доказала и показала, что Китайская буржуазия не способна возглавлять аграрную революцию, то период контрреволюции с полнейшей ясностью, не оставляющий никаких сомнений показал и доказал, что китайская буржуазия не способна проводить даже аграрную реформу, китайская буржуазно-помещичья контрреволюция не попыталась сравняться не только со столыпинщиной, но даже с каррикатурой столыпинщины.

«Левое» крыло Гоминдана — реорганизационалисты — как мы уже указали выше — также не выдвигали сколько-нибудь серьезной программы аграрных преобразований.

«Территориализация» буржуазии, ее связанность с землевладением, с торгово-ростовщической и налоговой эксплоатацией крестьянства предопределяют, что буржуазия не может вступить не только с программой аграрной революции, но даже и с программой аграрной реформы.

Опыты гигантского значения на территориях советских районов на деле, на практике показали, что только рабочий класс и основные массы крестьянства способны бороться за

аграрную революцию. Эти же опыты показали и доказали, что кулачество, поскольку оно сдает землю в аренду и занимается ростовщичеством, не идет с основными массами крестьянства в борьбе за революционную чистку земли от докапиталистических остатков. Эти же опыты показали всю вздорность тезиса Чен Ду Сю о том, что в Китае существуют лишь остатки остатков феодализма. Эти же опыты и самый ход революции разбили вдребезги концепцию Троцкого о том, что в Китае на очереди уже пролетарская революция, что главным классовым врагом крестьянства является кулак, что буржуазно демократический этап революции уже пройден.

Опыты советских районов выявили, что после победы крестьянства над помещиком немедленно же начинается борьба между разными социальными группами крестьянства за землю. Кулак выступает с лозунгом передела земли пропорционально средствам производства или же кулак стремится к сохранению прежних норм землепользования. А кули, батраки, и беднота борются за черный передел, за уравнительный передел.

Опыты же советских районов, как бы они недостаточны ни были, показали и доказали, что аграрная революция в данной обстановке таит уже в себе элементы к переводу сельского хозяйства на некапиталистический путь развития.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СУДЬБЫ ЦЕХОВОГО РЕМЕСЛА В КИТАЕ

Официальная статистика китайского министерства земледелия и торговли утверждает, что в 1913 г.[1] из 21 712 предприятий[2] только на 904 было занято более 100 рабочих в каждом; только 261 предприятие находилось в руках акционерных обществ с основным капиталом в 39,2 млн. долл. и только 247 предприятий применяли механические двигатели. Все остальные предприятия работали еще вручную.

Китайская промышленная статистика немногим лучше сельскохозяйственной. Она тоже совершенно ненадежна. Для характеристики этой статистики достаточно будет указать, что она серьезно утверждает, будто в горной промышленности занято 29 млн. рабочих. Это явная нелепость.

Крупная машинная промышленность Китая с 1913 года добилась значительных успехов. Число крупных предприятий во время войны и в первые годы после войны возросло. Возросло число предприятий, применяющих пар, электричество и моторы внутреннего сгорания как двигательную силу. Как раз годы мировой войны, и в особенности первые годы после нее, были периодом относительно быстрой индустриализации Китая. Но все же на V съезде Всекитайской федерации труда отчет исполкома утверждал, что в Китае в крупной машинной промышленности занято 3,5 млн., а в ремесле 17,5 млн. рабочих. По другим данным в ремесле занято не то 8,5, не то 5,3 млн. чел. Конечно, эти данные также неточны и взяты скорее наугад. Можно с уверенностью сказать, что количество промышлен-

---

[1] В Китае в 1913 г. было заводов и фабрик с общим числом рабочих

Раб.	Предпр.	Раб.	Предпр.
От 7 до 30	18 830	От 100 до 500	726
» 30 » 50	1 145	» 500 » 1 000	145
» 50 » 100	833	выше 1 000	33

[2] Remer, Readings in Economics for China, Shanghai, c. 141.

ных рабочих в Китае меньше, а количество ремесленных рабочих больше, чем в Индии. А в Индии во всех видах промышленной деятельности занято 17,5 млн. чел., из коих только 10% в организованной промышленности, т. е. в предприятиях с общим числом рабочих более десяти в каждом. В Индии в текстильной промышленности занято 5,8 млн. чел., а в крупной машинной текстильной промышленности только 318 тыс. рабочих. Имеются все основания полагать, что в Китае число ремесленных рабочих и абсолютно и в пропорции к числу промышленных рабочих больше, чем в Индии. Ведь в Индии и крупная машинная индустрия (текстильная, джутовая, угольная, нефтедобывающая, железорудная, железоделательная) более развита, чем в Китае, и привоз иностранных промышленных изделий и абсолютно и относительно больше, чем в Китае. Разумеется, соотношение между размерами продукции ремесла и крупной машинной индустрии не определяется числом рабочих. Прядильщица на текстильной фабрике в Шанхае производит в 200 — 300 раз больше, чем крестьянка на своей прялке дома. Этот вопрос решается органическим составом капитала. А органический состав капитала в ремесле, поскольку можно применять к нему эту категорию, чрезвычайно низок. (Разумеется, категория об органическом составе капитала лишь весьма условно применима к ремеслу). Это и определяет низкую производительность труда отдельного рабочего, низкую производительность общественного труда вообще и низкий уровень жизни трудящихся масс в странах, где промышленное производство выполняется преимущественно ремесленником. Органический состав капитала в ремесле еще более низок, чем в сельском хозяйстве, ибо в сельском хозяйстве стихийные силы природы действуют в том же направлении, что и человек. «В общем следует принять, — пишет об этом Маркс, — что при менее развитом докапиталистическом способе производства земледелие является более производительным, чем промышленность, потому что здесь в работе участвует природа, как машина и организм, тогда как в промышленности силы природы должны быть еще почти всецело замещаемы человеческой силой, как напр. в ремесленной промышленности и т. д.»[1].

Органическом составом капитала определяются в основном и экономические взаимоотношения отдельных стран и отдельных отраслей производства. Обмен между Англией, Японией, США или любой империалистической страной,

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, с. 186.

с одной стороны, и Китаем — с другой, — неэквивалентный обмен, ибо в английском, японском и т. д. товаре овеществлено меньше необходимого в среднем, т. е. общественно необходимого рабочего времени, чем в китайском товаре. Всякий обмен между сельским хозяйством и промышленностью является неэквивалентным обменом, пока органический состав капитала в сельском хозяйстве более низок, чем в промышленности. Так как органический состав капитала в ремесле более низок, чем даже в сельском хозяйстве, то очевидно, что всякий обмен между ремеслом и сельским хозяйством будет неэквивалентным, если ремесленник не применит особых мер внеэкономического порядка для выравнивания разницы в затратах общественно необходимого рабочего времени. Это становится особенно необходимым в Китае, где органический состав капитала в сельском хозяйстве повышается не только благодаря действию стихийных сил природы, но и благодаря присоединению к земле на длительный срок капитала в виде оросительных систем, дренажных сооружений, нивелировки и т. д. Очевидно, в этом последнем заключается одна из причин возникновения цехового строя и вообще особенностей докапиталистической организации промышленной деятельности. Очевидно, низкий органический состав «промышленного», т. е. ремесленного, капитала объясняет тот факт, что основная решающая масса прибавочного продукта при всех докапиталистических общественных формациях получается из сельского хозяйства.

«Капитал в этих городах, — читаем мы в работе Маркса и Энгельса о Л. Фейербахе, о городах эпохи феодализма, — был натуральным капиталом; он заключался в жилище, инструментах и натуральной, наследственной клиентуре и, вследствие недостаточно развитых сношений и недостаточного обращения, не мог быть реализован, передаваясь по наследству от отца к сыну» [1].

Промышленный капиталист буржуазного общества является собственником средств производства; ремесленник же, кроме средств производства, владеет еще наследственной клиентурой. Его связывали с другими ремесленниками «узы общей собственности на определенную работу; необходимость общих зданий для продажи товаров в эпоху, когда ремесленник является в то же время и купцом, и связанное с этим исключение из этих зданий непризванных; противоречия инте-

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, Гиз, М. 1924, с. 235 (издание Института К. Маркса и Ф. Энгельса).

ресов отдельных ремесл, необходимость охраны с трудом изученного ремесла и феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения рабочих каждой профессии в цехи... Нужда в городах в поденной работе породила чернь... Подмастерья и ученики были организованы в каждом ремесла так, как этого требовали интересы мастеров. Патриархальные отношения между ними и мастером сообщали последнему двоякую силу: во-первых, они имели прямое влияние на всю жизнь подмастерьев, во-вторых, работа подмастерьев у одного и того же мастера была действительно связью, объединявшей их против подмастерьев других мастеров и обособлявшей их от последних; наконец, подмастерья были связаны с существующим строем своими собственными интересами, именно возможностью стать самим мастерами. Поэтому в то время как чернь поднимала иногда мятежи против всего этого городского строя, — мятежи, которые при бессилии ее не приводили ни к какому результату, — подмастерья ограничивались мелкими вспышками в рамках отдельных цехов, что, собственно, входило в существо самого цехового строя»[1].

Вот данная Марксом и Энгельсом характеристика ремесла в феодальной Европе. Спрашивается, имело ли в Китае ремесло такое же значение, как в феодальной Европе, вырабатывало ли оно цеховый строй? Или может быть прав Макс Вебер, утверждая, что «цехи отсутствуют там, где существует кастовый порядок, ибо там они совершенно излишни; и цехи имеют небольшое значение там, где господствует родовое хозяйство, как в Китае»[2].

Если в Китае существует еще цеховый строй, если ремесленное производство и вообще цеховая организация труда играют еще сколько-нибудь серьезную роль, имеют сколько-нибудь значительный удельный вес, то мы с полнейшим правом можем утверждать, что не только в аграрных отношениях, не только в жизни деревни, но точно так же в сфере городской промышленной деятельности, в жизни города должны существовать докапиталистические остатки и пережитки.

Русский монах Иакинф в 1848 г. утверждал, что «в торговом сословии нет ни цехов, ни гильдий, установленных правительством, и как фабрикант, так и ремесленники, свободно могут заниматься где им угодно, без

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, Гиз, М. 1924. с. 234—235.
[2] Max Weber, Wirtschaftsgeschichte, München 1924, с. 128.

платы за позволение»[1]. Выходит, что цехов и гильдий будто бы не было. Но тот же Иакинф говорит, что «занимающиеся какою-либо обширной ветвью торговли или промышленности добровольно между собою составляют общины и выбирают старших для управления, по большей части из богатых торговцев. В общинах бывают годовые собрания, на которых общим приговором устанавливают на целый год постоянную в известных местах цену своим товарам. Кто из членов общины будет уличен в продаже своих товаров ценою, низшею против установленной, того старшины наказывают постановленною денежною пенею»[1].

Но это и есть цехи и гильдии. Это и есть докапиталистическая организация промышленной деятельности. А поскольку она осталась до сих пор, мы можем говорить о докапиталистических остатках и пережитках в сфере промышленности. Весь вопрос заключается в том, насколько сохранились эти докапиталистические пережитки, каков их удельный вес и насколько капитал подчинил уже себе эти формы организации промышленной деятельности?

* * *

Один из основоположников германской исторической школы, Карл Бюхер, разбирая вопрос о формах промышленности в их историческом развитии, утверждает, что мы имеем пять главных форм промышленности. «Эти формы в исторической последовательности будут следующие: 1) домашнее производство (производство для домашних потребностей); 2) работа на заказ (Lonhwerk); 3) ремесло; 4) домашняя или кустарная промышленность; 5) фабрика»[1]. При этом домашним производством называется производство промышленных изделий на дому и для дома из сырья, добытого в собственном хозяйстве. Работа на заказ совершается в двух формах, а именно: отходом (Stör) и работой на дому (Heimwerk). Под названием фабрики следует понимать и мануфактуру и крупное машинное производство. А домашняя или кустарная промышленность объединяет в себе все виды капиталистической работы на дому: работу на скупщика, работу на раздатчика, крестьянскую домашнюю промышленность для непосредственного сбыта и пр.

[1] Иакинф, Китай в гражданском и нравственном состоянии, Пекин 1912, с. 42.

[1] Карл Бюхер, Возникновение народного хозяйства, Л. 1923, с. 93.

Мы увидим дальше, что в Китае существуют все эти формы промышленности. Все формы, включая и мануфактуру, развивались в исторической последовательности на китайской почве. Китай не развивал крупного машинного производства [1]. Его внедрил, насаждал и развивал империализм. Старомодное крестьянское домашнее производство играет относительно небольшую роль [2]. Но работа на заказ, ремесло и кустарная промышленность имеют огромный, хотя и уменьшающийся удельный вес. Все больше возрастает значение мануфактуры и машинного производства, и все же современный Китай, современная экономика Китая носят в себе остатки прошлого. Из всех форм промышленности здесь нас интересует пока ремесло. В Европе в разных странах уничтожение цехового ремесла происходило в разных формах и в разные эпохи. В Англии гильдии влились в городские самоуправления и таким образом умерли естественной смертью. Во Франции, когда капиталистическое развитие (мануфактура — капиталистическая работа на дому) подорвало уже со всех сторон цехи, их отменил королевский декрет. В Бельгии и в Голландии их истребляла победоносная французская революция. В Испании и Португалии их отменили в 1833 — 1840 г.г. В Германии и в Австро-Венгрии ликвидировали их в 1859 — 1860 гг. а в Италии лишь в 1864 г. Но законы, декреты отменили лишь цеховый строй ремесла, само же ремесло осталось. Декреты, законы и в этом случае оформляли только экономическую действительность. Ремесло без цеховой организации, однако, продолжало существовать. Но судьбы ремесла уже были предопределены, и весь вопрос заключался в том, как уничтожает, как разбивает, как во всех и всяких случаях подчиняет себе ремесло капитал. Бюхер перечисляет пять случаев: «1) вытеснение ремесла однородным фабричным производством; 2) сужение области его производства фабрикой или кустарной промышленностью; 3) включение ремесла в крупное предприятие; 4) оскудение ремесла вследствие изменения в характере спроса; 5) низведение ремесла на степень домашнего потогонного производства на магазин» [3].

---

[1] Вопрос о том, почему Китай не развивал капиталистического способа производства без внешнего толчка, был впервые поставлен Максом Вебером в работе «Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie Tübingen» 1923.

[2] В более или менее чистом виде оно сохранялось в областях, населенных так называемыми инородцами. Ряд племен живет еще при родовом строе, ведя натуральное хозяйство.

[3] К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, с. 116.

Этот перечень далеко не полон. «Капитализм имеет в своем распоряжении множество путей для того, чтобы внедриться в область старого ремесленного производства; он вовсе не должен основывать для этого крупные предприятия; даже больше того, он не нуждается вообще в самостоятельных предприятиях, так как часто приводит промышленный труд в косвенную зависимость от себя» [1]. Булочники, поставленные в полную зависимость от мучных торговцев и владельцев мельниц, снабжающих их мукой, а часто и всеми орудиями производства; мелкие мастера-мясники зависящие целиком от торговцев скотом или комиссионеров, слесари и столяры, работающие на строительного спекулянта или подрядчика, — вот примеры косвенной зависимости ремесла от капитала. Включение ремесла в крупное предприятие происходит как присоединение, как включение в собственном смысле слова или как их объединение. «Присоединение и включение имеет место в том случае, когда капиталистическое предприятие лишает самостоятельности вспомогательные промыслы и приводит их в зависимость от главного производства» [2]. Токарь, изготовляющий для столяров, плотников и обойщиков круглые деревянные части, переплетчик, работающий для издательских фирм, — вот примеры присоединения ремесла к крупному предприятию. Бондарь, изготовляющий деревянные сосуды для фабрики мыла и красок, бочки для крупных виноторговцев; слесари и кузнецы, столяры, обслуживающие фабрики или крупные имения — вот примеры включения ремесла в крупные предприятия. Объединение нескольких промыслов в одних руках ведет к образованию мануфактур. Вагонная фабрика, объединяющая колесников, токарей, столяров, кузнецов, бурильщиков, слесарей, монтеров, лакировщиков, стекольщиков, шорников, обойщиков, жестянников, — вот пример объединения ремесел. Но разложение ремесла происходит и таким образом, что старые, прежде самодовлеющие ремесла снова соединяются в более крупные группы, по мере того как область их производства суживается. Столяр работает и в качестве плотника, кузнец вторгается в область слесаря, шорник становится и обойщиком и т. д. Происходит шаг назад в смысле разделения труда. В мелких местечках и в деревнях происходит соединение ремесла с сельским хозяйством. И здесь шаг назад в смысле разделения труда. Или ремесленник спасается сое-

[1] В. Зомбарт, Очерки промышленного развития Германии, 1902, с. 4.
[2] В. Зомбарт, Очерки промышленного развития Германии, 1902, с. 141.

динением с торговлею. Сапожник откроет и лавочку, портной торгует и сукном, папиросами. «Обособление производства от формы сношения, образование особого класса купцов были шагом вперед».[1] В своей смертельной борьбе за существование ремесло делает шаг назад, оживляя старые, худшие, более отсталые отношения. Но и этого мало. Часто ремесло производит разделение труда и так спасается. Мы увидим, что как раз в Китае зонтики изготовляются в шести мастерских. Нередко ремесленник сохраняет за собой лишь отдельные, самые сложные производственные операции, а остальная работа проводится как капиталистическая работа на дому. Ремесло объединяется с современной промышленностью. Ремесленник становится скупщиком, раздатчиком. Где сырье особенно дорого, там ремесленник часто попадает в зависимость от торговцев сырьем. Где изделия ремесла идут на внешний рынок, там ремесленник почти всегда становится, по сути дела, домашним работником экспортера. Но в то же время может случиться, что ремесленник сам становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли. Ремесленник может улучшить свою технику производства, ввести новые машины, пользоваться современными двигательными средствами. Использование мелких машин — довольно распространенное явление в китайских городах. Однако, пока паровая машина была основным двигателем, ею пользовалась только крупная машинная промышленность. Но электричество может быть использовано как двигательная сила и в мелких мастерских. Моторы внутреннего сгорания подходят и для производства мелкого масштаба. Целый ряд новых химических способов также не требует заводов крупного масштаба. Развитие техники, новые машины, новые химические методы производства, новые двигательные средства делают возможным для отдельных ремесленников не только отстаивать свои позиции на рынке, но при благоприятном стечении обстоятельств — перейти в разряд капиталистических предпринимателей. Мастерская ремесленника превращается в мастерскую, оборудованную машинами, превращается в переднюю крупной фабрики.

...Германская историческая школа много занималась судьбами ремесла, ибо разложение ремесла в Германии и связанные с этим всякие социальные бедствия происходили перед ее глазами. Первые представители этой школы еще надеялись, что так или иначе можно будет спасти ремесло. Шмоллер

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, Гиз, М 1924, с. 236.

предложил государственное вмешательство, предсказывая, что, если «государство вмешается во-время, то будут иногда нарушены интересы раздатчиков, скупщиков и фабрикантов, но зато можно будет сохранить среднее сословие и избежать бедствий, которые имущим классам причинят больше вреда, нарушат глубже их интересы, сделают необходимым более решительное вмешательство государства»[1]. К. Бюхер в 1893 г. не с легким сердцем, но все же констатировал, что «исчезает широкий слой самостоятельных маленьких людей, составлявших ядро старого городского населения, а его место занимает не связанная между собой масса зависимых работников»[2]. Но он еще надеялся, что «из среды зависимых образуется новое «среднее сословие», превосходящее прежних мелких ремесленников своей хозяйственной энергией и социальной приспособленностью». В. Зомбарт смотрел на судьбы ремесленников уже без мелкобуржуазных иллюзий, глазами идеолога капитализма. Он уже хладнокровно устанавливает: «Старая область ремесла распалась на три различные группы:

1. Мелкие мастера, мастера-одиночки и подмастерья переходят в ряды пролетариата.

2. Немногие сильные единицы, которые высвободились из ремесленной юдоли и находятся на пути к тому, чтобы стать предпринимателями; это прозелиты буржуазии.

3. Остальные мастера настолько еще крепко стоят на ногах, что не переходят в ряды пролетариата; но, с другой стороны, — недостаточно сильны, чтобы подняться выше; число их уменьшается по мере того, как сокращается область производства ремесла, ухудшается положение ремесленников и идет дальше процесс диференциации производств.

После всего этого нельзя считать несвоевременным вывод, сделанный нами выше: ремесло как социальный класс вообще находится на пути к разложению»[3].

Нельзя не согласиться с этими четкими и ясными выводами относительно судеб ремесла — происходит классовая диференциация, классовое разложение ремесленников. От докапиталистических способов производства капитализм унаследовал три класса, не свойственные буржуазному обществу: помещиков, крестьянство и ремесленников. Буржуазия или истребляет феодальных помещиков (Франция), или заклю-

---

[1] Gustav Schmoller, Zur Geschichte des deutschen Kleingewerbes im XIX Jahrhundert, Halle 1870, S. 703.

[2] Карл Бюхер, Возникновение народного хозяйства, с. 124.

[3] В. Зомбарт, Очерки промышленного развития Германии, с. 317—319.

чает с ними компромисс, превращая их в паразитов-получателей ренты (Англия), или капиталистическое развитие преобразует их в аграрных капиталистов (Пруссия). Крестьянство и ремесленники капитализмом разлагаются, диференцируются в классовом смысле. Подавляющее большинство лишается средств производства и становится в ряды пролетариата, ничтожное меньшинство становится в ряды сельской буржуазии или городских капиталистов.

Таков путь мучительной гибели цехового ремесла в ныне империалистических странах Европы. На этом пути исторически имелись следующие этапы:

1. Развитие капитализма разрушает средневековый цеховый строй. Эта операция совершается вовсе не крупной машинной индустрией. Во Франции, Испании, Бельгии, Италии и т. д. не было или почти не было еще машинной индустрии, когда капиталистическая домашняя промышленность и мануфактура уже совершенно подорвали позиции цехов и привели к отмене цехового строя. Но ни домашняя работа, ни мануфактура не могли уничтожить ремесло. «Вместе с тем мануфактура не могла ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. Как экономический кунстштюк возвышалась она на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности. Ее собственный узкий технический базис вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства» [1].

2. «Освобожденное» от ограничений и защиты цехового строя, ремесло вступает в борьбу с мануфактурой, домашней промышленностью и машинной индустрией. Ремесло терпит поражение и превращается в придаток мануфактуры или фабрики, в поставщика торгового капитала или же гибнет. Класс или точнее сословие ремесленников разлагается.

Эти процессы получили в Европе гигантский размах после завершения промышленной революции в Англии. Они получили гигантский размах в период империализма в мировом масштабе. В странах старого капитализма эти процессы происходили в течение более или менее длительного исторического периода. Более или менее значительная часть разорившихся ремесленников становилась пролетариями, устраивалась в машинной индустрии в качестве рабочих. Машинное производство охватывало постепенно отдельные отрасли ремесла. О бед-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, с. 347.

ствиях, постигших английских и германских ткачей, написаны весьма жуткие страницы.

На остальные же страны, колонии и полуколонии изделия машинной индустрии обрушились сразу. В Европе ремесло раньше обстреливали кремневым оружием мануфактуры и домашней промышленности и лишь впоследствии пушками крупных фабрик. На ремесло в Индии и Китае сразу же обрушился ураганный огонь крупных английских, германских, японских американских и т. д. фабрик. А разорившийся ремесленник в этих странах лишь в очень незначительной мере мог превращаться в фабричного рабочего. В европейских странах число ремесленников в связи с процессом индустриализации уменьшалось. Так в Германии за период с 1882 г. до 1895 г. число самостоятельных ремесленников уменьшилось: у прядильщиков на 67%, красильщиков на 58, ткачей — 48, кузнецов — 40,5, шапочников — 42, мельников — 32, дубильщиков — 30, бондарей — 26, пивоваров — 24, лакировщиков, золотильщиков и пр. — 21, мыловаров — 20, коробочников — 17, позументщиков — 17, меховщиков — 14, кузнецов — 13, стекольщиков — 13, шляпочников — 11, токарей — 10,5%. Но за этот же период гигантски выросла германская промышленность.

В Индии же рост крупной машинной индустрии, рост промышленного пролетариата идет рядом с *относительным уменьшением числа лиц, занятых в промышленности, с относительным уменьшением населения* крупных городов. В Китае, повидимому, происходит такой же процесс. Мы только не в состоянии статистически выразить его. Значит ли это, что изменились законы капитализма, что придется пересмотреть закон об относительном росте промышленного населения? Нет, ни в коем случае. Только раздвинулись рамки действия этих законов. При условии существования мирового хозяйства, мирового рынка, английский город может расти за счет деревни в Индии, Индонезии и Китае; германская и японская промышленность может расти за счет китайского ремесла, а относительный рост промышленного населения может наступить в Америке за счет разорения китайского сельского хозяйства. Значительные слои крестьянства и ремесленников в колониях выбрасываются из сельскохозяйственного и ремесленного производственного процесса. Но крупная индустрия или капиталистические сельскохозяйственные предприятия не могут превратить их в пролетариев. Они остаются пауперами. В этом смысле ремесленники не только *пролетаризируются*, но большинство из них *пауперизируется*.

В феодальной Европе возникновение цехового ремесла было результатом длительного развития. Вплоть до XIV в. основным видом промышленности являлась работа на заказ в форме отхода (Stör) или работы на дому (Heimwerk)[1]. В обоих случаях работник располагал орудиями производства, а сырье поставлял заказчик. Но развитие цехов началось раньше, и первые цехи появились в Европе уже в XI в. в виде купеческих гильдий. Городская жизнь Европы XIII в. переполнена борьбой, которая приняла особенно острые формы в Германии и Голландии. Лишь в XIV в. оформленные ремесленные цехи (Zunft в Германии, metier во Франции, mistery или company в Англии и т. д.) вступают в борьбу с олигархией патрициев, а иногда и купеческих гильдий. Ремесленные цехи во многих странах овладели властью в городах, но сословие ремесленников не оформилось в класс и даже не претендовало на власть в общегосударственном масштабе. Ремесленник обслуживал местные рынки: национального рынка еще не было, и он удовлетворялся господством на местном рынке. В XV в. уже оформляется в городах слой поденщиков; движение этих поденщиков составляет важнейшее содержание городской жизни, особенно в Германии. «В северных странах Европы — в России, Румынии, в славянских частях Австрии и на Балканах — только местами дошло до развития ремесла. В этих странах отход, домашняя работа, кустарничество развивались в работу на скупщика и в крупное машинное производство без ремесла как промежуточного звена»[2] Но там, где цеховое ремесло развивалось и овладевало промышленной деятельностью, цехи функционировали в двух направлениях: они регулировали производство внутри цеха и отстаивали монополию цеха по отношению к внешнему миру. Как крепостные получили, в общем, одинаковые наделы, так все члены цеха получили одинаковые права на клиентуру. Цех регулировал производство, устанавливал цены и качество товаров, правила торговли, условия труда подмастерьев и учеников, количество подмастерьев и учеников для каждого мастера. Цех был судом, цех боролся за то, чтобы только его члены могли заниматься данным делом, цех вел борьбу против деревенских промыслов, т. е. за монополию городского ремесла и на деревенском рынке, цех вел беспощадную борьбу против отхожих

---

[1] Karl Bücher, Das Gewerbe, „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, том IV, s. 850.

[2] Bücher, Das Gewerbe, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» т. IV, с. 877.

и странствующих рабочих, против домашних рабочих, против чужих (чужих не в смысле национальном, а против купцов и ремесленников других городов), цех регулировал технику ремесла, качество сырья, орудия производства, отношение к другим цехам и, наконец, когда угрожало перепроизводство, цех устанавливал и число мастеров. Цехи держали в своих руках политическую власть в городе или участвовали в управлении городом.

В Китае цехи и гильдии возникли исторически гораздо раньше, чем в Европе. Имеются указания на то, что цехи существовали уже в XII в. до нашей эры в Китае. Марко Поло, во всяком случае, уже встретил их [1] в XIII в., и европейский путешественник в XVI в. был поражен тем, до каких мелочей было проведено разделение труда между отдельными гильдиями и цехами: «Кто торговал живыми птицами, тот не мог торговать зарезанными. . .» [2]. Но китайские цехи и купеческие гильдии отличались во многих отношениях от европейских, как вообще восточные цехи и гильдии. В Китае не было принудительного вступления в цех (Zunftzwang). На Востоке вообще цехи редко ограничивали число мастеров. Может быть это объясняется тем, что там были более развитые торговые отношения и выдающаяся роль базара лучше обеспечивала рынок для ремесленников, чем в Европе [3]. Китайские, как и вообще восточные цехи, основывали свою власть и влияние не на привилегиях, отвоеванных или купленных у феодального сеньера, князя или короля. Они развивались самостоятельно и лишь в очень редких случаях строились на предоставленных властями привилегиях. В Европе цехи и гильдии конституировались как политическая власть в городах. В Китае цехи и гильдии не стали политической властью. Бюрократия восточной деспотии представляла настолько большую силу, что цехи только в редких случаях могли поставить себя на ее место. Все же мы нашли два города — Неучуан и Сватоу, — где положение цехов еле-еле отличалось от положения европейских цехов, владевших непосредственно политической властью в городах.

И тем не менее политическое влияние гильдий и цехов было огромно. «Их власти подчинялись высшие мандарины провинции, и императоры внимательно выслушивали их жалобы.

---

[1] «Marco Polo's Travels».

[2] «Mendez Pinta's abenteuerliche Reise durch China, die Tartarei Siam, Pegu und andere Länder», S. 158.

[3] Г. Сафаров, Проблемы Востока, с. 164.

Если судить по их влиянию, они имели более чем полуофициальное положение»[1]. Уставы и правила гильдии считаются судами равносильными законам. «Общеизвестно, что председатели гильдии совместно с местными чиновниками выполняют правительственные функции, вроде установления местных налогов и пошлин, организации пожарной команды и милиции, урегулирования важнейших случаев банкротства, собирания фондов для вспомоществования, контроля над домами для сирот и престарелых. Нередко гильдии берут на откуп ликин и прочие налоги за известную сумму»[2].

В феодальной Европе город эксплоатировал деревню экономически своими монопольными ценами, торговым обманом и ростовщичеством; но город не мог эксплоатировать деревню политически, ибо политическая власть была у феодала. Это и было причиной того, что государство (т. е. организация феодальных помещиков) никогда не уступало полностью регулирование хозяйственной жизни цехам (т. е. буржуазному сословию). В Китае же политическая власть была в городе, влияние торгового капитала было гораздо больше, чем в феодальной Европе, и цехи устанавливали не только цены, но и меры, и весы, и валютную систему, и регулировали вообще экономическую жизнь. Восточная деспотия не вмешивалась в дело цехов или вмешивалась лишь тогда, когда крестьянское восстание или восстание городской черни заставляли ее выступать против жадности гильдии. Бывали и конфликты между цехами и гильдиями и государственной властью. Бывают такие конфликты и в наши дни. В таких случаях цехи и гильдии отвечают прекращением всякой работы — забастовкой. Но в общем и целом государственная власть прекрасно уживается с цехами и гильдиями потому, что «чиновники правительства — в значительной мере выходцы из торгового класса, что гильдии прекрасно умеют пользоваться деловым инстинктом, столь сильно развитым у чиновников, и потому, что средневековая форма проявления общественного мнения — цеховая забастовка и бойкот — представляют огромную силу»[3]. Морз здесь схватил суть: государственная власть по своему личному составу и по своему классовому содержанию принадлежала отчасти купеческому капиталу. В Европе между ремесленными цехами и купеческими гильдиями происходила длительная борьба и лишь на

---

[1] T. R. Jernigan, China in Law and Commerce, Нью-Иорк 1905, с. 208.
[2] Jernigan, China in Law and Commerce, c. 219.
[3] Morse, The Gilds of China, London. 1909 c. 21.

закате цехов удалось купеческим гильдиям и впоследствии торговому капиталу вообще подчинить себе цеховое, а потом и нецеховое ремесло. В Китае в XIV и XV вв. ремесло уже покорно подчиняется торговому капиталу. Это проявляется хотя бы в том, что купеческие гильдии имеют прекрасные здания, а ремесленные цехи не имеют вообще собственных зданий или имеют только весьма бедные. Но было бы ошибочно думать, что купеческие гильдии являются наиболее сильными цеховыми организациями. «Гильдии банкиров пользуются самым широким влиянием. Можно было бы сказать, что только они пользуются всекитайским влиянием» [1]. В Европе период цехов отличался чрезвычайно развитым разделением труда. «Мы находим в средневековых списках цехов двести различных цехов там, где по техническим соображениям двух или трех дюжин было бы вполне достаточно», пишет Макс Вебер [2]. В Китае разделение труда еще более развито, чем это имело место в средневековой Европе. В Шанхае насчитывается 58 ремесленных цехов, 117 торговых гильдий и 151 провинциальных клубов, причем этот подсчет наверняка неполон [3]. Когда в Кантоне все цехи и гильдии превращались в профсоюзы, число последних превышало 430 [4]. Внутри отдельной мастерской, внутри отдельного цеха разделение труда доходит чуть ли не до своеобразного тэйлоризма на цеховых основах. Это объясняется тем, что в Китае, за исключением отдельных цехов в отдельных городах Южного и Центрального Китая, не ограничили числа мастеров. Там делятся производственные процессы, а где нельзя делить производственные процессы, там делятся клиентура или территория. Рикши-кули часто делят город на районы, и им нельзя переходить из одного района в другой. Кули-транспортники или грузчики делят место в порту или вид грузов. Музыканты и нищие также имеют свои гильдии. Они делят улицы между собой. Водовозы делят улицы и дома между собой. Парикмахеры делят клиентуру. И если клиент пойдет к другому парикмахеру, то он должен больше платить, чем у прежнего. А генералы и «политики» делят между собой страну.

Вели ли китайские гильдии борьбу против деревенских промыслов наподобие европейских гильдий или же они удовлетворились городскими рынками, как это имело место в Ин-

---

[1] Williams, China yesteday and Today, New-York 1923, p. 195.
[2] Max Weber, Wirtschaftsgeschichte, s. 130.
[3] «Вестник Манчжурии», № 7, 1927, с. 44.
[4] Из материалов профсоюзного движения в Гуаньдуне.

дии? Мы не в состоянии ответить на этот вопрос. Вообще мы не знаем, как организованы в Китае деревенские промыслы: кузнечное и гончарное дело, плотничье дело и т. п. Но совершенно ясно, что в настоящее время ремесленные цехи уже бессильны начать подобную борьбу. Торговый капитал настолько заинтересован в эксплоатации крестьянства посредством капиталистической домашней работы; мануфактуры и даже фабрики настолько заинтересованы в том же, что ремесленник, подчиненный и сам капиталу, даже мечтать не может о такой борьбе.

Это одна из причин гибели ремесла.

* * *

Возможно ли, чтобы цеховое ремесло и купеческие гильдии играли вообще сколько-нибудь серьезную роль в экономической жизни страны, в которой уже имеется крупная машинная индустрия, мануфактуры, капиталистическая домашняя промышленность и в которой, кроме того, иностранный привозной товар также состязается за рынок с ремеслом?

Докапиталистические остатки и пережитки можно и совсем проглядеть, можно их недооценивать, но можно и переоценивать их. Впервые из иностранцев описал китайские гильдии Мак Гован [1]. В те времена китайские гильдии и цехи устанавливали правила торговли и производства и вынуждали повиноваться этим правилам; они устанавливали цены, они заставили и нечленов гильдии признать решение гильдии, они выступили перед правительством, они заставили иностранных купцов считаться с ними, они были арбитрами в случае конфликтов, они регулировали заработную плату и условия труда и т. д. и т. п. Морз в своей работе [2] в основном только повторял Мак Гована, а на самом деле проглядел, что в течение двадцати лет и гильдии претерпели значительные изменения. Посмотрим прежде всего, остались ли гильдии и цехи и что именно из них осталось? Ввиду того, что и этот вопрос спорный, начнем со «свидетельских показаний» (некоторые китаеведы вовсе отрицают роль и значение гильдий).

Вот что пишет беспристрастный американец Вилльямс по этому вопросу: «Гильдии устанавливают меры и весы. Правительство уже объявило единую систему мер и весов, но гиль-

---

[1] D. J. Mac Gowan, Chinese Guildes, Chambers of Commerce and Trade-Unions, «Journal of the North China Branche of the Royal Asiatic Society», 1888/1889 p. 133—192.

[2] Morse, The Gilds of China, London, 1909.

дии ее не приняли... Гильдии устанавливают заработную плату, определяют число учеников для мастеров. Несколько лет тому назад члены гильдии ювелиров убили одного из своих членов за нарушение этого правила... Купеческие гильдии устанавливают качество товара, устанавливают цены, карают за фальсификацию товара или за нарушение каких бы то ни было правил, устанавливают высоту комиссионного процента, условия платежей, курс разных валют»[1].

Другой свидетель, американец Гэмбль приводит устав целого ряда пекинских ремесленных гильдий. Вот выдержки из выводов автора:

«Купцы собираются в храме и устанавливают цены. Кто не соблюдает этих цен, будет оштрафован... Некоторые гильдии в Центральном и Южном Китае принимают в качестве учеников только детей или близких родственников своих членов... Только немногие гильдии позволяют открыть новую лавку или мастерскую, если владелец не отслужил ученические годы... Полиция после установления республиканского режима лишила гильдии права применять телесные наказания... Выборные директора гильдии устанавливают цены товаров. Директора гильдии банкиров каждое утро устанавливают курс разных валют и монет, а дирекция гильдии торговцев шелком и хлопчатобумажными изделиями каждую неделю определяет цены. Для тех товаров, цена которых не меняется быстро, не дирекция, а члены гильдии устанавливают цену. Установленная цена считается минимумом. Торговец имеет право повысить, но не имеет права понизить ее. Гильдия строго наказывает того, кто продает ниже установленной цены. Гильдия устанавливает заработную плату, рабочее время, срок ученичества и т. д. Она же разрешает конфликты»[2].

Американский консул в Мукдене Гейнцлеман пишет:

«Торговые палаты (т. е. объединения гильдий) имеют значительное влияние на политические и административные дела: они сопротивляются высоким налогам, помогают в сохранении порядка, регулируют цены и т. д.; они имеют большое влияние и на валютное дело... Гильдия менялей устанавливает курс валют, определяет правила для валютных операций, контролирует выполнение сделок, разрешает споры арбитражем...»[3].

Американский консул в Тяньцзине наивно пишет:

«...Цель этих гильдий заключается в избежании конкуренции между китайскими продавцами и иностранными купцами, и

---

[1] Williams, China Yesterday and Today, New-York 1923, p. 191—194.
[2] S. Gamble, Peking, a Social Survey, New-York 1921 p. 162—190.
[3] Arnold, Commercial Handbook of China, vol. I, 1919, p. 243.

в результате этого иностранные купцы неоднократно наталкиваются на решение гильдии продавать товар лишь за более высокую цену»[1].

Американский консул в Нанкине пишет:

«Эти гильдии устанавливают цены и являются третейским судом в случае конфликтов»[2].

Американский коммерческий атташе Арнольд пишет:

«Эти гильдии регулируют цены товаров, рабочее время, ученичество, налоги и вообще все общие вопросы гильдии»[3].

Подобных свидетельских показаний можно было бы привести сколько угодно. Их уйма. Совершенно ясно, что гильдии еще существуют и играют очень значительную роль в экономической жизни страны. Торговые палаты, по сути дела, являются лишь объединением гильдий. Необходимо подчеркнуть, что политическая активность гильдии возрастает по мере того, как их экономическое влияние падает. Они отражают и предсмертные судороги гибнувшей мелкой буржуазии. В 1905 году они организовали бойкот против Соединенных штатов по поводу запрещения китайской иммиграции. В 1915 г. они шли во главе движения бойкота против Японии по поводу предъявления 21 требования. В 1925 г. после шанхайских расстрелов они противопоставляют 13 требований буржуазии 17 требованиям рабочих[4]. Во время гражданской войны их роль возросла в огромном масштабе. Они дают займы, они распределяют налоги, гарантируют военные боны, снабжают армию, организуют оборону против бандитизма, организуют купеческие забастовки и бойкоты против налогов и т. д. и т. п. Растущая политическая активность вовсе не противоречит уменьшающейся экономической роли гильдий и цехов. Ведь в Германии в 1848 г. во время буржуазной революции началось широкое движение за полнейшее восстановление цехов, за запрещение держать более двух подмастерьев, за обложение фабрик в пользу ремесла, за запрещение деревенских промыслов, и в феврале 1849 г. правительственный декрет, на самом деле, восстанавливает цеховые порядки[5]. Во время буржуазной революции 1911 г. в Китае гильдии выступили против введения

---

[1] Arnold, Commercial Handbook of China, p. 346.

[2] Arnold, Commercial Handbook of China, p. 598.

[3] Arnold, Commercial Handbook of China, v. II, p. 246.

[4] После шанхайских расстрелов Торговая палата также требовала удовлетворения, наказания виновников, возмещения семьям убитых и т. д. Рабочие выдвигали более далеко идущие национальные требования и ряд рабочих требований.

[5] Schmoller, Zur Geschichte des deutschen Kleingewerbes, S. 84—86.

единой валюты, единой системы мер и весов, против централизации железных дорог. А после временной победы контрреволюции в 1927 г. гильдии выступают уже в роли победителей и выставляют свои условия нанкинскому правительству. Следует только иметь в виду, что гильдии и торговые палаты представляют из себя известную социальную пирамиду: внизу — ремесленные цехи; над ними господствуют купеческие гильдии; а над купеческими гильдиями, объединенными вместе с ремесленными цехами в торговые палаты, властвуют гильдии банкиров. И вся эта пирамида работает над тем, чтобы обойти, подправить законы свободной конкуренции. В период монополистического капитализма, когда в других странах и отчасти в Китае, монополистские объединения—картели, тресты, синдикаты—пытаются регулировать цены и рынок, в Китае регулирование цен и рынка вообще происходит отчасти на докапиталистической, цеховой, гильдейской основе.

Но и это не вечно. Капитализм берет свое. Со всех сторон — извне и изнутри — идет подрыв средневековых гильдий и цехов. Те же свидетели приводят весьма интересные и поучительные показания об этом. Вот что показывает американский коммерческий атташе Арнольд «Надо иметь в виду, что конкуренция в Китае очень острая, и, вероятно, для гильдии невозможно предотвратить, чтобы ее члены продавали ниже установленной цены» [1]. Американский консул в Кантоне рассказывает: «Гильдия требует от своих членов, чтобы они принимали и предоставляли одинаковые условия платежа и расчета. Многие из членов гильдии тайком нарушают эти правила, рискуя даже исключением из гильдии» [2]. Авенариус в своей статье о гильдиях указывает нам, что в Северной Манчжурии существуют лишь слабо-формальные цехи, власть и влияние которых является еще отпрыском собственно-китайских гильдий. Бывают уже иногда случаи, когда государственная власть выступает против гильдий. Так, власти запретили в Пекине гильдии мыловаров слишком уж произвольное регулирование цен и борьбу против мелких мануфактуристов [3].

«Гильдия кустарей-ткачей в Южном Хубее (Чжили), объединявшая 600 000 ткачей, начала борьбу не на живот, а на смерть против крупных мануфактур и паровых ткацких стан-

[1] Arnold, Commercial Handbook of China, p. 247.
[2] Arnold, Commercial Handbook of China v. I, p. 127.
[3] «Вестник Манчжурии» № 11, 1927, с. 49—51.

ков, запретив своим членам наниматься на эти предприятия. Весь вопрос в том, как долго сможет гильдия провести эти запрещения и все же обеспечить заработок ручным трудом для своих членов»[1]. Так писал Гэмбель в 1921 г. С тех пор эта борьба закончена победой мануфактур и крупных фабрик. Тот же автор указывает на то, что власти все чаще публикуют декреты и постановления касательно ведения дел, настаивают на регистрации всех лавок, магазинов и мастерских, и даже фамилии служащих гильдий и обеспечивают все более непосредственный контроль над хозяйственной жизнью[2]. Чрезвычайно интересно, что в 1926 г. в Уси собравшиеся в день праздника бога строительства Лубана (16 июня) тысячи строительных предпринимателей, каменщиков и плотников приняли новый устав гильдии. Новый устав устанавливает размер заработной платы для рабочих, рабочее время (летом 10, зимой 9 часов), обязанность мастеров и подрядчиков снабжать рабочих чаем и т. д., и т. д. Четвертый пункт устава говорит: «Смета для проведения строительной работы должна быть разработана на справедливых началах. Нельзя принять работу по слишком низким ценам. Слишком острая конкуренция должна быть избегнута, ибо нет смысла получить невыполнимый заказ». А шестой пункт устава говорит: «Если какой-нибудь подрядчик сделает более деловое предложение, чем другой подрядчик, то первый обязан возместить расходы последнего по составлению плана и сметы». В дальнейшем устав предусматривает, что гильдии должны быть представлены все договоры, что гильдия ответственна за выполнение договора, что нельзя рабочему во время какой-нибудь работы перейти к другому подрядчику, что новые фирмы должны регистрироваться в гильдии и платить 10 долл., что больные должны получать пособие и т. д., и т. д. Все старые гильдейские правила соблюдены, за исключением основного, запрещающего конкуренцию. Эта гильдия уже не настоящая гильдия, ибо она не исключает конкуренции[3].

В открытых портах на иностранных концессиях, конечно, влияние и значение гильдий сведены к минимуму. Иностранная конкуренция, конкуренция отделений мировых фирм и универсальных магазинов, конкуренция фабричных изделий и мануфактур и домашняя работа на скупщика подорвали основы цехового строя. Даже гильдии торговцев шелком и чаем и про-

---

[1] S. Gamble, Peking, a Social Survey, p. 201.
[2] Gamble Peking, a Social Survey, p. 199.
[3] «Chinese Economic Bulletin» № 292, 1926, V. IX, p. 188.

чим экспортным товаром теряют прежние позиции. А гильдия торговцев привозных товаров еще больше утеряла свое значение, когда основные предметы ввоза, как пряжа и ткань, стали продаваться на аукционах и на биржах с учетом мировых цен. Зато в глубине страны гильдии держатся более цепко. Но и там ремесло уже все более подчиняется капиталу.

Послушаем свидетельские показания о фактах.

Факты эти мы берем из различнейших частей страны, стоящих на совершенно различных ступенях промышленного развития.

«. . . Рабочие, занятые в отдельных отраслях производства, как портняжное, плотничное и т. д. дело, разделяются на рабочих — мастеров, подмастерьев и учеников. Мастер-рабочий обыкновенно имеет мастерскую и держит определенное количество подмастерьев и учеников. *Он обыкновенно работает на заказ* (contract!). Берем как пример портного. Если кто-нибудь захочет иметь костюм, он посылает материю к мастеру и платит ему за готовый костюм. Однако мастер неоднократно *нанимается со своим штатом подмастерьев к заказчику*, и плата идет поголовная. В таких случаях мастер получает одинаковую с подмастерьем зарплату; однако *мастер получает известный процент с зарплаты подмастерья*. Ученику, после означенной учебы, полагается такая же зарплата, как мастеру; но деньги получает мастер, дающий ученику квартиру, довольствие и некоторое денежное вознаграждение»[1].

Здесь мы видим цеховое ремесло, соединенное с работой на заказ. Такие условия мы найдем в Таюанфу, пров. Шаньси.

«В Цзядине, провинции Цзяньсу продаются лучшие деревянные изделия, изготовляемые из бамбука Изготовляются палочки, статуи и вообще всякие граверные работы. Резчики из Цзядина очень популярны. Работа над одной фигурой занимает часто недели, а иногда и месяцы. Методы работы передаются от поколения к поколению. Разделение труда проведено весьма тщательно. Рабочий, который вырезывает фигуры, не занимается граверной работой. *Пять магазинов захватили контроль над этим производством*, и все рабочие в городе и в окрестностях города работают или в этих магазинах, или для этих магазинов»[1]. Здесь типичный *пример работы на магазин* и объединения ремесленников, в данном случае высоко квалифицированных художе-

[1] «Chinese Economic Monthly», № 9, 1925, v. II, p. 21—22.

[2] «Chinese Economic Bulletin» № 200, 1924, p. 2.

ственных ремесленников, в мануфактуру при полном сохранении цехового разделения труда.

«Гильдия строителей включает в себя плотников, каменщиков, кирпичников, кузнецов и маляров. Прежде все работники этих профессий принадлежали к гильдии, и каждый мастер получал значок. Если он не принадлежал к гильдии, он не получал заказа. В настоящее время гильдия сильно снизила свое влияние, и многие плотники, каменщики и т. д. не являются членами гильдии. Срок ученичества 4 года. Все же решения гильдии соблюдают члены и также нечлены гильдии. Строительные подрядчики используют гильдии для своих целей. Обыкновенно у подрядчика рабочие получают заработную плату, ниже установленной. Но когда он получает заказ на работу, то предъявляет заказчику счет, исходя из зарплаты, установленной гильдией. Только если имеется срочная специальная работа, рабочие получают установленную гильдией заработную плату. Разделение труда по цеховому принципу соблюдается. Жестянник не делает работу слесаря, и слесарь работу жестянника» [1].

Это описание характеризует положение строительного дела в Пекине. Гильдия разлагается со всех сторон. А гильдия каменщиков и плотников в Чаньша (Хунань) имеет еще более интересную историю.

«Осенью 1922 г. подмастерья — каменщики и плотники — объявили забастовку. Бастующие требовали увеличения заработной платы и некоторых реформ в правилах гильдии. В результате этого рабочим было предоставлено право подыскивать работу независимо от прежних ограничений» [2].

Если в Пекине — свободная конкуренция и махинации подрядчиков-предпринимателей, то в Чаньша — рабочая стачка подрывает вековые устои цехового строя. Гильдия сапожников в Чаньша также имеет свою историю.

«Сапожники разделены на три гильдии: сапожники, изготовляющие иностранную обувь, сапожники, изготовляющие китайскую обувь, и сапожники, занимающиеся починкой. Первая группа разделяется на две группы: северная группа состоит из уроженцев Хубея; южная группа из уроженцев Хунани. Некоторые из сапожников уже занимаются портняжным ремеслом или торгуют готовыми

[1] «Chinese Econ. Bulletin» № 174, 1924.
[2] «Chinese Econ. Bulletin» № 154, 1924, p. 255.

изделиями... Ввиду того, что сапожники, занимающиеся починкой, очень многочисленны, гильдии не в состоянии заставлять своих членов соблюсти правила, ибо деревни выбрасывают много безработных в город и сапожные мастерские также выбрасывают безработных. По постановлению суда приходящие из деревни починочные сапожники, нечлены гильдии, платят только половину суммы, полагающейся с каждого нового эмигранта для гильдии»[1].

Здесь безработица, вызванная конкуренцией привозных товаров, и разорение деревни подрывают гильдии. Посмотрим, как выглядит цеховый строй в городе Фучжоу (Фуцзян):

«Резчики по дереву сами покупают нужное дерево и выполняют работу дома, но в общем и целом только по заказу купца. Срок ученичества пять лет. Профессия считается большим искусством. Число ремесленников 300 — 400 и число скупщиков 30 — 40»[2].

Это прекрасный пример того, как старое художественное цеховое ремесло превращается в работу ремесленника по заказу скупщика.

«Деревообделочники разделяются на плотников, строителей, столяров, резчиков, с одной стороны, и мебельщиков — с другой. Плотники не работают самостоятельно, а нанимаются к подрячику. Мебельщики работают всегда по заказу. Часто бывает, что какая-нибудь богатая фирма снабжает ремесленника необходимым лесом»[3]. Здесь полное подчинение капиталу.

«Сапожное ремесло в Фучжоу переживает тяжелый кризис. 500 сапожников работают, 1 000 — безработные. Со старыми сапожниками конкурируют приезжие из Шанхая. Ввоз иностранного товара также душит сапожников. Разделение труда раньше было таково, что верхнюю часть ботинок изготовляли также в мастерской. Теперь верхнюю часть изготовляют женщины в порядке домашней работы. Ввоз резиновых подметок лишает работы ту категорию рабочих, которые прежде выполняли эту работу. Удивительно ли, что подмастерья предъявляли подобные требования: 1) мастер не должен иметь более одного ученика, 2) нельзя отдавать верхнюю часть на дом женщинам, 3) нельзя увольнять рабочих»[4]. Здесь полный кризис и разложение.

---

[1] «Chinese Econ. Bulletin» № 245, 1925, p. 255.
[2] «Chinese Econ. Bulletin» № 23, 1928, p. 292,
[3] «Chinese Econ. Bulletin» № 3, 1928, p. 30.
[4] «Chinese Ekon. Bulletin», № 10, 1928, p. 118.

Портные в Фучжоу разделяются на три категории: 1) портные китайской одежды, 2) портные иностранной одежды, 3) портные для войск. Мастера имеют мастерские с 2 — 6 подмастерьями и с еще большим количеством учеников. «Если кто-нибудь хочет иметь одежду, он посылает материю к портному (Preiswerk) или же приглашать его к себе на дом»[1]. Здесь еще сохранились средневековые отношения, так как вообще портняжное дело весьма поздно перешло к машинному способу. Однако Фучжоу в смысле промышленного развития— относительно отсталый город среди открытых портов. В более развитых портах разложение цехового ремесла и его подчинение капиталу зашло еще дальше.

В Шанхае имеются 3—4 крупные мебельные мануфактуры, на каждой из которых работают от 100 до 300 рабочих. Мануфактура, состоит из 7 отделений, а именно: отделение плотников, маляров, вырезчиков, обойщиков, бронзовиков, подбивщиков, слесарей. Во главе каждого отделения стоит мастер. Мастер нанимает рабочих, платит им, снабжает их довольствием и квартирой[2]. Здесь мы имеем прямо-таки классический пример объединения ремесла в мануфактуру.

В Шанхае, растут, как грибы, мануфактуры для изготовления зонтиков. Процесс производства здесь разложен на семь приемов. В одном отделении изготовляют рамки, во втором — деревянную часть, в третьем — металлическую часть, в четвертом — обрабатывается бумага или материя и т. д. и, наконец, в монтировочном отделении все эти части объединяются[3].

В Шанхае сапожник в своей мастерской изготовляет только несколько частей обуви. Остальное выполняется как капиталистическая работа на дому. Домашняя работа становится придатком мастерской и мануфактуры. В Ханьчжоу и в Фучжоу изготовление жертвенных денег проводится и в мануфактурах и на дому. Процесс производства разделен на восемь частей, из коих только пять выполняются в мастерской, а остальные на дому[4]. В Ханьчжоу предприниматели попытались ввести машины. Но в связи с постановлением рабочих они были вынуждены пока отказаться от применения машин. В двадцати мануфактурах занято 4 тыс. рабочих, а на дому тысячи и тысячи женщин. В Шанхае, например, 30 фирм ввозят олово, в 700 мас-

---

[1] «Chinese Econ. Bulletin», № 12, 1928, p. 237.
[2] «Chinese Econ. Bulletin», № 20, 1928, p. 250.
[3] «Chinese Econ. Bulletin», № 17, 1928, p. 215.
[4] «Chinese Econ. Journal» № 8, 1927, p. 719.

терских изготовляют жертвенные деньги, а в окрестностях города тысячи и тысячи женщин изготовляют составные части денег. Годичный оборот — 15 млн. долларов[1].

Бывают и такие случаи, когда процесс производства разделяется на ряд операций, каждую из которых выполняет специальное ремесло, организованное по цеховому принципу; но эти ремесла территориально не объединены, а отдельные составные части предмета монтируются в специальной мастерской, причем монтаж также составляет специальное ремесло.

«Отдельный рабочий изготовляет костылик из бамбука. Отдельный рабочий обрабатывает, кроит бумагу или ткань, потребную для зонтика. Отдельный рабочий обрабатывает эту бумагу или ткань для того, чтобы она стала непромокаемой. Отдельный рабочий изготовляет металлическую часть зонтика. И, наконец, отдельный рабочий составляет из всех этих составных частей зонтик, причем все эти операции или часть их выполняется в отдельных мастерских, которые обыкновенно все работают по заказу крупной торговой фирмы»[2].

Подобное разделение труда и организацию производства мы можем наблюдать при изготовлении веера. Ведь Китай вывозил в 1892 г. около 11 млн., в 1901 г. — 41 млн., в 1924 г. — 90 млн. вееров, а внутреннее потребление во много раз превышает вывоз. Летом каждый китаец ходит с веером. Производство организовано в Ханьчжоу, Цзуцзяне, Фучжоу, Суичжоу, Шанхае и Нанкине на цеховых началах следующим образом:

«Одна категория купцов скупает бамбук и вообще деревянные части веера. Другая категория скупает бумагу и т. д. В первой мастерской изготовляют из бамбука костылики и рамки для веера; во второй изготовляют бумажные части, в третьей выполняется обработка деревянных частей, в четвертой выполняются граверные работы, если таковые имеют место, и в пятой монтируется веер. Цеховые ремесленники в деревнях и в городах, где изготовление веера распространено, ревниво охраняют свое право на выполнение операции, которую обычай признает за ними, и наверное подняли бы волнение, если бы кто-нибудь со стороны посягал на какую бы то ни было часть производственного процесса, принадлежащую определенной категории ремесленников»[3].

Здесь цеховое разделение труда доведено до логического конца. Уже не отдельная отрасль производства (выделка ве-

[1] «Chinese Econ. Bulletin», № 286, 1928 p. 92.
[2] «Chinese Econ. Bulletin», № 283, 1928, p. 47.
[3] «Chinese Econ. Monthly», № 1, 1924, p. 2.

еров), но известная часть этого производственного процесса объявляется цеховой монополией определенной категории рабочих. Стало быть, здесь цеховой строй сохранен в своей чистоте? Ничего подобного! Некоторые оптовые фирмы снабжают мастерские материей, и в этих мастерских работа выполняется за счет этих фирм. В других случаях оптовые и розничные торговые фирмы скупают готовые веера у ремесленников. Ремесленник таким образом по сути дела является потогонным домашним работником торгового капитала. Но подрыв ремесла идет не только с этой стороны. «В деревнях не соблюдается столь тщательное разделение труда. Веера изготовляются в крестьянских домах. Агенты купцов из ближайших городов собирают у крестьянок веера. Часто веера изготовляются из тканей, украшенных вышивками. Вышивка выполняется также, как домашняя работа. Изготовление веера в Шанхае также является домашней работой»[1]. Итак скупщик и раздатчик подрывают ремесло.

Более крепко держится ремесло в провинциях, которые менее вовлечены в мировой и во внепровинциальный оборот, где привозной товар и изделия китайских фабрик не могли еще по тем или иным причинам подорвать позиции цехового ремесла. Вот что пишет т. Тарханов о ремесле в провинции Гуаньси.

«Все остальные производства, которые знает провинция— изготовление тканей, обработка металлов, кожевенное, деревообделочное, химическое, пищевое, табачное и др. — основаны на ручном труде ремесленников. Ремесленное производство является преобладающим, оно обслуживает все потребности населения, которые не обслуживаются иностранным и внепровинциальным ввозом и домашней промышленностью крестьян, и в нем занято примерно около 100 тыс. человек, что составляет немногим больше 1% населения провинции. Однако ремесленное производство переживает тяжелый кризис. Со всех сторон можно слышать жалобы на то, что ремесленное производство не только не распространяется, но из года в год сворачивается, уменьшая свою продукцию и количество занятых в нем рабочих. Так происходит везде, куда проникает иностранный и внепровинциальный капитал, пришедший сюда во всеоружии высокоразвитой техники и легко вытесняющий поэтому своими продуктами продукты ремесла. Ремесленник чувствует себя твердо лишь в тех областях производства, где

[1] «Chienes Econ. Monthly», № 1, 1924, p. 3.

иностранная конкуренция невозможна в силу того, что в этих областях применим только ручной труд (строители, пищевики, ювелиры, парикмахеры), либо в тех областях производства, где продукция иностранной фабричной промышленности резко отличается от общепринятого здесь стандарта (некоторые сорта тканей, обуви, пиротехнические и парфюмерные продукты)» [1].

В 1926 г. в провинции Гуаньси, таким образом в более или менее чистом виде сохранилась лавочка-мастерская цехового ремесленника. С тех пор многое изменилось и в Гуаньси. Провинция быстро вовлекается в оборот внешней торговли, строятся мелкие заводы, крупные мануфактуры, строятся шоссейные дороги, — и кризис ремесла, наверняка, обостряется. Но в тех провинциях, где нет железных дорог, нет речного пароходства, где издержки транспорта слишком уж удорожают привозный товар, как в Шеньси, Каньсу, отчасти в Сычуани, Гуичжоу, ремесло держится более цепко. Однако малейшее оживление внешней торговли, малейшее улучшение транспорта обозначают собой уже глубочайший кризис ремесла. С этой точки зрения для ремесла общекитайская хорошая конъюнктура еще более губительна, чем застой, разрыв торговых путей и гражданская война. «Мелкий товаропроизводитель чувствует, что его интересы в противоположность интересам остального общества требуют сохранения этого монопольного положения, и поэтому он боится конкуренции. Он употребляет всяческие усилия, как единоличные, так и коллективные, чтобы задержать конкуренцию, чтобы «не пустить» соперников в свой район, чтобы укрепить свое обеспеченное положение мелкого хозяйчика, имеющего определенный круг покупателей» [2]. Борьба империалистов за открытые порты, за концессии, за железные дороги и была борьбой за рынок, за свободу конкуренции против упорного сопротивления мелкого производства, организованного в государственном масштабе. Эта борьба, пожалуй, все еще не закончена. Ремесло все еще делает, хотя все более слабые, попытки «не пустить» в свой район иностранный товар или фабричные изделия. Но как только внешняя торговля делает большой скачок, как только улучшается положение крупной промышленности, как только восстанавливаются торговые пути и транспорт, ремесло гиб-

[1] О. Тарханов, Очерк Гуаньси, журнал «Кантон» № 8—9, Кантон 1926.

[2] Ленин, Соч. т. III, с. 257.

нет. В этом отношении 1928 г. был весьма показательным. При общей хорошей конъюнктуре десятки и десятки, если не сотни тысяч, ремесленников обанкротились и сотни и сотни тысяч ремесленных рабочих стали безработными. В то же время разорились и мелкие купцы. В Пекине обанкротилось около 10 тыс. ремесленников и купцов, в Кантоне число обанкротившихся мелких купцов и ремесленников достигает нескольких тысяч. В Ухане число «зарегистрированных» безработных достигло 98 309, из коих 15 тыс. промышленных, 35 тыс. ремесленных рабочих и 41 тыс. приказчиков.

Довольно цепко держится цеховое ремесло и в старинных художественных ремеслах. Когда-то эти ремесла обслуживали императорский двор, верхушку бюрократии, богатейших купцов и помещиков. Художественные ремесла работали на определенный очень узкий круг покупателей. В верхах китайского общества произошли значительные сдвиги. Изменились нравы, вкусы, моды. Изменились одежды, формы, украшения. Когда-то до революции не золото, а нефрит (jade) считался самым прекрасным украшением: престол императора, его шапка, одежды высших мандаринов были украшены нефритом. Торговля нефритом и ремесло по обработке нефрита были настоящей средневековой мистерией. Теперь потребность в этих рабочих уменьшилась, ибо спрос иностранных туристов не может возместить бывший когда-то круг покупателей. Но ремесло все еще существует в старом виде, хотя его рынок суживается. Довольно цепко и крепко держатся цеховые ремесла по обработке серебра и золота. Это ремесло в Китае никогда не достигало такого уровня совершенства, как в Индии[1]. Бокалы, коробки для опиума и женской пудры и украшения выявляют фантазию и вкус ремесленников, но ничего особенного не представляют. Кантонские серебряные изделия никакой художественной ценности не представляют точно так же, как и знаменитые кантонские вышивки и шали, ибо эти вещи делаются для иностранцев и в них ничего «китайского» и ничего художественного нет. «Эти изделия являются уже продуктами развития торговли с иностранцами». Срок ученичества у золотых дел мастера — 7, а у серебряных дел мастера — 6 лет. Подмастерья оплачиваются относительно очень хорошо. Подмастерье за работу по золоту получает от 30 до 100 долл. в месяц, а у серебряных дел мастера—от 8 до 13 долл. Работа по олову, цинку, антимонию, никелю или платине редко

---

[1] «Journal of the North China Branche of the Royal Asiatic Society» 1912, p. 14

встречается в Китае. Работа по меди более распространена. Крупное значение имела и еще имеет работа по бронзе. По преданиям в XXII в. до нашей эры работа по бронзе уже практиковалась в Китае, и китайцы признают именно ее старейшим национальным искусством [1]. Теперь и это ремесло пришло в упадок, хотя некоторый вывоз (600 — 700 тыс. таэлей) и покупки туристов немного оживили эти ремесла. Статуи Будды, пагоды, курительные принадлежности, гонги, лодки — вот главные темы этого ремесла. В Шанхае, Кантоне и Пекине замечается некоторый рост этого ремесла точно так же, как и ремесла граверной работы по металлу или дереву и работы по лакированию. Гравердики по металлу уже организуются торговым капиталом даже в мануфактуры в Шанхае, Мукдене и Пекине [2]. Здесь надо иметь в виду, что «работы по лаку или гравюры на металле очень продолжительные работы и одна вещь изготовляется иногда в течение двух-трех лет» [3]. Это и создает предпосылку к подчинению этих ремесел торговому капиталу или к объединению ремесла с торговлей. Но вывоз этих изделий и покупка их туристами имеет еще одно своеобразное последствие. Художественные ремесла вырождаются под воздействием роста спроса. В Индии выделка муслинов, кашемировых шалей и ковров и ювелирных изделий достигла совершенно исключительного уровня развития именно как цеховое ремесло. Быстрый рост спроса приводил к подделке этих изделий, к ухудшению их качества, к переходу в мануфактурное производство и в конечном итоге к вырождению ремесла [4]. В Китае наблюдается такой же процесс точно так же, как и в Турции и Персии, где выделка ковров, художественной обуви и головных уборов переходит все более к мануфактурному способу, как и выделка ботиков в Индонезии, бумажных материй и игрушек — в Японии. Но тем самым эти ремесла вырождаются в связи с переходом к мануфактурному производству. Иногда сохраняются, иногда разлагаются совершенно необычайные «производства», которые только в Китае стали «монополией» какого-то цеха. В Нанкине ткачи были обязаны отдавать новую ткань на сглаживание специальным ремесленникам, которые имели привилегию на эту работу. После свержения монархии новые фирмы уже не соблюдают этого правила [5]. В Нанкине все еще имеются 234 огородника, занимаю-

[1] Там же, т. XLIV, 1913, с. 66.
[2] «Chinese Econ. Bulletin» № 171, 1925.
[3] «Journal of the North China Branch», 1912, p. 65.
[4] Gadgil, The Industrial Evolution of India, London 1924, p. 38.
[5] «Chinese Econ. Bulletin» № 25, 1925.

щиеся разведением цветов; они организованы в две гильдии (45 огородников в городе, 189 — в окрестностях города), причем цены устанавливаются совместно, и ремесло является наследственным[1]. Но это — наследственность ремесла, наследственное членство в гильдиях — скорее бытовой штрих, чем социальная категория. В Китае кастовая система не прививалась никогда и наследственность профессии существовала лишь в некоторых, весьма специальных отраслях производства. Но мы увидим еще, что в сфере обращения, в сфере торговли имеет место также цеховая монополизация не только отдельных отраслей торговли, не только торговли отдельными предметами, но даже отдельных функций в рамках этой гильдейской монополии. Это объясняет чрезвычайно большую распространенность всяких броукеров, маклеров, комиссионных агентов. А их не обойти, ибо они имеют освященную традицией цеховую монополию на эти функции.

Наряду с гильдией ремесленников огромную роль играют гильдии различного рода кули. Здесь конечно не кули имеют монополию, а всякие предприниматели, подрядчики, контракторы. В китайском городском и в межгородском транспорте огромное значение имеют рикши-кули и кули при своеобразных китайских тележках. Общеизвестно, что в Пекине 70 тыс., в Шанхае — 50 тыс. чел. занято только как рикши-кули. Известно также, что как общее правило рикши и тележки принадлежат не кули, а крупным предпринимателям, имеющим несколько сот, а иногда и несколько тысяч рикш и сдающим их в подряд иногда через третьи-четвертые руки. Останавливаться на этом виде транспорта в этой связи мы не будем. Достаточно будет только указать, что значительная часть грузового оборота в стране также идет на спинах кули-грузовоза, что в портах, на железнодорожных станций заняты десятки тысяч кули, организованных в артели под руководством артельного старшины или подрядчика. Не будем также говорить об уровне жизни и эксплоатации этой категории рабочих, об их былой и настоящей борьбе против трамвая, железных дорог и автобусов, лишающих их последней чашки риса. В отношении этих «промыслов» территория делится между отдельными группами предпринимателей и рабочих. Цеховые устои все еще настолько сильны, что в Шанхае в 1928 г. забастовала гильдия рикш-кули и предпринимателей в знак протеста против нового налога. Подобную забастовку прово-

[1] «Chinese Econ. Bulletin», № 46, 1925 г.

дила и гильдия мясников в Шанхае. Наряду с транспортниками большую роль играют в китайских городах водовозы и кули-собиратели нечистот. Водовозы также нанимаются к контрактору-подрядчику. При этом водовозы так же, как и рикши-кули, живут на хозяйских харчах и в помещении, предоставленном хозяином, если эти ужасные места можно вообще назвать помещением. Даже в городах, где уже имеется водопровод, как в Пекине, Уси, несколько тысяч человек все еще занято этой профессией. Надо иметь в виду, что во многих китайских городах именно эта категория рабочих — рикши-кули, грузовозы, водовозы, собиратели нечистот, кули при тележках, кули-грузчики и, наконец, кули без определенной профессии, кули-поденщики, кули-чернорабочие — составляют большинство рабочего класса.

* * *

В этой связи нас интересуют еще три вопроса: 1) положение ремесленных рабочих, 2) социально-политический облик ремесленников и 3) влияние революции и контрреволюции на ремесло.

Необходимо указать, что положение ремесленных рабочих подмастерьев и учеников гораздо хуже, чем положение промышленных рабочих. В этом сходятся все наблюдатели. «Как правило, условия труда промышленных рабочих значительно лучше, чем ремесленных рабочих. Это касается и длины рабочего дня, и заработной платы, и условий подыскивания мест. Объясняется это, кроме общих в таких случаях причин, тем обстоятельством, что в Гуаньси квалифицированных, обученных для машинного труда рабочих очень мало, и они могут поэтому сравнительно легко добиться улучшения условий своего труда. Исключение составляют горнорабочие, где особого обучения не требуется, но именно у них условия труда также не лучше, чем у ремесленников, а в санитарном отношении даже хуже»[1]. Так пишет тов. Тарханов о положении ремесленных рабочих в Гуаньси. А вот что сообщается о положении промышленных и ремесленных рабочих в провинции Шаньси:

«Рабочие в Шаньси разделяются на две категории: на рабочих в новых отраслях промышленности и на рабочих в старомодных производствах. К первой категории принадлежат железнодорожники, шоферы, механики и вообще рабочие

[1] О. Тарханов, „Очерки Гуаньси“, журнал «Кантон» № 8—9, 1926.

современных предприятий. Большинство этих рабочих приехали из Тянь-цзина, Шанхая и Ханькоу. Их месячная заработная плата колеблется от 10 до 30 долл. Среди рабочих в Шаньси эта категория рабочих живет лучше всех. Они живут в довольно приличных домах, едят пищу из пшеничной муки, а иногда и мясо. Они одеваются опрятно, а иногда даже немного по-европейски. Таких рабочих легко различать даже в большой толпе. Они носят шляпы на иностранный манер, кожаные ботинки и китайский пиджак и штаны... Ремесленные рабочие получают 4—8 долл. в месяц. Из этой суммы они питаются, одеваются и должны содержать свои семейства. Они живут в глиняных домах, а иногда в подвале или пещерах в лёссовой почве. Их главный предмет питания— картофель или пища из пшенной муки. Для них даже капуста и овощи — роскошь; они вероятно никогда в своей жизни не едят мяса. Они одеваются в одежду из грубейшей ткани. Их месячный расход на пищу и одежду вряд ли превышает 2 — 2,5 доллара»[1].

Это сообщает уже китайский наблюдатель. А американский либеральный буржуа Гэмбль, обследовав вместе с китайцем Мын положение рабочих в Пекине, пришел к следующему выводу:

«У гильдии имеется тенденция установить заработную плату неквалифицированного рабочего около голодного минимума. Зарплата квалифицированных рабочих, каменщиков и плотников, на 70% превышает зарплату неквалифицированных рабочих. Тем не менее и их экономическое положение тяжелое, ибо в течение четырех месяцев в году они не работают в силу климатических условий. Зарплата неквалфицированных рабочих настолько низка, что значительная часть их не в состоянии даже жениться. Гильдии стараются сохранить известный минимальный уровень жизни. Если чрезвычайные условия привели к временному повышению уровня жизни, то гильдии не пытаются сохранить это повышение. Они повышают зарплату лишь тогда, когда реальная заработная плата уже около уровня голодного минимума»[2].

Да, пекинские гильдии повысили зарплату в 11 раз с 1859 г. до 1924 г., но повышение цен и обесценение денег

[1] «Chinese Econ. Monthly» № 9, 1925, p. 23.

[2] Tien Pei Meng and S. Gamble, Prices, Wages and the Standard of Living in Peking 1900—1924, Peking 1926, p. 110.

свели эти повышения на-нет, или вернее повышение зарплаты было лишь следствием повышения цен и обесценения денег.

Итак, как общее правило, можно установить, что ремесленный рабочий живет хуже промышленного, что зарплата ремесленных рабочих равняется голодному минимуму, что неквалифицированные рабочие не в состоянии жениться. Несмотря на адскую эксплоатацию промышленных рабочих, они живут лучше, чем ремесленные рабочие. И эта худшая эксплоатация окутана еще во многих отношениях внешней оболочкой средневековой цеховой патриархальщины.

Теперь уже совершенно ясно, что в средние века подмастерье и ученик жили в доме мастера потому, что их легче было контролировать, легче было смотреть за тем, чтобы они не работали на сторону и тем самым не конкурировали с мастерами и не нарушали цеховых правил. Это был своеобразный «контроль над производством». Как цехи боролись против странствующего ремесленника, против домашней работы и против деревенских промыслов, так они были вынуждены бороться с конкуренцией собственных подмастерьев и учеников. Поэтому подмастерья и ученики жили в доме мастера, поэтому жили они на хозяйских харчах. По мере разложения ремесла и развития капитализма исчезала эта докапиталистическая черта из взаимоотношений мастера с подмастерьем. Зомбарт утверждает, что в 40-х гг. подмастерье был еще домочадцем мастера, по крайней мере в средних и небольших городах. В 1867 г. в столярном ремесле из всех подмастерьев и учеников в этом году 12,9% жило еще у мастера, в 1871 г. уже только 7,3%![1] В Китае подмастерья и ученики все еще очень часто являются домочадцами мастера. Докапиталистические остатки имеются еще в условиях труда; докапиталистические пережитки довлеют еще над взаимоотношениями рабочего и хозяина. Но и в Китае разлагается уже патриархальщина. Еще очень часто встречается положение, при котором подмастерье и ученик являются «членами семьи», «членами трудовой общины». Но мы знаем уже, что в Шаньси ремесленные рабочие живут вне дома мастера. Мы знаем, что заработная плата подмастерья состоит из трех частей: собственная зарплата, деньги на довольствие и комиссионные. Деньги на довольствие часто удерживает себе хозяин—и в этом случае подмастерье живет на хозяйских хар-

[1] В. Зомбарт, Германия накануне экономического переворота, СПБ 1900, с. 98—99.

чах. Бывает даже, что рабочий еще приплачивает мастеру, чтобы получить лучшую пищу. Но нередко рабочий уже получает на руки и эту часть зарплаты и живет вне дома мастера. Для европейского читателя наверное является загадкой, что это за штука — комиссионные. «Комиссионными» является та часть зарплаты, которую рабочий платит подрядчику, старшему подмастерью или артельному старосте. Некоторые рассматривают эту сумму как взятку за право получения работы. Другие говорят, что эта сумма является возмещением за пользование орудиями производства. Поскольку мы могли установить, эту сумму получает от рабочего лицо, которое достало ему работу»[1]. И это последнее объяснение правильно. Борьба за работу настолько остра, что эти комиссионные с 1900 г. до 1925 г. возросли в Пекине от 4% до 10% всей зарплаты! За тот же период деньги за довольствие возросли с 11% до 20% всей зарплаты. В Уси строительные рабочие платят 10% своего заработка подрядчику. То, что мануфактурные рабочие живут в помещении хозяина (а вовсе не в доме хозяина), что рикши-кули, водовозы и т. д. также часто живут в помещениях хозяина и на хозяйских харчах, на наш взгляд, дело другого порядка, чем проклятая патриархальщина в ремесле. Здесь мы имеем перед собой явление, общее раннему капитализму, когда предприниматель является для рабочего и домовладельцем, когда действует еще и trúck system, при которой рабочий покупает в лавочке предпринимателя, когда отношение капиталиста и рабочего дополняется еще и отношением ростовщика и должника. Эти явления мы имеем еще на японских, китайских и индийских фабриках. На этих же фабриках все еще в силе система «коммиссионных», которые получает надсмотрщик в Шанхае и Ханькоу и сирдар в Бомбее и Калькутте.

Патриархальщина, докапиталистические условия труда конечно притупляют классовую борьбу, принижают классовое сознание. Поскольку нам известно, с 1859 до 1924 г. в Пекине имели место только две забастовки подмастерьев, причем обе были безуспешны. Мы не знаем, какую роль играла борьба между мастерами и подмастерьями в жизни китайских городов. Поскольку мы знаем (а этот вопрос совершенно не изучен), во время тайпингского восстания выступили и горнорабочие в Гуаньси; во время мусульманского восстания горнорабочие в Шеньси и Шаньси и лодочники также боролись на стороне тайпингов. В боксерском восстании лодочники и груз-

---

[1] Meng and G. Gamble, Prices, Wages etc, p. 94.

чики-кули играли выдающуюся роль. Что было в городах — неизвестно. Поскольку мы знаем, раскол в гильдиях по линии мастеров и подмастерьев выявился в некоторых городах уже в 1921—22 гг. Огромный размах получила эта борьба в 1925 г., и мы вправе считать, что именно 1925 г. был началом взрыва гильдий и цехов, началом взрыва изнутри. Классовая борьба взорвала патриархальщину. Мастер, с одной стороны, и подмастерья и ученики — с другой, противостояли друг другу, как классовые враги. Ибо надо понять, что цеховый подмастерье — не предшественник пролетария. Он не стоит в Европе вне рамок и обеспеченности феодального и сословного общества. Он не находится на положении тех почти что париев, «элементов деклассированных, которые неизбежно должны были образовываться вместе с возникновением городов, тех элементов, которые составляли низшие бесправные слои населения всякого средневекового города, слои, находившиеся вне общины, вне феодальной зависимости и вне цехового строя... Эти элементы становились тем пред-пролетариатом, который в 1789 г. произвел революцию в парижских предместьях»[1]. Так писал Энгельс. Он же прямо указал Каутскому, что цеховых ткачей нельзя назвать пролетариями. Они стали пролетариями лишь с того времени, когда появились деклассированные, нецеховые ткачи-батраки, и поскольку таковые появились только с этого времени мы можем причислить их к своему пролетариату». В китайском городе пред-пролетариатом были также кули, а не цеховый подмастерье. Цеховый подмастерье стал пролетарием с того времени и постольку, поскольку цеховый строй его уже не защищал, поскольку этот строй разложился, поскольку появился промышленный пролетариат и видоизменил социальный облик всех других классов, поскольку цеховый подмастерье в смысле классового сознания вышел из цехового строя. Это не значит, что между цеховым мастером и подмастерьем не было классовых противоречий. Они были, и «Коммунистический манифест» упоминает уже наряду с классовым противоречием между крепостником и крепостным о классовой борьбе между цеховым мастером и подмастерьем, как об основных антагонистах феодального общества. Но нельзя смешивать в одну кучу классовые противоречия двух разных способов производства. Це-

[1] Письмо Энгельса к Каутскому, «Письма», изд. «Московский Рабочий» М. 1928, с. 374.

ховый подмастерье не был пролетарием. Он становился пролетарием по мере того, как разлагался цеховый строй. И в этом длительном процессе 1925 г. был решающим. В решающих областях Китая количество перешло в качество в этом смысле. Ремесленные подмастерья стали в общем и целом составной частью пролетариата. Чрезвычайно характерно, что Гоминдан в Гуандуне всячески старался просто превращать гильдии в профсоюзы. В Кантоне существовали все время три профсоюзных центра, причем два из них строились по существу на гильдейских началах. Лидеры Гоминдана даже в Ухане отстаивали право мастеров быть членами профсоюзов (май 1927 г.). После временной победы контрреволюции Гоминдан в профдвижении проводит этот же принцип, не отличаясь в этом отношении от реакционных партий XIX в. в Европе, которые усиленно организовывали союзы подмастерьев. Но в основном процесс в решающих центрах Китая завершен. Ремесленные подмастерья и ученики по сути дела уже вышли из цехового строя и примкнули к пролетариату. Рабочее движение в 1928 г. характеризуется именно тем, что ремесленные рабочие дали запоздалые бои контрреволюции. Эти бои продолжались и в 1929 г., когда начался новый подъем революционного рабочего движения вообще. Во время кантонского восстания по сути дела впервые в истории человечества ремесленный пролетариат и кули выступили за власть советов. Революционное движение 1925—1927 гг. нанесло в решающих частях Китая тягчайшие удары цеховому строю.

В этом дан ответ на вопрос о том, как влияла политическая революция на цеховое ремесло. Восстановление внешней торговли, восстановительные процессы в промышленности, дорожное и железнодорожное строительство, возникновение новых фабрик и мануфактур в 1928 ускоряют экономически его медленную, мучительную страшную гибель вначале в городах, а впоследствии и в деревнях. Этот неизбежный процесс определяет и политический облик ремесленного мастера, его политическое поведение.

Его экономическое положение чрезвычайно шатко, и этому соответствуют и его политические шатания. Он боится конкуренции и ненавидит империализм, который по отношению к нему является носителем конкуренции. Ремесленники в своем решающем большинстве ненавидят капитализм потому, что капитализм — их гибель. Этим объясняется то, что Ван Цзин-вей иногда не только других, но и себя обманывал фразами о некапиталистическом развитии. Это объясняет антикапиталистические тенденции Ганди, который, бойкотируя ан-

глийский товар, помогал конечно не ремеслу, а индийскому капитализму. Ведь не чарка, не крестьянская прялка, не каддар и кустарная ткань, а бомбейская фабрика занимает место английского товара. Но нам кажется, что между европейским и китайским ремеслом в этом отношении имеется довольно значительная разница. В Германии и в средние века и в XIX в. ремесленники эксплоатировали сравнительно мало подмастерьев (на 100 мастеров 70 подмастерьев в 80-х гг.). Все имеющиеся у нас данные и наблюдения говорят за то, что в Китае гораздо больше подмастерьев по отношению к числу мастеров. Где сохранилась еще лавка-мастерская, там хозяин скорее купец, чем ремесленник. Из этого вытекает, что европейский ремесленник пытался удержаться против конкуренции, на подобие крестьянина, путем недоедания, перенапряженного труда и сверхэксплоатаций своих подмастерьев и учеников. В Китае мастер имеет больше возможностей переложить недоедание и перенапряженный труд на своих подмастерьев и учеников. Когда поэтому движение промышленных рабочих увлекло за собой и ремесленных рабочих, когда поставлен был вопрос о повышении заработной платы и сокращении рабочего времени, тогда мастер, естественно, попал в лагерь контрреволюции. Но он, как союзник контрреволюции, также неустойчив. Если в Китае ремесленник-мастер под влиянием рабочих требований перешел в лагерь контрреволюции весной и летом 1927 г., если он стрелял в войска Етина и Холуна [1] осенью того же года, если он растерзал коммунистов в Кантоне в декабре 1927 г., то осенью 1928 г. он уже снова в оппозиции, — на левом фланге Гоминдана, но в рамках Гоминдана. Китайская крупная буржуазия могла капитулировать перед империализмом. Ремесленник не может заключить компромисс с империализмом, ибо империализм не может пойти ему на уступки. Империализм истребляет его. Поэтому ремесленник легко вовлекается в борьбу против империализма, но легко поддается и реакционно-утопическим устремлениям, шатается, колеблется. Он сам часто эксплоататор, но очень часто торговый капитал как скупщик его эксплоатирует беспощаднейшим образом. Кроме того, ремесленник точно так же, как и крестьянин, располагает еще средствами производства, но раздробленными средствами производства. Это обусловливает то, что он весьма

---

[1] Коммунист Етин и левый гоминдановец Холун в августе 1927 г. подняли восстание в Нанчане и попытались пробраться в Сватоу. Они к концу сентября заняли Сватоу. Превосходные силы контр-революции и ошибки руководства привели к поражению восстания.

легко попадает в лапы ростовщика. Этот вопрос — роль ростовщичества в сфере ремесла — вовсе не изучен. Но мы знаем, что в Индии ремесленник весьма часто уже не располагает собственными средствами производства, ибо они перешли в руки купца-ростовщика; а королевская комиссия по земледелию выявила даже случаи долгового рабства среди ремесленников [1]. В Китае, наверняка, имеются подобные явления. Под ударами империализма, китайского крупного производства, торгово-ростовщического капитала гибнет ремесло и ремесленник за исключением немногочисленных счастливцев, становящихся капиталистами; ремесленник шатается между основными силами революции и контрреволюции.

Это должно определять и тактику пролетариата по отношению к этому слою. Вопрос этот в колониальных странах имеет огромное значение. В этих странах сотни и сотни тысяч, а в некоторых — миллионы и миллионы ремесленников влияют на настроение города, а часто и деревни.

---

[1] «Report of the Royal Commission on Agriculture in ndia», 1928, p. 435.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗВИТИЕ МАНУФАКТУР

«С точки зрения самого способа производства мануфактура в начале ее развития едва ли отличается от ремесленной промышленности чем-либо иным, кроме большого количества рабочих, единовременно занятых одним и тем же капиталом. Мастерская цехового мастера лишь расширяет свои размеры. Итак, сначала разница чисто количественная» [1]. Но именно это-то обстоятельство и затрудняет проведение более или менее точной грани между мастерской ремесленника и мануфактурой. Не только с точки зрения способа производства, но и с точки зрения средств труда ремесло и мануфактура сначала отличаются лишь количественно. А «средства труда — не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд, ибо экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [2]. Средства труда в мануфактуре те же самые, что и в ремесле, но общественные отношения уже начинают изменяться. Ленин усматривал значение и суть капиталистической мануфактуры в том, что она «является промежуточным звеном между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала «и между крупной машинной индустрией (фабрикой)» [3]. Но при мануфактурном способе производства остаются прежними лишь средства труда. Общественные отношения и отношения в самой мануфактуре изменяются. «Вместе с появлением свободной от цеховых форм мануфактуры изменились тотчас же и отношения собственности. Первый шаг вперед от натурального, сословного капитала был сделан купцами, капитал которых был движимым, был капиталом в современном смысле слова, поскольку можно

[1] Маркс, Капитал, т. I, с. 298.
[2] Маркс, Капитал, т. I, с. 151.
[3] Ленин, соч., т. III, с. 299.

так выразиться в применении к тогдашним отношениям. Вторым шагом вперед было появление мануфактуры, которая в свою очередь мобилизовала массу натурального капитала и вообще увеличила массу движимого капитала по сравнению с массой натурального капитала.

Вместе с мануфактурой изменяется и отношение рабочего к работодателю. В цехах между подмастерьями и мастером продолжали существовать патриархальные отношения; в мануфактурах уже на место их появились денежные отношения между рабочим и капиталистом, которые в деревнях и маленьких городах продолжали носить патриархальный характер, а в крупных, подлинно мануфактурных городах уже рано потеряли почти всякую патриархальную окраску.

Расширение торговли и мануфактуры ускорило накопление движимого капитала, между тем как в цехах, не имевших никакого стимула для расширения производства, натуральный капитал оставался при тех же размерах или даже убывал» [1].

В Европе историческое развитие мануфактур началось в Италии и Фландрии, где мануфактуры работали с самого начала преимущественно на внешний рынок, и впоследствии в Англии и Франции, где они первоначально ограничились внутренним рынком. Переход от мануфактур к крупной машинной индустрии завершился в Европе в течение почти трех столетий.

Если обратиться к истории кооперации в Китае, то надо констатировать, что Китай опередил Европу на много столетий. Уже Маркс отметил, что с точки зрения развития промышленности регулирование воды имело большое значение. Он же указал примеры Ломбардии, Голландии и Египта. Создание оросительных систем и крупных сооружений против разливов рек, впоследствии постройка китайской стены, вырытие каналов и постройка дорог были в Китае главными видами кооперации. Но кооперация имела место и в области промышленного производства. Страна нуждалась в металлах для чеканки монет, выделки оружий и разной посуды. Надо было развивать горное дело. Уже в XI в. добывалось, кроме серебра и золота, на государственных рудниках 8 693 тонны меди, 3 274 тонны железа, 5 474 тонны олова, 1 382 тонны цинка, и летописи отмечают, что в 1236 г. — 760, в 1237 г. — 1 000 семейств были в принудительном порядке переведены в Шаньси для плавки чугуна, а в 1236 г. — 11 000 и в 1264 г. — 4 000 семейств в Шаньдун — для той же цели» [2]. Тысячи и тысячи

---

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, с. 237—238.

[2] W. F. Collins, Mineral Entreprise in China, 1922, p. 21—22.

семейств были мобилизованы для добычи серебра и работы на золотых приисках. Производство — несомненно крупного масштаба. Арабские путешественники отмечают, что китайский флот в XVI в. имел суда, на которых команда и стража состояли из 1 000 человек[1]. Несомненно, что судостроение было развито и в середине XIX в. в Пак-Хо, в Хунани и в Чжецзяни на самом деле десятки и десятки тысяч рабочих были заняты на крупных судостроительных предприятиях. Марко Поло сообщает, что в теперешнем Ханьчжоу имелись мастерские с общим числом рабочих 20 и 40[2]. В XIII в. в Ханьчжоу же был «дворец правительства, окруженный мастерскими, где работали ремесленники, выделывая превосходную одежду, оружие и орудия войны... Там находилось 1 600 мастеров-ремесленников, каждый из которых имел под своим управлением трех или четырех подмастерьев»[3] (эти ремесленники были казенными рабами). Мы знаем, что уже в XI в. были крупные гончарные мануфактуры и крупнейшие фарфоровые мануфактуры в Цзин Дэ Чжене, и развились они тогда, когда во Франции еще не мечтали о королевских мануфактурах. Монетные дворы, оружейные мастерские и по всей вероятности монастыри были также местами крупного производства.

Если обратиться к доступным нам источникам относительно положения этих производств в первой половине XIX в., когда сношения с Европой начали уже производить в экономике Китая глубокие изменения, то оказывается, что горное дело (добыча угля и железной руды) не претерпело к этому времени изменения, что фарфоровое дело уже находилось в упадке гончарное дело не развивалось; после водворения власти Маньчжоу и прихода европейцев начинается кризис крупного судостроения. Вилльямс сообщает, что в Кантоне насчитывалось более чем 5 тыс. сапожников и 6 000 шелкоткачей[4], но нам ничего не известно о том, чтобы шелкоткачи были уже организованы в мануфактуры. Наоборот, все данные указывают на то, что в основном шелкоткачество было домашней работой. Весьма наблюдательный русский монах Иакинф сообщает лишь о том, что «правительство содержит три шелковые фабрики: в Цзян Нин-фу, Су Чжо-фу и Ханьчжоу-фу. На этих фабриках выработают для двора разные шелковые ткани в таком количестве, какое по соображениям дворцового пра-

[1] Г. Сафаров, Классы и классовая борьба в китайской истории, Гиз 1928, с. 247.

[2] Iule, Marko Polo's Travels, т. II, p. 186.

[3] Г. Сафаров, Классы и классовая борьба в китайскойистории, с. 259

[4] Willams, Middle Kingdom.

вления признано будет достаточным для годового потребления. Образцы дворцовых тканей в узорах меняются через каждые 10 лет и заменяют в империи то, что в Европе мода. Самые лучшие шелковые ткани работаются в Ханьчжоу-фу и назначаются для лиц императорского дома и доставляются сухим путем, а прочие водой» [1].

А в Пекине, где тогда императорский двор пребывал, он также не нашел больших фабричных; заведений но в некоторых сложных художественных изделиях производство одной и той же вещи разделяется на части; напр., в работе искусственных цветов одни режут из травяной сердцевины листы, другие составляют из них цветы; крашение цветов производится через третьи руки. Таким образом же образом работа роговых фонарей от мочки сайгачьих рогов до последней спайки частей в одно целое проходит через шесть рук.

Работа искусственных цветов производится в разных домах и семействах, а обработка фонарей на одной фабрике — только разными людьми [2].

В Европе ткачество было первой из мануфактур и осталось главной из них. «Возросший вместе с ростом населения спрос на материи для одежды, начавшийся благодаря ускорившемуся обращению, накопление и мобилизация натурального капитала, вызванная этим, и благоприятствуемая постепенным расширением сношений потребность в предметах роскоши дали ткачеству и в количественном и в качественном отношениях толчок, вырвавший его из рамок прежних форм производства» [3].

В своем письме [4] к Каутскому от 21 мая 1895 г. Энгельс также подчеркивает огромное значение ткачества, а именно нецехового ткачества для развития капитализма и нецеховых ткачей-батраков для развития пролетариата. Поскольку нам удалось выяснить, ткачество в Китае не развивалось в сколько-нибудь значительной мере до мануфактуры. Производство хлопчатобумажной ткани, производство ткани из льна и, за исключением королевских мануфактур, из шелка было городской и деревенской домашней промышленностью. Крестьянская и городская беднота в особых условиях Китая, при исключительно тяжелой эксплоатации, снабжала потребным коли-

---

[1] Иакинф. Китай в гражданском и нравственном состоянии, с. 42.
[2] Иакинф, Китай в гражданском и нравственном состоянии, с. 39—40.
[3] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, с. 237.
[4] «Письма», изд. «Моск. раб.», с. 375.

чеством ткани не только город, но даже, в известной мере, внешний рынок. Не в этом ли одна из важнейших причин того, что Китай собственными силами не развился до крупного машинного производства?

В других отраслях производства недостаток рабочих рук не стимулировал улучшения техники. Китайцы знали технику бурения. Так, они добывали соль в Сычуани. Они изобрели компас, порох, технику книгопечатания, технику горного дела и т. д. Но на этом дело остановилось. Китайская деревня всегда выбрасывала достаточное количество кули, чтобы снабжать рабочими руками эти производства; государство же в порядке принудительном обеспечивало себя рабочими руками. По словам Энгельса человек давил на средства производства. Из-за обилия рабочих рук задержалось развитие техники. «Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для исчезнувших общественно-экономических формаций»[1]. Орудия в мастерских ремесленников и в мануфактурах, поскольку мануфактура концентрирует лишь прежние средства труда являются орудиями исчезнувших способов производства, исчезнувших обществ. Капиталистическое развитие дало Китаю не только новую организацию производственного процесса, но и новые средства труда, новые двигатели, новые химические способы и приемы. Но именно поэтому возникает и второе затруднение. Чрезвычайно трудно провести точную грань между мануфактурой и фабрикой.

* * *

Количественно и качественно важнейшую роль из всех мануфактур играет в Китае ткачество. В другом месте мы уже указали подробнее на ход развития ткацкого дела в Китае и на процесс возникновения ткацких мануфактур[2]. Здесь достаточно будет сказать, что развитию ткацких мануфактур способствовала та техническая революция, которую хотя и частично переживал этот промысел. Наряду со старомодным деревянным ткацким станком уже появился современный деревянный станок, а кое-где и железный станок. Замена старых орудий производства новыми повысила производительность труда более чем в 2 раза при применении современных дере-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, с. 151.

[2] Л. Мадьяр. Экономика сельского хозяйства в Китае, с. 297—303

вянных и более чем в 4 — 5 раз при применении железных ткацких станков. Подобная техническая революция началась в шелко-ткацком деле, в котором лишь в 1908 г. был введен первый станок типа Джакарта в Ханькоу[1]. Относительно распространенности ткацких мануфактур мы не будем приводить примеров. Достаточно сказать, что в каждом городе их немало, что в крупных центрах ткачества, например в провинции Хобей (Чжили), даже в деревнях имеются более или менее крупные мануфактуры. В Шаньдуне кулак часто держит 4—6 ткацких станков в своем доме. В самых развитых городах, где имеется электрическая силовая установка, начинается уже новая техническая революция в этом производстве. Электричество вводится как двигательная сила и превращает мануфактуры в фабрики. В Мукдене имелось в 1924 г. более чем 20 ткацких мануфактур, из коих 17 основаны на человеческом труде в качестве двигателя, а остальные три работали электричеством. На всех мануфактурах вместе взятых 1 824 станка, причем в мануфактурах с электрическим двигателем один рабочий работает на двух станках, а в ручных мануфактурах, как общее правило, на одном станке работают два человека, — один рабочий в качестве ткача и один ученик в качестве «двигателя. «Производительность ткацких станков с электрическим двигателем в два раза превышает производительность станков с ручным двигателем»[2]. (Кстати отмечаем, что во время военной конъюнктуры в 1917 г. в Мукдене работало 7 400 станков, а не 1 824!) Итак на ткацком станке с электрическим двигателем производительность труда рабочего в 8 — 10 раз превышает производительность труда на старомодных ткацких станках.

Подобную же неустойчивость мануфактур, но в то же время и такой же технический прогресс наблюдаем мы в Неучуане. Там в 1921 г. на 98 мануфактурах имелось 1 322, в 1925 г. на 120 мануфактурах — 2 тыс., а в 1927 г. на 87 мануфактурах— 1 200 ткацких станков. Применение электричества началось в 1915 г., а в настоящее время в 24 предприятиях 500 ткацких станков переведены на электросилу[3]. Это значит, что уменьшение числа предприятий и ткацких станков вовсе не равносильно уменьшению производства.

Как уживаются вместе средства производства на совершенно различном уровне техники, тому хороший пример Уси,

---

[1] D. K. Lieu, China's Industries and Finance, s. 236.
[2] «Chinese Econ. Bulletin», 1925, p. 90.
[3] «Chinese Econ. Journal» № 1, 1928.

где из 17 мануфактур на одной применяются железные, на трех — деревянные со стальными составными частями и на 13—деревянные станки[1]. Подобное явление мы можем наблюдать и в области шелкоткачества. Несомненно, что огромная масса шелкоткани изготовляется все еще в крестьянском хозяйстве. Но в этой отрасли производства мануфактурная организация труда дает уже больше выгоды, и шелкоткачество все более концентрируется в городских мануфактурах.

В Ханьчжоу в настоящее время уже более чем 4 тыс., в Хучжоу более чем 3 тыс. современных шелкоткацких станков типа Джакарда, а в долине Яньцзи и в Гуаньдуне шелкоткачество все еще занимает видное место в качестве домашней промышленности и мануфактуры. Если примем во внимание, что только 38% шелка-сырца вывозится из Китая, а 62% употребляются на внутреннем рынке, если примем во внимание, что, несмотря на конкуренцию других видов текстиля, в том числе и искусственного шелка, шелк все еще играет большую роль как материя для одежды зажиточных слоев населения, то будет ясным большое значение шелкоткачества.

Вкратце отмечаем, что по мере того как укрупняется производство хлопчатобумажной и шелковой ткани, ситценабивное и красильное дело укрупняется и переходит в мануфактуры. В Шанхае только на французской концессии имеются 40 красильных мануфактур с общим числом рабочих 2 000 чел.

За последнее время чрезвычайно большое значение приобретают в Шанхае, Ханькоу и других городах трикотажные мануфактуры. Имеются предприятия, где занято несколько сот работниц. Только в Шанхае имеются 60 больших мануфактур, среди них несколько весьма крупных. В Ханькоу имеются мануфактуры не только со 100 машинами, с 60—80, но и с 3 — 4 машинами. В Уху имеются 22 трикотажных мануфактуры с общим числом машин 800, причем одна фирма располагает 400 машинами, на которых работают 800 рабочих. Вывоз трикотажных изделий все возрастает, и в Индии уже раздаются вопли о китайской конкуренции. Большая дешевизна машин способствует распространению этого производства и в качестве домашней промышленности (одна трикотажная машина стоит 20 долларов), хотя, как общее правило, машины раздаются напрокат крупными предпринимателями. Экспорт трикотажных изделий делает необходимым производить стандартный, массовый товар, что подводит более проч-

---

[1] «Chinese Econ. Bulletin», № 3, p. 33.

ную базу под это производство. Почти каждая провинция или, вернее, почти каждый генерал имеет свою казенную пошивочную мануфактуру для снабжения армии обмундированием. В этих казенных мануфактурах обыкновенно работают сироты. Эксплоатация становится добродетелью. В Пекине в военно-пошивочной мануфактуре 450 сирот подвергаются худшей эксплоатации.

* * *

Несомненно, что давнишней старейшей мануфактурой в Китае является гончарная и фарфоровая. Когда эти производства начались, — не нам судить. Прекрасный знаток этого дела Бринклей утверждает, что исторические документы доказывают, что гончарное дело существовало в Китае уже в 2698 г. и фарфоровые мануфактуры — между 202 и 88 г. до нашей эры[1]. Не менее прекрасный знаток этого дела Палеолог утверждает, что китайцы знали гончарное дело только в 1700 г., а фарфор лишь в 1800 г. до нашей эры[2]. Мы не беремся судить, кто из них прав. Факт, что буржуазное «китаеведение» уделяло этому вопросу во сто раз большее внимание, чем крестьянскому. Мы не пытаемся дать исторический очерк развития этого замечательного производства. В 1625 г. пастор д'Антрколь утверждал, что в главном центре фарфоровых мануфактур, в Цзиндэчжэне 1 млн. жителей. Из его описания т. Сафаров делает вывод, что в XVII в. в Цзиндэчжэне была императорская крепостная мануфактура, обслуживавшаяся путем барщины, комбинированной с наемным трудом[3]. Правда, что сам Антрколь говорит о том, что там крупные купцы содержали поразительное множество работников. Очевидно, имелись там не императорские, а крепостные предприятия. Лонгфелло воспевал Цзиндэчжэнь за том, что там 3 тыс. печей и 1 млн. рабочих. Путешественник, побывавший в начале XIX в. в Цзиндэчжэне, тоже говорит, что население города превышает 1 млн. человек, и внешний вид города сравнивает с Бирмингамом, с той только разницей, что Цзиндэчжэнь производит не сталь, а фарфор[4]. Если половина или хотя бы четверть этих утверждений верна, то несомненно, что Цзиндэчжэнь был крупнейшим промышленным центром до-

---

[1] F. Brinkley, China, its History, Arts and Literature, Boston 1902, p. 6.
[2] M. Paléologue, L'art chinois, Paris 1887, p. 178.
[3] Г. Сафаров, *Классы и классовая борьба в китайской истории*, с. 294.
[4] Borget et Nick, La Chine Ouverte Paris 1835, p. 321.

капиталистической истории и немудренно, что в XII в. Китай вывозил фарфоровые изделия не только в Индию, Аравию и Африку, но начиная с XIV в. и в Европу. В более широком масштабе ввоз в Европу начался Ост-индской компанией в XVII в. В этот период начинается и упадок и вырождение производства. Когда в Европе и Америке началась погоня за «настоящим старым китайским фарфором», в Китае началась подделка фарфора. К середине XIX в. Цзиндэчжэнь пришел уже в упадок. Японское и французское производство опередило его. Тайпины заняв Цзиндэчжэнь, уничтожили лучшие императорские печи, чтобы истребить и память о проклятой фарфоровой дани. К концу XIX в. комиссар морской таможни уже сообщает, что в Цзиньдэчжэне 120 обжигательных печей и всего 160 тыс. рабочих[1]. В 1904 г. наводнение причинило огромные разрушения. А в 1928 г. население в Цзиндэчжэне навряд ли превышало 300 тыс.; на фарфоровых мануфактурах шли стачки рабочих, и делегация предпринимателей просила нанкинское правительство о спасении старинного классического производства[2]. Японская, германская и французская конкуренции, с одной стороны, сужение внутреннего рынка, — с другой, нанесли тягчайший удар Цзиндэчжэню. Но как же мог Цзиндэчжэнь устоять, когда из-за японской, германской, французской и т. д. конкуренции производство там все ухудшается, издержки производства повышаются, условия транспорта ухудшаются; когда два-три дня продолжается езда по реке на растоянии 7 ли, брак составляет 20% всех посуд, а на расстоянии 100 ли нет уже лесов, т. е. топлива вокруг Цзиндэчжэня; когда поставка угля дорога, дрова дороги, техника отстала, предприниматели бедны капиталами, на мировом рынке господствуют гигантские картели (в Германии объединились 22 крупнейших фирмы); когда обложение, ликин, душит производство; когда организация труда навряд ли отличается от средневековой? Мы не знаем точно, сколько рабочих занято в Цзиндэчжэне, но 10 тыс. рабочих занято только добыванием сырья — соответствующей глины. Рабочие по роду занятий организованы в цехи. Разделение труда необычайно дробное. Три основные функции — изготовление посуды, обжигание и украшение — разделяются на множество подфункций. Изготовление посуды разделено на пять, обжигание на 4 функции. Два новых предприятия уже применяют новую технику. Одна печь

[1] «Maritime Customs Decennial Reports», 1892—1901, т. I, р. 333.
[2] См. «Бюллетень научно-исследовательского института Китая».

применяет уже уголь как топливо. Очевидно, обжигательные печи сдаются в аренду. А все дело подчинено нескольким банкам и крупным фирмам из Ханькоу и Шанхая [1]. Судорожные попытки восстановить былую славу Цзиндэчжэня до сих пор кончались неудачей. Теперь на многих печах изготовляют уже обыкновенную посуду. Крупнейшие мануфактуры средних веков разлагаются...

Классической китайской мануфактурой была гончарная. Гончарничество было в значительной мере и деревенским промыслом, но потребность города и в значительной мере и деревни удовлетворяла мануфактура. Особенно известны гончарные мануфактуры в Исине. Они существовали якобы уже в V в. до нашей эры. Они достигли высокого уровня развития в XIV — XVI вв. В настоящее время имеются 63 печи, а относительно размеров производства достаточно указать, что 3 тыс. рабочих добывают сырье для изготовления посуды. Стоимость годичного производства равняется 1 млн. долл. 60% всего населения в ближайших деревнях занимаются на мануфактурах. Товар продается через брокеров, которые получают 6 — 7% комиссионных со стоимости товара. Налог — 5% стоимости, кроме лицзина [2]. Чрезвычайно интересна и своеобразна организация производства на гончарных мануфактурах. В Ган'яо (Манчжурия), в крупном центре этого производства заводчик нанимает печь у владельца. А **рабочие сами организованы на артельных началах**. Каждый завод имеет артель, в среднем 70 человек, из них 4 — 5 мастеров, 4 — 5 подмастерьев, от 1 до 5 обжигателей. Остальные рабочие. Далее нанимаются рабочие для подвозки глины и воды, для топки печей и т. д. Число таких рабочих достигает иногда 150 человек; среди них много детей. Эти рабочие нанимаются артелью. Прибыль распределяется следующим образом: 8% полагается заводчику, 38% мастерам и подмастерьям (причем мастера и подмастерья делят свою часть в пропорции 55 : 45), а 54% — остальным членам артели. Заводчик, однако, зарабатывает не только 8%. «Магазин заводчика удовлетворяет рабочего и его семью всем, вплоть до курения опиума, за исключением хозяйских хлебов, при этом весьма скудных. Рабочий находится в вечной задолженности. Семья рабочего тоже «отрабатывает» долг, не видя конца этому». Добавим к этому отвратительнейшие жилищные условия, постоянные простуды, ужаснейшие профессиональные бо-

---

[1] «Chinese Econ. Monthly», 1926, p. 314—327.

[2] «Chinese Econ. Monthly». № 3, 1926, p. 121—126.

лезни рук от работы с глиной, и нам станет ясно, что патриархальная артельная организация выродилась в долговое рабство. Товар сбывается через брокеров. В зимнее время и члены артели занимаются странствующей торговлей. Заводчик не имеет непосредственной связи с рынком. Зато все артели, вместе взятые, образуют гильдию, и «Ган'яо не знает случая, чтобы какой-нибудь завод совершил закулисную продажу по ценам, ниже установленных», пишет г. Герасимов в своей весьма интересной статье [1]. Таков же процесс и организация производства на гончарных мануфактурах Гуандуна. Ничто не изменилось в технике производства со времени династии Минов. Только при краске фарфора применяют немецкие приемы [2]. Подобную организацию мы находим и на кирпичных мануфактурах, если можно их так назвать. Они имеются почти вблизи каждого города. Они особенно распространены вдоль железных дорог, где имеется хотя бы некоторая возможность для перевозки готового продукта. Они растут вблизи растущих городов. В Лундане (Цзянсу) после постройки железной дороги число предприятий возросло с 2-3 до 40, а число кирпичесжигательных печей до 40 [3]. Отмечается, что рабочие являются «акционерами» или «партнерами» предприятий, т. е. в этой отрасли производства сохранилась артельная организация со всеми ее прелестями. Артель жестоко эксплоатирует поденщиков, а подрядчик или заводчик еще более жестоко эксплоатирует членов артели. Повидимому, патриархальные черты артели прикрывают ростовщичество, truck system и т. п. прелести этой организации.

В случае гончарного и кирпичного производства техника производства — необходимость сжигательной печи — обусловливает более или менее массовое производство посуды и кирпичей. Здесь технический момент становится организующим началом. Подобное соединение мануфактуры с артельной организацией труда имеет место и на мануфактурах для выдавливания сока из сахарного тростника. Разведение сахарного тростника пришло уже давно в упадок, и сахар из Формозы, Явы и Кубы вытесняет сахар китайского происхождения. Но на менее доступных для привозного товара местах и там, где нет поблизости крупного сахаро-рафинадного завода, как в Гуандуне, снабжающем сырьем гонконгские заводы, все

[1] «Вестник Манчжурии» № 1, 1928, с. 34—36.
[2] «Chinese Econ. Bulletin» v. № 276, VIII.
[3] «Chinese Econ, Bulletin», № 225, 1925.

еще удерживается культура сахарного тростника, на этих же местах удерживается и сахаро-прессовальная мануфактура. Эти мануфактуры обыкновенно принадлежат кооперативу крестьян, производящих сахарный тростник. Это кооперативное объединение крестьян сдает мануфактуру в аренду артели рабочих, а артель получает за работу сдельную плату. Артельное начало, соединенное обыкновенно еще и с землячеством, прикрывает наихудшие формы эксплоатации со стороны «заводчика» или артельного старосты. В то время как в России знаменитые артели народников были связаны главным образом с сельским хозяйством (сыроварение, маслоделие, лесорубка и т. п.), в Китае артели «сохранились» и в промышленной деятельности; сохранились, конечно, в совершенно выродившейся форме — не как ячейки коллективного труда, а как ячейки худших приемов первоначального накопления, соединенных с ростовщичеством, truck system и т. д. Подобные артели организуются из батраков и во Внутренней Монголии и в областях колонизации, артели часто работают как коллективные арендаторы на землях крупных земельных спекулянтов или помещиков.

Артельное начало сохранилось и в старомодной горной промышленности, которую может быть неправильно называть мануфактурой, хотя в ней несомненно также имеется кооперация. Эти китайские артели горняков и вообще артельная организация горной промышленности ни в чем не отличаются от горных предприятий средневековой Европы. В Тироле напр. серебряная руда сдавалась артели свободных горняков; в XII и XIII вв. в Европе владельцами горных предприятий выступали «кооперативные объединения рабочих», которые платили собственнику земли лишь арендную плату. Эти артели распределяли доходы, как крестьяне распределяют наделы, причем применялся принцип круговой поруки артели по отношению к собственнику. Но в Европе XIII в. уже началась диференциация среди членов артелей, которая впоследствии привела к превращению артелей в капиталистические предприятия [1]. Артельная организация «сохранилась» до сих пор на старомодных горных предприятиях в Шаньси, Шаньдуне и т. д. Не обошлось конечно и без идеализации артели в духе русских народников. Вот какие описания давались о них иностранцами в середине XIX в [2].

---

[1] Weber, Wirtschaftsgeschichte, S. 167—168.

[2] Эти цитаты взяты из работы т. Андреева (КУТК) «Мелкая промышленность в Китае».

«Артель выбирает из своей среды старосту, который является как бы доверенным рабочей артели и ходатаем по ее делам; хотя на старосте и лежат различные административные функции, а также заботы по закупке провианта для артели и по продаже продукции (угля, руды) артели, однако он не облечен никакими правами по отношению к членам артели. Все дела обыкновенно решаются общим собранием всех членов артели и простым большинством голосов.

Предприятия, принадлежащие рабочим артелям, располагая незначительными денежными средствами, составленными из паевых взносов членов артели (иногда взнос бывает в 3 — 5 руб.), в большинстве случаев лишены возможности дальнейшего развития и являются часто лишь средством существования для членов данной рабочей артели; иногда эти предприятия гибнут в силу незаконных действий местных властей, требующих уплаты за право разработки горных богатств (известны случаи, когда рабочие артели, открывшие залежи, напр., медной руды, должны были отказаться от эксплоатации их только потому, что местные власти требовали за разрешение по 10 — 70 тыс. лан) [1]. Артель обыкновенно состоит из 20 — 30 человек, причем членам артели почти всегда бывают уроженцы одной деревни или смежных деревень.

Почти полное отсутствие сведений не позволяет говорить о том, какое количество таких рабочих артелей занято в горной промышленности Китая; известно, что и добыча угля и добыча меди, золота, железа, серебра и пр. в различных провинциях Китая производится рабочими артелями. Имеются лишь отдельные сведения, которые позволяют думать, что артельное начало, напр. в каменноугольной промышленности, нашло широкое применение, а в некоторых провинциях даже и поощрнение властей, (см. «Известия Восточного ин-та», т. X, 1904 г., с. 271—218 и «Chinese Economic Bulletin» № 217, 1924). Провинциальные отчеты о каменноугольной промышленности за 1928 г., помещенные в газетах «Цзинбао» и «Миньгожибао», показывают что артельные предприятия продолжают процветать и в провинциях Шаньси, Хэнань, Чжили, Юньнань и др.; эти сведения подтверждают сообщение о том, что в отдельных уездах провинции Шаньси имеются сотни мелких каменноугольных шахт, разрабатываемых рабочими артелями.

Но наряду с горными предприятиями, принадлежащими рабочим артелям, существуют еще индивидуальные мелкие предприятия или мелкие паевые предприятия; последний тип

[1] Pawel, Province of Shantung «The China Review», 1875.

предприятий особенно распространен в китайской горной промышленности. Если судить о размерах таких предприятий с точки зрения рабочей силы, то, на первый взгляд, может показаться, что эти предприятия нельзя относить к разряду мелких предприятий, — так, бывает, что на предприятиях занято свыше 200 чел. рабочих; но, если принять во внимание объем продукции таких предприятий, то окажется, что 200 рабочих в день добывают не более 80 тонн угля. Объясняется это тем, что техническое оборудование таких предприятий самое примитивное и остается в том же состоянии, в каком оно было и в девятидесятых годах прошлого столетия [1].

Мелкие горные предприятия, как напр. каменноугольные, свою продукцию выбрасывают главным образом на местные рынки; организация сбыта и скорейшее получение денег за проданный товар имеют весьма большое значение для мелких предприятий, как артельных, так и частнопредпринимательских. В о п р о с ы с б ы т а и р а с ч е т а з а п р о д а н н ы й т о в а р о б ы к н о в е н н о в е д у т к т о м у, ч т о в б о л ь ш и н с т в е с л у ч а е в м е л к и е п р е д п р и я т и я о к а з ы в а ю т с я в р у к а х м е с т н ы х к у п ц о в и л и ф и р м, т о р г у ю щ и х у г л е м.

Сведения, имеющиеся по провинциям Чжили, Хэнань, Шаньдун и другим, показывают, ч т о о ч е н ь м н о г и е м е л к и е г о р н ы е п р е д п р и я т и я, о с о б е н н о р а б о ч и х а р т е л е й, ф а к т и ч е с к и я в л я ю т с я с о б с т в е н н о с т ь ю к у п ц о в, торгующих углем, так как они устанавливают цены, по которым сдается уголь, финансируют предприятия, назначают норму выработки, срок и пр.; часто бывает, что, если купец убеждается в прибыльности дела, то участок постепенно делается собственостью этого купца, а владевшая участком артель рабочих — рабочими этого купца или компании.

Из этих описаний невозможно установить, как далеко зашло расслоение в самих рабочих артелях. Повидимому, классовой идиллии не было уже в 1875 г., когда Пауэль опубликовал свое описание, и тем более ее нет в наши дни. Вся артель в целом эксплоатируется купцом, а члены артели — артельным старостой.

Разумеется, что даже подчиненная торговому капиталу старомодная горная промышленность может сохраняться лишь вдалеко от железных дорог, где еще не началось развитие современной горной промышленности. Технически добыча воз-

[1] G. W e g e n e r, Im innersten China. 1926, S. 285.

можна лишь там, где насосы еще не нужны, где подпочвенной воды еще нет, ибо именно это определяет предел добычи. Эти шахты очень часто дают очень небольшую продукцию — от 50 до 200 тонн за неделю, причем производительность одного горняка равняется 0,75—1 тонне угля. Цена 1 тонны угля у шахты — 2,50 долл., а в городе 4,50; высокие расходы на транспорт определяют то, что старомодные шахты могут работать только для местного рынка. Где улучшается транспорт, там начинается переход к современному способу добычи угля[1]. На таких же началах организована во многих местах в Шаньси добыча железной руды. Существенная разница заключается все же в том, что железная руда обрабатывается в доменных печах, и владельцы доменных печей совершенно подчиняют себе артели по разработке железных руд.

Полное подчинение средневекового производства финансовому капиталу можно наблюдать в провинции Юньнань на знаменитых оловянных рудниках в окрестностях Гоцзю. За эти рудники, как вообще за рудниковые богатства Юньнани, английские и французские капиталисты вели упорнейшую борьбу в течение двенадцати лет. Они получили концессию от пекинского правительства, но не могли побороть отчаянного, упорного сопротивления местных кругов, заинтересованных в рудниках. Местные власти просто-напросто арестовывали как изменников отечества лиц, которые продавали свои рудники или землю концессионерам[2]. Сопротивление было настолько упорным, что концессионеры в 1909 г. отказались от своих «прав». Техника добычи изменилась лишь в том, что иногда применяют взрывчатые вещества, если предполагается, что «фыншуй» — дух — не возражает. Горняки — пришлые из определенных округов Юньнани и Гуйчжоу. Добыча производится лишь в дождливый сезон. Число рабочих достигает 100 000 чел., когда производство идет полным ходом. Владельцы шахт вербуют рабочих артелями. Каждая артель состоит из 50 чел. под руководством артельного старосты, причем разделяется она на пять групп. Однако эти артели уже не участвуют в прибылях. Они получают лишь зарплату. Горняк получает 8 долл. в месяц, рабочий, занятый вымывкой руды, — 20 долл. Артельный староста получает за вербовку каждого рабочего 10 — 30 долл. Оловянную руду однако надо плавить. Выплавка производится на специальных заводах. «Гоцзю в действительности

[1] «Chinese Econ. Monthly» № 14, 1925, p. 26—27.
[2] Collins, Mineral Enterprises in China, p. 60—72.

является независимой республикой этих заводчиков под ограниченным контролем провинциальных властей. Гильдия этих заводчиков защищает интересы своих членов против вторжения иностранцев. Господство этих заводчиков поддерживается за счет рабочих и за счет шахтовладельцев, ибо последние вынуждены продавать свою руду по очень низким ценам. Часто владельцы этих доменных печей владеют и шахтами. Владельцы 60 доменных печей в Гоцзю господствуют неограниченно на рынке»[1]. Гильдия этих заводчиков прогнала английских и французских концессионеров для того, чтобы впоследствии капитулировать перед финансовым капиталом. Осуществлялось это дело весьма просто. Провинциальное правительство обеспечило за собой монополию на продажу 55% добытого олова; а впоследствии губернатор Тан Цзи-яо монополизировал продажу всего олова и продавал его гонконгским олово-рафинадным заводам. Когда Тан Цзи-яо умер, он оставил 50 млн. долл. Монополию на олово имеют все хайфонские и гонконгские капиталисты. В связи с ростом добычи олова на Малайских островах и в связи с падением цен на олово, добыча его в Юньнани переживает чрезвычайно тяжелый кризис.

Вывоз составлял в 1916 г. 7,7 тыс.; в 1917 г.—11,9 тыс.; в 1918 г.—8,8 тыс.; в 1919 г.—8,8 тыс.; в 1920 г.—11,5 тыс.; в 1921 г.—6,1 тыс.; в 1922 г.—9,1 тыс. тонн.

Мировой экономический кризис 1929—30 гг., во время которого перепроизводство олова привело к особенно резкому падению цен на олово, нанес особенно тяжелый удар этому производству в Юньнани, ибо более крупные предприятия в Малайских штатах и в Боливии пытались пережить тяжесть кризиса на Китай.

В провинции Хунань число шахт, на которых добывается антимоний, очень велико. Разработка их началась в 1895 г., когда в Японии стали истощаться рудники. Горные предприятия чрезвычайно мелки и разбросаны. И в этом случае капитал овладел процессом выплавки антимонной руды. В 1909 г. монополию на применение процесса Герреншмидта получило товарищество на паях из местных чиновников и джентри. Эта монополия была возобновлена в 1921 г.[2] Как в средневековой Европе выплавкой серебряной руды овладели отдельные предприниматели и тем самым под-

---

[1] «Chinese Econ. Monthly», № 4, p. 154—168.

[2] Collins, Mineral Enterprise in China, p. 94—99.

чинили себе все производство [1], точно так же получилось и здесь с выплавкой антимония. Все же различие заключается в том, что империализм со своей стороны подчинил себе китайского монополиста. Американский капитал обеспечил за собой торговую монополию над антимонием, как когда-то английский капитал торговую монополию над китайским чаем. Нью-Иорк, а не Чаньша торгует антимонием. Сокращение производства стали и автомобилей во время кризиса 1929/30 г. ввергло в острый кризис и это производство.

Мировая война дала огромный размах добыче антимония. В 1914 г. цены на 1 тонну антимония увеличились в 6 раз. Тогда и началась переработка руды в самом Китае.

Средневековые артели рабочих и средневековые гильдии владельцев плавильных печей одинаково подчиняются финансовому капиталу.

Нам не удалось выяснить, существует ли в той или иной форме артельная организация на писчебумажных мануфактурах, которые также принадлежат к давнишним производствам в Китае. Они строятся возле рек или ручейков, потому что чистая вода требуется в большом количестве для переработки сырья (бамбук, солома, рис, кора дерева и т. п.) в бумагу. Как известно, Маркс знал о двух древнеазиатских формах производства писчей бумаги в Китае и Индии [2]. Оба метода существуют до сих пор. Растущий ввоз иностранной бумаги, особенно сильно возросший во время революции, как-будто пока мало отражается на этой отрасли производства. Китай даже вывозит бумагу в страны, где имеется массовая китайская эмиграция. Заграничные китайцы хотят иметь «свою» бумагу. Писчебумажные мануфактуры особенно распространены в Чжэцзяне, в Гуандуне и в Фуцзяни. Полагают, что стоимость продукции бумаги в Фуцзяни превышает 8 млн. долл. [3].

Развитие капитализма однако не только создало ткацкие и красильные мануфактуры, не только преобразовало старые мануфактуры, но привело к созданию мануфактур в целом ряде старых отраслей производства, которые раньше выполнялись ремесленным или домашним трудом.

В Пекине, Тяньцзине и в ряде других городов Северного Китая имеются сотни и сотни ковровых мануфактур.

[1] Sombart, Der moderne Kapitalismus.
[2] Маркс, Капитал, т. I, с. 359.
[3] «Chinese Econ. Bulletin», № 291, 1925.

В Пекине в зависимости от конъюнктуры их число достигает 200—350; однако только на 19 из этих предприятий работает более 19 рабочих в каждом [1]. Эти рабочие почти сплошь дети. По данным Гэмбля на этом производстве из занятых рабочих 97% детей [2]. Рабочий день — 9-11 часов. В Тяньцзине их число, пожалуй, еще больше. Из 500 мануфактур только две располагают капиталом более чем 100 тыс. долл. Остальные — мелкие предприятия с капиталом в 1—2 тыс. долл. В 1924 г. около 100 тыс. рабочих занято было в Тяньцзине на ковровых мануфактурах [3]. Это производство однако переживает тяжелый кризис. Соединенные штаты, куда раньше на 80% направлялся вывоз, ушли с китайского рынка и покупают в Персии и Турции. Поэтому вывоз в 1927 г. упал на 50%. Теперь Англия является главным покупателем. Художественная ценность ковров сведена к нулю.

Нанкин славился своими бархатными мануфактурами. Перед революцией было 380 предприятий с общим числом «рамок» в 1 100; в 1924 г. 350 предприятий с 800 рамками, а с тех пор еще закрылось 24 предприятия. Смотря по количеству рамок, предприятия разделяются на три категории, причем одна фирма — семейство Ду — имеет 10, а другая — семейство Дэ — 3 крупных мануфактуры. Процесс концентрации идет быстрым темпом [4].

В селе Хушан (Цзяньсу) вся деревня состояла сплошь из кустарей-скульпторов, которые выделывали из глины всякие статуи. Раньше кустари сами торговали своими изделиями. Теперь уже 46 магазинов скупают эти изделия, а некоторые из магазинов создали уже свою скульптурную мануфактуру [5].

В Шаньдуне чрезвычайно важную роль играла выделка волосяных сеток. Это производство было домашней промышленностью, и не будет преувеличением утверждать, что когда это производство процветало им занималось 500 тыс. крестьянок. Теперь в связи с тем, что в моду вошли стриженые волосы, вывоз волосяных сеток резко упал. В эту же пору в Цзинани создалось несколько крупных мануфактур, на которых было занято 3 тыс. женщин [6]. Как кружевные мануфактуры, так и эти переживают тяжелый кризис.

---

[1] «Chinese Econ. Monthly» 1925, p. 15.
[2] Gamble, Peking, a Social Survey.
[3] «Chinese Econ. Bulletin», № 170, 1924.
[4] «Chinese Econ. Monthly» № 9, 1925.
[5] «Chinese Econ. Monthly» № 5, 1924, p. 13.
[6] «Chinese Econ. Bulletin», № 107, 1925.

В настоящее время уже из целого ряда старинных ремесленных производств вырастают мануфактуры, как например: мануфактура для выделки клуазона, для изготовления ламп, для изготовления столь необходимых для всяких ритуальных, религиозных, политических и бытовых обрядов хлопушек, ракет и материй для фейерверка, для изготовления популярнейшей игры мачжана и т. д. По мере изменения быта и обычаев возникают новые потребности. В Китае уже нужны зубные щетки. А зубные щетки изготовляются в мануфактурах с общим числом рабочих от 5 до 10, причем разделение труда проводится максимально; один рабочий делает костылики, другой бурит дырки в костыликах, третий вставляет волосы и т. д. В Китае уже носят обувь европейского типа. А для нее нужны щетки. А щетки в Мукдене изготовляются на довольно крупных мануфактурах. Привились в Китае и зубочистки. Их ввозили из Японии. Нагрянули бойкоты японских товаров. Возникли мануфактуры для изготовления зубочисток. Изготовление цыновок и плетение являются широко распространенными отраслями домашней промышленности, в Вэньчжоу и в ряде других городов имеются дюжины мануфактур. Изготовление свечей также переходит уже во многих местах к мануфактурному производству.

Мыловаренные мануфактуры в Фучжоу имеют капитал от 500 до 5 тыс. долл., а число рабочих от 5 до 20. В Ухане имеются 8 мыловаренных мануфактур. Более 1 млн. таэлей капитала инвестировано в эту отрасль промышленности, и годичная продукция их превышает 1 млн. долл. Крупнейшая мануфактура капитализирована на 250 тыс. таэлей, а мельчайшая на 23 тыс. таэлей. Эти мануфактуры уже скорее фабрики по своему масштабу. Мыловаренные мануфактуры перерабатывают в качестве сырья растительный воск, хлопковое масло, бобовое масло и т. п. Мыловаренные котлы современного типа довольно дешевы (800—1 000 долларов), прессовальные машины стоят 60—70 долларов, и таким образом с небольшим капиталом можно организовать мыловаренную мануфактуру, даже современного типа, где котлы разогреваются через трубы паром [1]. А старомодные мануфактуры пользуются простыми котлами без парового нагревания, хотя при этом способе в мыле остается 40—50% воды [2]. В этой области производства мануфактура в крупных городах уже переходит

---

[1] «Chinese Econ. Journal» № 4, 1928.
[2] «Chinese Econ. Bulletin» № 13, 1928, p. 161.

в хорошо оборудованную фабрику. Рынок имеется относительно широкий. Крупное производство бьет мелкое не только дешевизной, но и качеством товара в силу лучшего оборудования. В 1930 г. четыре крупнейшие иностранные мыловаренные заводы объединились в один трест и конкуренция этого крупного иностранного треста особенно быстро разоряет китайские мелкие предприятия. Такой же переход от мануфактуры к фабрике наблюдается в кожевенном деле. До развернутого товарообмена с внешним миром дубильное дело повидимому было деревенским промыслом. Ведь кожа, шкуры, играли весьма небольшую роль в одеянии китайского народа. В Индии первые кожевенные мануфактуры создавались вокруг Мадраса, когда начался вывоз шкур и кожи из Индии, и создавались они благодаря введению метода обработки шкуры так называемым хромовым процессом [1]. В Китае также экспорт кожи и шкур приводил к созданию мануфактур, в первую очередь вблизи монгольских областей, поставляющих основную массу этого сырья. В сравнительно небольшом городе Суаньхуа на северо-западе на 43 мануфактурах занято 5 600 рабочих, причем число рабочих на крупных доходит до 120—150. Мануфактуры работают лишь 7 месяцев в году, причем работают они на заказ крупных тяньцзинских экспортеров [2]. В Чунцине капитал кожевенных мануфактур меняется от 3 до 20 тыс. долл., количество машин от 2 до 7, причем машины приводятся в движение руками. В Тяньцзине и в Шанхае уже имеются крупнейшие фабрики, причем даже в Шанхае все еще можно найти все три типа организации производства: 1) старомодные мастерские со старомодным дубильным процессом; 2) мануфактуры с более новыми химическими процессами и 3) крупнейшие фабрики с современными машинами и новейшими химическими процессами.

Четыре типа производственных единиц можно найти и в области маслобойной промышленности: 1) мелкие мастерские с деревянными прессами; 2) мануфактуры с гидравлическим прессом, причем пресс частично уже из железа; 3) маслобойные заводы с железными прессами и с паровыми или электрическими двигателями и 4) новейшую фабрику с так называемым экстракционным методом извлечения масла. «В деревнях маслобойные предприятия часто организованы на кооперативных артельных началах, но кооператив носит явно

[1] Gadgil, The industrial evolution of India in recent times, 1924, p. 66.
[2] «Chinese Econ. Monthly», № 14, 1925.

кулацкий характер. В уезде Лун-ю (Чжэцзян), например, наиболее часто встречающийся тип маслобойных предприятий — это сезонное, создаваемое вскладчину несколькими крестьянами, нечто вроде товарищества на паях. Работают на них сами члены этого товарищества или их семьи, а иногда бывают и наемные рабочие. Клиентура у них набирается не только из местной деревни, но и из соседних, не имеющих своих маслобоен. Вознаграждение — в денежной форме.

Такие же «товарищества на паях» организуются на юге (в Гуандуне) для обработки сахарного тростника и выделки сахара. Но указывают, что бывают постоянные артели и бывают временные или сезонные артели, составляемые подрядчиком каждый раз, когда находится работа. При вступлении в артель рабочие заключают с подрядчиком договор о сроке работы и о зарплате. Кроме взрослых рабочих, в артелях работают и ученики. Обычно эти подрядчики жестоко эксплоатируют своих рабочих и учеников. Иногда в договоре обусловливается, что подрядчик помимо жалования должен кормить рабочих, а иногда рабочие получают на несколько копперов больше и обязаны кормиться сами[1].

Совершенно своеобразные формы принимает эксплоатация под оболочкой артельной формы в организации работы р и с о р у ш е к, причем следует иметь в виду, что рисоочистка производится в Китае все еще по-старому, и лишь в нескольких городах существуют крупные заводы.

Обрушка зерна производится либо дома своими средствами, либо путем найма специальных рабочих (напр., в Чжэцзяне, Цзянсу), работающих у нанимателя с его орудиями производства (глинистый сосуд и деревянный молоток — дробилка). По рассказам одного товарища из уезда Наньхай (в пров. Чжэцзян) в его родной деревне была большая артель таких рабочих, причем в роли подрядчика выступал местный джентри; когда крестьянам надо было рушить рис, они приходили к этому джентри и договаривались с ним о присылке рабочего, который приходил затем на дом к крестьянину, работал там и получал деньги, часть которых обязан был отдавать джентри-подрядчику в качестве комиссионных за рекомендацию на работу.

Однако это самый примитивный из существующих способов очистки риса. Теперь уже сильно распространена и другая, так сказать «новая» техника. Рис очищается между ж е р н о-

---

[1] Цитировано из весьма интересной работы т. В л а д и м и р о в о й, „Докапиталистические формы промышленности в Китае“.

вами. Наконец, в ряде городов имеются крупнейшие рисоочистительные заводы[1]. Пример: Уху, Ханькоу.

Следует еще упомянуть о перегонных мануфактурах, которые местами играют большую роль. В Шаосине (Чжэцзян) имеется около 700 перегонных предприятий, выделывающих из риса водку. Стоимость годичной продукции оценивается в 2 млн. долларов. В Манчжурии чрезвычайно распространен этот вид предпринимательства. Там сырьем служит гаолян. Процесс производства не отличается существенно от применяемого в русских деревнях метода производства самогона. Годичная стоимость товарной продукции в Манчжурии оценивается в 18 млн. долл. В Шаньси перегонное дело тоже весьма распространено, и полагают, что годичная продукция провинции достигает около 1 млн. литров[2]. Но мелкое и мануфактурное производство в Китае подвергается со всех сторон ударам конкуренции. Ввоз ликеров, спиртных напитков, вина и пива в Китай, как вообще ввоз предметов роскоши, постоянно растет. Уже имеются крупные китайские предприятия, подделывающие иностранные ликеры. Наконец, китайский и японский капитал организует уже крупное производство китайских ликеров. В этом отношении чрезвычайно интересно, что в окрестностях Чифу перегонный завод скупил землю и в настоящее время имеет крупное хозяйство в размере 3 тыс. му (150 акров) под виноградом[3]. Поскольку мы знаем, это одно из крупнейших сельскохозяйственных предприятий в Китае вообще. Водка, как продукция крупного производства и привозной товар, не проникает в деревню, где безраздельно господствует отечественное производство, но на городском рынке крупное производство и иностранные напитки уже теснят китайский товар.

* * *

Машинное производство сначала развивается на фоне мануфактурного производства средств производства. Существовали уже гигантские текстильные фабрики, когда сами машины еще производились ремесленниками, концентрированными в мануфактурах. «Машинное производство возникло первоначально на несоответствующем ему материальном базисе... Но на известной ступени развития крупная промышленность

[1] «Chinese Econ. Bulletin» 1928, p. 107.
[2] «Chinese Econ. Monthly», 1926, c. 555,
[3] «Chinese Econ. Bulletin» № 21, 1928, p. 264.

попадает и в техническое противоречие со своим ремесленным и мануфактурным базисом»[1]. Разрешается это противоречие тогда, когда крупная промышленность овладевает «характерным для нее средством производства» — самой машиной, «когда машина производит машины». В Европе этот процесс шел постепенно во второй половине XIX в., но только в 60-х гг. применяются машины при постройке первых моторов. Этим была создана техническая предпосылка к колоссальному железнодорожному строительству и океанскому пароходству и тем самым производственно-технический базис для перехода к машинному производству средств производства и средств передвижения, для чего нетрудно мыслить переход к империализму.

Китай, как и другие колонии, получил в готовом виде крупные средства производства и транспорта, а производство средств производства осталось в основном монополией империалистических стран. Зависимость отсталых стран от империализма воспроизводилась на более высокой ступени развития. Во время войны, когда промышленность империалистических стран была занята в основном работой на войну, открылись перед Китаем и Индией широчайшие возможности к развитию крупной промышленности. Они не могли воспользоваться в достаточной мере этой возможностью, ибо у них не было производства средств производства. Весьма интересно, что в Китае и Индии наиболее быстрый темп индустриализации мы наблюдаем не во время войны, а в первые годы после окончания войны, когда уже можно было получить машины. Темп индустриализации в Китае и в Индии снова замедляется в 1922/23 г., когда наступает кризис промышленности в обеих странах.

До войны и во время войны Китай знал преимущественно крупные железнодорожные мастерские и судостроительные верфи как отрасли промышленности, производящие средства транспорта. Эти заводы занимались главным образом ремонтом, и лишь шанхайские верфи развились до самостоятельного судостроения. Если не считать арсеналов, то производство средств производства происходило ремесленным способом в деревне (кузнец, плотник, деревообделочник) или мануфактурным способом в городе. Во время войны мануфактуры, производящие средства производства, быстро развивались. В Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене, Ханькоу, Кантоне,

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, с. 360.

Тайюане, Дайрене и т. д. имеются такие мануфактуры довольно крупного масштаба. В Пекине, Шанхае и Дайрене мы знаем о предприятиях с общим числом рабочих в 300—400. Эти мануфактуры изготовляют ткацкие станки, насосы, прессы для маслобоен и сахарных заводов, котлы для мыловаренных, спичечных, дубильных и прочих мануфактур. Теперь уже нельзя считать, что, например, количество ткацких станков, хлопкоочистительных аппаратов, моторов, оросительных аппаратов и т. д. современного типа определяется количеством ввозных машин. Китай уже имеет собственное производство средств производства, но только на мануфактурных началах. В Европе и Америке машины производятся исполинскими машинами, а в Китае искусными ремесленниками, объединенными в мануфактуры. В этих мануфактурах уже кое-где появляется электричество, мелкие моторы как двигательные силы, электрические печи и т. д.

Однако распространению этих мануфактур поставлены весьма жесткие пределы из-за недостатка в стране сырья (железа, меди) и топлива (уголь). Навряд ли существует в мире страна, где недостаток железа чувствовался бы так остро, как в Китае. Мастерская деревенского кузнеца и городская мануфактура одинаково работают, как общее правило, на старом железе. В открытых портах продается иностранный железный лом; внутри страны собирают и продают китайский лом. Английские и немецкие города сбывали и сбывают на китайский рынок свое старое железо [1]. Старомодное производство не может удовлетворить спроса. А крупное китайское производство чугуна идет на японские заводы. Китай же платит за английский и немецкий железный лом серебром.

Потребление железа в стране растет, но оно все еще составляет трагически ничтожную величину.

После окончания мировой войны великое множество этих мануфактур закрылось или влачит жалкое существование. Старомодные китайские железоделательные мастерские в Шаньси пережили кризис после первой встречи с иностранной конкуренцией [2]. Современные мануфактуры постигла такая же участь после войны.

Из них остались лишь самые крепкие.

---

[1] Sargent, Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy Oxford, 1907, p. 197.
[2] «Baron Richthofen's Letters», 1870—1872, S. 46.

* * *

Несколько слов об экономике мануфактуры и об ее удельном весе в Китае. Первое, что у китайских мануфактур, как вообще у мануфактурного способа производства, бросается в глаза, — это низкий органический состав капитала. Постоянный капитал представляет собой в сравнении с переменным небольшую величину. Мануфактура в этом смысле шаг вперед по сравнению с ремеслом, но все еще весьма неустойчивая экономическая единица, потому что относительно большая часть рабочих вовсе не обозначает, что мануфактура сама большая, а часто указывает лишь на то, что постоянная часть капитала весьма низка. Двести горняков добывают часто 80 тонн угля, но орудием для них служит толстая палка из бамбука с железным наконечником. В ковровых мануфактурах постоянный капитал, кроме сырья, состоит из деревянных рамок, — и это все. В мыловаренных мануфактурах все оборудование состоит из нескольких котлов, и даже совершенно современное оборудование стоит 800—1 000 долл. Деревянные ткацкие станки, швейные машины, трикотажные машины также очень дешевы. Трикотажная машина стоит 20 долл., ткацкий станок 25—30 долл. Мы указали уже на то, что основной капитал кожевенных мануфактур не превышает часто 1 000 долл. и т. д. В Китае распространяется преимущественно та отрасль производства в сфере мануфактуры, которая требует относительно небольших капиталов. Поэтому мануфактура чрезвычайно неустойчива.

1. «Мануфактура вообще не могла обходиться без таможенной охраны, так как достаточно было малейшей перемены в других странах, чтобы она лишилась своего рынка и была разорена; при более или менее благоприятных обстоятельствах, ее легко было снова ввести, но именно поэтому легко было и разрушать» [1]. А в Китае даже этой охраны — таможенной охраны — не было.

2. Владелец мануфактуры все же является капиталистическим предпринимателем. Ремесленник в случае заминки в делах снижает свои потребности, еще больше увеличивает эксплоатацию своих немногочисленных подмастерьев и учеников и путем недоедания и напряженного труда выжидает «лучших» дней. Во многих случаях ремесленник — не капиталистический предприниматель, т. е. он может существовать и без процента на свои капиталы и без предпринимательского

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, с. 239.

дохода точно так же, как парцеллярный и мелкий крестьянин. Владелец мануфактуры хочет прибыли, и поскольку прибыли нет, он закрывает свое предприятие. Малейшая заминка в делах, малейший удар плохой конъюнктуры — и сотни и тысячи мануфактур закрываются. Кризисы ударяют сильнее всего по мелким мануфактурным предприятиям. Если мелкий капиталист не может быстро реализовать товар, то недостаток капитала лишает его возможности продолжать производство. В Китае это тем более верно, что мануфактуры часто принадлежат товариществам на паях, которые исключают образование резервных фондов.

3. Для китайских мануфактур характерно относительно большое количество занятых рабочих. В большинстве отраслей мануфактурного производства подавляющее большинство рабочих состоит из женщин и детей [1]. В ткацких мануфактурах, где не введены еще железные ткацкие станки, в шелкоткацких, ковровых, кружевных и т. д. мануфактурах преобладает женский труд. Низкий органический состав капитала предполагает чрезвычайно высокую норму прибавочной стоимости. Высокая норма эксплоатации отягчается еще и тем, что рабочие, в особенности дети, живут в помещениях хозяина и на харчах хозяина. Но здесь уже не «патриархальная трудовая семья» ремесленника, где рабочие живут на хозяйских харчах, а жесточайшая форма эксплоатации раннего капитализма, когда предприниматель противостоит рабочему не только как покупатель рабочей силы, но и как домовладелец, трактирщик, купец. Но именно этот момент дает часто стимул к развалу мануфактур и к переходу к более низким формам организации производства — к домашней промышленности. Крестьянин или городская беднота, как работники на скупщика или раздатчика, снимают с хозяина заботу о снабжении рабочих продовольствием. Они могут продать свою рабочую силу ниже стоимости. В Китае мы часто наблюдаем подобные переходы, особенно тогда, когда плохая конъюнктура снижает прибыли предпринимателя. Но малейшее улучшение конъюнктуры вызывает к жизни новые мануфактуры.

4. Кризис сильнее всего ударяет по мануфактурам. Ремесло и фабрика по совершенно разным причинам более устойчивы к ударам кризиса, чем мануфактура. Этим определяется тот факт, что во время кризисов чрезвычайно быстро идет

[1] В Пекине в ковровых мануфактурах 97%, в малярных 35%, в портняжных 34%, в плавильных 30%, в ювелирных 43% всех занятых рабочих состоят из детей.

процесс концентрации мануфактур в руках самых удачливых предпринимателей. Неоднократно бывает, что один предприниматель имеет 6—10 предприятий. А кризисы сильнее всего ударяют по мануфактурам, производящим предметы роскоши. А в Китае как раз эти производства особенно распространены.

5. В постоянной части капитала относительно небольшую часть составляют средства производства, а относительно большую часть — сырье. А сырье, перерабатываемое на китайских мануфактурах, в большинстве случаев сырье сельскохозяйственного происхождения, как-то: хлопок, шелк-сырец, шерсть, щетина, рис, гаолян и т. д. Цены на эти товары на китайском рынке подвергаются резким колебаниям: после сбора урожая — низкие, непосредственно перед урожаем — высокие. Если предприниматель располагает более или менее значительным капиталом, то он в состоянии покупать при низких ценах большое количество сырья, а менее самостоятельный предприниматель вынужден покупать сырье при все подымающихся ценах. Это одна из главных причин того, что мелкие предприниматели не удерживаются в борьбе с крупными.

6. Целый ряд отраслей мануфактурного производства вызван почти исключительно внешним спросом, как-то: кружевное дело, вышивки, клуазонэ, бронзо-литье, изготовление кантонских шалей, ковровые мануфактуры и отчасти даже изготовление волосяных сеток, соломенных шляп, цыновок, плетений. Спрос со стороны внешнего рынка подвергается резким колебаниям, зависит от моды, от курса серебра, а может и совершенно прекратиться. В этом случае конечно большое количество мануфактур закрывается, выбрасывая рабочих на улицу. Но все же их роль, значение и удельный вес постоянно возрастает. Они являются одной из характерных черт развивающегося колониального капитализма. В Марокко, Алжире, Тунисе, Египте, Турции, Персии, Индо-Китае и вообще в колониях, где крупная машинная индустрия развивается весьма слабо, развитие капитализма в сфере промышленности идет именно через мануфактуры. В Китае однако над ремеслом и мануфактурой возвышается и крупная машинная индустрия.

7. С точки зрения территориального размещения крупное производство, за исключением горных предприятий, в общем и целом сконцентрировано в открытых портах или в Манчжурии в зоне японского влияния. Крупная индустрия размещена в Китае преимущественно в центрах империалистического влияния и очень часто на иностранных концессиях.

Мануфактуры однако распространены по всей стране, по всем городам. Они являются как бы пионерами крупного производства и концентрации капитала.

Что же касается удельного веса мануфактурного, ремесленного, кустарного и домашнего производства в сравнении с фабричным, то достаточно будет указать, что 65—75% всей потребности страны в ткани покрывает все еще ручное производство, хотя конечно относительно быстрое развитие крупной ткацкой промышленности (13 тыс. паровых ткацких станков в 1925 г., 25 тыс. — в 1926 и 29 тыс. — в 1927 г.) увеличило фабричное производство в Китае более, чем в два раза. Крестьянский домашний обиход; сельскохозяйственный инвентарь, посуда, кухонные принадлежности, мебель, оборудование жилища; целый ряд потребностей: табак, трубки, курительные свечи, оконная бумага, жертвенные свечи и многое другое, — все это фактически удовлетворяется ремеслом, кустарем или мануфактурой. В городе фабричная продукция этих изделий пустила уже крепкие корни.

Конечно, фабричные изделия начали наступление уже и на деревню. Теперь уже не только пряжа, керосин, спички, но и папиросы, стекло, посуда, ситец и даже обувь проникают в деревню.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Сохранение ручного производства и широко проведенное разделение труда, сравнительная неподвижность, подчинение мелких кустарей мануфактуре, подчинение мануфактуры торговому капиталу — вот главные характерные черты техники и экономического строя мануфактуры по Ленину. Обилие посредников между капиталистом и работником при домашней работе, sweating system, т. е. ситема вышибания пота, система наиболее напряженной эксплоатации, truck system, т. е. расплата припасами, антигигиеническая обстановка работы, ввиду соединения жилого и рабочего помещений, непомерная длина рабочего дня, привлечение к производству женщин и детей, понижение уровня потребностей работника, вследствие связи работника с земледелием, раздробленность рабочих, процветание кабалы и всяких форм личной зависимости, зависимость работника от земельных отношений, — вот основные характерные черты домашней работы по Ленину[1]. Широкое распространение домашней работы предполагает два условия: 1) наличность массового сельского пролетариата, который должен продавать свою рабочую силу, и притом дешево продавать; наличность хорошо знакомых с местными условиями зажиточных крестьян, которые могли бы взять на себя роль агентов при раздаче работы. В Китае имеются налицо оба условия. Но мы все же хотели бы указать, что зажиточный крестьянин более редко и купец более часто выполняют роль скупщика и раздатчика. Экономическая необходимость возникновения скупщика вытекает из необходимости организации сбыта, что вовсе не обозначает собой, что прибыль скупщика состоит только из разницы между крупным и мелким сбытом. Отношение между скупщиком и домашним работником может принимать различные формы. «Первой и наиболее простой формой является покупка изделий торговцем. Вто-

---

[1] **Ленин**, Соч. т. III, с. 344—347.

рая форма торгового капитала состоит в соединении его с ростовщичеством. Третьей формой торгового капитала является расплата за изделия товарами. Четвертой формой торгового капитала является расплата торговца теми именно видами товаров, которые необходимы кустарю для производства (сырье или вспомогательные материалы и т. п.). От этой формы остается уже один только шаг до той высшей формы торгового капитала, когда скупщик прямо раздает материал «кустарям» на выработку за определенную плату. Кустарь становится de facto наемным рабочим, работающим у себя дома на капиталиста; торговый капитал скупщика переходит здесь в промышленный капитал»[1]. Вот различные ступени и формы подчинения домашней работы торговому капиталу. В тот момент когда скупщик превращается в раздатчика, т о р г о в ы й капитал превращается в п р о м ы ш л е н н ы й. Отсюда уже один только шаг к объединению разрозненных рабочих и раздробленного производственного процесса в мануфактуру. Но раздатчик снабжает домашних рабочих только сырыми и вспомогательными материалами. Орудия производства принадлежат домашнему работнику или кустарю. Отсюда еще один шаг — и раздатчик может снабжать домашнего работника и орудиями производства. В Нанкине раздатчик снабжает женщин, изготовляющих кружево или вышивки, также орудиями производства. В Чжили чрезвычайно распространена отдача ткацких станков крестьянам напрокат. В Тяньцзине имеются фирмы, которые в течение трех лет отдали 200 ткацких станков напрокат. В Чжэцзяне в уезде Гуанху больше чем 10 тыс. трикотажных машин отданы напрокат[2]. В городах также чрезвычайно распространена отдача трикотажных и швейных машин напрокат. Ростовщические условия отдачи машин напрокат хорошо известны. (За машину стоимостью в 20 долл. домашний работник платит 1 долл. в месяц!). В случае раздачи машин, раздатчик является уже промышленным капиталистом; нехватает еще только территориального объединения разрозненных машин и рабочих в одной мастерской. Но именно раздача ткацких станков, швейных и трикотажных машин и т. д. напрокат доказывает, что технический прогресс при известных общественных условиях может быть использован для распространения худших форм эксплоатации.

В Китае переход от мануфактуры и домашнего труда к крупной промышленности совершается относительно мед-

---

[1] Л е н и н. Соч. т. III, с. 285.

[2] L i e u, China's Industries and Finance, p. 10.

ленно, ибо, очевидно, еще возможно «удешевление рабочей силы посредством простого злоупотребления работой женщин и малолетних, посредством простого лишения труда всех условий, при которых труд и жизнь могут протекать нормально, посредством жестокости чрезмерного и ночного труда». Там еще, очевидно, эти виды эксплоатации не наталкивались на естественные границы, ибо «когда этот пункт достигается — до этого проходит долгое время, — бьет час введения машин и быстрого с этого момента превращения рассеянного домашнего труда (а также мануфактуры) в фабричное производство»[1]. Обнищавшая китайская деревня и миллионные массы городской бедноты представляют из себя все еще «человеческий материал» для худших видов эксплоатации. А именно это обстоятельство задерживает развитие крупной индустрии. «Такие отношения являются препятствием для действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития»[2].

* * *

«Купец дает ткачу нить и другое сырье и авансирует немного денег. Купец записывает все это за счет ткача. Когда у ткача готова работа, он продает готовый товар купцу. Когда товар продается (обыкновенно через несколько месяцев), купец записывает в пользу ткача сумму, за которую он якобы продал товар (эта сумма обыкновенно гораздо ниже, чем настоящая продажная цена). Расчет производится таким образом: за каждую рупию авансированной суммы — цены нити и сырья — купец получает 1 анну за месяц, т. .е 75% годовых[3]. За каждую рупию из продажной цены купец получает 1 анну (т. е. 75% годовых) в качестве комиссионных. Кроме того, купец получает 1 анну из каждой рупии на жертвоприношение. Эта система быстро приведет к тому, что ткач окажется в безнадежной кабале у купца»[4].

В Индии около 6 миллионов ткачей. Для их положения характерно вышеприведенное описание Морисона. Но мы знаем, что в Китае, в уезде Шамин, крестьяне работают по заказу скупщика и зарабатывают 4 цента в день[5]. Мы знаем, что крестьянская семья, работая на деревянном ткацком станке,

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, с. 450.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 319.
[3] 1 рупия — 16 аннам.
[4] T. Morison, Economic Transition in India, London 1911, p. 144.
[5] «Chinese Econ. Monthly», № 8, 1926, p. 331.

зарабатывает 36 долл., а на железном станке 60 долл. в год. Мы знаем, что заработок в 5—8 долл. в месяц считается для крестьянок-ткачих совершенно идеальным и т. д. и т. п. В Динчжоу (провинция Чжили-Хэбэй) скупщики и торговцы поддерживают своих клиентов-крестьян денежными займами, которые они впоследствии должны отрабатывать [1]. В уезде Синань (Шэньси) многие крестьяне в деревнях, являясь должниками местных джентри, с разрешения последних выплачивают долг продуктами домашней промышленности (плетеные из бамбука сита, туземное полотно, цыновки и т. д.). Эти джентри не брезгают ничем, а так как должниками у них являются не один и не два, а гораздо больше крестьян, то в результате кладовые у них переполняются всякими товарами, и они получают в результате таких операций 200—300% прибыли [2].

Связь между домашним работником и купцом может принимать различнейшие формы. Весьма часто бывает, что крестьяне ходят со своим холстом, изготовленным домашним способом, на рынок и там продают или обменивают свой товар. Такое явление наблюдается в Гуанси. В Цзянси производители травяного полотна — важнейший после хлопчатобумажной ткани материал для одеяния — целиком зависят от оптовых фирм. Не имея средств на покупку пряжи, они берут авансы у скупщиков полотна, которые со своей стороны являются агентами оптовых фирм [3]. В Цзянси же купец часто уже сам покупает пряжу и предоставляет крестьянам сырье. Но чрезвычайно большую роль играет еще простое собирание изделий домашней промышленности агентами городских фирм в деревне. Так собираются ткань, цыновки, плетение. Нередко связь между домашней работой и торговым капиталом принимает форму работы на заказ. Женщины-кружевницы в Нанкине, Уси, Сватоу и Шанхае и крестьянки из окрестностей этих городов ходят к купцу, снабжающему их сырьем, орудиями производства, но в то же время и формами узоров. Такую форму связи наблюдаем мы между домашней работой и купцом в Нинбо в деле изготовления соломенных шляп. Бывает и так, что оптовые фирмы открывают свои полотняные агентства в деревнях, где изготовляются соответствующие изделия. В уезде Нань-Ло, где производится соломка, свыше 50 шаньдунских оптовиков имеют своих агентов для скупки ее [4]. Но,

---

[1] Очерк Линдуна за 60 лет. Сяо Чуан-ин.
[2] Владимирова. Докапиталистическая форма промышленности.
[3] «Chinese Econ. Bulletin» № 278, 1926.
[4] «Chinese Econ. Bulletin» № 177, 1924.

например, соломеные шляпы в провинции Шаньси сбываются на местных ярмарках, где оптовики всегда имеют своих заготовителей [1]. Раньше выделкой соломенных шляп занимались в отдельных деревнях кустари; выделка соломки также являлась кустарным промыслом в отдельных районах. Теперь в Нинбо имеются уже мануфактуры, а в Шанхае фабрики для выделки соломеных шляп.

Мы уже указали на то, что домашняя работа часто производится по заказу мастерской ремесленника или мануфактуры. Сапожные мастерские и мануфактуры отдают изготовление верхней части китайской обуви на дом. Отдельные части вееров и весь веер изготовляются не только в мануфактурах, но также в порядке домашней работы. Отдельные части жертвенных денег также производятся на дому, а собираются в мануфактурах. Чрезвычайно распространившееся за последнее время конфекционное и трикотажное производство является в большинстве случаев домашней работой по заказу раздатчика, снабжающего работницу сырьем, машиной и авансом. В случае более дорогих изделий (дорогие вышивки художественные изделия) домашний работник отдает свой товар купцу на комиссию, получает аванс, а расчет производится после продажи изделия. Все эти формы существуют в разных комбинациях и весьма часто комбинируются с ростовщичеством.

Все эти формы можно уложить в четыре основные формы, указанные Лениным. Докапиталистические, а в особенности переходные к действительному капитализму отношения отличаются именно многообразием, сложностью и большим различием форм.

* * *

Из всех отраслей домашней промышленности наиболее видное место занимает ткачество, а в особенности хлопчатобумажное ткачество. В Индии вопрос о домашних ткачах — одна из крупнейших социальных проблем. Число их превышает 5 млн. чел. Положение их еще хуже, чем положение крестьянской бедноты. Во всех отчетах о голодовках в Индии отмечается, что первыми на общественные работы, к общественным организациям помощи являются ткачи. Их разоряет конкуренция привозной ткани и конкуренция тканей крупных текстильных фабрик в Индии. В 1926 г. считалось, что ввоз иностранной ткани в Индию покрывает 20—25%, продукция индийских текстильных

[1] «Chinese Econ. Bulletin» № 182, 1924.

фабрик — 50%, а продукция домашних ткачей — 20-25% всей потребности Индии в ткани. Мы знаем, что в Китае число и значение нефабричных ткачей (включая сюда и занятых на мануфактурах) еще гораздо больше, чем в Индии. В 1925 г. продукция текстильных фабрик в Китае (27 млн. ф. ткани) покрывала 2,13%, привозная ткань (265 млн. ф.) — 22,6% и домашнее и мануфактурное производство (870 млн. ф.) — 74,2% всей потребности. С тех пор число паровых ткацких станков увеличилось с 22 тыс. до 29 тыс. к 1928 г., и тенденция идет именно к относительно быстрому росту текстильных фабрик, но все же основная масса текстиля производится домашним способом.

В Индии, в Бенгалии, Бомбэйском президентстве, в Соединенных провинциях, в Центральных провинциях и в Пенджабе соотношение между числом фабричных и домашних ткачей сложилось следующим образом [1]:

	1901	1911
Число фабричных ткачей и прядильщиков	137 000	204 000
» ручных ткачей и прядильщиков	1 482 086	1 296 186

В Бенгалии, одном из центров текстильной и джутовой промышленности, число фабричных рабочих равняется 600 000, а число ручных ткачей — 1 800 тыс. В Мадрасе число ручных ткачей составляло в 1911 г. 368 тыс., а в 1921 г. — 300 тыс. человек [2]. Несомненно, что в Китае относительно больше ручных ткачей, чем в Индии. Несомненно, что их число уменьшается еще медленней, чем в Индии. В то же время несомненно, что быстрый рост ткацкой промышленности при одновременном росте ввоза иностранной ткани и при уменьшении спроса приводит этот промысел к тяжелому кризису. Число паровых ткацких станков на крупных фабриках составляло:

1925	22 924	1926	24 057	1927	29 788

Несомненно, что с этой стороны китайским ткачам и крестьянам, занятым ткачеством, грозит катастрофа. Опыт Индии показывает, что судьба этих ткачей — медленное вымирание, медленная голодная смерть. Но пока в ряде провинций домашнее ткачество играет колоссальную роль не только в деревне, но и городах. Мы утверждаем, что в некоторых ме-

[1] «Report of the Indian Industrial Commission», London 1919, p. 396.
[2] G. Broughton, Labour in Indian Industries, Oxford, 1924 p. 125.

стах в Чжили и, пожалуй, и в Шаньдуне беднейшие слои крестьянства извлекают больше дохода из домашнего ткачества, чем из земледелия.

Огромную роль играет еще и шелкоткачество. Шелкопрядильни не могли еще уничтожить домашнего шелкопрядения. В этой области развитие современной индустрии постепенно оттесняет домашнюю промышленность. Она (домашняя промышленность) существует еще в глубине страны, где нет хорошего транспорта для поставки коконов на крупные шелкопрядильни или нет возможности построить фабрику. Шелкоткачество держится еще более упорно, ибо шелкоткацкие крупные фабрики только начинают развиваться за последнее время и спрос на шелкоткани на внутреннем рынке все еще велик. Искусственный шелк, японская конкуренция, распространение одежды европейского стиля, распространение шерстяной ткани — все это действует против шелкоткачества. Усиленно развиваются и шелкоткацкие мануфактуры. Развиваются и шелкоткацкие фабрики. В Ханчжоу на 11 шелкоткацких предприятиях 460 ткацких станков; в Шанхае уже в 1924 г. было 8 шелкоткацких фабрик; в Ханчжоу на одной фабрике — 150 ткацких станков [1]. Словом, шелкоткачество подрывается также со всех сторон; но оно все еще держится, и если около 60% всего шелка-сырца, производимого в Китае, остается в стране, то несомненно, что 70—80% всего этого количества превращаются в ткань ручным способом. В отношении понжэ или тусса-шелка процесс вытеснения домашней работы фабричным производством зашел весьма далеко (за последнее время 90% всего вывоза и составляла фабричная пряжа и только 10% шелк-сырец домашнего происхождения). Но шелкоткачество держится, хотя и здесь образуются крупные мануфактуры. На востоке провинции Шандун в четырех уездах тканье понжэ производится еще старым способом, но на мануфактурах. Там имеются 191 предприятие с 6 540 ткацкими станками и продукцией в 981 тыс. кусков [2]. Мануфактуры еще более сильно подрывают домашнее тканье в Манчжурии.

* * *

Империализм однако не только подрывает разные отрасли домашней промышленности, но и вызывает и развивает отдельные ее отрасли. Вывоз волосяных сеток, ковров, вееров,

---

[1] Kolu Li, Die Seidenindustrie in China, Berlin 1927, S. 15.
[2] «China Yearbook», 1924, p. 1474.

цыновок, плетений, соломки, соломеных шляп, хлопушек, жертвенных денег, кружев, китайской ткани, вышивок, трикотажных изделий и т. д. из Китая служит лучшим примером этому. Все эти производства, подробного описания которых мы не собираемся давать, имеют свою богатую событиями и кризисами историю. Волосяные сетки когда-то давали заработок сотням тысяч китаянок в Шаньдуне, чтобы впоследствии потерять былое значение вследствие изменения моды. Когда-то десятки тысяч китаянок выделывали кружева в Нанкине, Уси, Шанхае и Сватоу. Теперь добрая половина их осталась без работы. Приходит в упадок вывоз соломки, цыновок и плетений, китайских вееров, вышивок, кружев и т. д. Зато растет вывоз соломеных шляп, травяного полотна, жертвенных денег и т. д.

При этом следует иметь в виду следующее. Травяное полотно, жертвенные деньги, хлопушки, соломеные шляпы, отчасти и шелкоткань, вывозятся в особенности в те страны, где имеется большая китайская эмиграция, и в Корею, где бытовые обычаи похожи на китайские. Китайский эмигрант в Сиаме, Индонезии, Бирме, Индо-Китае, на Малайских островах и т. д. хочет иметь «свой» отечественный товар. Именно поэтому производства, обслуживающие эти рынки, в общем и целом процветают или хотя бы удерживаются. Вот примеры:

Вывоз жертвенных денег

1925	85 350	пикулей
1926	96 743	»
1927	94 548	»

Вывоз травяного полотна

1925	20 726	пикулей
1926	25 659	»
1927	[illegible]5 760	»
19[illegible]8	26 623	»

Но в тех случаях, когда домашнее производство вызвано капризами моды (вышивки, волосяные сетки, кружева, зонтики и т. д.), положение домашнего работника прямо-таки отчаянное. Изменение моды лишает сотни и сотни тысяч крестьянок и городских женщин заработка. Купец, который во время процветания производства «зарабатывал» 100—200%, прекращает скупку или раздачу и уходит со своим барышом, а работница ничем не может восполнить утерю этого заработка. Особенно катастрофическим становится сокращение этих производств, во время кризисов, когда потребление предметов роскоши больше всего снижается.

* *
*

Разные отрасли домашней работы размещаются в разных частях страны. Ткачество конечно распространено везде и повсюду. Но место шелкоткачества или производства травяного полотна определяется наличием сырья: коконов или китайской крапивы, рамы и т. д. Изготовление цыновок является печальной монополией болотистых мест, где имеется камыш — необходимое сырье для этого производства. Но нередко случайные моменты определяют распространение того или иного производства; так например, в изготовлении вышивок и кружев играли большую роль миссионеры и миссионерки. Трикотажное дело развивается преимущественно в крупных городских центрах, в долине Янцзы. Выделка жертвенных денег распространена по всему Китаю, но в окрестностях Ханчжоу, Хайчжоу, Шаосина, Пекина и Шанхая она имеет особое значение. В распространении домашней работы большую роль играют земельные отношения и положение сельского хозяйства данного района. Тарлэ совершенно правильно подметил, что во Франции перед Великой французской революцией домашняя работа была распространена особенно там, где почва истощалась, сельское хозяйство приходило в упадок и помещичий гнет был особенно тяжел. Такая закономерность наблюдается и в Китае. Не случайно, что Чжили является наиболее важным центром домашнего ткачества, что худшие виды домашней работы распространяются в Шаньдуне, что в Гуандуне, как раз в районе Сватоу, развиты разные отрасли домашней работы и т. д. В этих областях кризис сельского хозяйства наиболее глубок.

В этом смысле земельные отношения и гнет империализма определяют нищенское положение домашней работы и, даже в китайских условиях, чрезвычайно низкую плату за нее. Нищая голодная деревня и городская беднота берут любую работу за любую плату. А империализм, задерживая развитие крупной индустрии, затрудняет для разорившегося крестьянина или городской бедноты возможность устроиться в промышленности. Чрезвычайная дешевизна рабочих рук, отношение личной зависимости, кабалы, ростовщичества, — словом, само существование капиталистической домашней работы задерживает развитие крупной промышленности и становится одной из причин застоя техники.

В Китае буржуазия охотно оперирует мальтузианством, как все объясняющей теорией. Было бы весьма удобно объяснить все кризисы и катастрофы давлением населения на средства существования. Но как раз Китай является блестящей иллюстрацией того, что «население оказывает давление не на средства существования, а на средства, необходимые для труда» [1].

[1] Письмо Энгельса к Ланге от 29 марта 1866 г., «Письма», «Моск. раб.» с. 147.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАЗВИТИЕ КРУПНОЙ МАШИННОЙ ИНДУСТРИИ В КИТАЕ

Ценой ряда насильственно-грабительских налетов, ценой двух опустошительных войн, подкупов и насилия Китай был вовлечен в мировой товарооборот, был открыт для мировой торговли как рынок сбыта и источник сырья, продовольствия и колониальных товаров. Отлив серебра, нарушение экономического равновесия, два военных поражения, ввоз опиума, некоторый ввоз иностранных товаров положили насильственный конец старому Китаю. Хотя ввоз опиума уменьшал возможность импорта промышленных изделий, все же насильственное проникновение иностранного капитала в Китай и разложение власти Манчжу вызвали восстание тайпинов (1848—1864 гг.). Это восстание было первым ответом китайских масс на удары иностранного капитала. Иностранный капитал и китайская реакция раздавили великое народное движение, великую крестьянскую войну, возглавленную «осколками старого Китая — огромной массой ничтожеств» (Маркс).

Когда закончилось восстание тайпинов, производственный аппарат Китая в смысле техническом не претерпел еще никаких изменений. Организация производства, орудия производства, общественные отношения еще не изменились. Мы имеем блестящую работу французского китаеведа Жюльена [1], описывающую постановку производственно-технических процессов в Китае в 60-х гг. прошлого столетия. Мы узнаем из этой же работы, как добывалась железная руда, уголь, цинк, золото; как производилась плавка чугуна, золота, цинка, олова; как изготовлялись гонги, звонки, зеркала; как и какими орудиями работали разные ремесленники; как производилась писчая бумага, чернила, очищался рис, работали маслобойные, сахарные заводы и т. д., и т. п. Эта исключительно интересная и деловая книга развертывает перед нами картину средневеко-

---

[1] St. Julien, Industries anciennes et nouvelles de l'Empire Chinois Paris 1869.

вого производства. Из блестящих работ Рихтгофена, относящихся к Китаю 70-х гг. [1], мы знаем, что даже в Шаньси, где соединение железа и угля открыло прямо-таки английские перспективы для развития промышленности, грузооборот крупнейших торговых путей составлял только 300 тонн товара, из которых 60% падало на железо и 30% на уголь [2]. А Шаньси снабжал железом чуть ли не весь Северный и Западный Китай! О выплавке чугуна Рихтгофен сообщает: «Нет доменных печей европейского типа. Вагранка (место для выплавки) состоит из наклонной плоскости, длиной в 8 и шириной в 5 футов. С двух сторон площадь окружена глиняной стеной, вышиной в 4 фута, третья сторона площади открыта, а на четвертой находится маленький и низкий домик, где два человека приводят в действие деревянную раздувальню. Пол покрыт кусками антрацитного угля. Сверху около 150 глиняных плавилен, вышиной в 15 и шириной в 6 вершков, содержащих смесь угля и кусков железной руды. Уголь зажигается и раздувальня приводится в движение, пока не будет достигнута достаточно высокая температура. Таким образом получается чугун. Обработка чугуна производится по деревням. Каждая деревня изготовляет какой-нибудь специальный товар» [3].

От Рихтгофена же мы знаем, что в области добычи угля китайцы отстали даже от средневековой Европы. Наибольшая глубина, достижимая для китайского горняка, была в Шаньси — 200, а в долине Янцзы — 300 футов. На Юге Китая добыча угля производится в чрезвычайно низких шахтах, где горняку приходится на больших расстояниях ползти на четвереньках, таща за собой каретку для перевозки угля, привязанную веревкой к его лбу... Подпочвенная вода удаляется на Севере ведрами, а на Юге бамбуковыми насосами [4]. Это называется «туземной горной промышленностью». Мы знаем, что в Китае существовали крупные мануфактуры. И все же Китай почти не знал крупного машинного производства. На ремесле, на домашней промышленности строилась индустриальная жизнь страны, а некоторые мануфактуры были созданы специально для обслуживания императорского двора и господствующих классов.

Не прошло однако года после подавления тайпинского восстания, и на территории Китая появилась первая круп-

---

[1] «Baron Richthofen's Letters», Shanghai, 1870—1872.

[2] Richthofen, Tagebücher aus China, «Richthofen's Letters"», S. 43.

[3] Там же, с. 44.

[4] Strewe, Industrie und Bergbau China's, сб. «China's Wirtschaft und Wirtschaftsgrundlagen», Berlin 1921, S. 199.

ная фабрика. Первую крупную шелкопрядильню создал некий Чжан То-фан, китайский эмигрант из Сиама. Но возмущение народа заставило первого фабриканта добровольно покинуть страну и прожить пять лет под португальской властью в Макао. Только через пять лет он мог вернуться в Китай [1]. Поскольку мы знаем, это была первая китайская фабрика, работавшая на рынок. Современное производство, современная техника медленно проникали в монетные дворы и арсеналы. Заокеанское и речное судоходство делало необходимым организацию починочно-ремонтных доков в крупнейших открытых портах. В 1865 г. открылись между Гонконгом, Кантоном и Макао регулярные рейсы, организовалось первое английское пароходное общество [2]. Два года спустя в Шанхае организовалось второе английское пароходное общество [3]. Иностранный капитал открыл Китай для международного товарообращения, но товарооборот этот ограничился открытыми портами и течением больших рек. Крупных средств транспорта не было. Само пароходное движение было весьма значительным фактором в смысле развития капиталистических отношений, но оно не могло проникать вглубь страны. Крупная индустрия нуждается в железных дорогах как соответствующих ей крупных средствах транспорта. Поэтому еще в 1863 г. 27 английских и американских фирм в Шанхае подали петицию о постройке железной дороги Шанхай-Сюйчжоу. «В 1865 г. то же предприятие было затеяно крупнейшей английской фирмой — Жардин, Матесон и К°, но в меньшем масштабе: от Шанхая до Усуна — всего 10 миль, и притом под видом конного трамвая. Когда в 1875 г. рельсы были уложены, трамвай, несмотря на протесты властей, превратился в железную дорогу; но после того как поезд кого-то переехал, дорога была объявлена населением под бойкотом, и иностранцы согласились на выкуп ее китайским правительством. Последнее в 1877 г. сняло рельсы и отправило их на Формозу» [4]. Так кончилась первая попытка постройки железных дорог. В этот период в Индии шло уже лихорадочное железнодорожное строительство, а в Бомбее уже заработали первые текстильные фабрики. Необходимо однако подчеркнуть, что английские капиталисты, в особенности ланкаширские, поддерживали ж.-д. строительство, но вы-

---

[1] Howard Huswell, A Survey of the Silk Industry of South China p. 156.

[2] «China Yearbook», 1913, p. 186.

[3] China Navigation C°.

[4] А. Канторович. Иностранный капитал и железные дороги Китая Москва 1926, с. 10.

сказывались против создания фабрик в Индии. Экспорт капитала направлялся в этот период главным образом в транспорт и сельское хозяйство. Но в то время как в Китае сняли рельсы первой железной дороги и «сослали» их на Формозу, в то время как из Гуандуна изгнали первую паровую шелкопрядильню на остров Макао, в Японии хотя бы и сверху, хотя и непоследовательно совершилась буржуазная революция в 1868 г., и страна твердо, уверенно вступила на путь капиталистического развития. Пишущий эти строки все же ошибся бы, оценив эти факты как выступление государства в роли разрушителя машин в Китае [1]. Более основательное их изучение показывает, что дело было вовсе не в этом. Китайское государство выступило не против машин вообще, а против машин, принадлежащих иностранцам. Китайские господствующие классы делали отчаянную попытку предотвратить захват командных высот экономики страны иностранным капиталом. В то же время наиболее передовые, активные и дальновидные представители китайского чиновничества и купечества предпринимали отчаянные попытки создать крупную индустрию собственными китайскими капиталами. В этом суть политики самых дальновидных членов пекинской верхушки. Цехи и гильдии, мелкие ремесленники и даже кули под руководством и влиянием придворной реакционной клики часто выступали против машин вообще, в то время как некоторые китайцы-буржуа до японо-китайской войны считали, что можно будет перевести Китай на рельсы капиталистического крупного производства без подчинения экономики страны иностранному капиталу.

Эта мечта разбилась в дальнейшем ходе развития.

Так, в 1872 г. группа китайских капиталистов во главе с Дань Цзин-сином организует первое китайское пароходное общество: «Китайское коммерческое пароходное общество» [2]. Управление компании находилось в Шанхае; но компания постепенно распространила свою деятельность на Ханькоу, Цзюцзян, Чжэньцзян, Нанкин, Вэнчжоу, Амой, Сватоу, Чифу и т. д. В уставе компании значится, что иностранцы не могут быть ее акционерами. Но пароходное общество нуждалось в угле. В связи с этим при поддержке влиятельнейшего государственного дея-

---

[1] Л. Мадьяр, Экономика сельского хозяйства в Китае, Гиз., М. 1927, с. 160.

[2] «China Merchant Steamchip Navigation C⁰».

теля Ли Хун-чжана было организовано товарищество[1], и в окрестностях Таншаня (Чжили) в 1878 г. началась разработка первой шахты современными методами. Только в 1889 г. компания получила первую продукцию для рынка; но в этом же 1889 г. открыл уже угольное предприятие Линси; общая добыча угля быстро возрастала,—в 1897 г. она достигла 538 тыс., а в 1898 г. — 731 тыс. тонн[2]. Но Таншань находится в провинции Чжили, далек от моря, и доставка из него угля для пароходов оказалась чрезвычайно затруднительной. Компания уже получила разрешение на постройку железной дороги, когда сопротивление местных кругов вынудило правительство взять обратно свое разрешение. Только в 1881 г. началось строительство конного трамвая от копей до Канала (7 миль). Линия эта была продолжена в 1888 г. до Тадгу и Тяньцзина и в 1894 г. до Шаньхайгуаня. Капиталистическое пароходное общество вызвало к жизни современное крупное угольное предприятие, а современное угольное предприятие с крупной продукцией вызвало к жизни современные крупные средства транспорта; наличие же современных средств транспорта сделало возможным создание одного цементного завода с продукцией на 600 тыс. бареллей в Таншане, другого — в Мацягоу и кирпичного завода в Таншане; а все это сделало необходимым постройку целого города с силовой установкой, рабочими домами и т. д. 12 апреля 1887 г. была объявлена публичная подписка на акции предприятия. Общая сумма капитала равнялась 1 млн. таэлей. Ли Хун-чжан весьма активно поддерживал это предприятие во всех его начинаниях. Он же в значительной мере содействовал созданию горных предприятий и в Исине (Шаньдун) и первой шелковой фабрики в Чифу в 1886 г. В 1893 г. железная дорога у Цинвандао достигла моря, и китайский уголь свободно достался Китайскому пароходному обществу.

В то время как Ли Хун-чжан на Севере поддерживал отечественную промышленность, на Юге в Кантоне губернатор Чжан Цзи-дун создал крупнейший в мире монетный двор, начал ряд горных разработок, которые все кончились неудачей, разработал план железной дороги от Пекина до Кантона и мечтал о том, чтобы создать китайскую металлургию, могущую снабжать железом, сталью, рельсами это гигантское предприятие. Чжан уже заказал для Кантона оборудование крупнейшего завода, когда в 1889 г. его перевели в Ханькоу. В Ханьяне

---

[1] Kaiping Mining Bureau.

[2] «Decennial Reports», 1892—1901, vol. II, p. 537.

в 1891 г. он приступает к постройке металлургического завода. В течение трех лет из государственных средств отпускали на завод 10 млн. таэлей. Железная руда добывалась в Дае, причем руда — прекрасного качества (до 60% железа). А кокс доставляли из Европы и из Кайпина, ибо в течение ряда лет не находили подходящего угля в провинции Хубэй. В 1896 г. Чжан продал или, вернее, передал за 500 тыс. таэлей Ханьянский завод тогдашнему председателю Китайского пароходного общества, одному из самых крупных буржуа своей эпохи в Китае — Шэн Гун-пяо, ставшему впоследствии (в 1910 г.) министром финансов.

В 1896 г. инженеры, вызванные Шэн Гун-пяо из Германии, нашли уголь в Пинсяне. Заем, предоставленный германскими капиталистами в размере 3 млн. долл., сделал возможным начало разработки пинсянского угля. Чтобы облегчить доставку угля, необходимо было построить железную дорогу от Пинсяна до Дае и Ханькоу. В 1898 г. началась уже добыча в Пинсяне. Из этих трех предприятий (Ханьянский завод, доменные печи в Дае и пинсянские шахты) образовался знаменитый Ханьепинский комбинат, причем посредством личной унии этот комбинат был связан и Китайским пароходным обществом. До 1900 г. продукция комбината составляла 26 тыс. тонн чугуна, 700 тонн железного ямбо, 1 600 тонн стального ямбо, 22 100 тонн рельсов для железной дороги Пекин—Ханькоу; кроме того, 3 700 тонн железа было обработано в Ханьяни[1]. Нарождалась китайская металлургия, китайская горная промышленность! С точки зрения издержек производства и перспектив развития Ханьепинский комбинат был построен как нельзя хуже. Но все же Китай имел зародыши металлургии, когда Индия даже не мечтала об этом. Мы увидим еще, что из всего этого получилось, как дальше развивалась эта гордость и надежда промышленности Китая.

Китай начал строить железные дороги, создавать свое горное дело и свою металлургию. Когда иностранцы пытались получить железнодорожную или горную концессию, китайские власти непреклонно отклоняли эти предложения, мотивируя это тем, что народ суеверен, что «фыншуй» (т. е. китайское суеверное учение о ветре и воде, об отношении разных форм и линий к добрым и злым духам, об отношении построек к могилам предков и т. д.) мешает этому. «Фыншуй» был выставлен как главное препятствие к развитию горной промышленности,

---

[1] Collins, Mining Entreprise in China, p. 71—76; «Decennial Report 1892—1901», vol. I, p. 303.

железнодорожного и всякого другого строительства. Между тем уже в 1870 г. острый глаз Рихтгофена подметил, что «нигде во всех горных районах, в которых он был, нельзя было найти случая, чтобы «фыншуй» помешал разработкам шахт, если разработки обещали быть прибыльными». Оказалось, что «фыншуй» на самом деле не препятствовал индустриализации, если выступал китайский, а не иностранный капитал.

К началу 90-х гг. в Китае существовали не только первые зародыши угольной промышленности, металлургии, коммерческого флота и железных дорог, но также и текстильной промышленности. Веджль ошибается, утверждая, что первая хлопчатобумажная фабрика открылась в 1895 г. в Шанхае [1]. Первая текстильная фабрика работала в Шанхае уже в 1890 г.

В 1891 г. в Шанхае работали две текстильные фабрики: Шанхайская хлопчатобумажная фабрика, которая была организована полуофициальными лицами несколькими годами раньше, но начала работать только в 1890 г. и «Новая китайская прядильная и ткацкая фабрика», организованная китайскими купцами и начавшая работать в 1891 г. Владельцами Шанхайской хлопчатобумажной фабрики являлись Ли Хунчжан и Шэн Сюань-хуай. Предприятие это получило монополию на 10 лет; монополия обозначала, что каждая новая фабрика обязана была платить ему 1 таэль за каждый пикуль пряжи. Предприятие выплачивало в 1893 г. 25% дивиденда. Фабрика эта сгорела в 1893 г. и вместо нее были выстроены в 1894 г. две новые — «Хуащэнцзюн» с 750 ткацкими станками и «Юэюн» (прядильная фабрика) [2].

В то же время началось развитие шелкомотальной промышленности в Шанхае. В 1891 г. здесь уже работали три шелковые фабрики, из коих две принадлежали англичанам, а одна — китайцам. Между 1893 и 1895 гг. были построены еще два или три китайских предприятия.

В 1892 г. в Шанхае создается крупнейшее судостроительное предприятие английскими предпринимателями. Предприятие это вскоре обанкротилось, но было реорганизовано и до 1900 г. все же выстроило 15 каботажных и речных пароходов.

Несколько табачных, спичечных, маслобойных и писчебумажных мануфактур придали городу более промышленный вид.

В Ханькоу в 1893 г. Чжан Чжи-дун за счет государственных средств соорудил Хубэйскую хлопчатобумажную фабрику, на

[1] Wagel, Finance in China, Shanghai 1914, p. 298.
[2] «Decennial Reports», vol. II, p. 513.

которой имелась 1 тыс. паровых ткацких станков. До 1901 г. эта фабрика вырабатывала 330 тыс. кусков ширтинга, 11 781 дрильс и 135 702 пикулей пряжи. К этому времени уже работали первые крупные паровые шелкопрядильни и шелкомотальни в Шанхае и в Центральном Китае. Вообще в начале 90-х гг. Шанхай и Ханькоу еще как будто состязались за первенство в качестве индустриальных центров, и перевес был скорее на стороне Ханькоу. Комиссар морской таможни так описывает город: «Фабричные трубы придают городу вид промышленного центра». На японской концессии работала уже спичечная фабрика, на французской — 5 альбуминных мануфактур, три крупных чайных мануфатуры; в Хэнани уже существовал железообделочный завод; в городе уже была одна текстильная фабрика, два монетных двора, один арсенал и т. д. Шанхай, во всяком случае, не был богаче промышленностью... Иностранный капитал в Китае в это время не устремлялся в сферу собственной промышленности. Ланкашир как раз в ту пору начал чувствовать острей конкуренцию Бомбея, а Бомбей уже вывез больше пряжи в Китай, чем Англия. В Индии к 1843 г. было уже 141 текстильных фабрик с 3 577 тыс. веретен. Промышленность в колониях считалась настолько опасной конкуренткой для промышленности метрополий, что германский посол в Китае лично проверял, нельзя ли вместо старого железа посылать готовые сельскохозяйственные орудия. Иностранный капитал боролся главным образом за железнодорожные и горные концессии. Но все же стихийно уже возникают иностранные текстильные, спичечные, альбуминные, шелковые и т. д. заводы. Иностранный капитал начал перерабатывать продукты сельского хозяйства (чай, яйца, щетину и т. д.) в самом Китае машинным способом. В 1891 г. стоимость ввезенных в Китай машин равнялась 3,5 млн., в 1892 г.— 2,5 млн., в 1894 г. — 4,5 млн. и в 1895 г. — 9 млн. долл.[1] Значительная часть этих машин шла все же на заводы, принадлежащие иностранцам. И все это, несмотря на то, что в 1893 г. китайское правительство запретило ввоз машин для иностранных предприятий в Китае, а китайским предпринимателям ввоз машин вовсе не запрещался.

Это была отчаянная попытка помешать иностранному капиталу овладеть командными высотами в области промышленности, попытка выиграть время. На пороге эпохи империа-

---

[1] Brandt, China in ethischer industrieller und politischer Beziehund, 1896, S. 81.

лизма, на пороге эпохи «вывоза стоимости, предназначенной производить за границей прибавочную стоимость», Китай делал попытку закрыть свои двери перед ввозом иностранного капитала. В то время он упорно отказывался принять предложение разных держав о предоставлении ему займа. Буржуазная теоретическая экономия в эту пору еще считала, что вывоз капитала вреден с точки зрения промышленности метрополии, а в метрополиях промышленный капитал лишь начал процесс своего сращивания с банковым. Но стихийно уже возникали отдельные иностранные предприятия на иностранных концессиях. Сверхприбыль оказывалась более заманчивой для отдельных предпринимателей, чем теоретические рассуждения об интересах всего класса капиталистов империалистических метрополий. И хотя все договоры, заключенные с китайским правительством, начиная с 1860 г., предусматривали право иностранцев заниматься торговлею и промышленностью, китайское правительство, несмотря на все протесты держав, сопротивлялось иностранному предпринимательству, поскольку речь шла о промышленности. Но не прошло и года после издания декрета, запрещавшего ввоз машин для иностранцев в Китай, как вспыхнула война между Японией и Китаем.

Когда в 1894 г. началась японо-китайская война, Япония уже имела начало крупной индустрии. В течение тринадцати лет после революции 1868 г. государство строило заводы, и лишь в 1881 г. началась передача готовых заводов с обученными рабочими и обученным техническим персоналом частным капиталистам. В 1893 г. в Японии было уже 40 текстильных фабрик с 414 758 веретенами; 2 602 шелковых фабрики, из коих 3 с числом рабочих больше 500 в каждой; 121 — с числом рабочих больше 100 и 369 — с числом рабочих больше 50. Металлургии еще не было в Японии, но потребление чугуна достигло 65 тыс. тонн, а потребление стали — 221 тыс. тонн. Добыча угля составляла 3 317 тыс. тонн, а потребление в стране — 1 700 тыс. тонн. Страна имела флот, состоящий из пароходов с тоннажем в 96 500 тонн, пароходных судов с тоннажем в 45 тыс. тонн. Длина железнодорожных линий определялась в 2 117 миль[1]. Крупная машинная индустрия стояла в Японии на более высокой ступени развития, чем в Китае.

Япония одержала победу в войне с Китаем. Это поражение Китая имело огромное значение для его экономического развития с двух точек зрения. Мирный договор, заключенный

---

[1] S. Uyehara, The Industry and Trade of Japan, London, 182€.

в Симоносеки, обязал Китай уплатить Японии контрибуцию в размере 200 млн. таэлей. Впоследствии эта сумма возросла до 230 млн. таэлей. Тем самым Китай был вынужден заключить первые международные займы. Китай стал должником империализма. Об остальном рассказывает бывший германский посол Брандт следующим образом:

«Во время переговоров о мирном договоре японцы выдвинули требование, что всякий ввоз машин должен быть разрешен, что японцы должны получить право на создание фабрик, причем они должны быть освобождены от налогов с фабрик, а японские фабричные изделия после уплаты пошлин на 2,5% должны получить право свободного провоза по Китаю. Китайский представитель Ли Хун-чжан возражал, что этот вопрос обсуждался и дипломатическим корпусом в течение нескольких лет и был разрешен в отрицательном смысле. Запрещение открывать фабрики уже существовало для иностранцев долгие годы, и иностранные правительства согласились с этим [1]. Настоящая причина китайского сопротивления подобным требованиям заключалась в том, что такая мера лишила бы китайцев хлеба. Однако, японцы настаивали на своих требованиях, и соответствующий пункт был включен в мирный договор в Симоносеки» [2]. И на самом деле VI пункт Симоносекского договора предусматривает, во-первых, право японских граждан заниматься в Китае промышленной деятельностью, ввозить машины после оплаты обычных пошлин, и во-вторых, что японские изделия, изготовляемые в Китае, в отношении пошлин, акцизов, налогов и т. д. будут в одинаковом положении с японскими товарами, ввозимыми в Китай. Таким образом Китай был открыт для ввоза машин, необходимых иностранным фабрикам.

Таким образом закончился первый период развития крупной машинной промышленности Китая. Капитализм в мировом масштабе к этому времени вступил в новейший фазис своего развития — в фазис империализма. А «в Китае появляется частный спекулянт и крупные финансовые интересы, позади которых стоит вся дипломатическая сила их государств; или, наоборот, правительство оказывается экономическим патроном своих подданных и развивает или поощряет их финансовые предприятия в Китае... финансы получают теперь ту роль, которую раньше играла торговля в ее связи с внешней

---

[1] Это утверждение Ли Хун-чжана не соответствует действительности Иностранные правительства формально никогда не соглашались на запрещение открытия иностранных предприятий.

[2] Brandt, China in ethischer, industrieller und politischer Beziehung, S. 82.

политикой»[1], — пишет буржуазный экономист Оверлах и пишет совсем по-марксистски. Начинается период битв за концессии. Начинается железнодорожное строительство, предоставление целого ряда международных займов Китаю и открытие иностранных промышленных предприятий в Китае.

До 1899 г. Китай имел приблизительно следующую промышленную карту: две железные дороги уже функционировали — железная дорога Шанхай — Усун, ко вторичной постройке которой приступили в 1898 г. (25 *км*), и железная дорога Пекин — Шаньхайгуань (480 *км*). Но иностранцы уже вырвали концессию на постройку 6 420 миль (10 400 *км*) железнодорожных линий.

В Шанхае в 1897 г. были выстроены 3 иностранных новых текстильных фабрики с общим числом веретен 170 тыс., на которых работало 2 800 рабочих. Открылась одна реорганизованная китайская фабрика с 20 300 веретенами. Построены были хлопчатобумажные фабрики в Сюйчжоу, Ханчжоу, Нинбо и Дунчжоу. В 1899 г. т о л ь к о в Ш а н х а е н а с ч и т ы в а л о с ь 10 т е к с т и л ь н ы х ф а б р и к, и з к о и х 5 к и т а й с к и х с о б щ и м ч и с л о м в е р е т е н 500 т ы с.; н о н а и б о л е е к р у п н ы е ф а б р и к и н а х о д и л и с ь в р у к а х и н о с т р а н ц е в[2]. В Шанхае имелось 28 шелкопрядилен с 7 800—7 900 бассейнов и с 18—20 тыс. рабочих; в Шаосине — две шелкопрядильни (420) бассейнов); в Чжэньцзяне — 1 шелкопрядильня (330 бассейнов), а в Сюйчжоу — 2 шелкопрядильни (630 бассейнов). Все они принадлежали китайцам. Годичная продукция составляла 8—12 тыс. пикулей шелка-сырца[3]. На юге шелковая промышленность сделала также скачок. В округе Шуньдэ насчитывалось уже 200 фабрик. В Чифу также открылись первые шелковые фабрики. Вопрос о рабочих причинил сначала немало затруднений, но к концу 90-х гг. и этот вопрос обстоял значительно лучше. «Текстильщики получали от 22—23 до 30 центов, но производительность их труда была на 50% больше, чем в начале 90-х гг., когда они получали 20 центов в день»[4]. Но эта производительность тогда еще едва ли превышала половину производительности европейского текстильщика. Кроме того, в Шанхае заработала первая паровая мельница, первый рисоочистительный завод, две спичечные фабрики, одна писчебумажная фабрика, первая

---

[1] O v e r l a c h, Foreign financial control in China, 1919, p. 26.
[2] Y. D u c h e r t s. La Chine en 1899. Verviers. 1901, p. 193.
[3] «Decennial Reports», 1892—1901, II, p. 511.
[4] Там же, с. 517.

табачная фабрика. Альбуминные фабрики открылись в Ханькоу, Уху, Янчжоу, Цзюцзяне, Цзяочжоу; вообще это производство процветало, пока вздорожание яиц и временное повышение китайской валюты не привели к банкротству предприятий. Открылись первые большие мыловаренные, сахарные мануфактуры, спичечные фабрики, стеклянные фабрики.

К 1899 г. водопровод действовал на иностранных концессиях в Гонконге, Шанхае, Тяньцзине. Китайский город в Шанхае также решил построить водопровод. Телефон функционировал в Шанхае, Гонконге и Тяньцзине; электрическое освещение — в Шанхае и Гонконге; трамвай только в Пекине, ибо в Шанхае англичане и французы передрались по вопросу о том, кто должен строить городские железные дороги [1].

Добыча угля кайпинских копей достигла 2 тыс. тонн в день; добыча угля в Пинсяне достигла 100 тыс. тонн в год. Угольные залежи при Мынтоугоу были предоставлены итальянцам в концессию; в Шаньси итальянцы получили также концессию на угольные разработки; в Гуйчжоу французы получили горную концессию. Но работа на этих концессиях еще не началась.

Существовали уже хорошо оборудованные арсеналы в Тяньцзине, Шанхае, Нанкине, Ханьяне, Фучжоу, Кантоне и Чэнду и военные верфи в Фучжоу и Дагу. Но продукция этих арсеналов была весьма низка. На Ханьянском арсенале изготовление одной винтовки занимало 35 рабочих дней, в то время как в Германии теми же машинами одну винтовку производили в течение 5 дней. В Фучжоу, где техническое руководство находилось в руках иностранцев, арсенал работал хорошо. Железнодорожные мастерские в Таншане с удовлетворительным результатом производили паровозы, вагоны.

Вот приблизительно и все. Если подвести итоги, то оказывается, что на исходе XIX в. империализм держал в руках следующие командные высоты в экономике страны.

Вся внешняя торговля Китая составляла в 1899 г. 460 533 тыс. таэлей; импорт в Китай 264 млн., а экспорт из Китая 199 млн. таэлей (курс таэля — 3 шиллинга 1,8 пенса). Иностранные империалисты вынуждали уже открытие 32 договорных портов. Основными предметами вывоза были все еще шелк и чай. Вывоз растительного масла, кунджута, хлопка, шкур, бобов играл сравнительно небольшую роль в экономике страны. Ввоз хлопчатобумажных изделий составлял в 1899 г. 103,5 млн. таэлей или 39% всего ввоза. Ввоз опиума составлял 35,8 млн. таэлей. Остальные предметы ввоза — керосин,

[1] Ducherts, La Chine en 1899, p. 169—174.

рис, металл, машины, уголь — не имели большого удельного веса.

Почти все морское и речное судоходство находилось в иностранных руках (тоннаж составлял в 1899 г. 11 млн. тонн). Китайское пароходство играло лишь подчиненную роль. Почти все верфи принадлежали иностранцам.

Международные долги Китая состояли из следующих займов: франко-русский заем 1895 г. в размере 400 млн. золотых франков, англо-германский заем 1896 г. в размере 16 млн. фунтов стерлингов, англо-германский заем в 1898 г. в размере 16 млн. фунтов стерлингов.

В сфере железнодорожного транспорта разные империалистические державы вынудили Китай пойти на следующие концессии [1]:

	Число ж.-д линий	Длина (в милях)
Британские интересы .	9	2 800
Русские " .	3	1 530
Германские " .	2	720
Бельгийские " .	1	750
Французские " .	3	420
Американские "	1	300
Итого	19	6 520

Многие из этих концессий никогда не были осуществлены. Но осуществилась впоследствии постройка КВЖД (русская), железных дорог Юньнаньфу-Хайфон (французская), Цзяочжоу — Цзинань — Циндао (германская), Канон — Цзюлун (английская), Пекин — Ханькоу (франко-бельгийская), Шанхай — Нанкин (английская).

Все эти дороги начали функционировать только после 1900 г.

В области добывающей промышленности все основные позиции находились еще в руках китайского капитала. Только пинсянские копи имели задолженность в 3 млн. марок. Японский капитал интересовался железной рудой в Дае. Напор на Китай за горные концессии уже начался, но за исключением концессии Пекин-Синдикат они не имели сколько-нибудь серьезного значения.

В области металлургии Китай опередил все азиатские страны, включая Японию и Индию.

[1] Канторович, Иностранный капитал и железные дороги Китая. М. 1926, с. 13.

В области легкой индустрии 5 крупнейших текстильных фабрик принадлежали иностранцам, но перевес был все же на стороне Китая [1]. Шелковые фабрики переходили в китайские руки или сдавались им в аренду. Остальные отрасли легкой промышленности делились между иностранцами и китайцами, но все они вместе взятые сколько-нибудь серьезного значения не имели.

Иностранные банки уже довольно глубоко внедрились в финансовую систему страны. В 1899 г. в Китае действовали следующие банки: Гонконг-шанхайский банк (капитал — 26 млн. золотых франков), Deutsch Asiatische Bank (18 млн. франков), Chastered Bank of India, Australia and China (20 млн. франков), Русско-китайский банк (30 млн. франков), Banque de l'Indo-Chine (12 млн. франков), Mercantile Bank of India (37,5 млн. франков), Bank of China and Japan (50 млн. франков), Yokohama Specie Bank (30 млн. франков) [2]. Эти банки финансировали внешнюю торговлю, регулировали по сути дела курс валюты, держали в своих кассах важнейшие доходы Китая. Их роль особенно выросла, когда Китай начал заключать международные займы.

И наконец в основном уже действовала пресловутая система неравных договоров. Именно эта система внеэкономического принуждения делала позицию империализма чрезвычайно сильной, еще более сильной, чем если бы только экономические командные высоты находились в руках империализма. Кроме того, поражение Китая в японо-китайской войне полностью обнажило военную слабость, всю гнилось правительственной системы страны. Империализм наступал на всех парах.

Поражение в японо-китайской войне и наступление империализма вообще вызвали движение за преобразования, за буржуазные реформы в Китае. В 1898 г. совершается переворот. Программа буржуазного либерализма становится на сто дней правительственной программой. Кан Ю-вэй, представитель буржуазного либерализма, оказывается у власти. Появляется серия декретов о реорганизации армии и управления, о предоставлении концессий. Правительство собирается привлечь иностранный капитал к развитию производительных сил Китая. Попытка эта продолжалась ровно сто

[1] Odell в своей работе «Cotton Goods in China», утверждает, что в Китае уже в 1896 году было 12 текстильных фабрик с 417 тыс. веретен. Нам эта цифра кажется преувеличенной.

[2] Более или менее крупный китайский банк существовал только один: Китайский императорский банк с основным капиталом в 18 млн. франков.

дней. 20 сентября дворцовый переворот свергнул новый режим и 29 сентября 1898 г. императорский декрет объявил, что «Кай Ю-вэй давал плохие советы, чтобы обмануть народ», «хотел осуществить революционные планы», «ложные доктрины и абсурдные принципы, противоречащие учению старых мудрецов». Попытка китайской буржуазии встать во главе капиталистического развития рухнула.

Через два года в ответ на внедрение империализма начинается восстание боксеров. Руководство движением оказалось в руках реакции. Восстание было раздавлено объединенными силами всех империалистических держав. Крестьянская попытка борьбы с империализмом также рухнула несмотря на поддержку кули, городской бедноты и разорившегося ремесла.

Насильственное внедрение торговли вызвало восстание тайпингов. Насильственное внедрение иностранного производственного капитала и развитие капитализма в стране вызвали восстание боксеров.

Этим заканчивается первый период борьбы.

* * *

После подавления боксерского восстания в Китае продолжается борьба за концессии, разворачивается железнодорожное строительство и начинается период своего рода грюндерства. Однако развитие крупного производства наталкивалось на большие затруднения. Оно должно было создать для себя рынок. Ремесло же и домашняя работа оказывали ему упорное сопротивление не только экономического, но и политического порядка. В деле завоевания рынка китайские национальные предприятия наталкивались на огромные затруднения, вызванные недостатком капитала. Новые предприятия основывались обыкновенно группой знакомых или родственников, как товарищества на паях, и, естественно, не могли обладать большими капиталами. Несомненно, что исторически эти китайские товарищества были предшественниками акционерных обществ точно так же, как китайские кредитные ассоциации были первыми кредитными кооперативами, но между ними разница такова, как разница между банком и поставщиком. Но эти товарищества легко распадались; малейшая заминка в сбыте могла привести их к банкротству. Огромные затруднения причиняло также отсутствие в стране инженерно-технического персонала. Вместе с машинами пришлось ввозить техников, инженеров и квалифицированных рабочих, причем между китайскими предпринимателями и иностранцами инженерами

очень трудно устанавливались отношения доверия. Промышленные предприятия носили очень часто чисто спекулятивный характер. Они выстраивались, открывались, продавались, перепродавались, сдавались в аренду. [Такая система и сейчас еще в моде в Китае. «В Шанхае... шелкопрядильни сдаются в аренду. 80—90% всего оборудования принадлежат капиталистам, которые, сдавая фабрики в аренду, получают ежегодно 15% стоимости фабрики. Промышленный предприниматель заключает обыкновенно на год договор с владельцем фабрики. Арендная плата вносится заранее, и она составляет 2,5 таэля за бассейн»[1]. Наряду с недостатком капитала, отсутствием технических знаний, спекулятивным характером промышленного предпринимательства много затруднений причиняло б ы с т р о е в з д о р о ж а н и е с ы р ь я. Это явление, свойственное всем странам, где начинается развитие крупной индустрии, было отмечено еще Марксом. В Китае оно усиливалось тем, что развитие внешней торговли и крупной индустрии непосредственно вызывало вздорожание цен. Современные источники указывают, например, на то, что альбуминное производство обанкротилось в 900-х гг. как раз вследствие вздорожания яиц. Мы знаем также, что в Чжэньцзяне находились две шелкопрядильни, но обычно работала только одна, ибо нехватало коконов. Отставание сельского хозяйства от сырьевых потребностей развивающейся индустрии дало себя чувствовать и в табачной промышленности. «Британско-американская табачная К°» ввела в систему контрактации (через купцов-ростовщиков предоставлялись кредиты крестьянам при условии разведения табака и продажи его данному купцу), а китайские фабрики ввозили табак из Америки. Огромные издержки транспорта, налоги, ликины, пошлины, конкуренция привозных товаров, вследствие отсутствия таможенной защиты, сопротивление старого способа производства затрудняли быстрое распространение крупной индустрии вообще. При этом китайская национальная промышленность в сравнении с иностранной страдала от целого ряда добавочных препятствий. Иностранный предприниматель не платил налогов, акцизов, пошлин, а лишь 2,5% стоимости товаров за свободный провоз. Иностранный предприниматель имел кредиты в иностранных банках, а для китайского кредит был слишком дорог. И все же, несмотря на все эти препятствия, китайская промышленность развивалась. Особенно большие успехи делал Шанхай. Там в 1912 г. уже имелись: 4 крупнейших верфи

---

[1] «Journal of General Chamber of Commerce of Shanghai», 1924, p. 41.

Железнодорожное строительство в Китае[1].

Название ж.-д. линии	Год открытия линии	Длина линии в милях	Посадочные ветки в милях	Капитал	«Националь-ность» капитала	Число перевезенных пассажиров	Количество груза в тоннах
К.-В. ж.-д.	1903	1073	202	350 млн. р.	русский	1 660 553	3 390 773
Ю.-М. ж.-д.	1907	439	241	70 » »	японский	3 392 039	4 407 734
Циндао—Цинанру . . .	1904	256	28	58 » мар.	немецкий	1 230 043	852 001
Юньнаньфу—Пяокай . .	1910	288	—	165 » фр.	французский	2 444 319	181 121
Пекин—Мукден	1897—1903	523	84	49 » долл.	англо-китайск.	3 495 707	3 450 393
Пекин—Ханькоу	1905	755	62	(105 » таэл. 5 » ф. ст.	франко-бельг. английский	2 147 586	1 854 370
Тяньцзинь—Пукоу (северная часть)	1910—1912	390	62	5,9 » » »	германский	—	—
Тяньцзинь—Пукоу (южная часть)	1912	236	—	9,8 » » »	англо-германск.	—	—
Пекин—Калган	1909—1911	218	16	7,5 » таэл.	китайский	254 279	312 984
Гирин—Чанчунь	1911—1912	80	—	2,1 » иен	японский	—	—
Кантон—Ханькоу (гуандунская часть)	1911	65	—	6,7 » ам. долл.	китайский	—	—
Кантон—Ханькоу (хунань-хубэйская часть)	1902—1912	255	—	—	англо-китайск. немецкий	—	—
Чжанчжоу—Амой . . .	1910	18	—	1,3 » таэл.	китайский	160 000	1 500
Шанхай—Ханькоу . . .	1906—1908	193	10	18 » »	англо-китайск.	4 882 174	489 904
Кантон—Цзюлун	1910—1911	112	—	1,5 » ф. ст.	английский	2 111 471	41 261
Кайфын—Хэнань	1908	140	—	18,5 » долл.	франко-бельг.	414 838	164 563
Тайюаньфу—Шицзячжуан	1907	151	—	40 » фр. 6,1 » таэл.	русско-китайск.	264 314	474 975

[1] Под капиталом подразумеваются расходы на постройку дорог. «Национальность» капитала устанавливается в момент постройки дороги. Данные взяты из «China Yearbook» за 1914.

«Shanghai Dock and Engineering C°, New Engineering and Shipbuilding Work, Vulcan Iron Work» (английские предприятия) и Цзяньаннский док и арсенал (китайское государственное предприятие); 14 текстильных фабрик с 400 тыс. веретен и 2 500 паровых ткацких станков (4 английских, 1 немецкая, 3 японских и 6 китайских фабрик) в самом Шанхае и 4 фабрики с 100 тыс. веретен в его окрестностях; 40—50 шелкопрядилен с 12 500 бассейнов; 8 мельниц, маслобойни, писчебумажная фабрика, дубильные мануфактуры и т. д.; и наконец типография «Commercial Press», открывшаяся в 1899 г., занимала уже в 1911 г. 1 тыс. рабочих и считалась самой большой типографией в Азии.

В области судоходства китайский национальный капитал имел также некоторый успех. «China Merchant Steamship C°» имела уже 31 пароход с общим тоннажем в 59 332 тонны и с капиталом в 25 млн. таэлей; между Нинбо и Шанхаем курсировали два парохода (1 300 и 999 тонн), на верхнем течении Янцзы — один; между Гонконгом и Кантоном — несколько.

Огромный шаг вперед был также сделан в области железнодорожного строительства, о чем свидетельствует следующая таблица: (см. стр. 134).

Итак Китай имел перед мировой войной 6 тыс. миль готовых железных дорог, и 2 тыс. миль находились в процессе постройки. Железные дороги играли уже настолько серьезную роль, что в 1911 г. именно «национализация» железных дорог стала непосредственным поводом к революции. Конечно, Китай был все еще беден железными дорогами даже по сравнению с Индией и Японией. Но все же огромное количество грузов перевозилось уже по железным дорогам.

К тому же периоду довольно значительно выросло количество промышленных предприятий Китая, что показывает следующая далеко не полная таблица [1]:

Рост промышленных предприятий в Китае [1]

Промышленные предприятия	Иностранных	Китайских	Итого в 1913	Итого в 1914
Альбуминные мануфактуры	8	2	10	10
Арсеналы	—	15	15	15
Цементно-кирпичные заводы	9	6	15	18
Химические фабрики	9	32	41	41

[1] Данные взяты из «China Yearbook» за 1913 и 1914 г.г. Данные не полны. Рост за 1914 г. может обозначать, что впервые учитывался данный завод.

Промышленные предприятия	Иностранных	Китайских	Итого в 1913	Итого в 1914
Перегонные пивоваренные заводы	—	—	53	41
Верфи, доки	19	5	24	24
Электрические станции	—	—	34	40
Мельницы	18	22	40	41
Мебельные мануфактуры	4	4	8	6
Газовые заводы	2	—	2	4
Стекольные фабрики	4	2	—	17
Ткацкие фабрики для китайской крапивы	—	1	1	—
Железо-стальные заводы	1	2	3	3
Кожевенные заводы	5	4	9	11
Спичечные фабрики	2	10	12	23
Горные предприятия	7	11	18	18
Монетные дворы	—	3	9	9
Маслобойни	—	—	31	35
Писчебумажные фабрики	—	—	11	13
Типографии	—	—	40	60
Ж.-д. мастерские	—	—	12	13
Рисоочистительные заводы	—	7	7	10
Лесопильные заводы	10	2	12	10
Шелкопрядильни	—	—	207	207
Плавильные заводы	9	2	11	11
Мыловарни	—	—	19	25
Сахаро-рафинадные заводы	—	—	4	6
Чайные мануфактуры	—	—	6	7
Табачные фабрики	—	—	16	21
Водопроводы	—	—	14	21
Шерстяные фабрики	—	—	5	5
Шерсто-прессовальни	—	—	11	9
Текстильные фабрики	9	32	41	48

Особенно большие сдвиги произошли в области тяжелой промышленности.

Мы видели уже выше, что ценой исключительных усилий китайский капитал создал крупное горное предприятие «Кайпинское горное общество». Во время боксерского восстания английские войска заняли Кайпин, в феврале 1901 г. предприятие стало англо-китайским, был назначен первый иностранный директор предприятия в лице теперешнего президента Соединенных штатов, Гувера. Так Китай потерял свое крупнейшее угольное предприятие. Китайская буржуазия попыталась спасти положение. После ухода английских войск она хотела выкупить это предприятие, предложив за него 1,75 млн. ф. ст. Англичане назначили цену в 2,4 млн. ф. ст. Позже китайские капиталисты при поддержке Юань Ши-кая

начали новые разработки в Ланьчжоу, вложив в это дело 1,2 млн. таэлей. Англичане открыли войну против китайского предприятия, снизив цену на уголь с 6,4 долл. до 3 долл. за тонну. Война окончилась объединением обоих предприятий в одно под названием «Kailang Mining Association». Добыча угля на нем составляла в 1913 г. 1 728 296 тонн, а число рабочих — 11 тыс. чел.

В 1905 г. начались разработки угля в Хэнани на концессии «Peking Syndicate»; в 1912 г. добыча угля составила 562 012 тонн, а число рабочих достигло 8 тыс. Осенью 1912 г. шахты, за исключением одной, были залиты водой, и ежедневная добыча снизилась до 700 тонн. С тех пор это предприятие не оправилось. (Теперь — в 1929 г. между иностранными капиталистами и Фын Юй-сяном снова ведутся переговоры о развитии предприятия).

В Шаньдуне немцы захватили ценнейшие угольные залежи. Добыча угля в 1912 г. — 600 тыс. тонн, число рабочих — 7 тыс.

В Маньчжурии японцы овладели после японо-китайской войны фушунскими копями. Добыча угля за 1912 г. составляла 1 480 тыс. тонн, число рабочих — 9 тыс.

В Чжили, Шаньдуне, Шаньси китайские капиталисты открывали новые угольные предприятия. В 1911 г. в Пинсяне добывали 600 994 тонн угля, и там работало 6 тыс. горняков, а в Бошане 2 тыс. рабочих добывали 250 тыс. тонн угля. Кроме того, старомодные угольные шахты давали добычу приблизительно в 6 млн. тонн. Но все же основные командные высоты в области угольной промышленности оказались в руках иностранного — английского и японского капитала. Вся добыча угля в это время в Китае составляла не то 9,8, не то 13,1 млн. тонн.

В то же время японский капитал делает первые попытки овладеть гордостью национальной промышленности — Ханьепинским комбинатом. Председатель комбината Шэн-Гун-пяо заключил договор с японской фирмой о поставке железной руды. Одно из самых слабых мест японского империализма заключается в том, что в Японии очень мало железной руды. Поэтому японский капитал устремляется на Дальнем Востоке во все страны, где имеется железо (Корея, Малайские штаты, Индия и т. д. поставляют Японии железную руду и чугун). В 1905 г. был заключен формальный договор о поставке Ханьепинским комбинатом железной руды Японии. За руду лучшего качества устанавливалась цена в 3 долл. и за руду худшего качества 2,2 долл. за тонну. Расходы на перевозку же-

лезной руды в Японию составляли 2,50 долл. за тонну. После русско-японской войны японский капитал приступает и в Манчжурии к созданию металлургии. Ханьепинский комбинат получает в 1910 г. заем от японских полуправительственных банков при условии погашения займа поставками натурой.

В 1913 г. уже 240 тыс. тонн железной руды были отправлены в Японию для государственных металлургических заводов. Начались и поставки чугуна в Японию. После 1911 г., когда вследствие революции прекратились правительственные субсидии, комбинат все увеличивает и увеличивает свою задолженность японским банкам. Процент по займам относительно низок: 7—8% годовых. Но платить надо железной рудой и чугуном; причем по договору цена на железную руду устанавливается в 2,5—3 доллара за тонну, в то время, как по сообщению бывшего директора комбината Ло добыча железной руды обошлась комбинату в 2,5 долл., а перевозка в Ханьяни в 0,85 долл. Само собой разумеется, что при подобных неслыханно грабительских условиях Ханьепинский комбинат потерял свою независимость и стал поставщиком сырья для японской металлургии. А что касается чугуна, то по мнению немецких специалистов себестоимость одной тонны его в Ханьяне составляла 140 марок, а на основании договора с японцами, китайцы должны были поставлять ежегодно 100 тыс. тонн чугуна лишь в порядке уплаты процентов, исходя из низкой цены в 54 марки за тонну. Американский консул Грин уже в 1912 г. сообщает о деятельности Ханьепинского комбината следующее: выплавка чугуна составляла 93 337 тонн, из коих в Японию было вывезено 58 тыс., в Соединенные Штаты 4 400, в Австралию 5 700 тонн. Продукция рельсов составляла 24 216 тонн. Добыча железной руды составляла 356 467 тонн. В 1911 г. было вывезено в Японию 110 тыс. тонн руды. После революции ханьепинские заводы не работали, в результате чего вывоз чугуна упал до 12 тыс. тонн, но зато вывоз руды увеличился до 201 561 тонны [1]. Японский капитал овладел китайской железо-добывающей и обрабатывающей промышленностью, подчинив себе целиком и полностью при наихудших ростовщических условиях Ханьепинский комбинат.

Если мы не ошибаемся, подобная же участь грозит гордости индийской промышленности—металлургическим предприя-

[1] «The Yearbook», 1914, p. 169.

тиям фирмы Тата в Джеммадпуре со стороны англичан; американский же капитал уже забрал в свои руки гидроэлектрические предприятия Тата.

За период от боксерского восстания до мировой войны значительно выросла и внешняя торговля Китая. В 1913 г. внешняя торговля выражалась уже в 973 млн. таэлей (курс таэля = 0,73 долл.), причем вывоз из Китая равнялся 403 млн., а ввоз в Китай — 570 млн. таэлей. Вывоз возрос на 35% а ввоз на 42% в течение 14 лет. Финансирование внешней торговли и все ее направление находилось полностью под контролем иностранцев.

Значительно возросла задолженность Китая иностранным государствам. Для постройки железных дорог, указанных нами выше в таблицах, понадобились внешние займы в размере 32,4 млн. ф. ст. + 10,3 млн. иен + 81 млн. франков. Имущество и доходы дорог, доходы соляной монополии, ряд провинциальных налогов служили обеспечением этих займов. Железнодорожные займы обеспечивали таким образом иностранному империализму не только контроль над железными дорогами, но и над целым рядом государственных доходов.

Наряду с ростом железнодорожных займов возрос также и прямой государственный долг Китая. После подавления боксерского восстания цивилизованные нации мира содрали с Китая контрибуцию в 67,5 млн. ф. ст. (450 млн. таэлей). В 1911 г. Китай заключил новый заем в размере 10 млн. ф. ст. для «консолидации валюты», но вспыхнула революция, и заем не был Китаю предоставлен. Уже после революции, в 1912 г., Китай заключил новый заем в размере 10 млн. ф. ст. с лондонским банкирским домом Крисп, но из них только 5 млн. ф. ст. были предоставлены правительству Китайской республики. Чрезвычайно важным событием в отношениях Китая с империализмом за этот период было образование консорциума крупнейших банков: «Гонконг-шанхайский банк, Германско-азиатский банк, Индо-китайский банк, Морган и К°, Кун, Лэб и К°, Нэшэнэл Сити банк, Русско-азиатский банк и Иокогама Сити банк заключили соглашение от имени синдиката банков в соответствующих странах относительно того, что данные банки будут в одинаковой мере и на одинаковых правах участвовать в предполагаемом реорганизационном займе или в дальнейших правительственных займах (в отличие от займов для промышленных целей), или авансах, которые будут предоставлены китайскому правительству или отдельным провин-

циям или акционерным обществам с гарантией правительства, не включая однако сюда текущие банковые дела и мелкие займы, которые не предполагают выпуск облигаций или других ценных бумаг» [1]. Крупнейшие банки шести крупнейших держав создали единый фронт для эксплоатации Китая. Китай стал республикой, предполагалась реорганизация армии, финансовой системы, управления и т. д. Для осуществления этих задач понадобилось бы 500—600 млн. зол. руб. Китайское правительство всячески старалось вызвать конкуренцию между иностранными банками,чтобы получить заем на наиболее выгодных для себя условиях. На эти попытки финансовый капитал ответил созданием мирового банковского консорциума. В наши дни, когда Гильфердинг, Каутский и др. ленинской концепции об империализме противопоставляют теорию ультраимпериализма, международного переплетения разных империалистических систем, «интернационализации» финансового капитала, не мешает напомнить, что в Китае продолжительное время Гонконг-шанхайский банк и Германско-азиатский банк выступали совместно, хотя в то время англо-германские противоречия определяли уже международное положение. Не мешает напомнить, что за два года до империалистической войны шесть держав (за банками стояли правительства) заключили столь «ультраимпериалистическое» соглашение, чтобы через два года перерезать друг другу горло. Не доказывает ли это, что Ленин был прав, утверждая, что подобные международные соглашения являются лишь «передышкой»?

Американские банки уже в марте 1913 г. вышли из консорциума по настоянию Вильсона, считавшего, что консорциум угрожает «независимости Китая». После выхода Соединенных штатов из консорциума банки пяти держав предоставили 25 млн. ф. ст. правительству Юань Ши-кая. Этот заем сделал возможным подавление революции и временную победу реакции. В этом смысле и в Китае повторились в другой обстановке и на иной ступени развития события 1906 г. в России. Международная биржа, международный финансовый капитал спасли реакцию.

Однако роль иностранных банков вовсе не исчерпывалась тем, что они выступили в качестве кредиторов и контролеров в Китае, что они контролировали валюту, внешнюю торговлю и

[1] Willoughby, Foreign Rights and Interests in China, Baltimore, vol. II, 1927, c. 993.

в значительной мере и развитие индустрии и транспорта. Иностранные банки овладели также всеми важнейшими внутренними доходами китайского правительства. Доходы морской таможни поступали в иностранные банки. Доходы соляной монополии в силу договора о реорганизационном займе также должны были быть переданы в банки, принадлежащие консорциуму; доходы железных дорог также поступали в иностранные банки. Все эти суммы служили оборотным капиталом иностранных банков и вместе со все возрастающими китайскими вкладами делали возможным финансовую эксплоатацию Китая иностранным финансовым капиталом с помощью и посредством китайских капиталов. В то же время значительно возросла и расширилась сеть иностранных банков и их отделений в Китае. Иностранные банки получили особое значение в связи с изменениями в относительной стоимости серебра к золоту. К концу XIX в. началось и в начале XX в. усиленным темпом продолжалось обесценение серебра по отношению к золоту. Но этот процесс происходил не прямолинейно, а зигзагообразно. Серебро потеряло роль мировых денег. На мировом рынке оно перестало быть товаром товаров, всеобщим эквивалентом, а само стало простым товаром. Но в ряде колониальных и полуколониальных стран серебро сохранило свою роль на внутреннем рынке. Серебро стало товаром, причем цены на этот товар изменялись не по дням, а буквально по часам. Лондонская, Нью-иоркская, Бомбейская и Шанхайская биржи устанавливали цены на серебро. И совершенно правильно отмечает т. Штейн: «Фактически все дело установления междувалютных курсов оказывается отданным в руки частных, да к тому же еще чужих кредитных учреждений, меньше всего заинтересованных в регулировании курсов в интересах народного хозяйства и денежной системы Китая. Китай попросту не знает внешней валютной политики в европейском смысле этого слова. Между тем даже иностранные исследователи, например Уэджел, признают, что иностранные банки часто, при фиксации междувалютных курсов, в погоне за прибылью забывают о национальных интересах Китая. Фиксируемые иностранными банками курсы имеют для Китая тем большее значение, что этими курсами определяется сумма серебряных долларов, которую стране приходится ежегодно платить в качестве процентов и погашения задолженности по иностранным займам, валюта которых почти всегда выражена в золоте. По-

видимому банки не останавливаются даже перед сознательной фальсификацией курса путем усиленных продаж серебра к моменту платежа процентов по займам. В одном из таможенных изданий сообщается, что даже «главный инспектор чувствовал себя вынужденным протестовать против котировок, установленных при платежах по некоторым займам», хотя тут же присовокупляется, что «по общему правилу банки не извлекали несправедливой выгоды из невозможности для Китая выйти на открытый рынок за приобретением валюты для производства очередных платежей по иностранным займам». Однако вслед за тем таможенное издание сообщает, что в годы чрезвычайного повышения цены серебра, когда китайское правительство имело возможность приобретать на свои серебряные доллары большие количества золотой валюты, расхождение между официальными курсами банков и котировками вольного рынка было настолько велико, что «премия при сделках на наличные временами достигала размеров шиллинга на таэль сверх официально публикуемых банками курсов» [1].

Пока международные платежи страны были невелики, пока внешняя торговля не играла большой роли в хозяйственной жизни страны, функции иностранных банков в качестве регуляторов валютных курсов не имели большого значения. Тяжесть эксплоатации этим путем возрастает по мере того, как возрастает экономическая связь Китая с внешним миром.

Итак, если подвести итоги, то окажется, что до 1914 г. империализм овладел командными высотами финансовой и валютной систем (современных китайских банков было 8, но они находились скорей в процессе становления), держал в своих руках почти целиком железнодорожный транспорт, океанское, речное и каботажное судоходство, стал в большом масштабе кредитором Китая, контролировал важнейшие государственные доходы, денационализировал китайскую горную промышленность, подчинил себе металлургию, располагал лучшими заводами в области легкой и перерабатывающей промышленности, контролировал всю внешнюю торговлю, овладел контролем над всей экономикой южной Манчжурии, построил систему открытых портов, концессий и неравных договоров.

Круг замыкался. Китайский народ революцией 1911—12 гг. сделал попытку взорвать эту систему. Когда в 1912 г. консорциум банкиров диктовал свои условия Китаю, в Китае началось широкое движение для сбора необходимых для реорганизации финансов средств. Сборы дали внушительные резуль-

---

[1] В. М. Штейн, Очерки финансового кризиса в Китае, Гиз, 1918, с. 131.

таты. Но когда в революционную борьбу начало втягиваться крестьянство, когда поднялись народные низы, китайская буржуазия, шедшая как гегемон во главе этого движения, капитулировала перед империализмом. Революция потерпела поражение точно так же, как в 1898 г. — стодневная попытка реформ, возглавленная либеральной буржуазией.

* * *

Через два года после создания «единого фронта» империализма, через два года после осуществления «ультраимпериализма» в китайском масштабе, вспыхнула мировая война. Что означала мировая война для китайской экономики? Ответ на этот вопрос можно было бы вкратце сформулировать следующим образом:

1. Ряд европейских держав (Германия, Австро-Венгрия) были совершенно отрезаны от китайского рынка. Значение других европейских держав во внешней торговле Китая значительно уменьшилось; в особенности уменьшилось значение Англии и Индии. Промышленность европейских держав была занята работой на войну. Даже промышленность Индии ушла с китайского рынка, чтобы заниматься военными поставками. Зато вырос удельный вес Соединенных штатов (12,8% в 1914 г., 12,8% в 1918 г. и 17,3% в 1921 г., не считая американского ввоза через Японию). Но еще более значительно выросли роль и значение Японии. Вряд ли можно найти лучший пример для иллюстрации закона о неравномерном развитии капитализма, чем Япония. В 1885 г. доля Японии во внешней торговле Китая составляла 3%; в 1913 г. — 20%, а в 1918 г. — 38%. Соединенные штаты и Япония заняли место европейских стран на китайском рынке.

2. В смысле вывоза капитала в Китай европейские страны и Соединенные штаты почти совершенно выбыли из строя. Объясняется это не только военной обстановкой в Европе, но и развалом государственности в Китае. Во время войны только американские банки предоставили Китаю займы и всего в размере 10 млн. долл. Зато Япония ссужала деньгами пекинское правительство, которое являлось политической марионеткой в руках японского империализма. В 1917 и 1918 гг. Иокогама Шнэши Банк предоставил пекинскому правительству 30 млн. иен, а впоследствии за период 1918—1920 гг. были заключены знаменитые займы Нисихара в размере около 200 млн. иен. Они были предназначены для поддержки клики Дуань Ци-жуя, которая разграбила эти суммы. Одним из самых спорных во-

просов между Японией и Китаем в 1928 г. является именно вопрос о признании этих займов, и по всем данным нанкинское правительство признало их. Группа японских банков предоставила еще 30 млн. иен провинциям Гирин и Хэйлунцзян; за вступление в мировую войну Китай получил от Японии заем в размере 20 млн. иен.

Кроме этих так называемых «административных займов», которые не служили непосредственно никаким производственным целям, Япония вывезла в Китай значительные капиталы, которые служили и производственным целям. Займы Ханьепинскому комбинату достигли уже в 1921 г. 48 млн. иен; в Шанхае, Циндао, Ханькоу были построены японские текстильные фабрики; расширились фушуньские копи; началась постройка доменных печей в Аньшане; развивались лесопильные заводы, маслобойная промышленность, мельницы и т. д. Аньшанская металлургия в эту пору еще работала с убытками. Железная руда — очень плохого качества, уголь — обходятся относительно дорого, но японский империализм нуждается в железе и решает довести продукцию в Аньшане до 1 млн. тонн чугуна в год [1]. Где бы ни начиналась в Китае разработка железных или угольных залежей, японский капитал пытался захватить их в свои руки.

Экономической экспансии Японии сопутствовало политическое наступление. В 1915 г. Япония предъявляет свои пресловутые 21 требование, чтобы впоследствии еще дополнить их. Японские взятки помогают клике анфуистов захватить власть в Пекине. Но именно японское наступление дало повод в 1920 г. Соединенным штатам предложить договор о консорциуме банков другим державам. Теперь Вильсон выступил за консорциум для того, чтобы получить возможность контроля японских займов Китаю.

Итак, в результате войны мы наблюдаем падение значения и удельного веса европейских держав в системе китайской экономики и рост значения американского и в особенности японского империализма.

Однако, несмотря на усиление американского и японского ввоза, ввоз товаров в Китай в целом не возрос. Он вырос в денежном выражении с 1913 г. до 1921 г. с 416 млн. долл. до 688 млн. долл. Но возросла не товарная масса, а цены. В отчетах Морской таможни за 1921 г. мы находим таблицы, указывающие главные предметы ввоза в Китай и вывоза из Китая за 1913 г. и количество и цены этих же това-

---

[1] Bank of Chosen, Economik History of Manchuria, c. 192.

ров в 1920 г. и 1921 г., причем цены их пересчитаны по ценам 1913 г. Эти таблицы показывают, что объем торговли в 1921 г. был такой же, как и в 1913 г. Эти же таблицы указывают на то, что уменьшился ввоз и возрос вывоз[1]. Следует при этом иметь в виду, что относительная стоимость серебра по отношению к золоту скачкообразно изменилась в пользу серебра. (Курс таэля во время войны и после нее в Нью-Йорке: в 1914 г. — 0,67 долл.; 1915 г. 0,62; 1916 г. — 0,79; 1917 г. — 1,03; 1918 г. — 1,26; 1919 г. — 1,39; 1920 г. — 1,24 и в 1921 г. — 0,76 долл.). Кроме того, на рост цен в Китае особенно большое влияние оказало вздорожание фрахтов. В 1913 г. перевозка одной тонны груза из Шанхая в Лондон стоила 2 ф. ст., а из Шанхая в Сан-Франциско — 5 ам. долл. В 1918 г. перевозка одной тонны груза в Лондон стоила 50 ф. ст., а в Сан-Франциско — 60—70 ам. долл. Все эти моменты, вместе взятые, привели к тому, что на китайском рынке чрезвычайно ослабевала конкуренция привозных товаров. В Китае остро чувствовался товарный голод. Причем экспорт возрос. Китай продавал все, что мог. Китайские купцы продавали красильные вещества, закупленные в Германии. Китай вывозил медь, не добывая меди, а собирая и переплавляя медные монеты, собираемые у крестьян. Китай вывозил даже пшеничную муку. Япония не могла покрыть возросший китайский спрос уже по одному тому, что два серьезных движения бойкота — в 1915 и 1919 гг. — хотя и не приостановили, но во всяком случае задержали темп роста японского ввоза. Этим и объясняется быстрый рост японской промышленности на территории Китая. Но даже продукция новых японских фабрик не могла удовлетворить спрос. И в Китае начинается период бурного развития национальной китайской промышленности. Особенно сильно чувствовался товарный голод в текстильных изделиях, и поэтому особенно большой стимул получило развитие текстильной промышленности. Значение ввоза текстильных изделий уменьшилось за этот период не только относительно, но и абсолютно. Если в 1905 г. ввоз ткани и текстильных изделий составлял 40% всего ввоза, то в 1914 г. ввоз текстиля составлял 31,3%, в 1918 г. — 27,2% и в 1921 г. — 23,1% всего ввоза. Если Китай в 1914 г. ввез 19 млн. кусков хлопчатобумажной ткани, то в 1919 г. — 14 млн., в 1920 г. — 13 млн. и в 1921 г. — уже только 10 млн. кусков. А ввоз хлопчатобумажной пряжи упал

[1] Remer, Foreign Tvade of China, c. 183—184.

с 2,5 млн. пикулей в 1914 г. до 1,3 млн. — в 1921 г. Этим и объясняется бурный темп развития китайской, и в особенности японской текстильной промышленности в Китае.

До мировой войны крупная текстильная промышленность в Китае развивалась довольно равномерным темпом. Вот данные, свидетельствующие об этом:

Темп развития китайской текстильной промышленности (1896—1913)

Годы	Число фабрик	Число веретен
1896	12	417 000
1909	—	800 500
1910	—	812 300
1911	—	832 300
1912	—	832 300
1913	31	870 800

Во время войны, а в особенности в первые годы после войны, темп усиливается, о чем свидетельствуют следующие данные:

Годы	Число фаббрик	Число веретен
1913	1	—
1914	1	—
1915	1	—
1916	3	—
1917	1	—
1918	8	—
1919	5	—
1920	6	—
1921	21	1 800 000
1922	20	2 248 000
1923	6	2 680 000

Эти цифры вовсе не отражают полностью настоящего темпа развития продукции. Во время войны возникло великое множество мануфактур, сильно распространилось домашнее ткачество в виде работы на скупщика. Это относится особенно к ткачеству. Мы уже указали на то, что в Мукдене, Ньючжуане и т. д. во время войны работало в два-три раза больше ткацких станков на мануфактурах, чем в настоящее время.

Большое развитие проделала и шелковая промышленность, а в особенности шелковая промышленность в Шанхае, как видно из следующей таблицы:

Шелковая промышленность в Шанхае[1].

Годы	Число шелкопряд.	Число бассейнов
1890	5	—
1895	12	—
1900	18	5 920
1905	22	7 610
1909	35	11 058
1910	46	13 298
1914	56	14 424
1916	61	16 192
1918	71	19 200

В Гуандуне развитие шелковой промышленности также получило толчок.

Но развитие не ограничивалось текстильной промышленностью. Во время войны Китай вывозил пшеничную муку. В Манчжурии в процессе колонизации страны увеличилась посевная площадь под пшеницей. В результате этого число паровых мельниц возросло с 40 в 1913 г. до 125— в 1921 г., причем эта цифра скорее преуменьшена. В 1913 г. в Китае применяли пар, электричество или моторы в качестве двигателей на 400—600 заводах. В 1921 г. эта цифра уже превышала 2 тыс. Пищевая и химическая промышленность воюющих стран нуждалась в растительном масле в качестве сырья. Но вывоз бобов, кунджута, земляных орехов затруднялся недостатком и дороговизной тоннажа. Вместо масляничных семян начали вывозить растительное масло. Соответственно этому быстро развивалась маслобойная промышленность, особенно в Дайрене. Для характеристики этого процесса мы приведем следующие данные:

Маслобойная промышленность в Дайрене[2]

Годы	Число заводов	Максимальная продукция в жмых. в день	Максимальная продукция в растительном масле
1907	5	21 000 шт.	1 032 пикулей
1913	44	147 900 „	6 822 „
1923 . . .	84	263 008 „	12 540 „

[1] „Journal of General Chamber of Commerce" July 1924, с. 40.
[2] «Chinese Econom. Monthly», № 13, 1925, с. 29.

Можно к этому добавить, что в Ханькоу, Харбине, Циндао и, пожалуй, в Шанхае развитие шло еще более быстрым темпом.

«Развитие промышленных предприятий и в особенности текстильных было ограничено повидимому только невозможностью получить необходимые машины. В настоящее время почти все промышленные изделия иностранного происхождения изготовляются уже в Китае, причем изготовляются без иностранной помощи. Из длинного ряда перечисляем следующие: эмалированные изделия, шелковые и хлопчатобумажные ткани, трикотажные изделия, мыло, духи и т. п., зонтики, шерстяная пряжа, пуговицы, химические вещества, гвозди, электрические лампочки, телефонные аппараты, асбест, вино, пиво, сахар, стекло, стеклянные изделия. Китайские верфи в 1919 г. выстроили суда с общим тоннажем в 12 307 тонн. В Шанхае построили новую верфь. Ханьепинский комбинат и Кайланьские копи расширяются»[1].

Секретарь морской таможни в этих длинных цитатах схватил суть дела. О д н и м и з г л а в н ы х п р е п я т с т в и й к р а з в и т и ю и н д у с т р и и з а э т о т п е р и о д я в л я л о с ь о т с у т с т в и е м а ш и н, н е в о з м о ж н о с т ь д о с т а т ь п о т р е б н о е и х к о л и ч е с т в о, — с л о в о м, о т с у т с т в и е в с т р а н е о т р а с л е й п р о м ы ш л е н н о с т и, п р о и з в о д я щ и х с р е д с т в а п р о и з в о д с т в а. Подобное явление наблюдалось и в Индии. Монополия империализма на производство средств производства дала себя чувствовать во время войны с необычайной силой и остротой.

Об этом опыте Китая и Индии в области и н д у с т р и а л и з а ц и и страны следовало бы кое-кому подумать не только в Китае и Индии, но и в СССР, где наши доморощенные правые долго возражали против темпа развития отраслей промышленности, производящих средства производства.

С этой точки зрения чрезвычайно интересно проследить ввоз машин в Китай. Мы приводим данные о ввозе всех видов машин (за исключением сельскохозяйственных, трикотажных, швейных и вышивальных, которые с развитием фабрик не непосредственно связаны), причем для наглядности мы перевели таэли в наиболее устойчивую во время войны валюту — в американские доллары. Получается следующая в высшей степени интересная картина:

[1] «Return of Trade and Trade Reports», 1919, vol. I, с. 19.

Ввоз машин

(в тыс. долл.)

1910	4752	1918	12474
1911	2730	1919	27661
1912	2516	1920	34596
1913	2482	1921	31692
1914	3618	1922	26279
1915	1674	1923	17527
1916	3792	1924	15066
1917	6283		

При этом небезынтересно отметить, что до мировой войны Англия поставляла 37,9%, Германия — 18,3%, Япония — 8,9% и Соединенные штаты 6,8% всех машин в Китай; а после войны Англия поставляла 29,6%, Германия — 17,7%, Япония — 18,8% и Соединенные штаты — 20,7% всех машин. Эти данные указывают на то, как развивалось во время войны производство средств производства в наиболее молодых империалистических странах: в Японии и в Соединенных штатах. А из первой таблицы видно, что сколько-нибудь серьезный рост ввоза машин начинается лишь после войны, ибо рост ввоза во время войны в денежном выражени вряд ли отражает полностью хотя бы вздорожание машин. А после 1918 г. наступает внушительный рост, который весьма явственно слабеет после 1922 г. Кстати отмечаем, что почти совершенно аналогичная динамика наблюдалась и в Индии.

Однако не только недостаток машин являлся препятствием к развитию крупной индустрии. Немаловажную роль играл и недостаток сырья. Во время войны довольно заметно возрос вывоз сырья (железной руды, чугуна, угля и хлопка) из Китая в Японию. Китай все более превращался в сырьевую базу японской промышленности. Картина такова:

Добыча угля

(в млн. тонн)

1913	14	1919	19,9
1914	15	1920	20,3
1915	15,4	1921	19,8
1916	15,5	1922	19,9
1917	17,2	1923	22,6
1918	18,0		

Вывоз угля рос еще быстрее добычи, что увидим ниже.

Добыча железной руды

(в тыс. тонн)

1913	959	1919	1 861
1914	1 005	1920	1 865
1915	1 095	1921	1 426
1916	1 129	1922	1 559
1917	1 139	1923	1 733
1918	1 474	1924	1 765

Мы увидим в дальнейшем, что вывоз рос быстрее, чем добыча (с 217 тыс. тонн в 1913 г. до 846 тыс. тонн в 1924 г.). Следует отметить, что $^2/_3$ всей железной руды добывается современными и $^1/_3$ старомодными методами, причем вывозится конечно руда, добываемая современными методами.

Значительно возрос и вывоз чугуна, дошедший до 60% продукции [1].

Выплавка чугуна за период 1913—1924

(в тыс. тонн)

1913	267	1919	446
1914	300	1920	427
1915	336	1921	402
1916	369	1922	393
1917	357	1923	343
1918	354	1924	330

Значительно возросло и потребление железа и стали в стране в первые послевоенные годы, о чем свидетельствуют следующие данные:

Рост внутреннего потребления железа и стали [1]

(в тыс. тонн)

1913	261	1922	375
1919	345	1923	347
1920	342	1924	547
1921	292		

Война дала значительный толчок развитию горной промышленности и других отраслей хозяйства. Цены на антимоний увеличились в шесть и десять раз, чтобы снова резко

[1] «Far Eastern Review», № 3, с. 107.

упасть после войны. Колебание цен определяло и добычу. Вот данные о вывозе, что совпадает и с продукцией:

Вывоз антимония
(в тыс. пикулей)

	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923
Антимоний-регулус .	10,6	15,1	15,9	7,0	9,6	12,5	12,6	11,5
Антимоний сырой . .	11,8	19,9	1,6	2,1	4,5	2,5	1,5	2,9

Во время войны и непосредственно после нее выросла добыча и выплавка цинка, олова, о чем свидетельствуют следующие данные:

Добыча олова
(в тыс. тонн)

1916	1917	1918	1919	1929	1921	1922
7,7	11,9	8,8	8,8	11,5	6,1	9,1

Добывается цинк и олово на хунаньских рудниках. Провинциальное правительство в 1906 г. попыталось было перевести это производство на современную технику, — выписало машины; на рудниках работало в среднем 3 тыс. рабочих с месячной заработной платой в 6—15 долл. Продукция значительно увеличилась за период 1914—18 гг.; потом резко снизилась, а за последние годы медленно увеличивается, несмотря на резкое падение цен на олово на мировом рынке и на острую конкуренцию Малайских островов [1].

В 1915 г. началась добыча вольфрама. Впоследствии Соединенные штаты увеличили ввозные пошлины, на мировом рынке наступило катастрофическое падение цен, и эта отрасль горной промышленности почти совершенно разорилась.

В 1918 г. добыча составляла 10 280 пикулей, в 1919 г. — 6 тыс., а в 1922 г. — 3 417 пикулей. Во время войны увеличился спрос на марганец. В 1915 г. добыча его в Китае составляла 19 595 тонн, в 1919 г. уже только 3 487 тонн. К этому периоду относятся попытки к добыче нефти в Шэньси. Они дали ничтожные результаты (в 1918 г. — 3 300 пикулей, в 1919 г. — 1 900, в 1920 г. — 2 300, в 1921 г. — 850 пикулей) и были приостановлены.

Объяснение того факта, что после войны так легко удалось вытеснить китайскую горную промышленность с мирового рынка, лежит в том, что торговля антимонием, марган-

---

[1] «Far Eastern Review», № 4, 1928, с. 176.

цем и т. д. была монополизирована иностранными фирмами, причем эти фирмы предоставлением авансов финансировали китайское производство. Когда уменьшился спрос, они лишили китайскую промышленность не только авансов, но просто отрезали ее от мирового рынка.

Китайская буржуазия достигла некоторых успехов в области финансов. Если в 1913 г. существовало только 8 современных банков, и те в зародышевом состоянии, то во время войны и в первые годы после нее китайская кредитная система значительно расширилась.

Значительные сдвиги и изменения произошли и в области судоходства. Разумеется, в области дальнего плавания возросший китайский флот все еще играл небольшую роль. В 1922 г. из общего тоннажа в 18,1 млн. тонн, прибывших в китайские порты, только 2,6 млн. тонн, а из 18,2 млн. тонн, отбывших из китайских портов, только 2,5 млн. тонн было китайских. Но в транспорте между открытыми портами в Китае значительно выросла доля китайского флота. В 1922 г. из 43,8 млн. тонн, прибывших в открытые порты, 13,9 млн. тонн, а из отбывших 43,8 млн. тонн — 13,7 млн. тонн было китайских.

И на самом деле китайский флот увеличился во время войны. Если учесть тоннаж пароходных компаний, занятых плаванием на китайских водах за 1919—20 гг., то окажется следующее:

Тоннаж	Английских компаний	213 201	тонн
„	Японских „	70 305	„
„	Голландских „	79 174	„
„	Персидских „	53 090	„
„	Американских „	4 213	„
„	Все иностранные компании, вместе взятые	**419 983**	„
„	Все китайские компании	**213 201**	„

Значит китайский флот возрос в течение десяти лет почти в десять раз. Во всяком случае, результат довольно внушительный, если принять во внимание, что около 32% речного и каботажного и около 10% морского пароходства находилось уже в руках китайского капитала. Конечно такой прогресс был возможен во время войны, когда недостаток тоннажа чувствовался особенно остро, когда в этой области конкуренция шла не за груз между пароходными обществами, а за тоннаж между экспортерами и импортерами, когда отдельные японские пароходные общества выдавали 100—175% основного капитала в качестве дивиденда.

Впоследствии доля китайского тоннажа в морском и речном транспорте не растет, а уменьшается.

В сфере финансов произошли также значительные изменения. Если не относительно, то, во всяком случае, абсолютно увеличились роль и значение китайских банков. Известно, что Ленин придавал огромное значение распространению сети иностранных банков в колониальных и полуколониальных странах. И на самом деле в Китае быстро росло число иностранных, но одновременно и китайских банков. Вот как развивалась банковская сеть:

Рост банковой сети в Китае

Годы		Число банков	Число отделений
1913	Иностран. банки .	13	62
1923	" " .	22	90
1913	Японские " .	8	59
1923	" " .	14	76
1913	Китайские " .	19	190
1923	" " .	233	387

Если сравнить однако капитал иностранных и китайских банков, то станет ясным, что китайская буржуазия противопоставляла гигантским пушкам финансового капитала кремневое оружие. Уплаченный основной капитал иностранных банков, считая и японские, составлял 153 млн. франков, 14 млн. ам. долл., 150 млн. голландских гульденов, 55 млн. руб., 11,5 млн. мекс. долл., 20 млн. гонконгских долл., 520 млн. иен, 17,1 млн. фунтов стерлингов, 3,5 млн. таэлей. При этом следует иметь в виду, что хотя большинство из этих иностранных банков работало не только в Китае, но и в других странах, оно, кроме своего капитала, располагало в качестве оборотного капитала еще и доходами морской таможни, соляной монополии, железных дорог, располагало китайскими вкладами и т. д. А китайские банки именно этими средствами не располагали. Уплаченный основной капитал китайских банков составлял 159 млн. мекс. долл., 9 млн. таэлей, 6,2 млн. иен и 1 млн. ф. ст. Немудренно, что, когда речь идет об аппарате морской таможни, о независимости соляной монополии, то даже китайские банкиры делают весьма патриотические жесты. Но простое сопоставление оплаченных капиталов показывает, что китайские современные банки, располагая в общей сложности капиталом в 180 млн. долл., не могут сколько-нибудь серьезно оспаривать позиции иностранных банков. Однако и это раз-

витие сети банков было достаточно для того, чтобы нанести удар позициям профессиональных компрадоров. Профессиональные компрадоры в узком смысле этого слова были необходимы в свое время иностранным торговым фирмам главным образом потому, что они гарантировали кредиты, предоставленные иностранными фирмами китайским торговцам. Теперь эти функции начали переходить к китайским современным банкам. Это конечно вовсе не значит, что роль компрадорства или компрадорской буржуазии уменьшилась. Наоборот! На место немногочисленной группы профессиональных компрадоров выступила широкая прослойка торговой буржуазии, заинтересованной в импортной и экспортной торговле. Эта прослойка торговой буржуазии является, по сути дела, товаропроводящей сетью иностранных фирм по линии импорта и заготовителями иностранных фирм по линии экспорта. На место отдельных компрадоров вступила целая прослойка буржуазии!

Однако даже в сфере внешней торговли китайская буржуазия занимала кое-какие позиции. Она получила в свои руки часть посредничества между Китаем и областями китайской эмиграции (Индонезия, Малайские острова, Индо-Китай и т. д.). Кроме того крупные китайские торговые фирмы начали устраивать свои представительства в Японии и через них покупать хлопчатобумажные изделия. В Шанхае открылись крупные универсальные магазины, которые имели уже кредит в международном масштабе. Укрупнился ряд торговых фирм в открытых портах.

За этот же период большими шагами прогрессировала колонизация и развитие капитализма в Манчжурии. Сельское хозяйство Манчжурии уже применяло рабочую силу в 300—400 тыс. приезжих из собственно Китая рабочих, не считая наемных рабочих в самой Манчжурии. Железнодорожное строительство чрезвычайно ускорило процесс колонизации внутренней Монголии. Мельницы, спиртные фабрики, пивоваренные заводы, маслобойни, угольная, железодобывающая промышленность быстро развиваются в Манчжурии.

Значительно уменьшилась за этот период пассивность торгового баланса. Если дефицит торгового баланса за период 1899—1913 гг. составлял 1 650 тыс. таэлей, то за период 1914—1921 гг. он составлял только 980 тыс. таэлей. Уменьшился вывоз золота из страны. Если за период 1899—1913 гг. из Китая вывезли 11 млн. таэлей золотом, то за период 1914—1921 гг. — только 4 млн. Увеличился ввоз серебра в страну. Если ввоз серебра за период 1899—1913 гг. соста-

влял 61 млн. таэлей, то за 1914—1921 гг. он равнялся 120 млн. Невидимый баланс несомненно заключался со значительным плюсом в пользу Китая. Эмиграция в разные колонии империализма постоянно возрастала, а тем самым возрастали и переводы эмигрантов. Война была если не «золотым», то серебряным веком в буквальном смысле этого слова для китайской буржуазии в Индонезии, на Малайских островах, на Филиппинах, в Индо-Китае. Ее переводы и инвестиции в Китае также увеличились. Более чем 140 тыс. китайских рабочих работали во время войны в Северной Франции. Переводы этих рабочих также увеличили активность невидимых платежей.

Китайская буржуазия чувствовала приток экономических сил. Движение бойкота в 1915/1916 г. против Японии показало, что она может пользоваться поддержкой масс. Участие в войне против Германии, отмена неравных договоров, заключенных Германией и Австро-Венгрией, движение 1919 г. по поводу версальской конференции подбодрили буржуазию. Влияние русской революции также чувствовалось уже на Дальнем Востоке, причем китайская буржуазия видела тогда еще в русской революции лишь ее антиимпериалистические черты. Китайская буржуазия уже лелеяла мечту о едином, национальном, независимом Китае.

Но все это развитие было нарушено после 1922 г. Надвинулся кризис — экономический и политический. Все империалистические державы вернулись на Дальний Восток. Началось наступление империализма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОКАЗАТЕЛИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

ИСТОКИ ПОСЛЕВОЕННОГО КРИЗИСА ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Кризис индустриализации Китая, наступивший после 1923 г., выражается вовсе не в полной приостановке процесса индустриализации. Такой взгляд является упрощением вопроса в отношении Китая так же, как и применительно к Индии. И в Индии продолжается рост добычи угля, выплавки чугуна, производства стали, числа веретен и ткацких станков на текстильных и даже на джутовых фабриках, в спичечной промышленности; начинается развитие химической и сахарной промышленности, развиваются силовые станции, расширяется железнодорожная сеть и т. д. Кризис выражается и в Индии и в Китае в замедлении темпа роста производственного аппарата. Это особенно заметно в Китае в области прядильной промышленности, развитие которой после 1925 г. почти полностью приостанавливается. Замедляется также темп роста ткацкой и шелковой промышленности, добычи угля и железной руды; уменьшается выплавка чугуна, начинается вообще развал ряда важнейших металлургических предприятий и т. д.

Замедление темпа роста промышленности является одним из показателей кризиса. А в Китае мы имеем не только замедление темпа роста производственного аппарата, но и самой продукции, а в некоторых отраслях промышленности прямое ее снижение.

Возвращение европейского и отчасти американского империализма на китайский рынок, усиление борьбы со стороны значительно возросшей промышленности японского империализма за китайский рынок чрезвычайно обострили конкурентную борьбу и привели к значительному снижению прибылей промышленных и всяких других предприятий в Китае. Это сильно ударило по японским предприятиям в Манчжурии [1], но

---

[1] По данным «China Econ. Bulletin» № 7, 1928 г., 77 японских акционерных обществ в Квантунге выдавали в 1910 г. дивиденды, составлявшие 9,7%, в 1918 г. 8,8; а после 1921 г. 4—5%. В Манчжурии наблюдается такой же процесс.

особенно разорительное влияние оказало на китайские предприятия. В то время, как иностранные предприятия, в особенности японские, во время высокой конъюнктуры накапливали значительные резервы, китайские предприятия распределили сказочные прибыли, получавшиеся во время военного и послевоенного «бума» в виде дивиденда и не оставили резервов на черные дни депрессии и кризиса. Поэтому первые удары кризиса вызвали массовые банкротства китайских предприятий, массовый переход их в новые, в том числе и в иностранные руки. Значительно замедлился темп внутрипромышленного накопления. Резкое падение цен на промышленные изделия обесценивало накопившиеся запасы товаров и сырья.

Особенно сильное влияние оказывало на судьбы промышленных предприятий и то обстоятельство, что новые фабрики и заводы заказывали свое оборудование во время войны и в первые послевоенные годы, когда цены на него стояли чрезвычайно высоко. После войны наступило резкое снижение цен на машины и оборудование, и при одновременном снижении прибылей это привело к перекапитализации предприятий. Пришлось списать часть основного капитала или же наступали убыточные годы и в конечном итоге банкротства.

На всю экономику Китая чрезвычайно неблагоприятное влияние оказали «ножницы» между ценами на промышленные изделия и на продукты сельского хозяйства. Китай платит в основном сельскохозяйственными продуктами и рабочей силой своих эмигрантов за промышленные изделия и за привозное сырье; относительное вздорожание последних влияло чрезвычайно неблагоприятно на торговый баланс страны. «Ножницы» между ценами на промышленные изделия и продукты сельского хозяйства на внутреннем рынке резко снизили покупательную способность деревни. После 1925—1926 гг. в этом отношении на мировом рынке наступило известное улучшение, но в Китае оно по ряду особых причин не могло проявиться в достаточной мере. А кризис 1929—30 г. снова привел к резкому раствору «ножниц», обесценивая сельскохозяйственные продукты (масличные семена, шелк, чай) и цветные металлы, — эти основные предметы китайского вывоза.

Главнейшая причина заключалась в обострении валютно-финансового кризиса в Китае. В первые послевоенные годы наступило резкое обесценение серебра. В 1926 г. произошло новое падение цен на серебро. Серебро демонетизируется, теряет свое значение в качестве мировых денег и целый ряд стран с серебряной валютой переходит к золотой валюте или к золотому стандарту. За последнее время индийские базары

покупают все меньше серебра, и англо-индийское правительство продает свои серебряные запасы. Зато Китай занимает место Индии, как крупнейший покупатель серебра. Но обесценение серебра обозначало собой обесценение основной валюты и сокровищ Китая. Китай покрывал пассивность своего торгового баланса и все платежи по своим международным долгам серебром. Обесценение серебра по отношению к золоту чрезвычайно затруднило ввоз машин и сырья в страну и значительно уменьшило покупательную способность страны вообще. В этом отношении мировой экономический кризис стал национальной катастрофой для Китая. Цены на стандартную унцию серебра упали с середины 1929 г. до мая 1930 г. с 26 миллионов до 18 млн., т. е. на 32%, и это привело в полное расстройство всю экономическую жизнь страны.

Однако этого еще недостаточно для характеристики элементов кризиса, ибо в то время, как происходило обесценение серебра по отношению к золоту, наступило и резкое обесценение деревенской валюты, т. е. медных монет по отношению к серебру. Кроме того, этот период был периодом быстрого обесценения всех бумажных денег в Китае. Все эти обстоятельства сильно ударили по покупательной способности деревни и привели к относительному сужению внутреннего рынка.

Промышленность в Китае возросла, усилился ввоз иностранных товаров, а внутренний рынок относительно сузился.

Однако сильнее чем всякие валютные затруднения действовало на разорение внутреннего рынка и на его относительное сужение для промышленных изделий углубление кризиса сельского хозяйства. Для характеристики этого кризиса в этой связи достаточно будет указать на следующее. Ввоз риса в Китай за период 1900—1910 гг. составлял в среднем 399,7 тыс. тонн в год, за период 1911—1915 гг. — 345,9 тыс. тонн, за период 1916 — 1920 гг. — 375,4 тыс. тонн. Позднее ввоз риса выражается в следующих цифрах:

(в тыс. тонн)

1921 . . .	643	1925 . . .	764
1922 . . .	1 158	1926 . . .	1 131
1923 . . .	1 356	1927 . . .	1 275
1924 . . .	798	1928 . . .	767

Ввоз пшеничной муки за период 1902—1911 гг. составлял в среднем 1,46 млн. пикулей в год; за 1912—1921 гг. — 1,02 млн. пикулей. Позднейший ввоз выражается в следующих данных:

(в тыс. пикулей)

1925	2 811
1926	4 285
1927	3 825
1928	5 985

Голодовки следуют за голодовками, учащаются стихийные бедствия, разваливаются оросительные сооружения, истощается почва, растет бандитизм, разоряется крестьянство, растут налоги, реквизиции, уменьшается число скота, — и все эти моменты вместе взятые разоряют деревню. В этот же период происходят войны милитаристов, революция и гражданская война. Разрыв торговых путей, отрыв целых провинций на целые годы от основных промышленных и торговых центров, рост внутренних пошлин, разорение железнодорожного транспорта, дезорганизация речного судоходства также способствовали относительному сужению внутреннего рынка.

При оценке всех этих процессов следует учесть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, на которое указал уже Энгельс.

«Одно из необходимых последствий развития крупной промышленности заключается именно в том — пишет Энгельс в письме к Даниэльсону,—что она разрушает свой собственный внутренний рынок путем того самого процесса, которым она создала его. Она создает его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но без домашней промышленности крестьянство не может жить. Крестьяне разоряются, как крестьяне; их покупательная сила снижается до минимума, и пока они не обоснуются в новых условиях существования, в качестве пролетариев, они будут представлять лишь очень жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов. Капиталистическое производство, будучи переходною экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся очевидными лишь по мере его собственного развития. Это стремление — создавать себе рынок и в то же самое время разрушать его — представляет как раз одно из таких противоречий» [1].

Очевидно, это указание Энгельса является всеобщим законом перехода к крупной машинной индустрии даже в странах старого капитализма. (В Англии за период с 1820 по 1845 гг. число рабочих возросло на крупных фабриках с 10 тыс. до 150 тыс., а число домашних рабочих сократилось

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, с. 291.

с 240 тыс. до 60 тыс. Таким образом промышленность не поглощала даже всех домашних рабочих, не говоря уже о разорившихся крестьянах Англии и Ирландии). Тем более верно это для стран, где развитие индустрии происходит в условиях конкуренции с высокоразвитой промышленностью других стран. Немудрено, что в Индии в последние годы уменьшается потребление хлопчатобумажной пряжи и ткани, когда 22 млн. разорившихся крестьян и кустарей живут на случайный заработок поденщиков; немудрено, что в Китае сужнвается внутренний рынок, когда миллионы и миллионы крестьян и ремесленников выбрасываются из производственного процесса и вымирают часто с голоду.

Период, когда развитие капитализма не только создает, но и разрушает внутренний рынок, в Индии и Китае будет еще очень длительным. Это обстоятельство будет источником величайших революционных потрясений в этих странах, — в особенности в связи с тем, что процессы создания и разрушения внутреннего рынка происходят в них в период империализма, когда крупнейшие империалистические страны ведут борьбу за рынок сбыта в Китае и Индии.

В этом заключаются особенности промышленной революции в тех странах, которые с опозданием вступили на путь капиталистического развития. И это придало кризису в Китае особенную глубину, остроту и размах. Кроме того кризис этот происходил в период экспорта капиталов, в период, когда иностранные банки уже создали свою мощную сеть в Китае и овладели важнейшими финансовыми командными высотами в стране, в результате чего иностранный капитал смог скупить ряд китайских предприятий или же, оставляя их формально китайскими, целиком и полностью подчинить их своему контролю. Такой результат кризиса в значительной мере определялся тем обстоятельством, что в то время, как около 12 тыс. китайских инженеров ходят без работы, значительная часть китайских предприятий находится под руководством иностранного управленческого и инженерского персонала. Кризис промышленности в Китае проявляется наряду с переходом ряда предприятий в руки иностранного капитала и в денационализации китайских предприятий.

Этот процесс денационализации получил толчок гигантской силы во время мирового экономического кризиса 1929/30 гг. Ряд китайских текстильных и шелковых фабрик в Шанхае и Миндао перешли в руки иностранного капитала. Конкуренция ввозных табачных изделий и производство Британско-Американской Табачной К° разорили до тла китайскую

табачную промышленность и вызвали банкротство и закрытие даже двух крупнейших китайских предприятий — Братьев Наньян и Цзян Цзюн. При этом имеются сведения, что предприятия Братьев Наньян перешли за 20 млн. долл. в руки Британско-Американской Табачной К°. В то же время Шведский Спичечный Трест своей бросовой конкуренцией — трест продал гросс-ящик спичек на 4—6 долларов дешевле на китайском рынке, чем китайские фабрики—доводил до банкротства китайские спичечные фабрики в Собственном Китае и заставил китайские предприятия в Манчжурии капитулировать перед Трестом. В то же время Нанкинское правительство признало все долги Ханьепинского Комбината перед японским капиталом и согласилось под давлением Японии не повысить в течение трех лет жалкие таможенные пошлины, введенные в 1929 г.

Меньшевистская теория доколонизации потерпела и в Китае наглядное поражение. Сама жизнь разбила эту ложную, оппортунистическую теорию вдребезги. Ход кризиса в Китае и Индии доказал и на практике, фактами суровой действительности, что та теория взята из арсенала II Интернационала для оправдания империализма и колониального национал-реформизма.

УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Мы уже знаем, что добыча угля в Китае в 1914 г. составляла 14 млн., а в 1922 г. — 19,9 млн. тонн, причем на современных шахтах добыча в 1914 г. равнялась 8 млн., а в 1922 г.— 13,9 млн. тонн. Старомодные шахты играют еще важную роль в Шаньси и в Хунани, и добыча на них за год оценивается в 6 млн. тонн. Ввоз угля в страну за период 1902—1912 гг. ежегодно в среднем составлял 1,37 млн. тонн, а за период 1912—1921 гг. в среднем за год — 1,35 млн. тонн.

Во время мировой войны развитие китайской национальной угольной промышленности происходило быстрым темпом; китайские капиталисты выкупили бельгийское предприятие и путем конфискации присвоили одно немецкое предприятие. Вследствие этого иностранный капитал, контролировавший в 1916 г. 81% добычи на современных и 50% добычи на всех шахтах, в 1920 г. контролировал только 66% на современных и 46% добычи на всех шахтах, включая и старомодные. Это соотношение национального и иностранного капитала сохранилось примерно до 1925 г., когда начался процесс упадка китайских предприятий. В другом месте мы уже указали, что в 1929 г. иностранный капитал держал уже в своих руках 72% добычи угля в Китае. Произошло это огромное

уменьшение доли китайского капитала отчасти вследствие быстрого роста японских предприятий в Фушуне[1] и английских предприятий в Тяньшане[2], отчасти вследствие перехода китайских предприятий в японские руки в Шаньдуне и отчасти вследствие уменьшения добычи угля на китайских шахтах.

Добыча угля в 1923 г. составляла 22,6 млн. тонн. Она превышала таким образом добычу угля в Индии, составляющую ежегодно в среднем 20 млн. тонн. Разумеется, это вовсе не значит, что в Китае потребляется больше угля для промышленных целей, чем в Индии. Мы не располагаем точными данными о добыче угля в Китае за период 1923—1928 гг. По последним не совсем точным сведениям добыча угля в 1927 г. равнялась 25,7 млн. тонн[3]. При этом следует иметь ввиду, что добыча на кайланских (английских) копях в 1922 г. выражалась в 3,7 млн. тонн, а в 1927 г. в 4,5 млн. тонн, а добыча на фушунских (японских) копях возросла с 3,6 млн. тонн в 1922 г. до 7,3 млн. в 1928 г. и до 7,5 млн. тонн в 1929 г. Из этих данных видно, насколько ошибочна оценка китайских источников, по которым китайский капитал контролировал в 1927 г. добычу 15,2 млн., а иностранный 9,1 млн. тонн угля[4]. При этой оценке не учтены уменьшение добычи на китайских шахтах в Шаньдуне и в Цзяньси, переход китайских предприятий в японские руки, упадок старомодной угольной промышленности и большой рост добычи угля на иностранных предприятиях.

Небезынтересно привести некоторые данные о прибылях угольных предприятий, несмотря на то, что данные эти устарели. В 1920 г. кайланские копи имели капитал в 24 млн. долл. и прибыль в 8,9 млн. долл.

Цюн Юан К°	имел капитал в	8,2 млн. долл.	и прибыль в	0,68 млн.
Бао Цзын К°	" " "	2,8 " "	" "	0,11 "
Цзя Ван К°	" " "	2 " "	" "	0,18 "

В то время, как прибыль английского предприятия превысила 35%, прибыли китайских предприятий колебались между 4 и 20%.

Сопоставление данных о ввозе и вывозе угля за период 1923—1928 гг. дано в следующей таблице:

[1] Рост добычи угля на Фушуньских копях характерузуется следующими цифрами: в 1925 г. было добыто 5,53 млн. тонн, в 1926 г.—6,41 млн., в 1927 г.—6,80 млн., в 1928 г.– 7,30 млн. и в 1929 г.—5,50 млн. тонн.

[2] Добыча угля на кайланских копях равнялась в 1917 г. 3,1 млн., в 1920 г.—3,4 млн., в 1922 г.—3,7 млн., в 1926/27 г.—3,79 млн. в 1927/28 г. 4.51 млн. и в 1928-29 г.—4,60 млн. тонн.

[3] „China Econ. Journal“, № 1, 1928, с. 25.

[4] Там же, с. 22.

	Вывоз угля	Ввоз угля	Превышение вывоза над ввозом
1923 . (в тыс. тонн)	3 108	1 366	+ 1 742
1924 . . . . „	3 202	1 610	+ 1 592
1925 . . . . „	3 002	2 752	+ 250
1926 . . . . „	3 084	2 897	+ 187
1927 . . . . „	4 014	2 318	+ 1 696
1928 . . . . „	3 885	2 426	+ 1 459

За шесть лет вывоз превысил ввоз на 6 926 тыс. тонн. Это около 5% всей добычи.

Дело однако в том, что вывозится уголь как раз из Манчжурии, где промышленность относительно быстро развивается, а ввозится из Японии в Шанхай, т.-е. и промышленность Манчжурии и промышленность Шанхая зависит в смысле снабжения их углем от иностранного капитала. Значительная часть потребляемого внутри страны угля идет на отопление, на снабжение железных дорог и пароходов и лишь небольшая часть— на снабжение промышленности. В Индии потребление промышленности составляет около 12% всего потребляемого угля. В Китае этот процент, вероятно еще более низок.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

О добыче, ввозе и вывозе и внутреннем потреблении железной руды в Китае мы располагаем следующими данными [1]:

Годы	Добыча	Импорт	Экспорт	Внутреннее потребление
	(в тоннах)			
1912	721 280	141	203 165	518 256
1913	959 711	96	271 810	687 997
1914	1 005 140	10 662	297 059	718 723
1915	1 095 555	4 846	306 521	793 880
1916	1 129 056	29 743	280 784	878 015
1917	1 139 845	27 812	306 791	860 866
1918	1 474 698	15 842	375 664	1 114 516
1919	1 861 230	36 871	635 362	1 262 739
1920	1 865 985	19 942	677 544	1 208 383
1921	1 462 988	5 947	511 030	957 905
1922	1 559 416	1 270	667 183	853 503
1923	1 733 266	3 084	733 603	1 002 707
1924	1 765 752	1 574	846 833	920 473
1925	1 519 021	—	815 810	703 108

[1] «China Econ. Journal» № 1, 1928, с. 9.

Эти данные указывают на то, что за период 1912—1925 гг. добыча железной руды возросла на 110%, экспорт на 300%, а внутреннее потребление на 35%. Эти данные указывают на то, что экспорт растет почти в три раза быстрей, чем добыча и почти в 10 раз быстрее, чем внутреннее потребление и что внутреннее потребление после 1920 г. уменьшается. Данные Морской Таможни о внешней торговле указывают на то, что около 60% железной руды вывозится в Японию. Что касается «внутреннего потребления», то приведенные данные далеко не точны, ибо часть железной руды, перерабатываемой в Китае, вывозится в виде чугуна. О добыче железной руды после 1925 г. мы не располагаем данными. Вывоз железной руды в 1926 г. составлял 521 220, в 1927 г. — 497 880 и в 1928 г. — 920 875 тонн. Нет никаких оснований предполагать, что добыча (за исключением Манчжурии) возросла, иначе говоря можно установить явный упадок этого производства.

Что касается выплавки чугуна, производства стали, ввоза и вывоза и внутреннего потребления чугуна и стали, то мы располагаем следующими данными [1].

Год	Выплавка чугуна	Ввоз чугуна и стали	Вывоз чугуна и стали	Внутреннее потребление
	(в тоннах)			
1912	177 989	151 276	12 499	316 766
1913	267 513	244 739	67 086	445 166
1914	300 000	230 551	62 011	468 540
1915	336 061	125 658	102 123	359 596
1916	369 160	145 847	154 745	360 262
1917	357 635	123 268	163 283	317 620
1918	354 144	149 117	189 085	344 176
1919	446 588	325 158	166 424	635 322
1920	427 648	366 622	196 807	627 463
1921	402 787	272 782	162 690	542 879
1922	393 694	364 875	209 609	578 960
1923	343 442	309 817	213 539	469 720
1924	330 521	493 624	269 704	584 441
1925	369 617	405 266	161 329	643 554

Эти данные указывают на то, что за период 1912—1925 гг. выплавка чугуна возросла на 108%, ввоз чугуна и стали

[1] «China Econ. Journal» № 1, 1928, с. 9.

увеличился на 16,8%, вывоз чугуна и стали — на 1 241% и внутреннее потребление — на 103%. Мы видим снова, что наиболее быстрым темпом растет вывоз, опережая своим темпом в 10 раз продукцию и внутреннее потребление. Эти же данные указывают на то, что выплавка чугуна после 1919 г. уменьшается, а внутреннее потребление чугуна и стали после 1919 г. во всяком случае не увеличивается. Около 40—60% чугуна вывозится из страны в Японию. Мы не располагаем данными о производстве после 1925 г.; но общеизвестно, что за исключением Манчжурии производство чугуна и стали уменьшилось. Тем более характерно, что вывоз чугуна в 1926 г. составлял 170 100, в 1927 г. — 202 550 и в 1928 г. — 221 003 тонн, — словом, возрос в сравнении с 1925 г. Что же касается внутреннего потребления, то следует иметь в виду, что около 170 тыс. тонн чугуна производится и перерабатывается кустарным способом и немалая доля чугуна и стали употребляется на 35 судостроительных предприятиях Китая для ремонта иностранных пароходов.

Подушное потребление чугуна и стали в Китае соответственно этому составляет 1,5 *кг*, т.-е. в 10 раз меньше, чем в Японии, в 100 раз меньше, чем в Англии и Германии, и в 180 раз меньше, чем в Соединенных штатах. Небезынтересно отметить, что производство чугуна в Англии в 1820 г. составляло 400 тыс. тонн, а в Соединенных штатах за период 1841—1850 гг. составляло в среднем 425 тыс. тонн. Китай достиг этого уровня в 1920 г., т.-е. ровно на 100 лет позже, чем Англия.

В то же время следует признать, что темп роста продукции и даже потребления превышает английский и приближается к американскому.

Вывоз ценнейшего сырья из страны указывает на колониальную зависимость Китая от иностранного капитала, а чрезвычайно низкое потребление железа и стали — на невероятно низкий уровень производительных сил.

В каком ужасном состоянии развала и кризиса находится китайская металлургия, можно судить по тому, что, несмотря на огромный железный голод и на наличие богатейших залежей железной руды, доменные печи работают только на 30% своей производительной способности. Но было бы ошибочно делать из этого вывод, что при более нормальных условиях восстановление и развитие металлургии будет легко разрешимой задачей.

Китай имеет богатые залежи железной руды. Железная руда в долине Янцзы очень высокого качества и содержит

60—68% железа. А между тем в Манчжурию на аньшанский завод поставляется руда, содержащая только 40% железа. Залежи железной руды находятся на относительно больших расстояниях от залежей угля (за исключением Шаньси). От Ханьянских заводов пинянский уголь находится на расстоянии 500 *км* и даейская руда — 120 *км*. От доменной печи в Дае пинянский уголь находится на расстоянии 500 *км*. От доменной печи в Аньшане уголь находится на расстоянии 137 *км* и т. д. Этим объясняется тот факт, что *на заводах Ханьепинского комбината около 70% расходов на производство составляет перевозка сырья, и только 1% заработная плата*. Далее, почти все доменные печи построены чрезвычайно безграмотно, частично устарели и работают с чрезмерно высокими издержками производства, несмотря на то, что переменный капитал составляет уже на самом деле ничтожную величину. Но главная беда все же заключается в том, что так называемая китайская металлургия является, по сути дела, японской металлургией в Китае. От этого факта нельзя уйти. После некоторых безнадежных попыток привести запутанные дела Ханьепинского комбината в порядок, нанкинское правительство все же признало долги Комбината перед Японией и тем самым господство японского капитала над китайской металлургией. Далее мы знаем, что японский капитал делает лихорадочные усилия, мы знаем, что японский капитал делает лихорадочные усилия, чтобы развить свою металлургию в Манчжурии, и нетрудно предсказать, что без огромных боев японский империализм не откажется от контроля над китайской металлургией, которой он овладел на 90—95%.

ГОРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Об остальных видах горной промышленности остается сказать немного. Эти виды горной промышленности работают целиком на внешний рынок, и данные о вывозе точно отражают состояние этих отраслей производства. Мы составили нижеследующую таблицу, характеризующую состояние этих производств и тенденцию их развития: (см. табл. стр. 167)

Читатель не должен обращать особого внимания на данные, относящиеся к 1927 г. Они не характерны для тенденции развития, ибо в 1927 г. как раз указанные в составленной нами таблице отрасли горной промышленности переживали чрезвычайно острый кризис. За исключением добычи олова, которая сосредоточивается в Юннани, вся остальная горная

	1918	1919	1920	1921	1922
	(в тоннах)				
Антимоний сырой . . .	1 691	2 118	4 520	2 516	1 591
Антимоний регулус . .	10 637	15 129	15 985	7 003	9 649
Олово	7 840	8 395	10 955	5 922	9 069
Свинец руда	—	—	2 372	6 126	4 959
Свинец металл	—	—	327	282	672
Цинк руда	—	—	9 043	11 833	60 756
Цинк металл	—	—	97	1 076	119
Вольфрам	9 329	2 941	4 131	2 342	3 417
Марганец руда	—	—	25 123	25 424	19 078

	1923	1924	1925	1926	1927	1928
	(в тоннах)					
Антимоний сырой . . .	2 904	1 877	2 723	3 210	2 800	3 184
Антимоний регулус . .	12 566	10 611	16 878	17 940	15 660	16 489
Олово	7 993	7 041	8 954	6 540	6 240	7 160
Свинец руда	4 880	7 175	10 946	13 332	5 113	4 835
Свинец металл	741	1 125	18	395	13	1
Цинк руда	60 580	20 280	34 440	24 540	5 340	8 314
Цинк металл	238	210	245	654	624	—
Вольфрам	4 016	3 019	5 976	7 020	4 980	7 378
Марганец руда	27 453	38 232	42 917	42 120	45 960	43 423

промышленность находится в Хунани, а в 1927 г. в Хунани не только пылало пламя крестьянской революции, но бушевала и буря рабочих стачек. Торговые пути также были прерваны, и продукция и вывоз (за исключением добычи марганца) резко уменьшились. И все же можно констатировать, что если непосредственно после войны горная промышленность Хунани впала в состояние паралича, то впоследствии она обнаружила некоторую тенденцию к росту. В то время как вывоз сырого антимония, т.-е. антимония сульфида остается на прежнем уровне, вывоз антимония регулуса, т.-е. чистого антимония, этого необходимого для производства стали металла в 1926 г. превышал уже рекордный вывоз во время войны (в 1916 г. — 14 934 тонн). Значит, сплавка антимония в самом Китае делала известные успехи. В 1928 г. был уже, в общем, снова достигнут уровень 1926 г. Добыча олова в Юннани скорей

уменьшается. Резкое снижение цен на олово в 1928 г., приведшее к чрезвычайно острому кризису китайских предприятий не только в Китае, но и в Малайских Федеративных Штатах, еще больше обострило положение. В области добычи свинца и цинка также нет улучшения. Зато добыча вольфрама растет по мере того, как растет электрическая промышленность. В области добычи марганца Китай с его добычей в 45 960 тонн не играет сколько-нибудь серьезной роли. Индия (1,4 млн. тонн) и СССР господствуют в этой области на мировом рынке. Как мы уже указали, мировой экономический кризис вверг в состояние острого упадка добычи всех видов цветных металлов. При этом следует иметь в виду, что как раз цены на цветные металлы подвергаются наиболее резким колебаниям и иностранный капитал перекладывает эти колебания на китайскую промышленность.

В смысле техническом эти виды горной промышленности находятся на том же уровне, как несколько сот лет тому назад. Только переработка антимония сделала большие успехи.

СИЛОВЫЕ УСТАНОВКИ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

В 1899 г. в Китае силовые установки существовали только в Шанхае и Гонконге; они не служили промышленным целям, а обслуживали освещение городов. В 1913 г. число электрических станций достигло 34, а в 1914 г. — уже 40. Но эти электрические станции все еще не служили энергетическими источниками для промышленности, а заменяли лишь старомодные керосиновые лампы. В 1909 г. мощность шанхайской электростанции не превышала 2 500 киловатт. В 1925 г. в Китае имелось уже 229 электрических станций, причем известно, что мощность 170 из этих установок выражалась в 181 725 *kw*. Только мощность одной силовой установки на Международной концессии в Шанхае равнялась 121 тыс. *kw*. Великое множество китайских электростанций служит лишь для освещения городов, и их мощность не превышает 20—60 *kw*. Только в Тяньцзине, Пекине, Амое, Чанша, Ханьяне, Шанхае, Кантоне, Мукдене и Таншане силовые установки двигательной энергией обслуживают промышленность. Следует однако указать, что с 1925 г. число электростанций в Китае несомненно возросло; увеличилась также мощность электростанций в Шанхае, Мукдене и т. д. По некоторым данным число станций достигло в 1928 г. 400. В 1929 г. на Международной концессии в Шанхае мощность силовых установок достигла 161 тыс. *kw*. В течение десяти лет, от 1919 г. до 1929 г. мощ-

ность силовых станций на Международной концессии возросла с 21 222 *kw* до 161 тыс. *kw*. Развитие весьма и весьма внушительное и нелегко найти ему подобное. Большая дешевизна электроэнергии служила добавочным стимулом для того, чтобы Шанхай стал центром промышленности в Китае. Станции Международной концессии обслуживают электроэнергией также и фабрики в китайском городе. Когда в 1925 г. после шанхайских расстрелов на иностранных предприятиях вспыхнула забастовка, муниципалитет Международного сеттльмента в качестве репрессии просто-напросто приостановил подачу тока на фабрики в китайском городе и тем самым прекратил работу на китайских фабриках. Такими же мерами сломал муниципалитет движение за отказ от оплаты налогов в 1927 г. Муниципалитет пытался позаботиться также о том, чтобы на электростанциях не вспыхнула забастовка, которая одним ударом могла бы приостановить почти всю промышленность Шанхая; на электростанциях на важнейших местах работают 308 иностранцев, в большинстве отборнейшие штрейкбрехеры, русские белогвардейцы. Число китайских рабочих достигает 3 191. Чтобы поощрить потребление электроэнергии, управление станциями раздает на прокат электромоторы промышленным предприятиям. В апреле 1929 г. муниципалитет продал американско-британской группе капиталистов все силовые установки сеттльмента за 100 млн. руб. Муниципалитет опасается, что концессия рано или поздно перейдет в китайские руки и тем самым Китай получит и эти прекрасные энергетические установки, которые, кроме всего прочего, приносят 12,43% прибыли. Не подлежит ни малейшему сомнению, что подобные жульнические проделки, подобная распродажа производительных сил страны предстоят и на других конценсиях.

Иностранный капитал принимает меры к тому, чтобы на случай пересмотра неравных договоров, командные высоты страны остались в руках международного империализма. А «национальное правительство» в Нанкине даже не обмолвилось по поводу этого жульнического маневра.

Хотя эта история с силовыми установками Шанхая также является известного рода «показателем» промышленного развития Китая в смысле частичной замены внеэкономических позиций (концессии) экономическими, все же возвращаемся к нашей более узкой теме. Мы должны выяснить, как растет в Китае потребление электроэнергии вообще и для промышленных целей, в частности. Точные данные мы имеем относительно Шанхая.

Потребление электроэнергии в Шанхае [1]

(в млн. киловатт-часов)

	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Частное освещение .	22,4	24,7	27,6	29,6	32,4	37,0	39,9
Уличное освещение .	1,7	1,8	2,1	2,2	2,9 3,2	2,8	2,9
Отопление	0,1	1,6	2,0	2,4	255,6	4,3	6,9
Промышленные цели.	154,8	198,5	234,4	267,0		364,0	350,5

Эта таблица свидетельствует не только о гигантском росте (123% в течение 7 лет), но также о том, что, например, в 1927 г. Шанхай с потреблением электроэнергии в 400 млн. киловатт-часов опередил Манчестер (323 млн. *kwh*), Бирмингам (234 млн. *kwh*), Глазго (191 млн. *kwh*), Ливерпуль (186 млн. *kwh*), и Шеффильд (170 млн. *kwh*). Эти данные являются однако лишь показателем роста индустриализации Шанхая, а отнюдь не индустриализации всего Китая. Пока еще не сбылась мечта Сунь-Ян-Сена о том, что в Китае будут десятки Шанхаев. Пока еще силовые установки Шанхая располагают в два-три раза большей мощностью, чем все электространции всего Китая вместе взятые. Пока еще Шанхай потребляет в три-четыре раза больше электроэнергии, чем вся остальная страна. Пока еще великое множество китайских городов не знает электрической лампочки, а великое множество китайских деревень — даже керосиновой лампочки. В Шанхае развитие электростанций повлекло за собой создание трех фабрик для изготовления электрических лампочек. Из Китая даже вывозят электрические лампочки на 100 тыс. таэлей за 1926—1927 гг. и на 140 тыс. таэл. в 1928 г. Кое-где (в двух местах) городские электростанции обслуживают даже моторы для орошения полей. Но электрическая лампа в китайской деревне будет так же как и в России «лампочкой Ильича». И орошение китайских полей с помощью электроэнергии будет осуществлено только при советской власти. Электрификация плюс советская власть будет социализмом и в китайском сельском хозяйстве.

---

[1] «China Econ. Journal» № 3, 1929, с. 231.

ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

О развитии текстильной промышленности и о роли в ней иностранного капитала нам пришлось уже говорить в другой связи. Как раз эта отрасль китайской промышленности изучена и освещена со всех сторон; мы можем поэтому ограничиться приведением нескольких наиболее важных показателей для характеристики состояния этого производства. Подчеркивая, что 1927 г. был особо кризисным с точки зрения размеров продукции, ибо «около 40% всех китайских, 30% японских и 30% английских веретен не работало» [1] приводим следующие данные:

Состояние текстильной промышленности Китая в 1927 [2]

	Китайских	Иностранных	Всего
Число фабрик	73	46	119
Веретен для пряжи	2 033 150	1 498 000	5 531 588
Веретен для нитей	65 470	77 632	143 102
Ткацких станков	13 459	16 329	29 788
Использование электричества kW	58 531	48 072	106 603
Количество лошадиных сил	26 765	4 180	30 945
Число рабочих	138 613	95 927	234 540
Потребление хлопка (пикулей)	4 504 586	3 175 441	7 680 027
Производство пряжи (кип)	1 261 548	841 291	2 102 839
Производство ткани (кусков)	4 259 666	4 739 704	8 999 370

В 1928 г. конъюнктура в текстильной промышленности уже была значительно лучше, и производство, несомненно, возросло. Возросло и число ткацких станков и потребление хлопка; значительно снизилось количество простоев (приблизительно с 17 недель до 13 недель за первое полугодие 1928 г.). Значительно увеличилось также потребление хлопка. Считая, что наиболее характерным показателем для состояния прядильной промышленности является именно количество потребляемого хлопка, ибо оно характеризует размер продукции, приводим соответствующие данные о потреблении хлопка [3].

[1] «China Econ. Journal» № 4, 1928, с. 343–360.

[2] «Maritime Customs», «Foreign Trade of China» 1927, I, с. 38.

[3] J. A. Tvdd, The Cotton World, London 1927, с. 168 и данные Международной ассоциации текстильных фабрикантов.

В тысяча кип по 478 lbs чистого веса.

1 пикуль = 133,3 lbs.

1 кипа = 3,58 пикулей.

1923/24	1 571 тыс. кип	или 5 624 тыс. пикулей
1924/25	1 610 » »	» 5 764 » »
1925/26	1 755 » »	» 6 283 » »
1926/27	1 920 » »	» 6 874 » »
1927/28	2 016 » »	» 7 217 » »
1928/29	1 975 » »	» 7 070 » »

Несомненно, что рост прядильной промышленности происходил чрезвычайно быстрым темпом. Если принять во внимание, что рост потребления хлопка в Англии за период 1790—1850 гг. по десятилетиям колебался между 40 и 120%, а за период 1850—1890 гг. между 10 и 90%; если принять во внимание, что в Соединенных штатах рост потребления хлопка за период 1800—1850 гг. по десятилетиям колебался между 60 и 150%, а за период 1850—1890 гг. между 10 и 110%, то в Китае, где в течение каких-нибудь двадцати лет потребление хлопка увеличилось на 320%, темп роста следует признать внушительным.

Что же касается ткацкой промышленности, то мы можем привести следующие данные относительно количества ткани, проданной на шанхайских биржах:

Годы	Было продано тыс. кусков	Европейский ввоз в %	Японский ввоз в %	Американск. ввоз в %	Местное (китайское и иностранное) производство
1919. . . .	10 944	58	21	5	16
1924. . . .	14 197	49	16	0.25	35
1927. . . .	19 147	23,5	38	—	38,5

Из этих данных явствует, что за период с 1919 г. до 1927 г. местное производство возросло относительно с 16% до 38,5%, и увеличилось абсолютно с 1 715 тыс. кусков до 7 363 тыс. кусков; ввоз ткани из Европы уменьшился относительно с 58% до 23,5%, и абсолютно с 6 363 тыс. кусков до 4 462 тыс. кусков; а японский ввоз возрос относительно с 21% до 38%, и увеличился абсолютно с 2 299 тыс. кусков до 7 273 тыс. кусков.

В другом месте мы уже указали, что в местном производстве удельный вес японского производства ткани увеличился за счет китайского и английского.

Каковы дальнейшие перспективы развития текстильной промышленности в Китае? Несомненно, что даже небольшое повышение таможенных ставок может дать некоторый толчок развитию за счет иностранного ввоза. И если прядильная промышленность вряд-ли будет развиваться в сколько-нибудь серьезном масштабе, то ткацкая промышленность имеет еще широчайшие возможности развития за счет разорения отечественной кустарной промышленности.

При этом, однако, следует учесть следующие обстоятельства:

Почти во всех колониальных и полуколониальных странах прежде всего и больше всего развивалась на ряду с горной промышленностью именно текстильная промышленность. Эта отрасль производства находит наиболее подготовленный внутренний рынок в колониальных странах и эта отрасль промышленности требует относительно небольших затрат основного капитала. Однако, именно поэтому в послевоенный период текстильная промышленность находится в состоянии хронического кризиса в мировом масштабе. Если говорить о частичных кризисах мирового хозяйства, то несомненно, что текстильная, угольная, кожевенная и судостроительная промышленность находится в состоянии наиболее острого кризиса перепроизводства в международном масштабе. Вовсе не случайно, что кризис текстильной промышленности выдвинул шанхайских и бомбейских текстильщиков в первые ряды революционных борцов против империализма. И вовсе не случайно, что мировой экономический кризис 1929—30 гг. за исключением сельского хозяйства больнее всего ударил как раз по текстильной промышленности. Падение цен изо всех изделий промышленности чувствительнее всего как раз в области текстилей. Общемировой кризис текстильной промышленности сильней всего отражается, конечно, на текстильное производство колонии. И вовсе не случайно, что биржевой кризис в Китае выражался чувствительнее всего в падении курса акций текстильных предприятий. Акции «Эво» снизились с 26 таэлей до 14, а акции «Японской Хлопчатобумажной Фабрики» с 105 до 74 долл. После кратковременного подъема 1928 г. китайская текстильная промышленность снова задыхается в тисках кризиса. Пострадали и японские фабрики в Китае. Повышение пошлин в Индии на грубые ткани в 1930 г. послужило добавочной причиной для затруднения японских

предприятий. Переход ряда китайских фабрик в руки иностранного капитала и усиление зависимости других от иностранных банков сигнализируют дальнейшую денационализацию китайской национальной промышленности.

ШЕЛКОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

У нас нет вполне достоверных данных о числе шелковых фабрик в Китае. Колу Ли в своей очень недурной работе[1], вышедшей в 1927 г., о шелковой промышленности в Китае приводит следующие данные о шелкопрядильнях:

Расположение фабрик	Число фабрик	Число бассейнов
Гуандун . . .	199	87 290
Цзянсу . . .	101	25 126
Чжецзян . . .	7	1 736
Хубей	4	930
Сычуан . . .	29	3 197
Шандун . . .	4	210
Итого . .	**344**	**118 489**

Для переработки дикого шелка существуют шелкопрядильни:

Расположение фабрик	Число фабрик	Число бассейнов
Чифу	42	16 38
Аньдун	66	14 934
Хайчжен . . .	20	—
Кайпин	17	3 800
Мукден . . .	1	500
Итого . .	**146**	**35 619**

Эти данные отчасти устарели, отчасти неполны, как это признает сам автор. В Гуандуне только в окрестностях Шуньдэ насчитывается 180 шелкопрядилен, а по всей провинции около 300 крупных шелкопрядилен. В Хубэе и в Маньчжурии также возросло число шелковых фабрик с тех пор, как Колу Ли собирал свои данные, не говоря уже о том, что в Уси только в 1928 г. открылись 10 новых шелковых фабрик. Относительно Шанхая автор утверждает, что там находится 80 фабрик, из которых 72 имеют 19 364 бассейнов. В действительности же, эти данные относятся к 1925 г., а в 1928 г. в Шанхае было 93 шелковых фабрики с 22 168 бассейнов и 60 тыс. ра-

[1] Kolu Li Die Seidenindustrie in China, Berlin 1927, с. 67—68.

бочих (55 тыс. женщин)[1], а в 1929 г. уже 104 фабрики. В то время как по данным Ли в Китае имеется 490 шелковых фабрик с общим количеством бассейнов 154 108, мы смеем утверждать, что число фабрик превышает 600. Число рабочих, вернее работниц, занятых в этом производстве, наверняка превышает 250 тыс. Кроме того, в Китае начинает развиваться и крупная шелкоткацкая промышленность. Только в Ханчжоу имеется 12 более или менее крупных шелкоткацких фабрик. Принимая во внимание, что в Японии имеются 275 760, в Италии 47 993 и во Франции 4 033 бассейнов на паровых шелкопрядильнях, китайский производственный аппарат нужно признать довольно внушительным в мировом масштабе. О росте китайской шелкопрядильной промышленности свидетельствует и то обстоятельство, что постоянно уменьшается вывоз коконов (в 1918 г. — 32 тыс., а в 1927 г. — 14 тыс. пикулей), не растет вывоз шелка-сырца домашнего происхождения и растет вывоз шелка-сырца фабричного происхождения. Под давлением американских требований китайская промышленность также переходит к двойной размотке шелка-сырца.

Рост китайской шелковой промышленности происходил особенно быстрым темпом за период 1910—1918 гг., с тех пор кривая развития затухает. В то же время развитие шелковой промышленности в Японии все более оттесняет относительное значение Китая на мировом рынке. В 1925 г. Япония поставляла на мировой рынок около 60%, а Китай лишь 30% шелка-сырца. За последние годы рыночная позиция Китая еще более ослабела.

Шелковая промышленность Китая переживает тяжелый кризис. Причины этого кризиса весьма различны. Оборудование китайских фабрик очень устаревшее. Китайский фабрикант снимает фабрику в аренду у ее владельца и платит 15% стоимости фабрики в виде арендной платы. Фабриканты обыкновенно располагают небольшими капиталами и вынуждены занимать деньги у туземных банков и у китайских или иностранных шелкоторговцев, причем процент составляет 10—15 годовых и больше[2]. Китайское сельское хозяйство поставляет коконы все более ухудшающегося качества. Налоги, ликины, вывозные пошлины давят на промышленность. Сбыт шелка-сырца на внешний рынок находится почти целиком в руках иностранных фирм[3]. Вывоз шелка через Шанхай на-

[1] «China Econ. Journal» № 1, 1928, с. 596.

[2] Kolu Li, Die Seidenindustrie in China, с. 44.

[3] Только в 1929 г. образовался первый китайский концерн для вывоза шелка через Шанхай. Он в первой половине 1929 г. вывозил 8 тыс. кип.

ходится в руках 37, а в Кантоне — 24 иностранных фирм. Эти иностранные фирмы часто выступают единым фронтом. Ввиду чрезвычайно отсталого оборудования фабрик и низкого уровня жизни работниц, производительность труда также очень низка. В течение одного часа китайская работница производит 20—30 грамм шелка-сырца, а итальянская или французская — 37—60 грамм [1]. Конкурентная способность китайской промышленности держится на эксплоатации крестьянства (низкие цены на коконы) и на зверской эксплоатации женского и детского труда. Даже японская работница зарабатывает на 82% больше, чем китайская, а французская — в три раза больше. Тем не менее кризис обостряется. В 1928 г. нанкинское правительство отменило старые монополии на высушку коконов и на ярмарочные места для их продажи. Оно же предоставило 1,5 млн. долл. субсидии шелковой промышленности. Однако, Франция и Италия восстанавливают у себя довоенный уровень производства шелка-сырца; Персия, Турция и Индия также развивают у себя шелководство и, главное, растет производство в Японии. В то же время огромными скачками растет продукция искусственного шелка в Италии, Германии, США, Англии и т. д. А два гигантские концерна, контролирующие почти все производство, начали с 1928 г. конкурентную борьбу. Цены на искусственный шелк резко упали и увеличился раствор между ценами на искусственный и естественный шелк. Пока в Китае искусственный шелк смешивается с естественным и идет в трикотажное производство. Но кризис шелковой промышленности углубляется вследствие перепроизводства, конкуренции искусственного шелка и падения цен. В начале 1929 г. в Шанхае временно приостановлено уже 7 фабрик. А мировой экономический кризис нанес как раз этому производству наиболее сокрушительный удар. В начале 1930 г. из 1 011 шанхайских фабрик закрывалось уже более чем 70. Мировой кризис резко сократил потребление шелка и более крупное и более организованное лионское производство пыталось переложить удары кризиса на Китай.

Перспективы этой отрасли промышленности далеко не радужные.

* * *

В современной горной промышленности, в металлургии, в текстильной и шелковой промышленности Китая инженерный, а отчасти и управленческий персонал часто состоит из

[1] K o l i L i, Die Seidenindustrie in Cina, c. 48.

иностранцев даже на китайских фабриках. Подобное явление наблюдается также в Индии, где текстильными фабриками руководят не предприниматели, а специальные управленческие агентства. Так, 9 компаний, возглавляемые английскими агентами, руководят в Индии 27 предприятиями с 1 112 тыс. веретен и 22,1 тыс. ткацких станков и капиталом в 98,8 млн. рупий, а под индийским руководством находятся 56 предприятий с 2 360 тыс. веретен, 51,5 тыс. ткацких станков и капиталом в 97,7 млн. рупий. В Китае же на шелковых фабриках даже в роли мастеров выступают итальянки, хотя шелковая промышленность формально находится в руках китайских капиталистов; ее зависимость от иностранного капитала осуществляется через займы, авансы и заказы иностранных торговых фирм. Таким образом не только на иностранных, но даже на китайских предприятиях китайский рабочий видит перед собой чужестранцев в качестве представителей капитала или в роли мастеров, погонщиков, надсмотрщиков. А это обстоятельство «вносит национальный и расовый момент в промышленные конфликты и делает разрешение рабочего вопроса на основании сотрудничества более трудным, ибо рабочие-китайцы, а наниматели — не китайцы» [1]. Разумеется, нет никакой идиллии и там, где инженерский и управленческий персонаж состоит из китайцев; частые убийства китайских надсмотрщиков в Шанхае и индийских сирдаров в Бомбее указывают на то, что на заре капиталистического развития мастера также занимаются мелкой эксплоатацией в качестве ростовщиков, взяточников и т. д. Но, несомненно, что национальный и расовый момент придает особую остроту промышленным конфликтам. По мере того, как иностранный капитал все больше будет овладевать промышленностью в Китае, этот момент все больше будет служить добавочным фактором в обострении классовых конфликтов. С другой стороны, это обстоятельство иногда облегчает гоминдановским профсоюзам изобразить капиталистическую эксплоатацию рабочих как эксплоатацию китайцев иностранцами. Но рабочие конфликты на собственно китайских предприятиях облегчают разоблачение этого обмана.

НЕСКОЛЬКО КОСВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В задачу настоящей работы не входит дать исчерпывающие сведения об остальных видах промышленности Китая. Эта работа в настоящее время подготовляется Научно-иссле-

[1] H. M. Vinacke, Problems of Industrial Development in China, 1926 с. 184.

довательским институтом по Китаю, и будем надеяться, что, несмотря на огромные затруднения, будет выполнена хорошо. Трудности здесь огромны. Мы пока располагаем некоторыми данными, приведенными в «China Yearbook», но там приводятся только перечень названий фабрик и заводов и не указаны ни размер продукции, ни размер вложенного капитала или количество рабочих. К тому же эти списки устарели и неполны, и безбожно смешиваются в них фабрики и мануфактуры. Ведь любое предприятие, где изготовляются спички, мыло, свечи, папиросы, содовая вода, спиртные напитки, гвозди и т. д. охотно называет себя в Китае фабрикой. А при ближайшем рассмотрении оказывается, что фабрика эта является лишь мелкой мануфактурой. В разных экономических журналах, газетах и т. д. приводится великое множество разрозненных сведений, которые также неполны и не всегда надежны. Бюро промышленной и коммерческой информации министерства промышленности, торговли и труда собирало и собирает немало ценных сведений, и наше изложение часто основывается на этих данных. Руководитель дальневосточной секции информационного бюро департамента торговли США, Мозер на основании донесений американских консулов утверждает, что в Китае насчитывается около 1 400 промышленных предприятий вполне современного типа, в том числе 14 доменных печей производственной мощностью в 1 млн. тонн чугуна (настоящая продукция только 300—400 тыс. тонн) в год; 160 паровых мельниц с ежедневной пропускной способностью в 120 тыс. баррелей; 100 спичечных фабрик и 218 шелкопрядилен [1]. Мы уже приводили данные о том, что в Китае 490 шелкопрядилен, а, может быть, их число достигает даже 600. Данные Мозера во всяком случае преуменьшены. Вместо того, чтобы привести голые и во многих случаях ничего не говорящие цифры о количестве промышленных предприятий, мы попытаемся установить несколько косвенных показателей состояния промышленности.

Для состояния и развития маслобойной промышленности характерно, что в 1911 г. из Китая было вывезено 665 тыс. тонн соевых бобов и 43,1 тыс. тонн бобовых масел, а в 1926 г. — 1 366 тыс. тонн бобов и 161,2 тыс. тонн бобовых масел. Принимая во внимание, что на вывоз работают более или менее современные заводы, а старомодные мануфактуры обслуживают, главным образом, внутренний рынок, можно констатировать, что производственная мощность маслобойной

[1] «Commerce Report», от 24 декабря 1928.

промышленности увеличилась в течение 15 лет чуть ли не в 4 раза. Принимая, далее, во внимание, что из известного количества бобов получается только 10% по весу бобового масла и что в то время, как в 1911 г. 61% бобового вывоза Китая находился в необработанном виде, т.-е. в виде бобов, а лишь 39% в виде бобового масла, а в 1926 г. только 45% в виде бобов и 55% в виде бобового масла, можно установить, что переработка бобового сырья в самом Китае не только абсолютно, но и относительно возросла. Вывоз соевых бобов в 1927 году достиг уже 1 764 тыс. тонн, а в 1928 г. — 2 417 тыс. тонн, соответствующие цифры вывоза бобовых масел — 149,0 тыс. тонн и 57,1 тыс. тонн. Мы уже указали на то, что дальнейшие перспективы маслобойной промышленности рисуются в довольно мрачном виде. Рост вывоза жмыхов в Японию все более наталкивается на конкуренцию минерального удобрения. Применение гидравлического пресса для выдавливания бобового масла совершенно устарело; экстракционный метод является более эффективным (получается больше масла из того же количества бобов) и более дешевым. А в Китае только один, и то японский завод в Дайрене применяет экстракционный способ. Чтобы перейти на экстракционный способ, нужно переоборудовать всю промышленность на ходу при условии депрессии на бобовом рынке. От этого в значительной мере зависит и дальнейшее развитие сельского хозяйства в Манчжурии и дальнейшая возможность быстрой колонизации. Ведь товарная часть продукции сельского хозяйства в Манчжурии состоит в значительной мере из бобов. Мировой экономический кризис и в особенности кризис сельского хозяйства выражался между прочим в резком падении цен на масличные семена и в том числе и на соевые бобы. Объединение крупнейших английского и голландского трестов по переработке маслиничных семян привело к дальнейшему падению цен. Это производство в настоящее время переживает острейший кризис.

А л ь б у м и н н а я   п р о м ы ш л е н н о с т ь была первой отраслью перерабатывающей промышленности в Китае. В девяностых годах она быстро развивалась. Впоследствии она пришла в упадок и только во время мировой войны начала снова развиваться. Дальнейшее развитие характеризуется следующими данными: вывоз йолька и альбумина составлял: в 1923 г. — 377 тыс., в 1924 г. — 457 тыс., в 1925 г. — 570 тыс., в 1926 г. — 491 тыс. пикулей, а в кризисном 1927 г. — 344 тыс. пикулей. В 1928 г. американские капиталисты начали уже скупать альбуминные заводы. Вывоз альбумина и йолька

в 1928 г. — 383 тыс. пикулей. В то же время уменьшается вывоз свежих яиц с 1 101 тыс. пикулей в 1923 г. до 602 тыс. в 1927 г. и 625 тыс. в 1928 г., а вывоз замороженных яиц возрос с 375 тыс. тонн в 1923 г. только до 411 тыс. пикулей в 1927 г. и 568 тыс. в 1928 г. Совершенно ясно, что переработка яйца-сырья в самом Китае и абсолютно и относительно не возросла [1].

Табачная промышленность обнаруживает также небезынтересные с точки зрения тенденции развития факты. Ввоз папирос в страну в общем и целом уменьшается. В 1923 г. он составлял 10,2 млрд. штук, в 1924 г. — 9,8 млрд., в 1925 г. — 6,4 млрд. в 1926 г. — 7,6 млрд., в 1927 г. — 4,7 млрд. и в 1928 г. — 9,5 млрд. штук. В то же время растет ввоз табака в листьях, т.-е. ввоз сырья для табачной промышленности. Ввоз табачных листьев составлял в 1923 г. 305,7 тыс., в 1924 г.— 674,2 тыс., в 1925 г. — 574,5 тыс., в 1926 г. — 759 тыс., в 1927 г. — 638 тыс. и в 1928 г. — 1 068 тыс. пикулей. Значит, уменьшается ввоз готовых изделий табачной промышленности и увеличивается ввоз сырья. Это указывает на то, что сельское хозяйство не поспевает в смысле снабжения табачной промышленности сырьем, несмотря на то, что вывоз табака не растет, а скорее уменьшается. Он составлял в 1923 г. 222 тыс., в 1924 г. — 208 тыс., в 1925 г. — 206 тыс., в 1926 г. — 217 тыс., в 1927 г. — 226 тыс. и в 1928 г. — 147 тыс. пикулей.

Подобное явление наблюдается и в области ввоза и вывоза хлопка, о чем свидетельствуют следующие данные:

Ввоз и вывоз хлопка
(в тыс. пикулей)

	1923	1924	1925	1926	1927
Ввоз хлопка . . .	1 606	284	1 219	1 807	1 745
Вывоз хлопка . .	974	574	1 080	800	878

Отставание сельского хозяйства от развития промышленности в Китае углубляется еще недостаточным развитием транспортной системы и глубочайшим кризисом сельского хозяйства. Чрезмерное и все растущее отставание сельского хозяйства от промышленности в смысле снабжения сырьем и от роста отдельных промышленных центров в смысле снабжения продовольствием таит в себе огромнейшие затруднения для индустриального развития страны. Развитие транспорта и

[1] Повышение пошлин на яичные продукты в США вызвал некоторую депрессию китайского производства.

подъем сельского хозяйства могли бы разрешить это противоречие. Если в области транспорта и предстоит известное развитие, то рассчитывать на подъем сельского хозяйства было бы нелепо при нынешних соотношениях классовых сил в стране. Противоречие между развитием промышленности и чрезмерным отставанием сельского хозяйства становится все глубже и глубже. Если кризис маслобойной промышленности обострился вследствие объединения голландского, манганского трестов, то китайская табачная промышленность получила сокрушительный удар вследствие конкуренции крупного треста, Британско-Американской табачной К°.

Другой косвенный показатель для развития промышленности заключается в ввозе индиго и других красильных веществ в Китае. По мере развития ткацкой промышленности и роста производства ткани в Китае растет ввоз красильных веществ и количество красильных мануфактур в Китае, хотя следует добавить, что часть привозной ткани также красится в Китае. В 1912 г. ввоз индиго составлял 232 тыс., в 1913 г. — 311 тыс., в 1914 г. — 255 тыс. пикулей. Во время войны ввоз резко сократился, ибо Германия была отрезана от китайского рынка. В 1920 г. ввоз составлял 214 тыс., в 1921 г. — 200 тыс., в 1923 г. — 253 тыс., в 1924 г. — 416 тыс., в 1925 г. — 406 тыс. и в 1926 — 314 тыс. пикулей. В 1927 г. резкий упадок продукции и ввоза ткани обусловили уменьшение ввоза до 282 тыс. пикулей. В 1928 г. ввоз индиго снова поднялся до 318 тыс. пикулей. Большим темпом растет и ввоз анилина. Соответственно этому растут и красильные мануфактуры в Китае. В Шанхае только на французской концессии имеется 40 более или менее крупных красильных мануфактур с общим числом рабочих до 2 тыс. Но столь огромная потребность в красильных веществах не могла не вызвать производства красок в самой стране. И на самом деле, в Шанхае существуют уже, поскольку мы знаем, две, а в Дайрене — одна химическая фабрика, где производятся краски [1]. В то же время развитие типографского и газетного дела создало большую потребность в соответствующих черных красках, и наибольшая типография в Китае — Коммершэль Пресс создала уже завод для производства необходимых ей красок, а также завод для изготовления китайских иероглифов и английских букв.

Подобное же явление замечаем мы и в области ввоза алюминия. Раньше в Китай ввозили готовые изделия из алю-

[1] «China Econ. Bulletin» № 286, 1927, с. 93.

миния, а алюминий в необработанном виде ввозили в ничтожном количестве. Антияпонский бойкот в 1919 г. вызвал к жизни в Шанхае несколько крупных мануфактур для производства готовых изделий из алюминия[1]. Они довольно быстро развиваются, и соответственно этому уменьшается ввоз готовых изделий с 2 915 пикулей в 1924 г. до 2 037 пикулей в 1925 г., до 2 037 пикулей в 1926 г. и 1 143 пикулей в 1927 г. А ввоз алюминия в необработанном виде возрос с 937 пикулей в 1924 г. до 3 019 пикулей в 1925 г., до 5 тыс. пикулей в 1926 г. и до 5 178 пикулей в 1927 г. Ввоз алюминия растет абсолютно, а ввоз алюминия-сырья и абсолютно и относительно в сравнении с ввозом готовых изделий. Это не меняется тем, что в 1928 г. ввоз готовых изделий возрос до 1969 пикулей, а ввоз сырья до 5914 пикулей.

В области спичечной промышленности замечается другое весьма характерное явление. Возрастает ввоз спичек с 2 215 тыс. гросс ящиков в 1923 г. до 6 024 тыс. гросс ящиков в 1927 г. В то же время ввоз сырья для спичечной промышленности также удерживается приблизительно на одном уровне или уменьшается незначительно (440 тыс. в 1923 г., 353 тыс. в 1924 г., 333 тыс. в 1925 г., 314 тыс. в 1926 г. и 396 тыс. пикулей в 1927 г.). Число спичечных фабрик увеличивается. Производство сырья для этой отрасли промышленности в стране растет. В Манчжурии уже существует спичечный трест, который имеет 15 фабрик. «Фабрики» эти весьма часто только мануфактуры. Но производство спичек в стране и ввоз их одновременно возрастает. Это свидетельствует о том, что спички явно вытесняют из китайской деревни старомодные «средства производства» огня. В другом месте мы уже указали, что в 1929—30 г. бросовая конкуренция со стороны шведского спичечного треста привела к разорению сравнительно мелких китайских предприятий.

Показателем для роста промышленности является и то обстоятельство, что в китайском экспорте изделия крупной машинной индустрии начинают играть некоторую, разумеется, весьма скромную роль. В денежном выражении вывоз продуктов крупной машинной индустрии составлял 26,6 млн. таэлей в 1926 г. и 39,8 млн. таэлей в 1927 г. Наибольшую роль в этом отношении играет вывоз текстильных изделий. Если вывоз ширтинга и шитинга в 1923 г. равнялся 847 тыс. кусков, то в 1927 г. он возрос до 2 582 тыс. кусков. Вывоз 1928 г. равнялся 2 152 тыс. кусков. Если вывоз хлопчато-бумажной

[1] «China Econ. Bulletin» № 2, 1928, с. 17.

пряжи составлял в 1923 г. 89 тыс. пикулей, то в 1927 г. этот вывоз возрос до 325 тыс. пикулей. Но особенно стремительно растет вывоз трикотажных изделий. Из Китая было вывезено в 1926 г. 197 тыс. дюжин чулок из хлопчатобумажной, шелковой и искусственно-шелковой пряжи, а в 1927 г. уже 298 тыс. дюжин. В 1926 г. было вывезено 33,6 тыс. кв. футов оконного стекла, а в 1927 г. уже 51,6 тыс. В 1926 г. было вывезено 12,1 тыс. пикулей мыла, а в 1927 г.— 15,3 тыс. Цифры эти указывают на то, что вывоз изделий крупной промышленности составляет весьма и весьма небольшую величину. Вывоз изделий крупной индустрии указывает скорее на то, что легче доставлять из Шанхая хлопчатобумажные и трикотажные изделия, мыло, стекло и т. д. в Индию, чем в Шенси, Гуйчжоу, Ганьсу и т. д., ибо доставка промышленных изделий в эти бездорожные провинции удорожает товар в результате расходов на транспорт, налоги, ликины и всякие другие поборы на 150—200%, а точно также и на то, что внутренний рынок весьма узок. Но все же некоторое движение воды замечается.

МЕСТО КИТАЯ В ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ МИРА

Если собрать все показатели промышленного развития Китая, то легко может получиться ложное представление о степени промышленного развития страны, о роли, значении и удельном весе крупной машинной индустрии в стране и о месте, которое занимает Китай в системе мирового хозяйства, как промышленная страна. Поэтому не мешает напомнить, что если даже народонаселение Китая определим только в 325 млн., вместо, на наш взгляд преувеличенной оценки морской таможни в 448,9 млн. или еще более преувеличенной оценки китайской почты в 485,5 млн. [1], то и тогда получается, что население Китая составляет не меньше, чем 20% всего человечества. В то же время о важнейших показателях промышленной продукции можно привести следующие данные:

---

[1] За последнее время в ряде городов была произведена перепись народонаселения, причем результаты этой переписи можно считать более или менее надежными. Оказалось, что прежние оценки населения были весьма преувеличенными. Напр., население Ухана (Ханькоу, Ханьян и Учан) исчислялось в 1,5 млн. чел. Перепись обнаружила, что население Ухана насчитывает 819 тыс. чел. Население провинции Гуаньси определялось Китайской Почтой в 12,2 млн. чел. Перепись в 1928 г. обнаружила, что в Гуаньси в 84 252 местностях проживают 1 859 000 семейств, состоящих из 6 млн. мужчин, 4,8 млн. женщин, т. е. всего 10,8 млн. человек.

	Мировая продукция			Продукция в Китае		
	1913	1921	1927	1913	1921	1927
Каменный уголь (в млн. тонн)	1216,3	968	1.271,4	14	20,3	25
Нефть [1] (в млн. тонн).	53,4	107,4	173,7	—	—	—
Сталь „ „ „ .	75,9	45,3	100,5	0,042	0,076	0,030
Хлопок [2] (потребление — в тыс. кип.) .	22,951	21,880	26,141	650,5	1317	1920

Из этой таблицы видно, что в то время, как народонаселение Китая составляет около 20% населения всего мира, доля Китая в мировой продукции каменного угля составляет около 2%, в продукции чугуна — 0,35%, в мировой продукции стали—0,030%, а в мировом потреблении хлопка — 7,4%. Особое место занимает Китай в производстве шелка-сырца. Китай, по всей вероятности, производит около 50%, поставляет на мировой рынок около 30% всей мировой продукции шелка-сырца. Эти данные следует иметь в виду, если мы хотим иметь правильное представление о месте Китая в мировой промышленной продукции. Они обнаруживают ужасную отсталость страны, низкий уровень производительных сил и огромную зависимость страны от мирового империализма.

БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время — май 1930 г. — в Китае разгар экономического кризиса. Этот кризис развивается в рамках мирового экономического кризиса, на фоне общего кризиса китайского хозяйства, вытекающего из колониального режима и из аграрного строя страны, но в то же время является цикличным кризисом. Торм считает, что за период 1888—1920 г.г. Китай пережил 5 промышленных циклов, при чем средняя продолжительность циклов составляла 6,4 лет. Мы не собираемся вдаваться в критику утверждения Торма и разбирать

[1] В Китае добыча нефти почти что не производится. Ввоз керосина главным образом для целей освещения, составлял в 1913 г. 183 млн., в 1921 г.— 175 млн., в 1926 г. –182 млн. и в 1927 г.—163 млн. ам. галлонов.

[2] Данные относятся к 1925 г.

вопрос о том, был ли Китай в 1888 г. настолько промышленной страной и настолько втянут в мировое хозяйство, чтобы там вообще могли возникнуть кризисы. Однако, несомненно, что Китай в 1910 г. пережил уже острый цикличный кризис и что с 1920 г. до 1930 г. Китай пережил три острых цикличных кризиса, а именно в 1921—22 г.г., в 1926—27 г.г. и в 1929—30 г.г., при этом кризис 1921—22 г.г. совпадал с мировым экономическим кризисом, точно также как кризис 1929—30 г.г. И если подъем конъюнктурной кривой в 1928 г. и в первую половину 1929 г., а в особенности американское «процветание» взяли на буксир и Китай и наряду с внутренними причинами вызвали некоторое оживление конъюнктуры в Китае, то мировые экономические кризисы с особенной силой ударяют по Китаю.

Мировой экономический кризис 1929—30 г.г. нашел в Китае наиболее полное и всестороннее свое отражение. Китай имел свой биржевой кризис. В декабре 1929 г. на шанхайской, тянцинской, дайранской, гонконгской биржах разразилась настоящая паника и курсы акций в течение нескольких дней упали на 30—40%. Китай имел свой промышленный кризис. Шелковые, табачные, спичечные фабрики закрывались, приостанавливали или сокращали производство. Паровые мельницы, современные рисоочистительные заводы, маслобойная промышленность, текстильная промышленность, включая и японскую на территории Китая, отчасти приостановили, отчасти сокращали производство. Развитие тяжелой и добывающей промышленности приостановилось и уменьшилось производство. Добыча ценных металлов резко уменьшилась и небывалое падение цен на цветные металлы обесценивало товарные запасы в этих металлах. В Китае кризис разразился и в массовых банкротствах. В Шанхае, Пейпине, Кантоне, Ханькоу, Мукдене лопнуло не только множество торговых фирм, закрывалось великое множество ремесленных предприятий и мануфактур, разорились не только тысячи мелких и средних предприятий, но обанкротилось и множество крупных промышленных предприятий, в том числе и предприятия Братьев Наньян и целый ряд старомодных, но и современных туземных банков. Обанкротился и ряд иностранных фирм и предприятий. В Китае разразился острейший торговый кризис. Обесценивались огромные товарные запасы в открытых портах. Резко снизилась внутренняя торговля, при чем генеральские войны еще обострили кризис торговли и транспорта. Резко сократилась и внутренняя торговля. Китай имел свой аграрный кризис. Аграрный

кризис выражался в недопроизводстве основных предметов питания, в голодовке 57 млн. людей, в вздорожании предметов питания, в сильном увеличении ввоза риса, пшеницы и пшеничной муки, в недопроизводстве, вследствие недорода, хлопка и коконов, с одной сторны, и в перепроизводстве важнейших технических и торговых культур, как-то масличные семена, чай, соевые бобы. При чем перепроизводство имело место вовсе не в Китае, а перепроизводство в мировом масштабе привело к резкому падению цен и в Китае. Китай имел свой валютный кризис, нашедший свое выражение в том, что основная валюта и сокровища страны — серебро — обесценивалось и соответственно этому резко обесценивались и китайские деньги. А валютный кризис обострил кризис внешней торговли, поскольку инфляция еще более сократила внешнюю торговлю, которая начиная с ноября 1929 г. уменьшилась на 20—30%. Но валютный кризис обострил и сырьевой кризис промышленности, поскольку обесценение серебра затрудняло ввоз тех видов сырья — табака, хлопка, угля, железа, стали, алюминия и т. д. — которые целиком или частично ввозятся из-заграницы в Китай. Само собой разумеется, что кризис с особой силой ударил по китайской национальной промышленности. Поскольку китайские предприятия являются мелкими и средними в сравнении с иностранными, постольку в первую очередь разорились китайские предприятия. Это объясняет денационализацию целого ряда китайских предприятий и усиление зависимости других от иностранного капитала

Если кризис является великой бурей рынка, в которой подитоживаются все противоречия капиталистического способа производства, то кризис в Китае обнаруживал и подитоживал не только все противоречия капитализма, но также все противоречия колониального режима и полуфеодальных земельных отношений.

Однако, экономический кризис в Китае вызвал и глубокий общенациональный политический кризис; новый тур генеральской войны, новый подъем рабочего движения, небывалую волну крестьянских восстаний, начало гражданской войны рабочих и крестьян против буржуазно-помещичьей контрреволюции, создание советской власти в ряде районов Южного и Центрального Китая. А общенациональный политический кризис оказывает обратное влияние на экономический кризис, углубляя и обостряя его. В этом то и заключается одна из наиболее характерных черт кризиса в ряде

колониальных стран: национально-освободительная борьба и обострение классовой борьбы становится сильнейшим фактором, обостряющим кризис.

Каков будет исход данного кризиса, решит только борьба. Но именно поэтому чрезвычайно трудно дать ответ на вопрос о том, каковы ближайшие перспективы развития китайской экономики.

Если отвлечься от политической обстановки и рассматривать вопрос абстрактно, — а такая абстракция, конечно, неверна — то необходимо выяснить вопрос о том, имеет ли Китай природные предпосылки к промышленному развитию. Однако, чрезвычайно трудно дать ответ даже на этот абстрактный и именно поэтому неправильно поставленный вопрос. Не выяснен с достаточной ясностью вопрос даже об элементарнейших предпосылках промышленного развития Китая. У нас пока нет и не может быть ясного представления об одной из важнейших предпосылок промышленного развития, ибо мы не располагаем более или менее точными данными о запасах угля в Китае. Общеизвестно, что Рихтгофен считал Китай одной из наиболее богатой углем страной. Геологическое исследование страны, произведенное китайскими учеными, установило, что запасы угля, считая только пласты в глубине, не превышающей 1000 метров, равняются 6 252 млн. тонн антрацитного и 17 183 млн. битуминозного и лигнитного угля, а все запасы страны достигают 40—50 млрд. тонн. Это значит, что потребность Китая в угле, принимая в основу нынешнее потребление в 20 млн. тонн в год, может быть покрыта из собственных запасов в течение 2 000 лет, а принимая в основу американскую добычу в 680 млн. тонн в год — только 70 лет [1]. Если все эти данные верны, то Китай имеет лишь 79% угольного запаса Германии, 33% запасов Англии и 1,4% запасов США [2]. Американский геолог Фернальд определяет угольные запасы США в 1 200 млрд. тонн. Другое исследование [3] обнаружило, что принимая в основу среднюю годовую добычу угля в США, нужно считать, что запасов Китая не хватит больше, чем на 14 лет. Противоречивость этих данных указывает на то, что мы еще не имеем надежных данных вообще; но они же обнаруживают, что на ближайшие десятилетия Китай во всяком случае обеспечен собственным углем. Запасы страны в железной руде оцени-

[1] «China Yearbook», 1924, с. 124.
[2] «China Yearbook», 1921—1922, с. 165
[3] H. F. B a i n, Ores and Industry in the Far East.

ваются в 950 млн. тонн китайскими геологами и в 1 300 млн. тонн американским геологом Олин Кун [1]. Следовательно, если принять в основу второй вариант, запасы страны составляют 14% запасов Бразилии, 16% запасов США, 20% запасов Франции и равны запасам Англии. Таким образом Китай располагает достаточным запасом угля и железа для развития своей промышленности, несмотря на то, что произведенные до сих пор изыскания не обнаружили более или менее значительных запасов нефти. Другие виды минерального сырья — олово, антимоний, цинк, марганец, — также имеются в Китае.

Но темп промышленного развития Китая, предполагая, что революция в ближайшее время не свергнет власть буржуазно-помещичьей контрреволюции, зависит от решения следующих вопросов: может контрреволюция хотя бы реформистским путем сколько-нибудь существенно изменить колониальную зависимость Китая от империализма, сможет ли она хотя бы реформистским путем сколько-нибудь существенно изменить колониальную зависимость Китая от империализма, сможет ли она хотя бы реформистским путем разрешить аграрный вопрос и сможет ли она хотя бы ценой ряда войн объединить страны. Уроки трехлетней контрреволюции дали на эти вопросы отрицательный ответ. А события 1929—30 г.г. доказали, что контрреволюция не сумела даже на сколько-нибудь продолжительный срок задушить революционную борьбу рабочего класса и основных масс крестьянства.

Китайская буржуазия неспособна собственными силами вывести страну из тупика.

Остается второй вариант. Опять-таки предполагая, что буржуазно-помещичья власть не будет свергнута, китайская контрреволюция попытается вывести страну из тупика под руководством и с помощью иностранного капитала. Тем самым ставится вопрос об экспорте иностранного капитала в Китай.

Если предположить, что революция не свергнет власть империализма и буржуазно-помещичьей реакции в Китае уже в ближайшее время, то перед нынешним Китаем открываются две возможности развития. Первая возможность заключается в том, что в основном продолжается затяжной кризис всего хозяйства страны, кризисно-замедленный темп развития промышленности, денационализации пока еще национальных отраслей промышленности, т.-е. в общем и целом картина

[1] «China Econ. Journal» № 1, с. 7.

послевоенного развития Китая с тем только добавлением, что в третий период послевоенного империализма усиливающаяся конкуренция империализма на китайском рынке еще сильнее затрудняет промышленное его развитие.

При этом следует иметь в виду то чрезвычайно важное обстоятельство, что в период империализма тенденция к уравнению национальных норм прибылей обнаруживается со все более возрастающей силой. Разница в органическом составе капиталов различных стран делает возможным получение огромных сверхприбылей в колониальных и вообще отсталых странах с низким уровнем развития производительных сил, с низким органическим составом капитала. В отсталых странах норма прибыли, а значит и темп накопления капитала относительно выше, чем в развитых странах. Разумеется, в развитых странах абсолютная масса прибылей, абсолютная сумма накопления гораздо выше, чем в отсталых. Однако низкий органический состав капитала в отсталых странах обуславливает высокие цены на промышленные изделия, при относительно низких ценах на продукты сельского хозяйства. Последние обуславливаются аграрным строем отсталых стран. Мелкое крестьянское хозяйство под давлением ренты в случае аренды, налогов, ростовщических долгов выбрасывает свои продукты на деревенский рынок по ценам ниже средних рыночных. Но относительно высокие цены на промышленные изделия в отсталых странах стимулируют ввоз товаров в эти страны из империалистических стран. А ввоз товаров снижает цены и тем самым и прибыли и темп накопления в отсталых странах. Это положение целиком подтверждается фактами. Дивиденды конечно не совпадают с прибылью, но более или менее отражают высоту нормы прибыли, если брать их за более или менее длительный период. А дивиденды акционерных обществ в Индии, Манчжурии, в Китае за исключением тех, которые владеют монополиями, обнаруживают после войны тенденцию к резкому снижению. Само собой разумеется, что вывоз капитала в отсталые страны чрезвычайно ускоряет эти тенденции. Ввоз иностранного капитала в колонии ускоряет сверх обычного темпа повышение органического состава капитала и тем самым вызывает снижение нормы прибыли, что, конечно, вовсе не исключает, а наоборот предопределяет, что абсолютная масса накопления растет. Но значительная часть этих накоплений выкачивается из колониальной страны.

Разумеется, не только теоретически возможно, но на практике часто так и случается, что часть накоплений иностран-

ного капитала не выкачивается из колониальной страны, а употребляется там для расширения существующих предприятий или для создания новых. В 1929 г. из прибылей голландского капитала в 96 млн. гульденов в Индонезии около 46 млн. было вложено в новые предприятия и в расширение старых в самой Индонезии. Было бы поэтому большой ошибкой, если бы интересы и капиталовложения империалистических стран в колониях оценивали только по суммам новых эмиссий в самых метрополиях. Следует учесть и те капиталовложения, которые совершаются за счет оставленной части прибылей с вывезенного уже прежде капитала.

Эта тенденция особенно резко проявлялась в Китае после первых послевоенных годов и выражалась в снижении прибылей как китайских, так и иностранных предприятий. Исключительные условия 1928 г. привели к тому, что прибыли текстильной промышленности резко возросли. Антияпонский бойкот вызвал огромный спрос на продукцию китайских фабрик, повышение цен китайских текстильных изделий и пряжи, в то время как японские изделия были обложены комитетом по проведению бойкота на 20% их стоимости. Цены на хлопок остались на прежнем уровне, заработная плата уменьшилась и к тому еще была проведена рационализация. Таким образом на каждую кипу пряжи прибыль составляла от 10 до 30 таэлей, т.-е. от 5 до 20% [1]. Такая конъюнктура является однако скорее исключением в теперешних условиях борьбы за рынки сбыта, чем правилом. В общем наблюдается снижение относительного темпа накопления, хотя абсолютная сумма накоплений и растет. Именно это обстоятельство объясняет замедление темпа роста национальной промышленности в Китае, Индии и т. д. Китайская буржуазия не в состоянии за счет собственных средств в сколько-нибудь серьезной мере ускорить темп роста промышленности.

САСШ в 1928—29 г.г. делали подготовительные шаги к овладению Китаем. Признание Нанкинского правительства, посылка американских экспертов в Нанкин, назначение комиссии Кэммэрера, первые американские капиталовложения в Китае и даже попытка захвата К.-В. ж. д. указывают на то, что американский финансовый капитал пытался превращать Китай в свою колонию. Мировой кризис и в особенности кризис в САСШ разбил надежды китайской буржуазии на американскую помощь. Кризис в Китае и развал гоминдановской контр-

---

[1] «China Econ. Journal» № 3, 1929, с. 213—212.

революции разбили надежды американского капитала на возможность овладения Китаем.

Это, на наш взгляд, вовсе не исключает, что при другой обстановке капитал САСШ попытается захватить в свои руки Китай. Мы должны поэтому рассмотреть вопрос о том, в каком направлении развивалось бы хозяйство Китая под руководством американского капитала, абстрагируясь пока от внутренних и внешних противоречий, которые вызвала бы такая попытка. Экспорт капитала из империалистических стран в 1928 г. уже достиг в реальной покупательной способности довоенного уровня.

Если за 1909 — 1913 гг. вывоз капитала из Англии в среднем составлял 900 — 1 000 млн. ам. долл., из Франции 300—400 млн., из Германии 80—100 млн., т.-е. ежегодно в среднем 1 280—1 500 ам. долл., то в 1928 г. из Англии было вывезено 750 млн., из США 1 575 млн., из остальных стран около 250 млн. ам. долл., т.-е. всего 2 575 млн. ам. долл.[1]. Даже если учесть уменьшение покупательной способности денег на 40% и то окажется, что довоенный уровень экспорта капиталов уже достигнут.

Правда, во второй половине 1928 г. вывоз капитала из США значительно уменьшился и в первой половине 1929 г., в связи с мировым кредитным кризисом, экспорт капитала резко сократился не только из США, но также из Англии, Голландии, Швейцарии и т. д. Повышение учетной ставки во всех решающих странах мира было ярким проявлением мирового кредитного кризиса, который с особенной силой разразился во второй половине 1929 г. Мировой кредитный кризис тяжело ударил и по Китаю, задерживая или замедляя вывоз капитала в Китай. А теперь уже ясно, что мировой кредитный кризис был лишь буревестником мирового обще-экономического кризиса.

Американский империализм, повидимому, намеревался воспользоваться также репарационным сверхбанком для финансирования более быстрого открытия и расширения китайского рынка.

Но что важнее всего, американский капитал не считал и не считает еще (1929 г.) политического положения в стране достаточно устойчивым, власть Нанкина достаточно реальной, Китай объединенным.

---

[1] Соответствующие данные взяты нами из работы Гобсона: «Экспорт капитала», Москва 1928 и тов. Спектатора: «Введение в теорию мирового хозяйства» Москва, 1928.

Замедление притока иностранного капитала вызвало глубочайший кризис гоминдановской контрреволюции. Внешнеполитические неудачи (поражение на Конференции Международных Торговых Палат, отказ со стороны держав в отмене экстерриториальности и в упразднении Временного суда в Шанхае, поражение Китайской делегации в Женеве на сессии Лиги наций и т. д.) усугубляли этот кризис. Это соответствует усилению борьбы между империалистами за сферы приложения капиталов.

В Китае эта борьба не могла еще по настоящему начинаться, ибо договор о втором консорциуме между банками США, Англии, Франции и Японии на предмет совместного использования Китая в качестве сферы для экспорта капиталов остается в силе до 15 октября 1930 г. По договору о втором консорциуме американские, английские, французские и японские банки обязывались распределять между собой новые эмиссии в случае предоставления Китаю правительственных и промышленных займов. Если договор будет продлен в 1930 г., то Китай будет разделен на сферы влияния между американскими, английскими, французскими и японскими банками. Вся мировая обстановка указывает на то, что возобновление договора является маловероятным. Более вероятно, что в ближайшее время начнется отчаянно-острая борьба за китайскую добычу между империалистами. США нуждаются в железнодорожном строительстве в Китае для того, чтобы дать работу своей металлургии, и для того, чтобы расширить китайский рынок сбыта для своей промышленности. США будут поощрять дорожное строительство для расширения рынка и для того, чтобы Форд и Дженераль Моторс могли сбывать свои автомобили. Капитал США устремляется еще в горную промышленность, в шелководство и в шелковую промышленность. Конечно, из расширения рынка кое-что перепадало бы и промышленности в Китае, но в основном эти меры имели бы своей целью расширение рынка для промышленности США. Все, что известно о планах японского капитала, указывает на то, что он устремляется также в транспорт, и в первую голову в железнодорожное строительство и в горную промышленность и лишь в некоторой мере в легкую индустрию. Разумеется, даже эти меры могли бы привести к росту промышленности в Китае. Английские планы относительно железнодорожного строительства на юге Китая преследуют подобные же цели. Китай должен был бы еще в большей мере, чем до сих пор, стать колонией империализма. Посредством ввоза иностранного капитала его попытаются сделать еще в боль-

шей мере, чем до сих пор, рынком сбыта и источником сырья для иностранной промышленности.

Далее, все данные указывают на то, что американский капитал попытался создать в Китае более современную валютную систему, для чего потребуются также значительные капиталовложения. Теперешнее состояние валютной системы в Китае является препятствием, затрудняющим капиталистическое развитие страны. Деревня в основном пользуется медными монетами и бумажными деньгами, город серебром и бумажными деньгами; свои международные платежи Китай осуществляет также серебром. Но не только каждая провинция, но почти каждый хозяйственный район имеет свои таэли, серебряные и бумажные деньги и медяки [1]. Провинциальные правительства, отдельные банки, в том числе и иностранные, частные лица, отдельные генералы выпускают свои бумажные деньги. Нет централизированной бумажной системы. Крупные иностранные и китайские банки наживаются на спекуляции, на изменении курса разных монет и денег, и сотни и сотни тысяч менял, как мелкие паразиты, зарабатывают на огромном хаосе валютной системы. Вся валютная система представляет собой своего рода докапиталистический остаток в экономике страны. Созданный в 1928 г. нанкинским правительством «Центральный банк» не в состоянии оздоровить денежное обращение. Капитал банка в 20 млн. долл. для этого недостаточен. Выпущенный в размере 30 млн. долл. заем для улучшения валютной системы также не мог существенно изменить положение. Несомненно, что в денежном обращении серебряный доллар и вообще серебро играют все более видную роль. Монетные дворы выпускают все более возрастающее количество серебряных монет. В области ввоза серебра Китай уже оттеснил Индию на второе место и в 1928 г., например, ввез по заявлению председателя Гонконг — Шанхайского банка свыше 168 млн. унций серебра. В то же время это обозначает, что империализм перебрасывает мировые серебряные запасы в Китай, и всякое дальнейшее обесценение серебра будет итти уже за счет Китая. Почти все страны мира перешли или переходят к золотой валюте или хотя бы к золотому стандарту. Индия тоже подготовляет новую валютную реформу и не только уменьшает закупки серебра, но например в 1928 г. сама выбро-

---

[1] Мы не останавливаемся на подробной характеристике валютной системы. Тов. Штейн в своей работе «Очерки финансового кризиса в Китае», Гиз, Москва 1928, осветил фактическую сторону этого вопроса.

сила на рынок из правительственных запасов около 58 млн. унций серебра. Серебряная валюта в чистом виде существует сейчас только в двух странах Латинской Америки, Индо-Китае, Гонконге и Китае. Несомненно, что одно из срочнейших задач с точки зрения капиталистического развития страны является создание единой валютной системы и включение ее в мировое денежное обращение. Но этот вопрос не может быть разрешен без создания твердого государственного бюджета, ибо в противном случае бюджетный дефицит и вызванный им выпуск бумажных денег будет срывать и валюту. Над разрешением этого вопроса работала в настоящее время комиссия американского экспорта Кеммерера. США сами являются страной, где добывается серебро. Американский капитал контролирует более чем на 80% серебряные рудники Мексики. Теперь уже опубликован доклад комиссии Кеммерера о валютной реформе в Китае. Как и следовало ожидать, комиссия предлагает на первой стадии проведение денежной реформы, сохранение серебряной валюты и установление твердого золотого стандарта этой серебряной монеты к золотым валютам. Лишь впоследствии должна быть введена золотая валюта во внутрикитайский оборот и то лишь постепенно, по отдельным провинциям. По сути дела Кеммерер предлагает так называемую золотую стандартную систему[1]. Подобная система существует в Индии. Но в Индии торговый баланс активен, а торговый баланс Китая резко пассивен, и в этом — большая трудность разрешения проблемы. Но как бы то ни было, для валютной реформы в Китае потребуются огромные средства. Эти средства может предоставить Китаю только иностранный, в первую очередь американский капитал. А это значит, что иностранный капитал будет контролировать и всю валютную систему страны.

Транспорт, горная промышленность и валютная система, — вот те главные звенья, за которые по всем данным намерен уцепиться империализм, чтобы полностью подчинить себе Китай.

Осуществление этого плана либо путем соглашения между мировыми банками, что маловероятно, либо одними банками США немыслимо без острейших международных конфликтов. Осуществление этого плана уже в своей первой стадии обозначает разорение миллионов и миллионов китайских ремеслен-

[1] Доклад Комиссии Кэммэрера опубликован на английском языке в «Cbesi. Ec. Jaurnal» 1930 № 4.

ников и кустарей, разорение и пауперизацию десятков миллионов крестьян без всякой надежды на то, что они смогут устроиться в промышленности в качестве рабочих. Осуществление этого плана обозначает собой гигантское обострение всех внешних противоречий вплоть до новой мировой войны. Оно обозначает собой обострение всех внутренних противоречий в стране. Закаленные в революционной борьбе пролетариат и крестьянство Китая под гегемонией рабочего класса и под руководством компартии окажут сильнейшее сопротивление превращению Китая в полную колонию империализма. Все это происходит в условиях, когда существует СССР, когда Коминтерн уже руководит революционной борьбой рабочих, когда национально-освободительное движение бурлит на Востоке, в Латинской Америке и в Африке.

Осуществление этого плана вызвало бы новый взрыв революции в Китае. А после победы революции совершенно по иному будет поставлена проблема индустриализации Китая.

Однако, события 1929—30 г.г. уже в конкретной действительности показали и другую перспективу развития китайского хозяйства при условии революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства под гегемонией рабочего класса. В советских районах Китая уже идет чистка земли от феодальных остатков, идет борьба за свержение империализма, за объединение страны под властью советов. По своему социально-экономическому содержанию в советских районах происходит аграрная и антиимпериалистическая революция, революция буржуазно-демократическая, блестяще подтверждая правоту Коминтерна и разбивая вдребезги контрреволюционный троцкизм. Но эта буржуазно-демократическая революция таит в себе уже элементы перерастания в революцию социалистическую и открывает для Китая через ряд переходных ступеней некапиталистический путь развития.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КИТАЙ В СИСТЕМЕ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

КИТАЙ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ РЫНОК

Чтобы получить правильное представление о месте и значении Китая в системе мирового хозяйства, необходимо рассмотреть этот вопрос с двух точек зрения: 1) Китай как рынок сбыта, как источник сырья, как объект для приложения капиталов и в связи с этим как хозяйственная территория для крупнейших банков и, наконец, как поставщик рабочей силы и 2) удельный вес и роль иностранного капитала в системе китайского хозяйства.

Посмотрим прежде всего, какое место занимает Китай как рынок сбыта и как источник сырья.

В Китае живет 20% всего населения земного шара, а доля его в мировой торговле не достигла еще и 2%. В 1896—1898 гг. доля Китая составляла 1,5%, в 1911—1913 гг. — 1,7% и в 1921—1,9% всей мировой торговли. В этом отношении Китай отстал и от Индии, доля которой в мировой торговле составляет 3—4%, и от Японии, доля которой составляет 1,6 — 2% [1]. Приведенные данные указывают на то, что по своим абсолютным размерам внешняя торговля Китая имеет большое значение, но что относительно она невелика. В этом заключается один из важнейших моментов, определяющих место Китая как рынка сбыта и источника сырья. *Китай уже в настоящее время играет довольно важную роль в мировой торговле; потенциально же он является величайшим рынком.* Это объясняет остроту борьбы за китайский рынок. Борьба эта усугубляется еще следующим моментом:

В то время как все важнейшие колонии уже захвачены, и борьба за них между империалистическими странами затруд-

---

[1] Remer, Foreign Trade of China, c. 233.

няется тем, что какая-либо из метрополий уже политически овладела колониальной страной, в отношении полуколоний условия борьбы для империалистических стран более благоприятны. Если например в Индии английский империализм в состоянии поставить в менее благоприятное положение своих конкурентов посредством пошлин, тарифов, отдачей в Англию государственных заказов, преференциальными тарифами для английской промышленности, иногда даже поощрением индийского производства, то в Китае — этой крупнейшей полуколонии — и в других полуколониях разные конкурирующие державы находятся в более равном положении.

Далее следует учесть, — и империализм учитывает, — что не все районы Китая в одинаковой мере вовлечены в международный товарооборот. Долина Янцзы, Манчжурия, долина Западной реки и отдельные районы Северного Китая, — вот основные позиции империализма в Китае. Возле железных дорог и больших рек, доступных судоходству, империализм отвоевал уже крепкие позиции. Он протягивает свои руки и к остальным частям Китая. Но издержки транспорта там все еще слишком значительно влияют на цены товаров. «Пшеница шанхайской цены; яйца в Шэньси продаются за одну треть в Сычуани или в Шэньси может продаваться за одну четверть цены их в Ханькоу. Пшеница доставляется пароходом из Ситли (Соед. Штаты) в Ханькоу на расстоянии 7 тыс. миль за половину той суммы, которая затрачивается на доставку пшеницы из долины Вэй (в провинции Шэньси) в тот же Ханькоу на расстояние 600 миль»[1]. В огромных обладающих значительнми природными богатствами провинциях Китая нет еще вообще современных средств транспорта, и спина кули, вьючный скот, тележка, лодка и верблюд являются наиболее «удобными» средствами для перевозки товаров. Империализм начинает уже влиять на экономическую жизнь этих наиболее отдаленных провинций Китая. В связи с этим создание современных средств транспорта является для империализма одной из важнейших задач в Китае. Итак, не только захваченные уже империализмом области Китая являются огромным рынком; в Китае существуют огромные потенциальные рынки в областях, еще не захваченных империалистическими странами.

---

[1] J. Arnold, Changes in the Economic Life of the Chinese People «Chinas Social and Political Science Rewiew», № 1, с. 35.

КИТАЙ КАК РЫНОК СБЫТА И ИСТОЧНИК СЫРЬЯ

Мы не будем останавливаться на вопросе о том, как был — силой пушек, подкупа, разврата, опиума, насилия — открыт Китай для международного товарообращения, и не попытаемся здесь проследить, как исторически развивалась внешняя торговля Китая по мере захвата империализмом открытых портов, концессий, развития транспорта, вовлечения Манчжурии во внешнюю торговлю, углубления и расширения рыночных отношений в стране вообще. Мы не можем также распространяться по вопросу о создании системы внеэкономического принуждения, которая в виде неравных договоров была навязана Китаю. Во всех полуколониальных странах с разными модификациями была осуществлена по сути дела одна и та же система. Низкие пошлины, контроль над аппаратом таможни, отдача государственных доходов под залог, право экстерриториальности для иностранцев, консульская юрисдикция, освобождение от налогов (а в отношении Китая еще и концессии) — вот основные элементы «капитуляций», неравных договоров, существовавшие в Турции, Персии и существующие в Египте, Сиаме, Китае и др. Эта система получила под давлением революционного движения кое-какие бреши, но она просуществовала достаточно долго для того, чтобы империализм овладел экономическими командными высотами и смог обойтись и без этой системы внеэкономического принуждения. Это конечно вовсе не значит, что неравные договоры отменяются сразу и без тягчайшей борьбы.

Если проследить импортную торговлю Китая за последние несколько лет, то получается следующая картина распределения ввоза по отдельным товарам в процентах [1]:

Отдельные статьи ввоза по отношению ко всему ввозу в %%.

	1926	1927	1928
Текстильные изделия	15,76	13,51	14,50
Хлопок	8,—	7·87	5,68
Рис	7,99	10,60	5,44
Сахар	7,36	7,40	8,25
Керосин	5,03	4,27	5,22
Металл	4,66	4,97	5,65
Шерстяные изделия	2,64	2,74	4,05
Хлопчато бумажная пряжа	2,51	1,75	1,39
Продукты рыболовства	2,47	2,70	2,18
Писчебумажные изделия	2,16	2,51	2,43

[1] Данные взяты из отчетов Морской Таможни.

	1926	1927	1928
Уголь	2,40	2,20	1,89
Свечи	2,36	2,31	2,96
Мука	2,21	2,20	2,74
Зерновые продукты . .	2,10	3,12	2,49
Табак	2,30	2,21	2,90
Химические вещества .	1,87	2,32	2,73
Папиросы	1,85	1,26	2,10
Льняные изделия . . .	1,77	1,84	1,91
Пшеница	1,60	—	—
Машины	1,49	1,79	1,63
Строительный лес . . .	1,44	1,34	1,51
Шелковые изделия . . .	1,20	1,82	2,41
Продукты животноводства	1,17	1,40	1,45
Кожа	1,15	1,10	1,04
Индиго искусственное .	1,12	1,04	1,10
Шерстяное белье	1,07	—	—
Прочее	13,68	15,78	15,06

Если разделить импортные товары на промышленные изделия, сырье (керосин тоже отнесем сюда) и продовольствие, то оказывается, что в 1926 г. промышленные изделия составляли 49,8%, пищевые продукты — 24,6% и сырье — 25,1% всего ввоза, а в 1927 г. промышленные изделия составляли 48,2%, пищевые продукты — 27,4% и сырье — 24,4% всего ввоза. Ввоз пищевых продуктов и продовольствия, вызванный глубоким кризисом сельского хозяйства, вовсе не противоречит колониальному характеру экономики страны. Египет, Ява, Малайские Штаты, Куба и т. д. также ввозят продовольствие. Для империализма как раз характерны перевод отдельных стран на специальные культуры, международное разделение труда, международное районирование сельскохозяйственного производства. Для Китая скорей характерен ввоз сельскохозяйственного и минерального сырья. Ввоз сельскохозяйственного сырья указывает на отставание сельского хозяйства даже от весьма умеренного роста промышленности, а ввоз минерального сырья вызывается тем, что Япония грабит китайский уголь и железную руду. Но тот факт, что почти 50% всего ввоза состоит из промышленных изделий, а ввоз машин за последнее время не достигает даже 2,5% всего ввоза, достаточно ярко выявляет колониальный характер страны, с одной стороны, и замедленный темп индустриализации — с другой.

Для характеристики экспорта из Китая приводим следующие данные [1].

Отдельные статьи вывоза по отношению ко всему вывозу в %%

	1926	1927	1928
Бобы	20,34	20,77	21,56
Шелк сырец	18,40	15,26	16,22
Яйца	4,42	3,65	4,42
Шелковые изделия	3,57	2,74	2,41
Земляные орехи	3,45	2,79	1,67
Хлопок	3,40	5,15	3,44
Кожа	3,34	3,92	5,29
Зерновые продукты	3,32	4,26	3,70
Масличные семена и жмыхи	3,06	1,89	2,30
Уголь	0,03	3,20	2,85
Чай	3,03	3,49	3,75
Папиросы	1,78	1,93	2,04
Древесное масло	1,73	2,39	2,35
Волос, перо, шерсть	1,72	2,54	2,73
Хлопчато-бумажные изделия	1,54	1,92	1,65
Пряжа	1,25	2,15	2,18
Щетина	1,21	1,01	1,02
Дерево, строительный лес	1,19	1,56	1,79
Олово	1,01	—	—
Прочее	19,16	17,17	15,59
Металл	—	2,76	3,04

Эта таблица не нуждается в комментариях. Она полностью вскрывает колониальный характер китайской экономики. Вывоз из страны на 80% состоит из сельскохозяйственного и минерального сырья и продовольствия, на 15—18% из полуфабрикатов, вроде шелка-сырца, и на 2—5% из промышленных изделий, вроде хлопчатобумажных изделий, пряжи и папирос. При этом следует иметь в виду, что в смысле вывоза бобов Китай является чуть ли не монополистом на мировом рынке (хотя за последнее время, вследствие вытеснения бобовых жмыхов минеральными японскими удобрениями, разведению бобов Маньчжурии грозит серьезный кризис). В области вывоза масляничных семян Китай наряду с Индией занимает первое место в мировой торговле. В смысле вывоза чая Китай все более оттесняется Индией, Цейлоном, Явой и Японией. В области вывоза шелка-сырца, несмотря на медленное его по-

[1] Данные взяты из отчетов Морской Таможни.

вышение, относительное значение Китая быстро падает в связи с японской конкуренцией. Совершенно ясно, что растущий ввоз продовольствия и пищевых продуктов далеко не уравновешивает вывоз сельскохозяйственных продуктов. На значении вывоза минерального сырья мы остановимся впоследствии.

* * *

Посмотрим теперь, какое значение имела торговля с Китаем для важнейших империалистических стран, например, за 1926 г.

Удельный вес экспорта в Китай важнейших империалистических стран (1926).

	Весь экспорт		Экспорт в Китай		В %% ко всему экспорту
Соединенные штаты	4 808	млн. долл.	192	млн. долл.	2,7
Япония	2 044	„ иен	574	„ иен	28,0
Германия	9 783	„ мар.	151	„ мар.	1,5
Англия	778	„ ф. ст.	19,9	„ ф. ст.	2,5

Беглый взгляд на эту таблицу убеждает нас в том, что для Соединенных Штатов, Англии и Германии Китай в качестве рынка сбыта играет относительно небольшую роль. З а т о д л я Я п о н и и э к с п о р т в К и т а й, с о с т а в л я ю щ и й 28% в с е г о в ы в о з а, е с т ь в о п р о с ж и з н и и с м е р т и. Об этом же говорят данные о вывозе из Китая в эти страны:

Удельный вес импорта из Китая важнейших империалистических стран (1926)

	Весь импорт		Импорт из Китая		В %% к итогу
Соединенные штаты	4 430	млн. долл.	157,9	млн. долл.	3,6
Япония	2 377	„ иен	397,8	„ иен	17,0
Германия	10 001	„ мар.	197,2	„ мар.	2,0
Англия	1 241	„ ф. ст.	12,2	„ ф. ст.	1,0

Итак, Китай как источник сырья, продовольствия и колониальных продуктов играет относительно небольшую роль в торговле с Соединенными штатами, Англией и Германией, но

зато он играет весьма существенную роль для Японии. Эти цифры объясняют, почему именно японский империализм отстаивает каждую пядь земли в Китае. Китай для Японии — важнейший источник сырья и продовольствия.

Но для других империалистических стран Китай имеет огромное значение как потенциальный рынок. Можно сказать, что со времени первой опиумной войны Китай является постоянным источником надежд и разочарований для мировых торговых наций, и что «открытие» Китая для международной торговли все еще не осуществлено полностью.

* * *

Борьба за китайский рынок представляет собой весьма благодарную и интересную тему для изучения. Мы приводим лишь важнейшие показатели этой борьбы в виде следующей таблицы об участии важнейших с точки зрения Китая империалистических стран во внешней торговле с Китаем, выражая их участие в процентах.

Участие важнейших империалистических стран во ввозе в Китай

	1899	1913	1921	1926	1927	1928
Соединенные штаты	9,5	7,6	17,3	14,6	14,8	16,99
Япония	11,5	19,7	25,0	23,7	25,8	26,39
Англия	11,7	11,4	11,8	7,4	6,8	9,40

Следует иметь в виду, что английская заинтересованность вовсе не отражается вышеприведенными данными, ибо часть английского ввоза идет через Гонконг, причем более значительная часть, чем в случае с американским и японским ввозом. Далее не только Англия, но и ее колонии ведут торговлю с Китаем, в частности торговля Индии с Китаем все еще довольно значительна. Индия в 1926 г ввозила в Китай 6,92%, в 1927 г.— 4,1%, а в 1928 г. — 3,92% всего ввоза, а вывоз Китая в Индию в 1927 г. равнялся 2,42% всего его вывоза.

Эта таблица наглядно выявляет неравномерность развития капитализма и отчаянную борьбу между разными странами за китайский рынок. Япония в 1885 г. участвовала в торговле с Китайем на 3%, ее доля увеличилась в 1913 г. до 20%, в 1918 г. до 38%, чтобы после войны в 1921 г. уменьшиться до 25%. Соединенные штаты во время войны также делали

большие успехи, и их наступательное движение продолжается и сейчас. Если принять во внимание, что часть японского ввоза в Китай состоит из американских товаров, что часть ввоза из Гонконга также американского происхождения, то можно констатировать, что в уже 1927 г. Соединенные Штаты заняли первое место во внешней торговле с Китаем. Доля Англии в торговле с Китаем реально вовсе не соответствует тому весьма низкому проценту, который обозначен в таблице. Следует учесть, что значительная часть гонконгского ввоза состоит из товаров английского происхождения. Но даже принимая во внимание это обстоятельство, следует констатировать резкое уменьшение английской доли во время войны, медленный рост после войны, новое уменьшение в 1925—27 гг. и некоторы рост в 1928 г. за счет ввоза из других стран. Борьба особенно обостряется после мировой войны, когда наряду с Англией, Германия, Франция и другие европейские страны возвращаются на китайский рынок. Если во время войны Япония оттесняла всех своих конкурентов, за исключением США, то после войны США наступают на всех своих конкурентов.

А в наши дни, в «третий период» послевоенного империализма борьба за китайский рынок гигантски обостряется. При этом следует иметь в виду, что основными предметами вывоза из Японии в Китай являются текстильные изделия, сахар и вообще промышленные изделия низкого качества и низкой цены. Англия вывозит главным образом текстильные изделия высокого качества и высоких цен. Соединенные штаты вывозят в Китай муку, пшеницу, строительный лес, табак, машины, — словом, товары, по которым за исключением машин только Канада может конкурировать с ними. Этим и объясняется тот факт, что по вопросу о таможенных пошлинах Соединенные штаты занимали наиболее «либеральную» позицию, что за ними последовала Англия и что наиболее упорное сопротивление оказывала и оказывает Япония. И японское сопротивление оказалось достаточно сильным для того, чтобы заставить нанкинское правительство отказаться от повышения введенных в 1929 г. таможенных пошлин в течение ряда лет.

КИТАЙ КАК СФЕРА ДЛЯ ЭКСПОРТА КАПИТАЛА

Китай, в качестве полуколонии, служит не только рынком сбыта для товаров и источником сырья для империалистических метрополий; он в то же время является сферой для экспорта капиталов. «Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз товаров.

Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичен стал вывоз капитала»[1].

Мы знаем, что вывоз капитала в Китай начался как раз на пороге новейшего фазиса капитализма, на пороге империализма. Но совершенно правильно отмечает Гильфердинг, что «под экспортом капитала мы разумеем вывоз стоимости, предназначенной производить за границею прибавочную стоимость»[2]. Не всякий капитал, предоставленный Китаю или другим колониальным или полуколониальным странам, исчерпывает это определение Гильфердинга. И это тем более следует подчеркнуть, что некоторые товарищи совершенно ошибочно считают, что история международных займов является историей экспорта капиталов, что сумма международных долгов колониальных и полуколониальных стран выражает сумму вывозимых в данную страну капиталов. «С точки зрения экспортирующей страны могут быть две формы экспорта капитала: капитал эмигрирует за границу или как капитал, приносящий проценты, или как капитал, приносящий прибыль. Последний опять-таки может функционировать как промышленный капитал, как торговый капитал или как банковый капитал»[3].

Но Гильфердинг здесь рассматривает вопрос лишь с точки зрения страны, *экспортирующей* капитал. С *точки зрения страны, в которую капитал экспортируется, вопрос обстоит гораздо сложней.* Капитал, приносящий прибыль, может функционировать в стране, куда он направляется как промышленный, торговый, банковый или ростовщический капитал, причем под промышленным капиталом мы подразумеваем и капитал, функционирующий в сельском хозяйстве (крупное хозяйство, плантации) и в транспортной промышленности. При этом следует иметь ввиду, что в целом ряде стран экспортированный капитал функционирует именно в сельском хозяйстве. Голландский капитал на плантациях сахарного тростника в Индонезии, английский капитал в оросительных системах Египта и Индии, американский капитал на плантациях о. Куба, английский капитал на каучуковых плантациях Индонезии и Малайских островов, английский капитал на чайных плантациях Индии и Цейлона, американский капитал на плантационных хозяйствах и в животноводстве Латинской Америки, английский капитал на крупных латифундиях Южно-Африканского Союза и Австралии и т. д.

[1] *Ленин*, Империализм как новейший этап капитализма, с. 47.
[2] *Гильфердинг*, Финансовый капитал, П. 1918, с. 460.
[3] *Гильфердинг*, Финансовый капитал, П. 1918, с. 460.

и т. д. функционирует именно как промышленный капитал, применяемый в сельском хозяйстве. Далее следует иметь ввиду, что в экспорте капитала вообще огромную роль играли капиталы, вложенные в железные дороги и вообще в транспортную промышленность (доки, гавани, порты, склады, пароходы), и мы смели бы утверждать, что вывоз капитала из метрополий функционировал в своем подавляющем большинстве именно в транспортной промышленности. Нетрудно было бы этот тезис доказать на примере Индии, Китая и американских и английских капиталовложений в Латинской Америке. Но ссудный капитал, капитал, приносящий проценты с точки зрения метрополии может играть совсем не производственную роль и по удачному выражению того же Гильфердинга может превращаться в «пороховой дым» с точки зрения колониальных и полуколониальных стран. Именно история «вывоза капитала» в Китай, Индию, Турцию и целый ряд латино-американских стран служит лучшей иллюстрацией этому. Из огромной задолженности Индии перед Англией (6,6 млрд. рублей) огромные средства были израсходованы на финансирование трех войн против Афганистана, одной войны против Персии, на финансирование участия Индии в мировой войне, (1,5 млрд. рупий), на подавление сипайского восстания. Огромные средства были израсходованы на содержание армии и государственного аппарата, уплату жалованья и пенсии британским чиновникам и на подобные административные расходы. На железные дороги, оросительные системы, устройство гаваней шла лишь относительно небольшая часть государственной задолженности. Подобное явление мы можем наблюдать в истории международных долгов других колониальных стран.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОЛГИ КИТАЯ

Поэтому совершенно правильно поступает американский экономист Уиллоуби, когда он разделяет долги Китая на три категории: 1) военные долги и долги по оплате контрибуций, 2) административные долги и 3) промышленные, т.-е. железнодорожные и горные долги [1].

К военным долгам следует отнести следующие займы:

400 млн. фр., предоставленных франко-русским синдикатом в 1895 г.

---

[1] Willoughby, Foreign Rights and Interests in China, c. 484.

16 млн. ф. ст., предоставленных англо-германским синдикатом в 1896 г.

16 млн. ф. ст., предоставленных англо-германским синдикатом в 1898 г.

67,5 млн. ф. ст., (боксерская контрибуция, часть которой однако возвращается Китаю).

К административным долгам следует отнести:

5 млн. ф. ст., предоставленных банком Крисп в 1912 г.

25 млн. ф. ст., предоставленных Юань Ши-каю для подавления революции международным консорциумом банкиров в 1913 г.

30 млн. иен, предоставленных японским банком для поддержки правительства.

3,7 млн. ф. ст., предоставленных австрийскими банками для поддержки контрреволюции в 1913 г.

6,6 млн. ф. ст., предоставленных Гонконг-Шанхайским банком Юань-Ши-каю в 1914 г.

5 млн. ам. долл., предоставленных контрреволюционному правительству американскими банками в 1919 г.

5 млн. ам. долл., предоставленных американскими банками в 1916 г. для покрытия административных расходов.

32,4 млн. фр., предоставленных французскими банками якобы для промышленных, а в действительности для административных целей.

Займы Нисихара в размере 180—200 млн. иен для поддержки контрреволюционной группы Дуань Ци-жуя японскими банками от 1917 до 1920.

Совершенно ясно, что эти займы, этот «вывоз капитала» ничего общего с производством, с увеличением производительных сил не имеет. В вышеуказанных случаях ссудный капитал функционировал в качестве ссудного капитала только с точки зрения экспортирующей страны. С точки зрения Китая эти ссудные капиталы не превращались в функционирующий капитал; они не функционировали в качестве промышленного, торгового, банкового капитала, т.-е. они не приносили прибыли, распадающейся на процент и предпринимательский доход. Эти займы способствовали развитию капиталистических отношений в Китае, ибо для уплаты процентов повышались налоги, цены на соль, собирались пошлины, и тем самым они ускорили переход страны, а в особенности крестьянства, к денежному хозяйству. Но расходы на войны, военные контрибуции, поддержку контрреволюционных правительств не способствовали развитию производительных сил, индустриализации страны. «Здесь деньги отданы окончательно. Если

дело идет о государственных бумагах, то деньги, надо полагать, давным давно потреблены непроизводительно»[1]. Следовательно, подобный вывоз капитала в колониальные и полуколониальные страны оказывает влияние на развитие товарно-денежных отношений ускоряя их (Ленин), но не усиливает производительных сил страны, а может быть и наоборот, их ослабляет. Хозяйство индийского района и китайского крестьянина под давлением этих займов становится более денежным, оно вынуждено под давлением денежных налогов продавать больше на рынок, но от этого еще непосредственно не растет индустрия.

С точки же зрения финансового капитала, с точки зрения империализма этот капитал является ссудным капиталом чистейшей воды. Финансовый капитал в данном случае пользуется различием в национальных нормах процента. «Высота нормы прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического производства; отсюда следует, что высокий или низкий уровень процента в стране находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития, если только различие размера процента действительно выражает различие норм прибыли»[2]. Таким образом для ссудного капитала экспортирующей страны возникает сверхпроцент, причем следует однако иметь в виду то обстоятельство, что «мировой рынок, независимо от условий производства данной страны, оказывает гораздо большее непосредственное влияние на установление размера процента, чем то влияние, которое он оказывает на норму прибыли»[3].

Это отчасти объясняет то обстоятельство, что финансовый капитал пытался создавать международные консорциумы по отношению к Китаю с тем, чтобы своей монополией исключить конкуренцию и обеспечить себе и впредь сверхпроцент и безобразно высокие эмиссионные прибыли, комиссионные проценты и т. д.

* * *

Кроме вывоза капитала на военные и административные нужды, наиболее важную роль играют в вывозе капиталов в Китай железнодорожные займы. В другом месте мы уже приводили данные об иностранных капиталах, вложенных в китайские железные дороги.

---

[1] Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 183.

[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 344.

[3] Там же, с. 353.

Тов. Канторович в своей работе о Китае после чрезвычайно тщательного и добросовестного анализа весьма запутанных железнодорожных займов, приходит к следующему выводу относительно иностранных интересов на китайских железных дорогах.

Иностранные интересы на китайских железных дорогах.

	млн. долл.	В %%
СССР[1]	401	36,6
Япония	338	31,0
Англия	132	12,2
Франция	91	8,3
Германия	47	4,3
Бельгия	35	3,3
Америка	29	2,6
Голландия	19	1,7
Итого	**1092**	**100**

Он же утверждает, что всего железнодорожные займы и авансы, не погашенные на 31/XII 1928 г., составляют 369,8 млн. долларов.

«Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на своеобразие эпохи финансового капитала и монополий»[2]. Эти выгоды для финансового капитала заключались не только в огромных учредительских и эмиссионных прибылях, комиссионных, в полном контроле над дорогами, в сказочных прибылях, извлеченных из дорог, и т. д. Кроме того, почти всегда Китай обязывался заказывать железнодорожный материал в странах, которые предоставляли займы, и тем самым экспорт капитала стимулировал и экспорт товаров из этих же стран. К «выгодам» финансового капитала принадлежало и то, что сооружение одной мили железной дороги в Китае стоило в среднем 45 тыс. ам. долл., в то время, как эти же дороги могли бы быть построены и оборудованы за 20—30 тыс. ам. долл. за милю. Но во всяком случае ввоз иностранного капитала, поскольку он направлялся в железные дороги, чрезвычайно ускорил капиталистическое развитие страны: при всех кабальных условиях в этом смысле займы играли положительную роль.

[1] Разумеется, КВЖД и принципиально и фактически нельзя поставить на одну доску с прочими дорогами.

[2] Ленин. Империализм как новейший этап капитализма, с. 50.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

«Пока экспорт капитала в существенном служил тому, чтобы в отсталой стране, во-первых, создать систему транспорта и, во-вторых, развить промышленные отрасли, производящие средства потребления, он ускорял капиталистическое развитие этой страны. Конечно, и этот метод имел для нее свои невыгоды: наибольшая доля прибыли утекала заграницу, где она потреблялась как доход, не приводя, следовательно, к расширению промышленности страны-должника, или накоплялась как капитал...

...Совершенно невозможной делалась эта эмансипация (т.-е. национальная ассимиляция иностранного капитала), когда экспорт капитала изменил свой характер: капиталисты крупных хозяйственных территорий стараются создать в чужих странах не такие промышленные отрасли, которые производят средства потребления, а больше заботятся о том, чтобы обеспечить за собой господство над сырым материалом для своих все более вырастающих промышленных отраслей, производящих средства производства»[1].

Для подтверждения своего совершенно верного тезиса Гильфердинг приводит в качестве примера рудники и горные заводы на Пиренейском и Скандинавском полуостровах, находившиеся под контролем английского капитала. Английский и германский капитал отнимал у этих стран сырой материал для английской и германской промышленности, благодаря чему экономическое, политическое и финансовое развитие этих стран остановилось на низком уровне. Вряд ли существует страна, которая могла бы служить лучшей иллюстрацией для тезиса Гильфердинга, чем Китай.

Мы уже указали на то, как иностранный капитал подчинил себе важнейшие угольные предприятия Китая. Один из лучших знатоков этого вопроса, китаец В. Н. Ван, относительно 1924 г. приводит следующие данные о роли и значении иностранного капитала в угольной промышленности Китая:

	Инвестированный капитал млн. долл.	Годичная добыча угля млн. тонн
Китайские предприятия	50	7
Английские „	22	4
Японские „	27,5	4,5
Немецкие „	0,25	0,3

[1] Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 487. Разрядка наша—*М.*

Однако положение с 1924 г. резко изменилось. Увеличилась добыча на шахтах Пекинского синдиката. Кайланьские копи значительно расширились. Добыча на Кайланьских копях достигла в 1928/29 г. 4,6 млн. тонн. Английский капитал укрепил свои позиции в угольной промышленности Китая. Фушунские копи также значительно расширились. (В 1929 г. было добыто 7,5 млн. тонн [1]). Тем самым удельный вес иностранного капитала значительно вырос. Кроме того в 1928 г. японский капитал подчинил себе ряд китайских предприятий в Шаньдуне. Словом, удельный вес китайского капитала уменьшился. В 1929 г. иностранный капитал составлял уже 72% всех капиталовложений в угольной промышленности Китая против 54% в 1925 г. Доля же китайского капитала снизилась до 28% против 46% в 1925 г. При этом следует иметь в виду, что фушунский уголь в значительной мере вывозится в Японию, а кайланьский — в Японию, на Филиппинские острова и в Гонконг [2]. В то же время Китай вынужден ввозить уголь из других стран для снабжения шанхайской промышленности. Далее следует иметь в виду, что значительная часть внутренних провинций снабжается старомодными предприятиями, которые, якобы, добывают ежегодно 6 млн. тонн. Цифра эта совершенно произвольна.

Не безынтересно для характеристики роста удельного веса иностранного капитала и все возрастающего роста вывоза угля, привести пример фушуньских копей [3].

Вывоз угля из фушуньских копей
(в млн. тонн)

	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Продано в Манчжурии.	2,2	2,2	2,2	2,7	2,9	2,7	3,0
Из этого количества для ЮМЖД и для пароходов	1,5	1,4	1,6	1,7	1,7	1,6	1,8
Экспорт	0,7	1,0	1,0	1,9	2,4	2,7	3,4
Процент экспорта во всей добыче . . .	23,4	27,3	34,7	36,7	36,3	41,0	44,0

[1] Добыча угля на фушунских копях составляла в 1920 г. 3,2 млн. тонн в 1924 г. — 5,6 млн. тонн, в 1926 г. — 6,4 млн. тонн, в 1927 г. — 6,8 млн. в 1928 г.—7,3 млн. тонн и в 1929 г.—7,5 млн. тонн.

[2] «China Yearbook», 1925, с. 127.

[3] «Вестник Маньчжурии» № 4, 1928.

Японский капитал, как владелец важнейших угольных залежей, снабжает углем в первую голову свои предприятия и вывозить уголь из Манчжурии, причем в течение шести лет экспортированный уголь возрос с 23,4 до 44% всей добычи.

Еще более сильные позиции занимает японский капитал в железодобывающей промышленности Китая. Япония чрезвычайно бедна железной рудой, добыча ее в Японии относительно уменьшается, а вывоз из Кореи и Манчжурии растет. Японская металлуригя работает на иностранном сырье. Добыча железной руды в самой Японии в 1917 г. составляла 267 тыс. тонн, а в 1927 г.—159 тыс. тонн; ввоз из Кореи в 1917 г. выражался в 152 тыс. тонн, а в 1927 г. — в 422 тыс. тонн; ввоз из Маньчжурии в 1917 г. равнялся 103 тыс. тонн, а в 1927 г. — 630 тыс. тонн [1]. Поэтому Япония инвестирует капиталы в добычу железной руды на Малайских островах, ввозит чугун и железную руду из Индии и захватила почти все залежи железной руды и все более или менее важные доменные печи в Китае. Мы знаем уже, что Ханьепинский комбинат целиком подчинен японскому капиталу. Добыча руды в Сянпишань находится еще в китайских руках, но горные предприятия в Бао-Хин (Анхуй) получили заем в размере 2,5 млн. иен от China Japanese Industrial C° (Китайско-японская промышленная К°), причем железная руда вывозится в Японию на государственный завод Явато [2]. Рудники в Цзинлинцзян (Шаньдун) были захвачены японским капиталом в 1923 г., и в этом предприятии точно так же, как и в Аньшаньском и в Пенцзихуском, китайский капитал играет лишь роль ширмы. Вполне соответствует действительности утверждение о том что «Я п о н и я и з р а с х о д о в а л а 100 млн. и е н д л я т о г о, ч т о б ы п р и о б р е с т и ж е л е з н ы е р у д н и к и в К и т а е, и в р е з у л ь т а т е э т о г о 90% к и т а й с к о г о з а п а с а ж е л е з н о й р у д ы н а х о д и т с я п о д я п о н с к и м к о н т р о л е м» [3].

Такое положение вещей свидетельствует о том, что японский империализм является огромным препятствием для самостоятельного развития китайской экономии. Несомненно также, что японский империализм не откажется без решительной схватки от контроля над 90% железно-рудных запасов Китая. Это и объясняет лихорадочные японские попытки развивать добычу железной руды и выплавку чугуна в Манчжурии. В Аньшаньский завод Японией уже инвестировано 45,9 млн.

---

[1] «Far Eastern Rewiew» № 1, 1929, с. 19.
[2] «Far Eastern Review» № 1, 1929. с. 21
[3] «Far Eastern Review» № 11, 1928, с. 500.

иен. Завод этот принес за период с 1919 г. 26,7 млн. иен убытка; первая прибыль на нем получилась только в 1928 г. О развитии завода дают представление следующие данные:

Производство Аньшанского завода (в тыс. тонн).

	чугуна	кокса	смолы	аммониака
1919	31,6	73,1	3,2	—
1923	72,3	101,4	5,4	1,8
1926	162,5	217,1	8,3	3,2

А «убытки» завода покрываются из доходов ЮМЖД и Фушунских копей[1].

У нас нет прямых данных, что Хунаньские и Юньнаньские рудники или доменные печи захвачены уже иностранным капиталом. Но все же известно, что антимоний, олово, цинк, вольфрам вывозятся из страны. В этом смысле Китай является классическим примером того, как ввоз иностранного капитала может лишить страну даже предпосылок самостоятельного развития вывозя из нее сырье.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ЛЕГКОЙ ИНДУСТРИИ

Рассматривая вопрос о положении иностранного капитала в китайской л е г к о й и н д у с т р и и, нужно в первую очередь обратить внимание на текстильную промышленность. Приводим данные за период 1925—1927 гг.:

	Число фабрик			Число веретен в тыс.			Число ткацких станков		
	1925	1926	1927	1925	1926	1927	1925	1926	1927
Китайские . .	69	68	73	2 031	2 035	2 033	13 371	13 371	13 459
Японские . . .	45	45	42	1 332	1 347	1 302	7 205	8 398	13 381
Английские . .	4	4	4	205	205	205	2 348	2 348	2 348
Итого . .	118	117	119	3 568	3 587	3 540	22 924	24 057	29 788

[1] В 1919 г. было решено создать сталелитейный завод в Аньшане, который в 1931 г. уже должен перерабатывать весь аньшанский чугун в сталь.

	Число фабрик		Число веретен в тыс.		Число ткацких станков
	1928	На 1 янв. 1930	1928	На 1 янв. 1930	1928
Китайские	74	73	2 087	2 136	13 907
Японские	43	44	1 397	1 608	13 981
Английские . . .	3	3	153	153	1 900
Итого	**120**	**120**	**3 638**	**3 898**	**29 788**

Как видно из этой таблицы, за последние годы прядильные фабрики не развивались.

Ткацкие фабрики развивались, но развивались только японские фабрики. В 1928 г. положение в некоторой мере изменилось, ибо две английские фабрики перешли в японские, а одна в китайские руки. Зато в Шаньдуне ряд китайских фабрик перешел в японские руки или попал в финансовую зависимость от иностранных банков. Если рассматривать вопрос с точки зрения тенденции развития, то оказывается, что японская текстильная промышленность в Китае развивается быстрее, чем китайская. Если взять, например, Шанхай, то оказывается, что в 1917 г. в Шанхае было 12 китайских фабрик с 253 666 веретенами и 2 552 ткацкими станками. В 1927 г. в Шанхае было 24 китайских фабрики с 711 986 веретенами и 6 014 ткацких станков. В 1917 г. в Шанхае было 7 японских фабрик с 263 тыс. веретен, а в 1927 г. 30 японских фабрик с 948 268 веретенами. В то время как число веретен на китайских фабриках выросло на 180%, на японских фабриках оно выросло на 240%. Что же касается ткацкой промышленности, то достаточно указать, что в течение трех лет число ткацких станков на китайских фабриках не изменилось, а на японских фабриках оно возросло на 100%. При этом следует иметь ввиду, что японские фабрики прекрасно оборудованы, на них новейшие машины, а на китайских фабриках оборудование часто весьма отсталое. «Китайские текстильные фабрики обыкновенно небольшого размера с 20 тыс. веретен и 200 ткацких станков. В 1921 г. один богатый шанхайский купец попытался организовать крупную фабрику с 110 тыс. веретен, но попытка потерпела банкротство. Недавно универсальный магазин Винг Он организовал фабрику с 130 тыс. веретен и 1 500 ткацких станков... Вообще новейшие японские машины начинают вытес-

нять старые машины»[1]. Но все же японские фабрики бьют китайские не только своим размером, своим оборудованием и своей техникой. Кроме того японские фабрики располагают следующими преимуществами»: 1) японские фабрики получают займы по значительно более низким процентам; 2) имея достаточно капиталов, японские фабрики могут держать большие запасы хлопка и вообще покупать хлопок по наиболее выгодным ценам; 3) японские фабрики имеют технически лучше обученных рабочих, 4) японские фабрики не платят ликина по перевозке хлопка, а платят только 2,5% со стоимости хлопка и 5) японские пароходные общества предоставляют японским фабрикам тоннаж по более низкому тарифу»[2].

В остальных отраслях легкой и перерабатывающей индустрии китайские предприятия по своему количеству далеко превосходят иностранные. Но по основному капиталу и продукции они отстают от иностранных. Вот несколько сравнительных данных:

В Китае имеются 183 китайских и 10 иностранных спичечных фабрик. Но в то время, как великое множество китайских фабрик имеет основной капитал в среднем в 15—20 тыс. долл., основной капитал японских фабрик превышает 200 тыс. иен.

В Китае имеются 38 китайских альбуминных предприятий и 4 американских, 1 английское и 6 японских причем несколько иностранных предприятий перерабатывают больше яиц, чем все китайские вместе взятые.

Цементных заводов насчитывается 43 китайских и 32 иностранных, но китайские предприятия относительно небольшие, в то время, как только в Таншане на 4 английских заводах Кайланьских копей нормально занято 4 тыс. рабочих, а Дайренские цементные японские заводы принадлежат к крупнейшим в Азии вообще.

В остальных отраслях производства соотношение между числом китайских и иностранных заводов слагается следующим образом: химические заводы — 20 китайских и 11 иностранных; мельницы — 111 китайских и 18 иностранных; стеклянные заводы — 48 китайских и 6 японских; кожевенные заводы — 45 китайских и 3 японских; маслобойные заводы — 141 китайских и 15 японских; сахарные заводы — 14 китайских и 10 иностранных; чайные мануфактуры — 10 китайских и 5 русских и т. д. и т. д. При этом почти во всех отраслях промышленно-

[1] «China Weeckly Review» № 10, 1928, с. 98.
[2] «China Econ. Journal» № 5, 1928, с. 917.

сти иностранные предприятия являются наиболее крупными, наилучше оборудованными, наиболее обеспеченными капиталами. В то же время кризис китайской промышленности привел к тому, что многие китайские национальные предприятия, сохраняя свою формальную независимость, попали в финансовую зависимость от иностранных банков. Нередки случаи, когда предприятие считается еще китайским, но оно уже целиком находится в руках японских капиталистов, которые, однако, предпочитают сохранить на случай всяких бойкотов китайскую фирму. Нередки также случаи, когда мелкая китайская фабрика продает под своей маркой продукцию иностранной фабрики.

НОРМЫ ПРОЦЕНТА В КИТАЕ

В этой же связи возникает чрезвычайно важный, одинаково интересный с теоретической и практической точки зрения вопрос.

Мы уже указали на то, что японские текстильные фабрики получают кредит по более низким процентам, чем китайские. Подобное явление наблюдается во всех областях экономической деятельности. В связи с этим возникает вопрос: *существует ли в Китае норма процента и если да, то какая?*

Нам кажется, что правильный ответ на этот вопрос заключается в следующем: *в Китае уже существует норма, процента, но не одна норма процента, а целый ряд.*

В этом заключается одна из особенностей экономики колониальных и полуколониальных стран вообще и китайской экономики в частности.

Разумеется, даже в наиболее развитых капиталистических странах существуют одновременно различные нормы процента. В Англии, США или Германии существуют одновременно различные нормы процента для банковых вкладов и ссуд, для промышленных и торговых займов. Крупные предприятия с большой кредитоспособностью получают ссуды по более низкому проценту от крупных банков, чем предприятия или частные лица с меньшей кредитоспособностью от мелких банков. Как раз в 1929 г. в США процент по биржевым займам (Call money) достиг 18—20 в то время, как учетная ставка Федерального банка не превышала 6%. Но колебания процента по разным видам займов в развитых капиталистических странах от средней нормы процента происходят в определенных,

весьма узких рамках. В Китае различия в норме процента настолько значительны, что количество переходит в качество.

1) Существует одна норма процента во взаимоотношениях иностранных банков с иностранными же фирмами, причем обыкновенно это норма процента соответствует национальной норме процента данной страны или несколько выше ее. Английские, японские, американские и т. п. банки устанавливают свои нормы процентов по отношению к английским, японским и американским фирмам в соответствии с движением нормы процента в Англии, Японии, США и т. д.

2) Совершенно другие нормы процента существуют во взаимоотношениях иностранных банков с китайскими фирмами. Как общее правило, китайские фирмы могут получить кредит в иностранных банках только при посредстве и через компрадора. Для этих китайских фирм норма процента гораздо выше, чем для иностранных, но все же несколько ниже, чем норма процента китайских банков (За последнее время ряд крупнейших и наиболее известных китайских фирм уже нашел непосредственный доступ к иностранным банкам, и для них норма процента все более и более приближается к иностранной норме).

3) Совершенно другие нормы процента существуют у китайских банков для китайских капиталистических предпринимателей. Здесь уже устанавливается «китайская» норма процента. Если иностранная норма колеблется от 4 до 8%, то китайская даже для капиталистических предпринимателей колеблется от 9 до 24%.

4) Наконец, не существует никакой нормы процента для ремесленника и крестьянина и вообще для мелких производителей. В этой области неограниченно господствует еще ростовщичество, а между тем подавляющее большинство городского и деревенского населения состоит именно из мелких производителей.

Различие нормы процента приводит к тому, что китайский промышленник, китайский капиталистический предприниматель, поскольку он работает с ссудным капиталом, отчисляет относительно гораздо большую часть из прибыли в качестве процента и удерживает гораздо меньшую часть в качестве предпринимательского дохода, чем иностранный капиталист. Таким образом даже при одинаковых нормах прибыли накопление иностранного капитала, действующего в промышленности, происходит быстрее, чем накопление китайского капи-

тала. Это и объясняет огромную роль, значение и влияние иностранных банков.

Ссудный капитал, так сказать, помнит еще свое ростовщическое прошлое и получает совершенно непропорционально большую долю из прибыли.

МОНОПОЛИИ В КИТАЕ

Монополистические организации финансового капитала создаются прежде всего в странах, где капитализм уже перезрел, или в странах, где он еще не дозрел. В Китае мы видим целый ряд таких монополистических отношений.

Одна из наиболее значительных монополистических организаций в Китае — Южно-Маньчжурская железная дорога. Кроме железнодорожных линий, ЮМЖД располагает огромными кладовыми, железнодорожными мастерскими, одним из крупнейших во всей Азии паровозным заводом в Дайрене, флотилией, гаванями в Дайрене, Порт-Артуре, Инкоу и Аньдуне, собственным доком в Шанхае, угольными шахтами в Фушуне, Яндай и т. д., электрическими установками и газовыми заводами в Дайрене, Мукдене, Чанчуне и Аньдуне, гостиницами в целом ряде городов, строительными участками в 55—60 тыс. акров земли, зданиями, госпиталями в 30 городах, школами, опытными станциями, лабораториями, образцовой шелкопрядильней, ткацкой фабрикой, красильной мануфактурой, химическими заводами, маслобойнями, пивоваренным заводом, образцовыми хозяйствами, опытными сельскохозяйственными станциями, железными рудниками, доменными печами, заводами для сланцевой нефти, содовыми заводами, лесопильными заводами. Если учесть, что почти все эти предприятия находятся в полосе отчуждения на арендованной территории или на концессиях, что за ЮМЖД стоит все военное могущество Японии, то станет ясным, что ЮМЖД представляет собой государство в государстве. Ежегодный бюджет этого «государства» составляет 247 млн. иен доходов, 211 млн. расходов и 36 млн. чистой прибыли, т. е. больше, чем бюджет всех трех манчжурских провинций вместе взятых. Если принять еще во внимание, что властители Манчжурии обязались не строить конкурирующих линий, что тарифы на ЮМЖД в полтора раза выше, чем на собственно-китайских железных дорогах, что ЮМЖД налогов не платит, китайским властям не подчиняется, то станет ясным, какую огромную политическую и экономическую силу представляет собой эта монополия по отношению к раз-

розненным крестьянским хозяйствам, к китайским рабочим и пожалуй даже к китайским капиталистам.

Приводим некоторые данные о развитии ЮМЖД. Число пассажиров в 1907 г. составляло 1,5 млн., в 1917 г.—5,8 млн., в 1926 г. — 8,2 млн. Количество перевезенного груза в 1907 г. — 1,4 млн. тонн, в 1917 г.—7,3 млн. тонн, в 1926 г.—11,5 млн. тонн. Чистая прибыль в 1907 г.—3,6, в 1912 г.—4,9, в 1917 г.—23,6, в 1926 г.—34 млн. иен.

Чрезвычайно интересный тип колониальной монополии представляет английская фирма Жардин, Матисон и К°. Это фирма имеет целый флот на китайских водах. Она владеет текстильной фабрикой в Шанхае, участвует в ряде сахаро-рафинадных заводов в Гонконге. Она является одним из крупнейших акционеров Гонконг-Шанхайского банка. Она же входит крупным акционером в Британско-Американскую табачную компанию. Она же владеет крупнейшими магазинами в Шанхае и кроме того является единственной представительницей 72-х крупнейших английских и американских фирм и имеет отделения в 18 важнейших городах Китая. Она уже управляет Шанхай-Нанкинской железной дорогой.

Другая крупная английская пароходная компания — Бэтрфильд и Свайр также располагает рядом промышленных предприятий и участвует в банках.

Крупнейшей монополистической организацией является также Британско-Американская табачная компания, имеющая свои фабрики в Англии, Америке, Китае, Корее и т. д. (в 1929 г. этот трест-гигант объединился еще с другими табачными трестами). В Шанхае, Гонконге, Ханькоу, Мукдене и т. д. компания имеет огромные фабрики (в Шанхае на одной фабрике занято 8—9 тыс. рабочих, ежегодная прибыль компании—около 60 млн. руб. в среднем). С этим гигантом вынуждено конкурировать великое множество китайских фирм во главе с одним из крупнейших китайских предприятий — Наньян Братьев. (Эта китайская фирма имеет фабрики и отделения не только в самом Китае, но и в странах китайской эмиграции. Она было создана в 1906 г. с основным капиталом в 100 тыс. долл. В 1915 г. она имела уже в Китае четыре фабрики В 1918 г. основной капитал фирмы достиг 7 млн., а в 1919 г.—15 млн. долл. Прибыли компании: в 1920 г.—4,8 млн., в 1921—4,04 млн., в 1922 г.—4,08 млн., в 1923 г.—3,09 млн., в 1924 г.,—479 тыс. в 1925 г.—1,2 млн., в 1926 г.—2,3 млн., в 1927 г.—2,8 млн. долл. Большую часть сырья компания ввозит из Америки. Как мы уже указали, кризис 1929—30 гг. привел к краху этого предприятия).

Крупнейшими монополистическими организациями являются и японские текстильные фабрики в Китае. По сути дела все японские текстильные фабрики находятся в руках четырех акционерных обществ, объединенных в Ассоциацию японских текстильных фабрикантов. В области закупки сырья в Соединенных Штатах, Индии и Китае, в области тарифных соглашений с пароходными компаниями, в смысле урегулирования продукции, в отношении к рабочим эти фирмы всегда выступают сообща, причем японские пароходные общества, банки и дипломатия всячески поддерживают эти гигантские предприятия, на которых только в Шанхае занято 60—70 тысяч рабочих.

Для периода империализма характерен также раздел мира между союзами капиталистов, ибо «по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело естественно подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей» (Ленин). И в этом отношении Китай является хорошим примером. Страна разделена на сферы влияния между Стандард Ойль и К°, и Эжиэтик Петролеум К°. Начиная с 1922 г. всякая конкуренция между обоими трестами прекращена, и даже нефтяная война последних лет не взорвала это соглашение. Оба треста имеют целые речные флотилии для перевозки керосина и превосходные товаропроводящие организации. А Стандард Ойль имеет к тому еще большую фабрику в Шанхае, где изготовляются лампы. Было время, когда эти лампы раздавались даром, в целях распространения керосина в Китае; но теперь уже американская фабрика конкурирует с одной японской и одной китайской фабрикой, и все они вместе взятые вытесняют старомодные китайские лампы [1].

Однако, когда мы рассматриваем вопрос о монополиях в колониальных и полуколониальных странах вообще и в Китае в частности, мы не должны забывать об одной своеобразной форме монополистических образований, весьма типичных и характерных для колониальных стран. Мы имеем в виду так называемые «управляющие агентства».

«Эта система является весьма важной чертой в коммерческой организации на Востоке. Ее главная характерная черта заключается в том, что управление делами предприятий, работающих в восточных странах поручается не отдельным лицам, состоящим на службе у этих предприятий, а крупным фирмам,

[1] «China Econ. Bulletten» № 2. 1928.

которые уже занимаются производством или торговлей в соответствующих странах. Предприятия, как правило, зарегистрированы в Европе, где они обыкновенно выпускают и свои акции... Эти предприятия заключают договор с одним из управляющих агентств в данной колониальной стране, а в силу этого договора управляющее агентство берет на себя руководство торговым или промышленным предприятием или плантацией. Фирмы, которые берут на себя функции управляющих агентств, обыкновенно сами также занимаются торговлею в мировом масштабе, на собственный счет. Они обыкновенно не занимаются только одной специальной отраслью торговли, а всеми видами экспортной и импортной торговли. Они же являются управляющими агентствами для целого ряда различных отраслей промышленного производства. Они управляют каучуковыми, чайными и кофейными плантациями, оловянными рудниками и другими горными предприятиями, текстильными и другими фабриками... В добавление к этому, управляющие агентства предоставляют авансы предприятиям, снабжают их машинами, оборудованием, сырьем и всякими материалами[1].

Эти управляющие агентства по сути дела являются своего рода монополистическими образованиями по поручению акционерных обществ метрополии. Они играют огромную роль в Индии, на Цейлоне, в Малайских Штатах, Индонезии и значительную роль в Китае. Их роль и значение с точки зрения монополии заключается в том, что они объединяют в монополистические образования ряд предприятий империалистических метрополий по отношению к колониальному рынку даже в том случае, когда эти же самые предприятия в империалистических странах ведут между собой конкурентную борьбу. Свободная конкуренция этих фирм в метрополиях сочетается с монополистическим грабежом в колониях. В Китае Жардин, Матисон и К° является наиболее крупным управляющим агентством. А как известно эта фирма теснейшим образом связана с Гонконг-Шанхайским Банком. И в борьбе за колониальные рынки США теперь уже дошли до сознания всей важности этих управляющих агентств и в США все чаще раздаются голоса о необходимости создания американских управляющих агентств на подобие английских и голландских. В то же время эти управляющие агентства являются блестящей иллюстрацией для

---

[1] Anstey. «The Trade of of the Indian Ocean». London. 1929. с. 134—125.

ленинского тезиса о загнивании и паразитизма империализма. Буржуазия метрополии совершенно отходит ото всяких организаторских функций в колониях и передоверяет их управляющим агентствам.

Огромное значение этих управляющих агентств заключается еще и в том, что туземный национальный капитал, туземные национальные акционерные общества, туземные национальные предприниматели передоверяют управление своими предприятиями иностранным управляющим агентствам. Несмотря на вопли и жалобы индийской буржуазии о злоупотреблении управляющих агентств, в Индии значительная часть индийских текстильных фабрик и почти вся джутовая промышленность находится под контролем английских управляющих агентств, хотя в области текстильной промышленности имеются уже индийские управляющие агентства. В Китае эта система менее распространена чем в Индии, но и там играет еще значительную роль.

Однако монополистические образования создают не только иностранный капитал и не только иностранный банковый капитал сращивается с промышленным. Китайский банковый капитал находится еще в младенческом возрасте в сравнении с иностранным, но мы уже можем наблюдать процесс его сращивания с промышленным. «Банк Путей Сообщения» теснейшим образом связан с железными дорогами Северного Китая и с горной промышленностью Шаньси. «Чжэчзянский Промышленный Банк» имел весьма крепкие позиции в китайской текстильной и шелковой промышленности в Цзянсу и Чжэчзяне. А что же касается монополистических образований, мы видали, что уже на заре развития китайской промышленности возникали вертикальные концерны, объединявшие уголь, пароходство, металлургию, текстильную промышленность и банки. Однако, нам кажется, было бы неправильно поставить знак равенства между этими монополиями, возникшими часто в результате вмешательства государства и между монополистическими образованиями периода империализма в развитых капиталистических странах. Монополии возникают в период незрелого и перезрелого капитализма. Ведь Маркс отмечает, что в период первоначального накопления капитала «Geselschaften Monopolia» (общества — монополии по выражению Лютера) были мощными рычагами концентрации капитала»[1] монополии существовали и на первых этапах развития капитализма. «В современной экономической жизни вы находите не только конкуренцию и моно-

---

[1] Маркс: «Капитал», т. I стр. 746.

полию, но и их синтез, который представляет собой не ф о р м у л у, а д в и ж е н и е» писал Маркс в 1868 г. Анненкову. Но на это же указал он уже в 1846 г. «Нищета Философии»[1]. Но эти монополии принципиально отличаются от монополии периода империализма точно так же, как период первоначального накопления отличается от периода империализма. И нам кажется, что именно создание общества монополии периода первоначального накопления является одной из важнейших черт китайского милитаризма. Мукденская клика во главе с Чжан Цзо Лином и впоследствие во главе Чжан Сюэ Ляном контролирует непосредственно или через Провинциальный Банк под верховной командой японского империализма не только торговлю соевыми бобами, не только арсенал, не только большинство железных дорог Мукденской провинции, но участвует почти во всех более или менее крупных промышленных предприятиях, при чем контроль и участие осуществляются часто внеэкономическим путем. Подобное же положение мы наблюдаем в Гиринской и Хайлуцзянской провинциях. В провинции Юньнань милитаристы захватили не только монополию на соль, опиум, но в значительной мере контролирует и продажу олова. Ян Си шан является не только крупнейшим банкиром и землевладельцем Шанси, но в то же время и крупнейшим промышленником. Фын Юй Сян, Тан Шен Чжи, Ли Цзи Син и прочие милитаристы являлись также крупнейшими предпринимателями «своих» провинций, при чем они использовали свою политическую власть для создания разного рода монополий в свою пользу. Чжецзянская клика Чжан Кай Ши в немного более современных формах действует в Цзянсу и Чжецзяни.

Итак в Китае мы видим сочетание и сосуществование двух видов монополий.

Китайские трудящиеся массы ограбляются крупнейшими монополистическими объединениями периода империализма и обществами — монополиями периода первоначального накопления.

НОРМА ПРИБЫЛИ В КИТАЕ

(К вопросу о сверхприбыли)

Прежде, чем перейти к разбору конкретного вопроса о норме прибыли в Китае, необходимо разобрать вопрос об источниках сверхприбыли в колониальных, полуколониальных

[1] М а р к с: «Нищета философии». 1928. «Библиотека марксиста» стр. 177.

и отсталых странах вообще. Если внимательно изучать Маркса, то оказывается, что уже Маркс указал почти на все основные источники сверхприбыли.

Одним из важнейших источников сверхприбыли Маркс считал внешнюю торговлю.

«Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю,—пишет Маркс, — могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь идет конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что более передовая страна продает свои товары выше их стоимости, хотя дешевле конкурирующих стран. Поскольку труд более передовой страны оценивается при этом как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. То же самое может иметь место по отношению к той стране, в которую отправляются товары и из которой получаются товары; именно такая страна отдает овеществленного труда in natura более, чем получает, и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы их сама производить»[1].

Однако уже Маркс указал на вывоз капитала, как на источник сверхприбыли: «С другой стороны, что касается капиталов, вложенных в колониях и т. д. то они могут давать более высокие нормы прибыли, так как там вследствие более низкого развития норма прибыли вообще стоит выше, а при условии применения рабов, кули и т. п. стоит выше и эксплоатация труда. Трудно было бы понять, почему бы такие более высокие нормы прибыли, которые, таким образом, приносят и доставляют на родину капиталы, вложенные в известные отрасли, почему бы здесь эти нормы прибыли, если только этому не противодействует монополия, не имели влияния при уравнивании общей нормы прибыли и, следовательно, pro tanto не повышали ее. В особенности трудно было бы понять это, если отрасли, в которые вложен капитал, подчинены законам свободной конкуренции... Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает больше труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот излишек, как вообще при обмене между трудом и капиталом, присваивается известным классом. Следовательно, поскольку норма прибыли выше, потому что она вообще выше в колониальной стране, это при благоприятных

[1] Маркс, Капитал, т. III, с. 218.

естественных условиях может итти руку об руку с низкими товарными ценами»[1].

Совершенно правильно отмечает тов. Бухарин: «Здесь Маркс дает теоретическое объяснение сверхприбыли, исходя из теории трудовой ценности. Дополнительная прибыль представляется с этой точки зрения в своей основе превышением общественной ценности продукта (причем под «обществом» разумеется весь мировой капитализм, как единое целое) над индивидуальной ценностью продукта (причем под «индивидуумом» в данном случае разумеется «национальное хозяйство»)[2].

В другом месте Маркс формулирует эту мысль следующим образом: «если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли[3].

Эта формулировка Маркса с полной ясностью отвергает теорию Розы Люксембург. Капитал вывозится не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны, а потому что он может найти более высокую норму прибыли за границей.

Таким образом, сверхприбыль и в случае вывоза товара и в случае вывоза капитала обусловливается и определяется уровнем органического состава капитала в разных странах. Высокий органический состав капитала в развитых странах обусловливает низкую норму прибыли, а низкий органический состав капитала в отсталых странах обусловливает высокую норму прибыли.

Однако, вывоз капитала и вывоз товаров дают сверхприбыль не только прямо, но и косвенно. *Внешняя торговля оказывает влияние на цены на сырье и продовольственные продукты, тем самым на издержки производства, а следовательно, и на норму прибыли.* Маркс формулирует эту мысль следующим образом:

«При прочих равных условиях норма прибыли повышается или понижается, как мы видим, в направлении обратном по сравнению с движением цены сырого материала. Отсюда видно, между прочим, насколько важны для промышленных стран

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 218—219.
[2] Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, с. 75.
[3] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 237—238.

низкие цены сырого материала даже при том предположении, что колебание цен на сырые материалы не сопровождается изменениями сферы сбыта продукта, т. е. совершенно не связано с соотношением спроса и предложения. Отсюда следует далее, что внешняя торговля влияет на норму прибыли, даже независимо от всякого воздействия ее на заработную плату путем удешевления необходимых средств существования. А именно, она влияет на цены сырых и вспомогательных материалов, применяемых в промышленности или земледелии...

Легко понять поэтому, какую крупную важность для промышленности представляет уничтожение или понижение пошлин на сырые материалы; свободный по возможности ввоз, этих последних был поэтому основным положением рационально построенной покровительственной системы. Наряду с устранением пошлин на хлеб это было центральным пунктом для английских фритрэдеров, которые особенно заботились об уничтожении пошлин и на хлопок»[1].

Однако, этим еще не исчерпывается источники сверхприбыли. *Различие в общественном строе, различие в способах производства также могут служить источниками сверхприбыли, причем в этом отношении огромную роль играет аграрный строй страны.* Маркс об этом пишет следующее:

«Средняя прибыль и регулируемая ею цена производства образуются вне отношений деревни, в сфере городской торговли и мануфактуры. Прибыль крестьянина, уплачивающего ренту, не принимает участия в уравнении прибылей, потому что его отношение к земельному собственнику не есть капиталистическое отношение. Поскольку он получает прибыль, т. е. реализует — собственным ли трудом или эксплоатацией чужого труда, — избыток над необходимыми средствами своего существования, это совершается вне нормального *отношения*, и *при прочих* равных условиях, не высота этой прибыли определяет ренту, а, наоборот, сама она определяется рентой, как своей границей. *Высокая норма прибыли в средние века обязана своей высотой не только низкому составу капитала, в котором преобладает переменный, затрачиваемый на заработную плату элемент. Она обязана своей высотой оказываемому на деревню*

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 83.

гнету, присвоению части ренты земельного собственника и дохода его вассалов» [1].

На это чрезвычайно важное обстоятельство указал также Энгельс. Он считал, что не только аграрный строй вообще, но даже податная система может оказать влияние на цены на с. х. продукты и тем самым и на норму прибыли:

«Трансатлантические пароходы, а также северо- и южноамериканские и индийские железные дороги дали возможность конкурировать на европейских хлебных рынках совершенно особенным странам. Это были, с одной стороны, северо-американские прерии, аргентинские пампасы, степи, уже от природы пригодные для обработки плугом, девственная почва, которая долгие годы давала богатые урожаи даже при примитивной культуре и без удобрения С другой стороны, это были земли русских и индийских коммунистических общин, которые должны продавать часть своего продукта, при том все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, к уплате которых вынуждал их, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства. Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег» [2].

Разумеется, цены на с.-х. продукты — составляют ли эти продукты сырье или продовольствие — влияют в свою очередь на норму прибыли.

В отсталых странах огромную роль играет купеческий капитал. «Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимости, есть торговый капитал, а та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, обслуживающая процесс воспроизводства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой соответственной части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала, как соответственной части всего капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства» [3].

---

[1] Маркс, Капитал, т. III. ч. II, с. 337. Разрядка наша. *М.*
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. II, с. 262.
[3] Маркс. Капитал, т. III, ч. I, с. 270.

Но из этого же вытекает, что торговый капитал также может получить сверхприбыль.

«Пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит. Помимо того, что торговый капитал утилизирует разницу между ценами производства различных стран (и в этом отношении он оказывает влияние на уравнение и установление товарных стоимостей), указанные способы производства приводят к тому, что купеческий капитал присваивает себе подавляющую долю прибавочного продукта, — отчасти в качестве посредника между обществами, производство которых в существенном еще имеет в виду потребительную стоимость и для экономической организации которых продажа части продуктов, вообще поступающей в обращение, следовательно, вообще продажа продуктов по их стоимости имеет второстепенное значение; отчасти потому, что при указанных прежних способах производства главные владельцы прибавочного продукта, с которыми имеет дело купец, — рабовладелец, феодальный сеньор, государство (напр. в лице восточного деспота) — являются представителями потребляющего богатства, которому расставляет сети купец, как это правильно почуял по отношению к феодальному времени уже А. Смит в приведенной цитате. Итак, торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильническим грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.» [1].

Нам кажется, что ошибки Розы Люксембург и ее последователей, с одной стороны, и ошибки сторонников теории деколонизации, с другой, вытекают, между прочим, из непонимания этих двух последних источников сверхприбыли. Люксембург считала, что капитал в колониях действует в основном теми же способами, что и в классических странах капитализма. Отсюда — схема Люксембург относительно действия капитала в колониях и полуколониальных странах: превращение земли в частную собственность, превращение натурального хозяйства в денежное, превращение третьих лиц (крестьян и ремесленников) в пролетариев. Люксембург при этом не учиты-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 314—315.

вает, что феодальный гнет, докапиталистические аграрные отношения, деспотическая податная система, остатки рабовладельческих отношений, принудительный труд, контрактная работа, принудительные культуры, принудительная контрактация и прочие отношения, глубоко проникнутые моментами внеэкономического принуждения, могут стать и конкретно-исторически становились и становятся источниками сверхприбыли для капитала. А без понимания этого факта нельзя понять конкретно-историческую политику, конкретно-историческую расстановку классовых сил в колониальных и полуколониальных странах. Именно ввиду того, что докапиталистические пережитки в аграрном строе, именно в виду того, что купеческий обсчет, обман и обмер в колониях могут стать и стали источниками сверхприбыли для капитала, создался блок между помещиками колоний и иностранным капиталом, между торгово-ростовщическим капиталом отсталых стран и империализмом. Именно в этой области империализм создал чудовищное противоречие между потребностями капиталистического развития, приведшего к снижению нормы прибыли, и противодействующими снижению нормы прибыли тенденциями, требующими сохранения докапиталистических отношений.

Одним из источников сверхприбыли является также различие норм прибавочной стоимости в различных странах, т. е. национальные различия в степени эксплоатации труда. А чтобы уяснить этот вопрос, «сначала пришлось бы рассмотреть различие национальных норм прибавочной стоимости, а затем, на основе этих данных, норм прибавочной стоимости, сравнить различные национальные нормы прибыли» [1]. Это указание Маркса приводит нас к вопросу о законе заработной платы и о его изменении в отсталых странах. Поскольку стоимость производства и воспроизводства рабочей силы обусловливается рядом исторических и даже моральных причин, поскольку на стоимость производства и воспроизводства рабочей силы влияют: развитие производительных сил данной страны, производительность общественного труда, уменье и ловкость рабочих данной страны; поскольку на стоимость рабочей силы влияет сокращение или увеличение промышленной резервной армии, само собою разумеется, что заработная плата в отсталых странах ниже, чем в передовых капиталистических странах. Добавочная эксплоатация коло-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 120.

ниального рабочего становится таким образом источником сверхприбыли для капитала. При этом следует иметь в виду, что, если в развитых капиталистических странах заработная плата включает в себя не только стоимость воспроизводства, но также производства рабочей силы, т. е. содержание не только рабочего, но также его семьи, то в отсталых странах разорение крестьянства и ремесленников создает настолько большую промышленную резервную армию, что капитал вынужден заботиться о воспроизводстве рабочей силы лишь в ничтожнейшей мере. Различие в уменьи рабочих с избытком восполняется высокой нормой абсолютной прибавочной стоимости в смысле удлинения рабочего дня и чрезвычайно высокой степенью изнашивания рабочей силы. «Здесь следует упомянуть также о массовом применении женского и детского труда, потому что при этом вся семья должна доставлять капиталу бóльшую массу прибавочного труда, чем прежде, даже если возрастает общая сумма заработной платы, получаемой этой семьей, хотя подобный случай отнюдь не представляет общего явления» [1]. Итак, повышение степени эксплоатации труда, с одной стороны, и понижение заработной платы ниже ее стоимости, с другой, действуют в колониальных странах как причины, противодействующие тенденции к снижению нормы прибыли, сильнее, чем в передовых странах, где ряд исторических и моральных причин все же мешают действию этих причин или ограничивают их действие.

К этой же категории источников сверхприбыли следует отнести и относительное перенаселение. Вот что пишет об этом Маркс: «Относительное перенаселение тем более заметно обнаруживается в известной стране, чем более развит в ней капиталистический способ производства. В свою очередь оно является причиной того, что, с одной стороны, во многих отраслях производства продолжает существовать более или менее неполное подчинение труда капиталу — и при том продолжает существовать дольше, чем это на первый взгляд соответствует общему уровню развития; это — следствие дешевизны и чрезмерного количества имеющихся в распоряжении или уволенных наемных рабочих, а также более упорного сопротивления, которое в известных отраслях производства, в зависимости от их природы, встречает превращение ручного труда в машинный. С другой стороны, открываются новые отрасли производства, особенно предметов роскоши, отрасли,

[1] Маркс. Капитал, т. III, ч. I, с. 213.

базисом для которых служит именно такое относительное население, зачастую освобождающееся вследствие преобладания постоянного капитала в других отраслях производства; отрасли, производящие предметы роскоши, напротив, основываются на преобладании в них элемента живого труда и лишь постепенно проходят тот же самый путь развития, как и другие отрасли производства. В обоих случаях переменный капитал составляет значительную долю всего капитала, а заработная плата стоит ниже средней, так что в этих отраслях производства норма прибавочной стоимости и масса прибавочной стоимости необычайно высоки. А так как общая норма прибыли образуется вследствие уравнения норм прибыли особых отраслей производства, то та же причина, которая порождает тенденцию нормы прибыли к понижению, вызывает здесь противодействие этой тенденции, более или менее парализующее ее влияние» [1].

Рассматривая конкретную экономику Китая, мы получаем блестящее подтверждение этого тезиса Маркса. Упорное сопротивление ряда отраслей ремесленного производства, существование огромного количества мануфактур и ремесленных мастерских в отраслях производства, производящих предметы роскоши, судьба шелковой промышленности в Китае и т. д. служат иллюстрацией к этому тезису.

Нам кажется, что к источникам сверхприбыли следует отнести с известными оговорками и земельную ренту, абсолютную и в особенности диференциальную, получаемые империалистическими странами в колониальных. Мы имеем в виду следующее: в ряде колониальных стран империализм захватывает лучшие земли и раздает эти земли спекулянтам, капиталистам, авантюристам, генералам, чиновникам, политическим деятелям империалистических стран. Французские колонии в Северной Африке, Индо-Китай, английские колонии в Центральной, Западной и Южной Африке, в Полинезии, на Малайских островах, американские колонии и полуколонии, Филиппины, Куба, голландские колонии — Ява и Суматра, бельгийские колонии — Конго, представляют наиболее яркие примеры в этом отношении. Захваченные империалистами земли в этих странах раздаются совершенно бесплатно или же за номинальную ренту капиталистами империалистических метрополий. Поскольку на этих землях продолжается старый способ производства, земельные собственники получают разные виды до-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 217. Разрядка наша.

капиталистической ренты. Но поскольку на этих землях создается крупное хозяйство с применением капитала, поскольку там создаются крупные плантации, постольку издержки земледельческого производства на этих землях снижаются на сумму, соответствующую ренте в капиталистических странах. Поскольку эти продукты реализуются на мировом рынке, то, конечно, расположение этих участков часто следует считать неблагоприятным, большие издержки транспорта следует вычесть из общей суммы снижения издержек производства. Но в общем и целом грабеж земель в колониях делает возможным для капиталистов империалистических метрополий применять весь свой капитал к земледельческому производству, не отвлекая части капитала на покупку земли или на ренту. В конечном итоге отсутствие ренты или наличие номинальной ренты реализуется как сверхприбыль этих капиталистов, хотя рента, как экономическая категория, отличается от прибыли.

В этом отношении огромное значение имеет в ряде колониальных стран диференциальная рента. Земли, на которых в силу почвенных и климатических условий можно развести чай, каучук, хлопок, сахарный тростник, перец, хинин, кофе, какао, джут и т. д. относительно ограничены. Разведение этих культур дает высокую диференциальную ренту при реализации продуктов на мировом рынке. Но поскольку как раз эти земли захватываются империалистами, как раз эти земли раздаются даром или за номинальную ренту капиталистам империалистических метрополий, диференциальная рента в конечном итоге реализуется как сверхприбыль.

То же самое относится к горным предприятиям в колониальных странах. Ввиду того, что горные богатства — залежи, недра — раздаются капиталистам за бесценок или за номинальную ренту, эти капиталисты горную ренту могут реализовать в конечном итоге в качестве сверхприбыли.

Если еще учесть, что как раз на крупных сельскохозяйственных производствах, на плантациях и горных предприятиях применяются в колониях рабы и полурабы, принудительный и контрактный труд, то становится понятным, почему именно в эти отрасли производства устремляется иностранный капитал.

Одним из немаловажных источников сверхприбыли в колониальных странах является и чрезмерная диспропорция в развитии сельского хозяйства и промышленности. Сельское хозяйство в смысле органического состава капитала отстает от

промышленности даже в наиболее развитых капиталистических странах, несмотря на развитие сельского хозяйства. В колониальных странах крупные промышленные производства по органическому составу своего капитала приближаются к производствам империалистических стран, хотя низкая заработная плата в отсталых странах задерживает развитие техники. А сельское хозяйство чрезмерно отстает от развития промышленности. Тем самым обмен между промышленностью и сельским хозяйством становится чрезмерно неэквивалентным.

Наконец, по мере распространения акционерных обществ в колониях, все большую роль играет в качестве источника сверхприбылей учредительская прибыль. «Разница между капиталом, который дает среднюю норму прибыли, и капиталом, который приносит средний процент, именно эта разница и выступает в виде учредительской прибыли, (Gründungsgewinn) барыша, который возникает исключительно вследствие превращения капитала, приносящего прибыль, в форму капитала, приносящего проценты» [1]. Но средняя норма процента в империалистических странах относительно низка, средняя норма прибыли в колониальных странах относительно высока, и тем самым получается чрезвычайно высокая учредительская прибыль, — учредительская сверхприбыль.

Итак, основными источниками колониальной сверхприбыли являются следующие обстоятельства:

1) Различие в органическом составе капитала между разными странами — высокий органический состав капитала в империалистических и низкий органический состав капитала в отсталых странах.

2) Различие в общественном, и в особенности в аграрном строе, между империалистическими и колониальными странами и вытекающее отсюда различие в ценах на сырье и продовольствие.

3) Различие в национальной норме прибавочной стоимости, т. е. различие в степени эксплоатации рабочих в различных странах. Сюда относится и относительное перенаселение.

4) Чрезмерно неэквивалентный обмен с точки зрения трудовой стоимости между промышленностью и чрезмерно отсталым сельским хозяйством колоний.

5) Реализация абсолютной и диференциальной ренты в виде прибыли, вследствие грабежа земель в колониальных странах империализмом.

---

[1] Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 112.

6) Реализация сверхприбыли в виде учредительской прибыли.

7) Монополии и монополистическая прибыль.

Поэтому нам кажется, что т. Бухарин слишком узко ставил вопрос о сверхприбыли, сводя ее лишь к торговой прибыли и к различию органического состава национальных капиталов. Поэтому нам кажется, что развернутую, всеобъемлющую формулировку этого вопроса дал т. Ленин, утверждая: «Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, — тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс суть коренные неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала заграницу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы. Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д. Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел», и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ «прибыльного» помещения» [1].

В этой формулировке Ленина учтены все моменты: органический состав капитала, норма прибыли, цена земли, заработная плата, цена на сырые материалы. Только всеобъемлющая формула Ленина дает ключ к пониманию всех источников сверхприбыли, всех методов добавочной эксплоатации колоний империализмом.

---

[1] Ленин, «Сочинения», т. XIX, стр. 120.

* *
*

Посмотрим теперь на конкретных примерах из китайской экономики, как обстоит дело с нормой прибыли в Китае. Разумеется, норма прибыли в отличие от нормы процента существует лишь в тенденции. Однако, нам кажется, что Гильфердинг в известной мере прав, утверждая в связи с анализом акционерных обществ, что: «размер полученной прибыли, раньше коммерческая тайна отдельного предпринимателя, находит теперь более или менее адэкватное выражение в уровне дивиденда» [1]. Он прав и в том, что «различие норм прибыли проявляется здесь в различных величинах учредительского барыша». Он прав только в известной мере, ибо уровень дивиденда отражает более или менее адэкватно уровень нормы прибыли лишь в том случае, если 1) мы берем достаточно продолжительный период, 2) если мы учтем тантьемы и прочие расходы управления, которые идут за счет высоты дивиденда, 3) если мы учтем высоту резервного фонда, который создается также за счет уровня дивиденда, 4) если мы учтем раздачу новых акций старым акционерам по искусственно-низким ценам, 5) если мы учтем, что акционерные общества часто списывают огромные суммы из основного капитала и тому подобные приемы акционерных обществ. С этими оговорками дивиденды акционерных обществ в Китае более или менее адэкватно отражают движение нормы прибыли.

Посмотрим теперь прежде всего дивиденды крупнейших банков: (в %%, включая в дивиденд и специальные «бонусы»).

	1921	1922	1923	1924	1925	Резервные фонды в 1924 г.
Bank cf Chosen	10	4	7	6	—	11 420 000 иен
Bank of Taiwan	10	10	10	10	5	13 780 000 „
Banque Belge pour l'Etranger	9	6—3	7	8	8	12 279 000 фр.
Chartered Bank of India	20¼	20¼	20¼	20¼	20¼	4 000 000 ф. ст.
Chekiang Industrial Bank	12	12	12	12	12	580 000 кит. долл.
Chung Too Bank	12	9	9	10	10	380 000 „ „
Exchange Bank of China	14	12	12	12	12	1 510 000 иен
Honkong and Sanghai Banking Corporation	24	24	20	20	20	4 500 000 ф. ст. 26 500 000 кит. долл.
International Banking Corporation	24	24	20	20	20	7 695 000 ам. долл.
Mercantile Bank of India	16	16	16	16	16	1 350 000 ф. ст.
Mitsui Bank	10	12	12	12	12	28 240 000 иен
Yokohama Specie Bank	12	12	12	12	12	88 787 000 иен

[1] Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 213—214.

Эти данные говорят сами за себя. Следует иметь еще в виду, что резервные фонды часто составляют 50—100% оплаченного капитала, что здания этих банков часто представляют огромную ценность, что кроме этих статей имеется еще ряд скрытых и открытых резервов.

Посмотрим теперь дивиденды ряда промышленных и транспортных предприятий (в %%).

	1921	1922	1923	1924	1925
Honkong and Wampoo Dock Co .	40	24	18	8	—
Engineering and Shipbuilding Work.	20	12	5	15	—
Shanghai Dock and Engineering Co.	10	10	12	14	11
China Light and Power Co. . . .	10	10	12	15	7,5
Green Island Coment Co.	46,6	26,6	26,6	23,3	10,66
Honkong Electric Co, ...	15	15	12,5	25	25
Honkong Rope Manufactuting Co. .	30	30	30	20,5	—
Nanyang Bros Tobacco Co.	16	16	12	4	—
Tientsin Press	22	13,5	16	20	10
Chung Hsen Coal Co.	25	24	5,5	4	—
Lanchow Mining Co.	34	32	36	34	—
Douglas Steamship Co. . . .	10	12	6	8	—
Honkong, Kanton and Macao Steamboat Co.	18,33	21,66	26,66	19,99	--
Shanghai Tug and Lighter Co. . .	24	31	28	34	24
Shell Transport and Trading Co. .	27,5	22,5	27,5	27,5	22,5
Taku Tug and Lighter Co.	15	16	14	14	14
Ewo Cotton Mills	60	30	11	5	5
Honkong and Kowloon Wharf and Godown Co.	12	18	18	22	16
Shanghai and Hankow Wharf Co. .	13	15	13	14	10

Конечно, имеется множество мелких и даже крупных предприятий, которые работают с меньшими прибылями, чем приведенные в нашей таблице, или с убытками. Но в общем и целом дивиденды отражают чрезвычайно высокие прибыли. Если принять во внимание, что в Англии за 1928 г., например, 250 крупнейших предприятий выдали в среднем 11,9% дивиденда на весь свой капитал, если принять во внимание, что в Германии дивиденды в среднем составляют 6—8% всего капитала предприятий, то картина получается совсем уже внушительная. А если к этому еще добавить, что в Англии к резервному фонду относят ежегодно в среднем 2—3%, а в Китае в дватри раза больше, то уровень сверхприбылей получится еще более высокий. Кроме того следует иметь в виду, что ино-

странные члены правления, директора и высшие служащие акционерных обществ в Китае получают неслыханно высокие тантьемы и жалования.

В США прибыли крупнейших банков, трестов даже в период наибольшего процветания не превышали 12%. А в Китае такая прибыль считалась ничтожной.

Торговая прибыль также чрезвычайно высока. Для иллюстрации мы приведем несколько данных относительно торговых фирм (в %%):

	1922	1923	1924	1925	1926
Mackintosh Co.	10	25	25	25	25
Sincere Co.	12	13	13	10	—
William Powell	28,5	—	28,5	14,5	—
Wing On	15	15	15	10	—
Watson Co.	15	20	20	12,5	—

Мы не приводим данных о прибылях банков, пароходных компаний и промышленных предприятий в Китае во время войны. Достаточно будет напомнить, что пароходные компании выдавали дивиденды в размере 75—150%, что японские текстильные фабрики выдавали дивиденды в размере 30—60%. После мировой войны прибыли резко уменьшаются, во время революции 1925—27 гг. они еще более сокращаются, но даже в наиболее кризисные годы имеется сверхприбыль. Мы не приводим данных о прибылях каучуковых плантаций, ибо эти акционерные общества имеют только свои бюро в Китае, а производство, т. е. эксплоатация имеет место на Малайских островах. В этом случае китайский капитал вместе с иностранным капиталом выжимает сверхприбыль из чужой страны. Но учредительская прибыль достается целиком иностранному капиталу.

Итак, простое сравнение уровня дивидендов в Китае с уровнем дивидендов в какой бы то ни было капиталистической стране обнаруживает наличие добавочной прибыли, сверхприбыли в Китае. Если теперь рассматривать вопрос о разных источниках сверхприбыли, то следует констатировать следующее: что касается внешней торговли, то несомненно, что значительная доля сверхприбылей достается иностранному капиталу. Это явствует хотя бы из того факта, что Китай вывозит на 70—75% продукты сельского хозяйства, т. е. продукты отрасли производства с чрезмерно низким органическим соста-

вом капитала, и ввозит на 70—75% промышленные изделия, т. е. изделия отраслей производства с высоким органическим составом капитала.

Что же касается функционирующего в Китае иностранного капитала, то он получает сверхприбыль в силу высокого органического состава капитала в сравнении с китайским сельским хозяйством, мануфактурами и ремеслом.

В смысле получения сверхприбыли огромное значение имеет аграрный строй Китая, при котором крестьянство продает свои продукты безотносительно к издержкам производства. Это обуславливает тот факт, что цены на сырье и продовольствие относительно низки, хотя в этом отношении издержки транспорта и длительное время обращения имеют отрицательное влияние, снижая норму прибыли.

Что же касается переменной части капитала, то Китай является классической страной чрезвычайно высокой нормы прибавочной стоимости, т. е. высокой степени эксплоатации рабочих. Повышение степени эксплоатации, понижение заработной платы ниже ее стоимости, относительное перенаселение, чрезмерное применение и чрезмерная эксплоатация женского и детского труда, огромнейшая промышленная резервная армия и низкий уровень жизни действуют в направлении повышения нормы прибыли.

Что же касается превращения и реализации ренты в качестве сверхприбыли, то необходимо сказать, что прямой захват земли империализмом в Китае не играл сколько-нибудь важной роли. Горная рента — этот вид диференциальной ренты — присваивается часто иностранным капиталом, который путем политического нажима, подкупа и т. д. за бесценок получал концессии. Дифференциальная рента, как в случае с чаем, шелком и т. д., присвоивается также скорее путем торговли, чем путем прямого захвата.

В то же время следует подчеркнуть, что купеческий капитал путем обмана, обсчета, обмера также получает сверхприбыль.

Учредительские сверхприбыли достаются, главным образом, иностранному капиталу.

ИНОСТРАННЫЕ БАНКИ В КИТАЕ

Наряду с отдельными монополистическими организациями огромную роль играют иностранные банки. «Финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при

этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения»[1]. Уже Ленин отметил, что американские капиталисты в этом отношении с завистью смотрели на немецких, а немецкие на английских. О финансовом могуществе, о роли, значении и функциях иностранных банков мы уже говорили в другом месте. Здесь только в качестве иллюстрации приводим Гонконг-Шанхайский банк. Он был основан английскими купцами в Гонконге в 1867 г. Выплаченный капитал банка составляет 20 млн. долл., резерв в фунтах стерлингов — 39 млн., резерв в серебре— 25,5 млн. долларов; около 50 млн. долл. банкнот, выпущенных банком, находится в обращении, а кроме того, вклады, текущие счета и доходы Морской Таможни составляют 525 млн. долл., т. е. 80% всего баланса[2]. Этот банк-гигант является классическим примером того, что даже без вывоза собственного капитала финансовый капитал может захватить важнейшие командные высоты колониальных и полуколониальных стран. Для характеристики операций колониальных банков будет небезынтересно отметить следующее:

Когда Гонконг-Шанхайский банк играет на понижении курса серебра, то он продает часть своего серебряного резервного запаса. Когда банк заинтересован в повышении курса серебра, то он стерлингами резервного фонда покупает серебро. Таким образом банк всегда может влиять на курс серебра.

Гонконг-Шанхайский банк значительные капиталы помещает в английские ценные бумаги, а в особенности в английские государственные займы, т. е. банк вывозит капитал из Китая в Англию. Подобное явление мы можем наблюдать и в Индии. Из Индии английские банки через лондонскую биржу вывозили более 100 млн. рупий индийского капитала вместо того, чтобы направлять эти деньги в промышленность страны[3]. Но английский финансовый капитал грабит таким образом даже бедную капиталами Персию. Шахин-Шахский банк, находящийся целиком в английских руках, имеет выплаченный капитал в 10,4 млн., вкладов персидских купцов — на 31,1 млн. и из «патриотических побуждений» купил военные займы английского правительства на 9,5 млн. кран[4]. Итак, иностранные банки держат в своих руках не только контроль над внешней торговлей, финансированием промышленности, валютными операциями и т. д., но

---

[1] Ленин, «Сочинения», т. XIX, стр. 123.

[2] Штейн, Очерки финансового кризиса в Китае, с. 132.

[3] „Economist“, 1928.

[4] 10 кран = 1 ам. доллару = 2 рублям.

в то же время выкачивают средства из страны ввиде ссудного капитала. Если к этому добавить, что английские акционерные общества в Шанхае выкачивали около 100 млн. долл. китайского капитала из Китая, чтобы направить их в каучуковые предприятия Малайских островов, что китайская биржа также закрепляет непроизводительно много миллионов долларов, если учесть бедность страны в капиталах вообще, то мы получим представление о гигантском весе иностранных банков в Китае.

И если взять японские банки вместе взятые, то их роль и значение не будет меньше, чем роль и значение английских банков. Иокогама Шиэси Банк и Корейский Банк в свою очередь финансируют значительную долю внешней торговли, контролируют японские и смешанные японско-китайские промышленные, транспортные и горные предприятия, занимаются выпуском бумажных денег, валютными операциями, влияют на биржу, регулируют в своих интересах вексельный курс, собирают китайские вклады, собирают часть государственных доходов Китая, контролируют ряд китайских предприятий.

В этой же связи, нам кажется, принципиально и теоретически чрезвычайно важном установлении того факта, что в особенности английские банки уже со времени возникновения промышленности и современного транспорта в колониях теснейшим образом связаны, теснейшим образом сращиваются с этой промышленностью и с транспортом, включая и судоходство. Констатирование этого факта имеет огромное значение с точки зрения оценки английского империализма и возникновения финансового капитала вообще. Противники ленинской концепции и ленинского определения империализма чаще всего ссылаются на то, что как раз в наиболее старой, наиболее классической империалистической стране, в Англии вплоть до послевоенного периода наиболее слабо были развиты монополии и наиболее слабо проявлялся процесс сращивания промышленного и банкового капитала. Подобное возражение против ленинского понимания империализма можно объяснить лишь «островной ограниченностью» ленинской концепции. Если и верно, что в самой Англии монополистические объединения развивались сравнительно поздно (за то этот процесс за последние годы идет чрезвычайно быстро), если и верно, что сращивание банкового и промышленного капитала в Англии отставало в темпе от США или от Германии (за то процесс сращивания за последние годы идет усиленным темпом и «рабочее» правительство делает все от него зависящее, чтобы ускорить этот процесс), то несомненно, что в колониях и полуколониях

английский капитал создавал целый ряд крупнейших монополистических объединений и несомненно, что сращивание английского банкового и промышленного капитала в колониях и полуколониях уже к концу XIX в. сделало гигантские успехи. Именно через крупнейшие английские колониальные банки шли эти процессы и лишь полное непонимание или незнание фактов может объяснить возникновение теории английской исключительности. Английский банковый капитал сращивался в колониях с промышленным и создавал в них монополистические образования. И в этом отношении Гонконг-Шанхайский Банк и его роль в Китае вовсе не представляет исключения. Английские банки в других колониях играли подобную же роль.

Французские и бельгийские банки контролируют часто предприятия городского транспорта, ряд ж. д. линии, но в основном французские банки занимаются финансированием рисоторговли, а в особенности на Юге в значительной мере контролируют торговлю шелком.

Но этим еще вовсе не исчерпывается эксплоатация страны финансовым капиталом. Надо иметь в виду, что внешняя торговля предполагает целый ряд операций, которые производятся иностранными фирмами, банками, страховыми обществами, пароходными обществами и т. д. Указать хотя бы приблизительную сумму этих платежей не представляется возможным; но по мнению лучших знатоков этого дела она навряд ли меньше 7—8% всей стоимости импорта и экспорта.

«ИНТЕРЕСЫ» ДЕРЖАВ В КИТАЕ

Если представляется чрезвычайно затруднительным установить более или менее точно сумму ввозимого в Китай капитала, то еще более затруднительно хотя бы с некоторым приближением установить «интересы» отдельных держав в Китае. При разборе этого вопроса следует учесть, что в открытых портах, на концессиях выстроились целые иностранные города, причем дома и строительные участки на концессиях чрезвычайно дороги. Капитал на постройку домов, магазинов и прочих зданий не был вывезен из империалистической метрополии, а накоплен в самом Китае. Крупнейшие иностранные предприятия — Гонконг-Шанхайский банк, ЮМЖД, Кайланьские копи, Британско-Американская табачная компания, Жардин, Матисон и К° — росли, развивались также за счет накопления в самом Китае, а вовсе не путем ввоза капитала из империалистических метрополий. Далее следует учесть, что часть го-

сударственных и железнодорожных займов уже полностью уплачена или, как в случае с боксерской контрибуцией, возвращается Китаю [1]. Совершенно невозможно учесть размер капиталов мировых и колониальных банков, ибо он меняется в зависимости от хозяйственной конъюнктуры.

Английские капиталовложения в Китае по подсчету Пейша в 1910 г. составляли:

Английские инвестиции
(в ф. ст.) [2]

Правительственные займы . .	22 477
Капиталовложения в промышленность и торговлю	1 401
Электричество и свет	9
Капиталовложения в землю и др. финансовые операции .	1 879
Газ и вода	373
Рудники	350
Трамваи	320

Получается, что Англия вывезла в Китай до 1910 г. всего 27 млн. ф. ст., т. е. 270 млн. руб. Это явное преуменьшение. Тов. Штейн считает, что английские инвестиции не превышают 1 200—1 500 млн. китайских долларов, т.-е. около 1 400 млн. руб. [3]. Может быть цифра в 27 млн. ф. ст. более или менее правильно отражает вывоз капитала из Англии в Китай, но вовсе не английские инвестиции в Китае. Ведь вывоз капитала из Англии в Китай и английские инвестиции в Китае — две совершенно разные вещи. Гонконг-Шанхайский банк был создан в Китае; Кайланьское предприятие, предприятие Жардина и прочих английских фирм росли в Китае и за счет накоплений, полученных в Китае. Часть прибылей иностранных предприятий были переправлены в Англию, но часть оставалась в Китае. Это и объясняет тот факт, что в 1925 г. капитал английских промышленных предприятий только в Шанхае исчислялся в 26,6 млн. ф. ст. [4], причем капитал одной Англо-Американской табачной компании составляет 19 млн. ф. ст. Мы не располагаем точными цифрами, но смели бы утверждать, что если

[1] США, Англия, Бельгия, Франция и т. д. отказались от своей доли в боксерской контрибуции, предназначив эти суммы на разные цели.

[2] «Journal of the Royal Statistical Society», 1911, с. 183.

[3] Штейн, Очерки финансового кризиса в Китае, с. 201.

[4] „Papers respecting Labour Conditions in China", London 1925, с. 94—95

вывоз английских капиталов в Китай не превышает 1,5 млрд. долл., то функционирующий в Китае английский капитал, стоимость зданий, недвижимого имущества, торговых предприятий, горных предприятий, торговых флотов и т. д. и т. п. достигает, а может быть превышает 3 млрд. долл. А если учесть еще английские интересы в Гонконге, то навряд ли мы ошибемся, полагая, что английские капиталы, инвестированные в Китае, превышают 5 млрд. долл. Не для защиты же 26 млн. ф. ст. мобилизовала Англия в 1927 г. целую армию и целый флот, хотя разумеется речь шла не только о защите инвестиции, а о самом существовании империализма вообще.

Что касается американских инвестиций, то существуют разные оценки. Мы приводим наиболее известные и вероятные. По первому варианту:

Американские инвестиции[1]
(в млн. долл.)

Облигации и промышленные ценности	20
Железнодорожные облигации и займы	9,3
Недвижимое имущество	30,0
Долгосрочные кредиты правительству	10,0
Итого	**69,3**

По второму варианту, который был приведен в докладе комиссии сената Соединенных Штатов, американские инвестиции выражаются в следующих суммах:

Американские инвестиции[2]
(в млн. долл.)

Правительственные займы	20
Ж.-д. облигации	18
Долгосрочные кредиты частным фирмам	10
Недвижимое имущество банков, торговых фирм и пр.	30
Миссионерские предприятия, школы, библиотеки, госпитали	70
Итого	**148**

И первый и второй варианты говорят о том, что американские инвестиции составляют совершенно ничтожную сумму. А если учесть, что часть миссионерских предприятий была создана китайским капиталом (американская доля боксерской контрибуции), то становится еще более ясным ничтожный размер американских вложений. Если к этому еще добавить, что

[1] «Far Eastern Capital and Trade» 26 сент. 1926.
[2] «Far Eastern Review», № 5, 1928, с. 225.

Соединенные Штаты не располагают концессиями в Китае, то станет понятным относительный «либерализм» Соединенных Штатов по отношению к Китаю.

Что же касается японских инвестиций, то т. Штейн на основании тщательных подсчетов оценивает их в 2,5—3 млрд. иен. Разумеется, здесь также следует учитывать, что значительная часть этих инвестиций представляет прибыль, выжатую из китайских рабочих и крестьян и вложенную в японские предприятия. Совершенно точных данных нет, ибо японская статистика «приспосабливается» к политическим потребностям японского империализма. Наиболе правдоподобными кажутся нам следующие данные:

Японские интересы в собственно Китае (в млн. иен).

Текстильная промышленность	230
Другие отрасли промышленности	110
Судоходство	57
Недвижимое имущество	100
Прочее	25
Итого	522

Японские интересы в Манчжурии (в млн. иен)

Транспорт	330
Торговля	15
Промышленность	74
Земледелие	19
Горная промышленность	8
Рыболовство	15
Разные инвестиции через банки	629
Недвижимое имущество	1 237
Итого	2 327

Кроме того, по японским подсчетам государственные займы, предоставленные Японией Китаю, составляют вместе с процентами 700 млн. иен. Последняя цифра нам кажется до невероятности преувеличенной.

Эти данные, приведенные в журнале известного американского агента японского империализма Ри, не соответствуют действительности, поскольку речь идет о направлении инвестиций. Что же касается японских инвестиций в Маньчжурии, то ЮМЖД сообщает следующие данные:[1]

[1] «The Japan Financi l and Economic Monthly», 1928, c. 6.

Японские инвестиции в 1926 г. в Манчжурии равнялись 1 402 млн. иен и распределялись следующим образом:

Японские инвестиции в Манчжурии
(в млн. иен)

Транспорт	781,9
Горное и лесное дело	95,5
Электричество и газ	37,2
Промышленность	105,6
Банки, валютное дело	204,3
Торговля	117,7
Прочие	39,5

Смешанные японо-китайские инвестиции составляют 71 млн. иен, причем японские капиталы выражаются в 55 млн., а китайские в 16 млн. иен, т.-е. в смешанных предприятиях китайский капитал составляет лишь 29%.

Если сравнивать инвестиции японского и английского капитала, то окажется, что львиная доля английского капитала в Китае функционирует в сфере торговли и транспорта или как банковый капитал, и лишь относительно незначительная часть функционирует как промышленный капитал (в угольной, табачной, судостроительной, сахарной промышленности). Английский капитал в области текстильной промышленности за исключением одной фабрики ликвидировал все свои позиции. Японский капитал, наоборот, кроме транспорта, банкового дела, торговли, в значительной мере представлен в сфере тяжелой, а также легкой промышленности. Английский капитал, вывозимый в Китай в значительной своей доле был представлен как капитал, приносящий проценты. Это наиболее выгодная форма вывоза капитала с точки зрения страны, в которую капитал экспортируется. Верно, что значительную часть этих займов составляли непроизводительные займы (в 1916 г. непроизводительные непогашенные долги Китая равнялись 66,8 млн., а производительные непогашенные долги 36 млн. ф. ст.) [1].

Японский капитал, вывозимый в Китай, состоит лишь на 30% из ссудного капитала, а остальная часть функционирует как промышленный, торговый или банковый капитал. Но вместе с капиталом Япония экспортирует и капиталиста, который свои прибыли посылает в Японию и получает

[1] «Chinese Social and Political Science Review», № 1, 1926.

таким образом не только процент, но и предпринимательский доход.

Некоторые товарищи правильно устанавливали тот интересный факт, что Япония, начиная с 1916 г., ввозила к себе приблизительно столько же капитала, сколько она вывозила в Китай. Дело в том, что Япония ввозила к себе ссудный капитал по относительно низкому проценту, а вывозила в Китай капитал, приносящий сверхприбыль. Ввоз иностранного капитала, приносящего проценты, не обозначает собой, что командные высоты японской экономии контролируются иностранным капиталом. А вывоз японского капитала в Китай, и особенно в Манчжурию, делал возможным захват командных высот экономики Китая японским капиталом.

Рассматривая вопрос о вывозе кули из Китая, Гильфердинг писал в 1909 г., что «привлечение кули к работе в странах белого наемного труда представляется опасным во всех случаях, когда европейская колониальная политика вступает в конфликт с постоянно усиливающимся стремлением Японии к экспансии. А за Японией, — добавляет Гильфердинг, — в непродолжительном времени последует и Китай» [1]. Словом, Гильфердинг полагал, что Китай не только перестанет «в непродолжительном времени» быть колонией, но сам превратится в империалистическую страну. С тех пор прошло продолжительное время, а Китай все еще полуколония империализма. И все больше становится экономически полуколонией империализма. Оказывается, что Гильфердинг уже в 1909 г. провозгласил теорию деколонизации применительно к Китаю.

Наш обзор позиций иностранного капитала в Китае и о положении Китая в системе мирового хозяйства показывает, что этой теории грош цена применительно к Китаю точно так же, как и применительно к Индии.

ВЫВОЗ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ИЗ КИТАЯ

Нам осталось еще разобрать вопрос о роли Китая в качестве поставщика рабочей силы на мировой рынок.

По мере того, как капитал подчиняет себе все новые и новые страны, перед ним встает вопрос о фабрикации наемных рабочих в этих странах. В странах, где капиталистический

---

[1] Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 469.

способ производства уже укрепился, «великая прелесть капиталистического производства состоит в том, что оно не только постоянно воспроизводит наемных рабочих как наемных рабочих, но и производит всегда, параллельно накоплению капитала, относительное перенаселение наемных рабочих»[1]. Но в странах, где земледелец еще владеет землею и своими орудиями производства, где часто еще нет частной собственности на землю и имеются большие территории свободных земель, где возможно даже превращение наемных рабочих в независимых производителей, вопрос о рабочих руках обстоит для развивающегося капиталистического способа производства чрезвычайно остро. В наиболее отсталых колониях империализма, — отсталых в смысле господствовавшего там до проникновения капитала способа производства, — и в областях новой колонизации, где масса земли остается еще народной собственностью и потому каждый поселенец может превратить ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, вопрос о создании наемных рабочих является одним из важнейших вопросов с точки зрения быстрого развития капиталистического способа производства.

Капитал в этих областях действует разными способами для того, чтобы получить рабочую силу. Быстрое превращение свободных земель в частную и государственную собственность, введение денежного налога, введение принудительного труда в виде различных трудовых повинностей, лишение земли и орудий производства прежних независимых производителей, форсированная колонизация свободных земель, — вот некоторые из способов, применяемых капиталом в отсталых странах и в областях новой колонизации. Ошибка Р. Люксембург[2] в этом вопросе заключается в утверждении, будто бы капитал применяет в своих колониях и областях новой колонизации чисто капиталистические методы для получения рабочих рук. Действительная история развития капиталистических отношений в наиболее отсталых колониях и в областях новой колонизации свидетельствует о том, что для фабрикации наемных рабочих применялись и методы внеэкономического принуждения, проще говоря, в видоизмененной форме рабство. Плантаторское хозяйство и было своеобразной смесью капиталистического способа производства и рабовладельческого строя.

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, с. 762.

[2] См. соответствующие главы в ее «Накоплении капитала».

Долгое время Африка была поставщицей рабочих рук для плантационных хозяйств в разных частях мира и для областей новой колонизации. Проникновение иностранного капитала в Китай совпало с периодом отмены работорговли, но в то же время и с быстрым расширением капиталистического способа производства в целом ряде новых колоний и новых областей колонизации. Вопрос о рабочих руках для капитала был поставлен чрезвычайно остро. С помощью двух войн капитал превратил Китай в поставщика рабочих рук, в новое поле охоты за рабами. Старый Китай запретил строгими законами эмиграцию китайцев, но после нанкинского договора (1842 г.), «цивилизованные» державы мира заставили Китай признать «право» своих граждан на эмиграцию. Усиление проникновения иностранного капитала сопровождается вывозом рабочей силы из Китая, — начинается видоизмененная работорговля, которая теперь называется кулиторговлею. Теперь рабов уже не продают, а заключают «контракт» с кули. Кули — «контрактный» рабочий, но условия труда и жизни такого рабочего ни в чем не отличаются от условий труда и жизни раба.

В 1850—1870 гг. вывоз кули шел в области новой колонизации (США, Австралия) или в колонии и полуколонии капитала (Малайские острова, Индонезия, Филиппины, Сиам, Бирма, Западная Индия, Мексика и т. д.).

На плантациях Западной Индии кули заменил негритянских рабов, на Малайских островах он создавал каучуковые плантации и разрабатывал оловянные рудники, в Индонезии — работал на плантациях и на горных предприятиях, в Индокитае и Сиаме — становился ремесленником и рабочим, в Австралии — работал на золотых приисках, в Калифорнии — превращался в горняка, стал земледельцем, на Суматре — работал на табачных плантациях, в Мексике и в Перу — в шахтах и т. д. и т. д. В целом ряде стран китайская эмиграция расслаивалась, выделяя из себя различные классовые прослойки современного общества. На Малайских островах — крупная и крупнейшая буржуазия, мелкая буржуазия и контрактные рабочие; в Индонезии и Сиаме — купцы, ремесленники и рабочие, на Филиппинах — рабочие и крупная торговая буржуазия состоят отчасти из китайских эмигрантов. В ряде стран (Индонезия, Малайские Штаты, Индокитай, Сиам) китайская буржуазия выполняет роль компрадорской буржуазии, и национальное движение в этих странах направлено и против нее. У нас нет и не может быть точных данных о том, сколько человек эмигрировало из Китая, начиная с середины XIX в., когда эмиграция начала принимать массовые размеры,

когда Китай стал поставщиком рабочей силы [1]. Однако для ориентировки достаточно указать на то, что в настоящее время не то 10, не то 12 млн. китайцев проживает в эмиграции. Если исключить Формозу, где в компактной массе проживает 4 млн. китайцев, то и тогда окажется около 6—8 млн. китайцев, находящихся в эмиграции. Вряд ли можно сомневаться в том, что начиная с середины XIX в. из Китая эмигрировало несколько десятков миллионов человек, ибо нужно иметь в виду чрезвычайно быстрое снашивание рабочей силы китайцев-эмигрантов, попадающих в условия рабского труда. По мере разорения китайской деревни растет число эмигрантов, несмотря на то, что в целом ряде стран иммиграция китайцев запрещена. (США, Австралия, Новая Зеландия, Филлипины, Куба), а в ряде других стран китайский эмигрант подвергается действию исключительных законов [2].

Из открытых портов Южного Китая, главным образом пров. Фуцзянь и Гуандун ежегодно около 500 тыс. китайцев покидают страну, из них возвращается в Китай около 300—350 тыс.

Кроме постоянных эмигрантов, Китай снабжает мировой рынок труда сотнями и сотнями тысяч рабочих. Мы приводим некоторые данные о размерах китайской эмиграции [3].

В 1918 г. на Филиппинах было 44 200 китайцев. В 1926 г. на Филиппины прибыло 17 526 китайцев (выехало 13 150) [4]. (Это разумеется, легальная эмиграция. Кроме того, на Филиппины без паспортов и с подложными паспортами прибывают тысячи и тысячи китайцев).

В Сиаме в 1919—1926 гг. по данным переписи было 260 194 китайцев [5].

Только через порт Банкок китайцев:

---

[1] Известный французский географ Реклю в 1879 г. считал, что вне Китая проживают 3 млн. эмигрантов, американский профессор Вилльямс считал в 1899 г., что их число достигает 4 млн. (после аннексии Формозы Японией) известный китаевед Морзе в 1904 г. определил их число в 7 млн., китайский статистик Чжэн в 1919 г. полагал, что число китайских эмигрантов равняется 6,3 млн., а американец Мак-Нэйр в 1924 г. полагает, что число китайцев заграницей превышает 8 млн. (Mac Nair, The Chinese Abroad, Shanhai 1924)

[2] История китайской эмиграции в Соединенные Штаты и в Британскую Империю изложена в работах: Seward, Chinese Emigration, New-York 1881 и Campbell, Chinese Coolie Emigration, London, 1923.

[3] Данные эти были собраны сотрудником Международного аграрного института, т. Александровой.

[4] Report of the Commercial and Economic Situation of the Philippine Islands, London 1926.

[5] «Statistical Yearbook of the Kingbom Siam».

	Прибыло	Выехало
1920/21	68 797	33 564
1921/22	73 976	44 967
1922/23	89 329	60 162
1923/24	107 987	60 342
1924/25	84 667	56 258
1925/26	86 434	53 112
1926/27	100 410	68 744

В течение десяти лет (1918—1927 гг.) через Банкок прибыло в Сиам на 285 тыс. больше китайцев, чем выехало из страны. Число китайцев в Сиаме Мак Нэйр определил в 2,5—3 млн., если считать не только китайских подданных, но китайцев вообще [1]. В 1929 г. китайская торговая палата в Банкоке утверждала, что число китайцев в стране равняется 1 200 000. Из прибывших в Сиам китайцев 98% составляют кули.

В Индо-Китае в 1925/26 г. было около 400 тыс. китайцев [2].

В Бирме в 1921 г. насчитывалось 149 060 китайцев [3].

В Голландской Индии, на Яве и Мадуре в 1920 г. насчитывалось 384 218 и во внешних провинциях — 425 429 китайцев. В 1926 г. на Яве и Мадуре было уже 461 161 китайцев. Большинство китайцев-свободные и законтрактованные кули. О размерах ежегодной иммиграции свидетельствует то, что разрешение на въезд получили в 1920 г. 28 тыс., в 1921 г.—49 тыс., в 1922 г.—39 тыс., в 1923 г.—34 тыс., в 1924 г.—30 тыс., в 1925 г.—24 тыс. китайцев [4]. Теперь уже голландские власти обсуждают вопрос об ограничении или отмене контрактной работы. С октября 1928 г. надо было вооружать пароходы, перевозящие китайских кули, а в 1928/29 гг. на плантациях и горных предприятиях в Индонезии имел место ряд вооруженных столкновений с китайскими рабочими. Оказывается, демобилизованные солдаты китайских армий и китайские рабочие «испортились» совсем в результате китайской революции.

В Австралии после запрещения иммиграции число китайцев постепенно уменьшается. Оно составляло в 1881 г. 38 тыс., а в 1921 г.—17 тыс. [5].

В Соединенных Штатах число китайцев также уменьшается. Оно составляло в 1876 г. 117 тыс. [6], а в 1920 г. только 61 639 китайцев [7].

[1] «Statistical Abstract of the United States» 1921.
[2] Mac Nair, The Chinese Abroad. p. 47.
[3] «Annuaire General», 1928.
[4] «Census of India», v. X, Burma 1921.
[5] «Statictich Yaawverzicht van Nederlandsch Indie», 1925.
[6] «Official Yearbook of the Commonwealth of Australia», 1925
[7] Sceoard, «Chinese Emigration», p. 6.

В Японии в 1924 г. проживало 16 902 китайцев, а на Формозе 3 838 636 китайцев[1].

В фередации Малайских государств проживало 494 548 китайцев, в малайских государствах, не включенных в федерацию, — 173 034, в Стрэтс Сеттльмент 348 593 китайцев[2]. В этих странах дело идет к тому, что в ближайшее время число китайцев превысит число туземного населения.

На Британском Борнео, на островах Фиджи, на Карабейских островах в Южно-Африканском Союзе и т. д. также насчитывается несколько десятков тысяч китайцев.

В связи с китайской эмиграцией в ряде стран возникают сложнейшие экономические и политические проблемы. На Малайских островах, в Индонезии, в Индо-Китае и т. д. империализм старается направлять национальное движение против китайцев. С другой стороны, союз рабочих и крестьян против империализма в Индонезии, в Малайских Штатах, в Сиаме неосуществим без привлечения сотен и сотен тысяч китайских кули. В странах китайской эмиграции китайская буржуазия часто выступает в роли носителя торгово-ростовщического капитала, и поэтому недовольство крестьянства и ремесленников направляется против нее. А китайская буржуазия перенесла свои цеховые гильдейские организации, свои землячества и в страны нового поселения, и посредством этих организаций старается удерживать под своим влиянием и пролетарские элементы эмиграции. Национальный вопрос приобретает здесь особенно сложный характер.

С точки зрения Китая вывоз китайской рабочей силы и образование китайских поселений вне Китая имеет огромное значение. Мы уже указывали на то, что пассивность торгового баланса Китая покрывается именно переводами китайских эмигрантов, которые (переводы) составляют 180—200 млн. долл. в год. Китайские капиталисты-эмигранты играли огромную роль в развитии капитализма в Китае вообще и в развитии промышленности в частности. Как политическая сила, китайская эмиграция также играет большую роль. В 1928/29 гг. в Китае проводился анти-японский бойкот, в Китае он не был особенно эффективен, но он ударил весьма сильно по японской торговле в Индонезии, в Малайских Штатах, в Сиаме и в Индокитае. С точки зрения империализма вывоз рабочей силы в Китае имеет огромнейшее значение. Разоряющаяся ки-

[1] „Japan Yearbook“, 1928.

[2] „Statesman Yearbook“, 1928.

тайская деревня снабжает рабочей силой не только промышленность Китая, но точно также промышленность, крупные плантации, строительные работы и в других дальневосточных колониях империализма. И не случайно, что, когда американский капитал устремляется в Латинскую Америку, когда американский капитал собирается подчинить себе и Китай, то в связи с этим возникает вопрос о вывозе китайского кули в Латинскую Америку [1].

В настоящее время Китай и Индия являются крупнейшими полуколонией и колонией империализма. Эти две страны являются и крупнейшими поставщиками рабочей силы на колониальные рынки. Около 5—6 млн. китайцев, около 2 млн. индусов работают в разных колониях империализма как контрактные рабочие, как ремесленники, как свободные рабочие.

По мере того, как развивается капитализм в Китае и Индии, обе страны выбрасывают огромное количество рабочих на мировой рынок рабочей силы.

ТОРГОВЫЙ И ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС КИТАЯ

Вопрос о правильной постановке торгового баланса вообще слабо освещен в марксистской литературе и тем более серьезные затруднения представляет из себя изучение вопроса о торговом балансе Китая. А во взаимоотношениях империалистических и колониальных стран торговый баланс играет весьма важную роль. Как общее правило можно эмпирически установить, что в большинстве случаев торговый баланс колониальных стран является активным. Примеры Индии, Цейлона, Сиама, Куба, Гаити, Египта, Филиппин являются лучшим доказательством. Лишь Китай, Персия, Турция и Алжир имеют на более или менее продолжительный срок пассивные торговые балансы. Совершенно ясно, что торговый баланс колониальных стран, как правило должен быть активен, ибо они должны платить по долгам, за «хорошее управление» империалистами, проценты за ввозимый капитал и прибыль и даже сверхприбыль на капитал. Поскольку торговый баланс пассивен, то колониальная страна должна вывозом благородных металлов или же вывозом рабочей силы покрывать свою задолженность или же достать новые займы и продать свое будущее империализму. Если это было бы не так, то это обозначало бы собой, что колониальные страны получают даром известную товарную массу от империалистических стран: предположение

[1] „China Weekly Review“, 13/III 1929.

мало обоснованное и смешное. В случае Китая мы имеем совершенно замечательную «загадку», заключающуюся в том, что в течение 60 лет торговый баланс страны является пассивным, вывоз золота из страны составляет довольно незначительную сумму, в страну ввозится изрядное и все возрастающее количество серебра, словом Китай не вывозит, но ввозит благородный металл и международные долги Китая вовсе не покрывают пассивность торгового баланса...

История развития торгового баланса Китая довольно известна. К концу XVIII и в начале XIX в. торговый баланс Китая был глубоко активным. Европа нуждалась в китайском чае и шелке, а Китай не покупал европейских товаров в сколько-нибудь значительной мере. Европа была вынуждена платить серебром Китаю. Именно поэтому Европа навязала Китаю посредством двух войн ввоз опиума. А после опиумных войн Европа вместо серебра уже платила опиумом Китаю и более того, Китай начал платить серебром за опиум. Приблизительно с 1830 г. торговый баланс Китая является пассивным. Точных данных о внешней торговле страны мы имеем лишь с 1871 г. А если мы сравниваем ввоз и вывоз товаров за период 1871—1921 гг., то окажется, что ввоз товаров за этот период превышает вывоз на 3.219 милл. таэлей. (Разумеется, курс таэля менялся за этот период и следовало бы учесть эти изменения).

Вывоз золота за этот же период составлял по оффициальным данным Морской Таможни около 82—90 млн. таэлей. А ввоз серебра за этот же период превышал вывоз на 461 млн. таэлей. Если взять таким образом голые цифры Морской Таможни, то оказывается что весь товарообмен между Китаем и мировым рынком, включая и торговлю благородным металлом сводится с дефицитом на 3,598 млн. таможенных таэлей. Даже если отвлечься от переводов иностранцев из Китая на родину, от прибылей иностранных предприятий и банков, которые реализуются и вывозятся или в виде товара или в виде благородного металла, даже если учесть, что международный долг Китая составляет около 2-х миллиардов долларов, получается явная несуразность. Получается, что империализм подарил Китаю товарную массу на 2.250 тыс. таэлей. А если мы к этому еще добавляем итоги торговли за 1922—1928 гг., то картина становится еще более запутанной. По данным экономической секции Лиги Наций внешне-торговый баланс Китая за этот период рисуется в следующем виде:[1]

---

[1] Socie'è Des Nations: Memorandum sud les Balance des Paiements et sud les Balances du Commerce Exterient. Geneve, 1928.

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС КИТАЯ.

(в тыс. таэлей)

	1913	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Импорт	628.948	939,579	1.025.170	1.030.629	1.027.907	1.070.251	1.023.646	1.204.626	1.097.643	(1.150.720)
Экспорт . . .	427.504	643.816	704.330	696.692	795.478	807.096	790.641	599.114	938.976	(884.668)
Баланс	201.444	295.763	320.840	333.937	232.429	263.155	233.005	305.512	158.667	266.052
Экспорт / Импорт % .	68,0	68,5	68,7	67,6	77,4	75,4	77,2	74,6	85,5	76,9
Показатели внешней торговли										
Индекс цен										
Импорт	100	170	165	147	151	164	153	151	165	169
Экспорт . . .	100	118	126	134	140	—	149	154	168	168
Внешняя торговля (на одну душу в ам. долларах										
Импорт	0,94	—	—	—	—	1,85	1,79	1,90	1,53	(1,53)
Экспорт . . .	6,67	—	—	—	—	1,40	1,47	1,46	1,38	(1,38)
Вся торговля .	1,61	—	—	—	—	3,25	3,26	3,36	2,91	(2,91)
Индекс объема торговли в товарной массе										
Импорт	100	81	96	113	108	—	—	—	—	—
Экспорт . . .	100	117	119	122	133	—	—	—	—	—

Получается таким образом, что за период 1922—1928 гг. торговый баланс оказался пассивным на дальнейшие 1.792 млн. таэлей. Значит в течении 58 лет Китай получил на 5.390 млн. таэлей больше в виде товаров и в виде серебра, чем он дал империализму. Даже если принимаем во внимание вывоз капитала из империалистических стран в Китай, и если даже не учтем, что при норме прибыли в Китае иностранные капиталы в течение 5—10 лет снова вывозятся из страны в виде прибылей и дивиденда и то получается явная нелепица.

При этом мы должны учесть еще следующие чрезвычайно важные моменты.

1) Командные высоты по импорту находятся в основном в руках крупных иностранных фирм. Разумеется, эти фирмы снимают для себя известную долю торговой прибыли. А эта прибыль сдирается с китайского покупателя.

2) Перевозка совершается в основном на иностранных пароходах и прибыли по перевозкам попадают в карман иностранных пароходных кампаний.

3) На время перевозки требуется страхование товаров и судов. В конечном итоге эти расходы должен нести китайский покупатель.

4) Внешне торговые операции предполагают ряд валютных операций, которые в основном совершаются иностранными банками, точно также как и большинство банковых операций по внешней торговле. А банки имеют за счет китайского потребителя приличные прибыли.

5) Главные и крупнейшие склады принадлежат иностранцам. Расходы по сохранению товаров попадают так же в их карман.

6) По экспорту совершаются те же операции, имеются те же расходы с той лишь разницей, что из цены на товар, которая достается производителю, вычитываются еще расходы на пребывание судов в портах и пошлины, взимаемые в странах, куда отправляется товар.

Эмпирически можно установить, что в «нормальные» времена эти расходы составляют около 5—8% всей цены товара. И одна из немаловажных позиций английского империализма заключается именно в том, что банковые прибыли, прибыли по страхованию и по перевозке товаров достаются на мировом рынке в значительной мере английскому капиталу. И если в области судоходства удельный вес Англии быстро уменьшается, то в области финансирования мировой торговли и в области страхования, английские позиции довольно крепки. А только по страхованию Англия получает в среднем 120 млн. ф стерл. чистой прибыли в год.

Однако, все это вместе взятое обозначет собой, что торговый баланс Китая еще более пассивен, чем это кажется на основании официальных данных. А к этому еще необходимо добавить контрабандный ввоз оружия и опиума. Яснее ясного, что контрабандный вывоз вообще, торговля с Тибетом и Монголией в частности этот дефицит не покрывает. Даже если учесть, что китайские капиталисты получают известные прибыли по своим капиталовложениям на Малайских островах, Сиаме, Индокитае и т. д., и то остается в основном дефицитность непокрытой.

Чем же покрывает Китай пассивность своего торгового баланса?

Нам кажется, что Ремер совершенно правильно ищет решение этого вопроса в *переводах китайских эмигрантов*. По весьма неточным и ненадежным данным эти переводы составляли за период 1871—1921 гг. — 2.054 млн. таэлей [1] и по оценке Морской таможни за последние годы составляют в среднем 200 млн. таэлей.

Чтобы наметить правильный подход к разрешению вопроса о торговом и платежном балансе, нам кажется, что необходимо учесть следующие моменты.

1) Избыточный ввоз благородного металла, а в случае Китая в основном серебра, обуславливается не только соотношением между ввозом и вывозом товаров, но «он выражает соотношение между ввозом и вывозом самого благородного металла, независимо от товарной торговли их» [2].

2) Следует далее учесть следующие замечания Маркса:

«Преобладание ввоза над вывозом и наоборот измеряется в общем увеличением или уменьшением металлического запаса центральных банков. В какой степени это мерило точно, зависит, конечно, прежде всего от того, насколько банковое дело вообще централизовано. Потому что от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так называемом национальном банке, представляет национальный металлический запас в целом. Но если даже это и так, указанное мерило все же не является точным, так как при известных условиях добавочный ввоз вызывается потребностями внутреннего обращения и растущим применением золота или серебра для изготовления предметов роскоши, и так как, кроме того, без добавочного ввоза золото может извлекаться из банка внутренним обра-

[1] Remer: «The Foraign и Trade of China», стр. 221.
[2] К. Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 106.

щением и, следовательно, металлический запас может уменьшаться без одновременного увеличения вывоза»[1].

Но именно из этого замечания Маркса становится совершенно ясным, что установление платежного баланса Китая является в настоящих условиях делом почти совершенно невозможным, ибо там банковское дело не централизовано, ибо там совершенно невозможно установить количество серебра, находящееся во внутреннем обращении, ибо там вообще нельзя установить сколько серебра ввозится и вывозится помимо контроля Морской Таможни.

3) Металлический фонд каждой страны является запасным фондом для международных платежей или запасным фондом мировых денег, запасным фондом для внутреннего металлического обращения, расширяющегося и сокращающегося периодически в зависимости от конъюнктуры и запасным фондом для уплаты вкладов и размена банкнот. Но в Китае ни внутреннее обращение металлических денег, ни количество банкнот и бумажных денег не подаются никакому учету.

4) В период империализма огромное влияние имеет на торговый баланс вывоз капитала. Но поскольку капитал вывозится в виде средств производства или транспорта, то этот ввоз учитывается торговым балансом, но в таких случаях экспортирующая страна не может ожидать никакого иного возмещения, кроме имеющего поступать впоследствии годового дохода из выручки этих средств производства или транспорта.

5) Поскольку капитал, вывозимый ввиде денег в качестве административных, военных и прочих займов, то экспортирующая страна получает лишь проценты на эти капиталы и их аммортизации в зависимости от условий займов.

6) В Китае ввоз благородного металла совершается в виде серебра. А поскольку серебро обесценивается по отношению к золоту, платежный баланс Китая претерпевает резкие изменения даже в том случае, если все факторы, определяющие платежный баланс остаются неизменными.

7) Нам кажется, что в правильно составленном платежном балансе следует учесть следующие моменты: ввоз и вывоз товаров, контрабанду, ввоз и вывоз благородных металлов, вывоз и ввоз векселей и траттов, ввоз и вывоз капиталов для покрытия задолженности правительства, муниципалитетов и частных фирм, ввоз и вывоз ценных бумаг и облигаций данной страны, ввоз и вывоз ценных бумаг и облигаций другой страны, продажу и покупку недвижимого имущества иностранцами, про-

---

[1] К. Маркс, „Капитал“ т. III, ч 2, стр. 106.

центы по займам, дивиденды, полученные из-за границы и уплоченные лицам, находящимся за границей, фрахты по судоходству, баланс расходов по железнодорожным перевозкам, почтовым и телеграфным расходам, расходы и доходы по пошлине и портовым платежам судоходства, комиссионные, расходы и доходы по страхованию, импорт и экспорт денег эмигрантами и путешественниками, расходы и доходы по дипломатическим и прочим представительствам, пенсии, переведенные загранице и получение из-за границы. Ремер попытался составить платежный баланс Китая, при чем он не мог учитывать все эти моменты. На основании своих подсчетов он пришел к выводу, что за период 1871—84 гг. платежный баланс был активен на 24 милл. таможенных таэлей, за период 1885—98 гг. платежный баланс был на 43 млн. таэлей пассивен, а за период 1899—1913 гг. он был пасивен на 90 млн. таэлей, а за период 1914—21 гг. платежный баланс был пассивен на 249 млн. таэлей. Получается, что пассивность платежного баланса по Ремеру за период 1871—1921 гг. составляет 358 млн. таэлей [1].

Подсчеты Ремера конечно, имеют весьма, но весьма сомнительную ценность. Он на наш взгляд чрезвычайно преуменьшает ввоз капитала частными компаниями. Но если предполагать, что эти подсчеты верны, то окажется, что империализм приобрел за 358 млн. таэлей все основные экономические командные высоты Китая и право получить прибыли по важнейшим предприятиям в Китае.

Колониальный Китай продал свое будущее за 358 млн. таэлей.

[1] Remer The Foraign Trade of China, стр. 222—225.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

Отделение города от деревни было первым крупным последствием развитого разделения труда путем товарного обмена и в то же время крупнейшим фактором дальнейшего разделения труда. На базе экономического отделения города от деревни возникли огромные противоречия между городом и деревней, носящие при разных общественных формациях совершенно различный характер. Но в основном вся экономическая история общества резюмируется в движении противоположности между городом и деревней.

В античном обществе в противоположность капиталистическому в области разделения труда «точка зрения потребительной стоимости господствует, как у Платона, который видит в разделении труда основу распадения общества на сословия...» [1] Но разделение труда являлось для Платона не только «основным принципом государственного строения», оно представляет для него не только «афинскую идеализацию египетского кастового строя», и естественную основу города («который у греков отождествляется с государством») [2]. В античном мире город выступает как государство, город безусловно господствует над деревней Конечно не город вообще, а рабовладельческий город. Ведь например во времена наибольшего процветания Афин число свободных граждан, включая женщин и детей, достигало в них примерно 90 тыс.; рабов и рабынь насчитывалось 365 тыс., а инородцев и освобожденных рабов—45 тыс. [3]. А во времена персидских войн в Коринфе насчитывалось до 460 тыс., а в Эгине до 470 тыс. рабов, причем на каждого свободного жителя их приходилось до десяти [4]. Рабовладельческий город господствовал политически и экономически над деревней. Там на-

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, с. 345.

[2] Там же, с. 346.

[3] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 143 (английское издание).

[4] Энгельс. Анти-Дюринг, с. 149.

пример, где в Афинском государстве после реформ Солона преобладает формально свободное крестьянство, супрематия и гегемония города была политически и экономически неоспоримой. Позже положение вещей изменилось. «В течение последних столетий римской империи город потерял свое господство над деревней и не смог отвоевать его обратно в первые столетия германского господства»[1].

Отношения между городом и деревней переживают глубочайшие изменения в феодальном обществе. «Если в средние века деревня эксплоатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием города, как в Италии, то город повсюду и без исключения эксплоатирует деревню экономически — своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим непосредственным купеческим обманом и своим ростовщичеством»[2].

По мере того, как изменялись производственные отношения, общественная формация, основанная на рабстве, превращалась в общественную формацию, основанную на отношении феодала и крепостного в деревне, с одной стороны, и цехового мастера и подмастерья в городе — с другой; по мере этого изменились и отношения между городом и деревней. При феодализме деревня эксплоатирует город политически, а город деревню, — экономически.

При капиталистическом строе между городом и деревней создаются снова иные отношения. При капитализме город эксплоатирует деревню и политически и экономически совершенно независимо от того, какой характер носит самый город. И торговые и промышленные города господствуют над деревней.

Китайский город возник и развивался на заре китайской истории точно так же, как и восточные города вообще. По вопросу об образовании восточных городов самую блестящую, наглядную и яркую характеристику дал Франсуа Вернье. Вернье в своей работе[3] говорил об индийских городах, о Дели и Агра, и своеобразие их усматривал в том, что «властитель является единственным собственником всех земель государства». «Эти города, которые по размеру своему не меньше Парижа, в сущности являются не чем иным, как военным лаге-

[1] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 187.

[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2. с. 337. Разрядка наша—М.

[3] François Vernier, Voyages contenant la description des etats du Grand Mogul.

рем, несколько более благоустроенным и удобным, чем лагерь, разбитый среди поля». Таковы были китайские города во время господства иньской и чжоуской династии. Как бы ни изменился характер и социально-экономические функции китайских городов, у них характерной чертой осталось то, что город остался местом, где проживали получатели ренты. И в те периоды китайской истории, когда государство как верховный собственник земли собирало ренту-налог с крестьянства, и в те периоды, когда происходили процессы феодализации и иногда даже весьма значительная часть ренты собиралась помещиками, город получал ренту и ренту-налог. И когда торгово-ростовщический капитал разорял помещика и крестьянина, власть, влияние и сила города еще в большей мере тяготели над деревней. Китайский город во все решающие периоды китайской истории эксплоатировал деревню и политически и экономически. В основном в город притекали рента, рента-налог, ростовщический процент и торговая прибыль, что, разумеется, не исключает, а наоборот предполагает, что все классы и слои китайского общества, доходы которых составлялись путем выкачки из деревни ренты, ренты-налога, процента или торговой прибыли, имели свои щупальцы и представителей в деревне. По мере углубления меновых отношений возрастала власть города над деревней. И когда началось вторжение иностранного капитала в Китай, когда в стране начала развиваеться крупная машинная индустрия, когда крупная промышленность начала отнимать у деревни промышленные функции, эксплоатация деревни со стороны города еще усилилась. По мере развития капитализма в стране росли и сами города. Гонконг, Шанхай, Дайер, Харбин, Мукден, Таншань, Наньтунчжоу, Уси, Цзинань, Фынчжен, Бэнпу выросли на наших глазах в крупные городские центры, в то время как другие города, как Пекин, Синаньфу, Ланьчжоу, Ваньсянь, Кайфын, Фошаньчжэнь приходят в упадок и теряют свое значение. Размещение городских центров совершенно изменяется в соответствии с изменением относительного значения отдельных городов в экономической и политической жизни страны. Эти процессы происходят в Китае под диктовку империализма. Иностранный капитал создал в стране для своих торговых, производственных и политических нужд целую сеть договорных портов и концессий. Иностранный капитал определял направление железнодорожного строительства. Иностранный капитал устанавливал, где строить гавани и порты, ибо в его руках находились доходы морской таможни, которые использовались отчасти и для целей строительства. Под диктовку ино-

странного капитала были заменены главные торговые пути и разрушены старые караванные пути. Иностранный капитал своим железнодорожным строительством в значительной мере устанавливал направление новой колонизации. Поскольку иностранный капитал создавал промышленность в стране, размещение промышленных центров также происходило под его влиянием. Таким образом случилось, что наиболее быстрым темпом росли иностранные концессии и открытые порты. Таким образом случилось, что крупнейшие и экономически наиболее важные города стали центрами империалистического влияния и местами сосредоточения компрадорской буржуазии.

Но в то же время изменился и характер китайских городов или вернее города диференцировались. Раньше город был административным центром, центром торговли, окруженной стенами крепостью—дворцом помещиков и в порядке обмена давал деревне лишь небольшое количество продуктов цехового ремесла. Промышленных городов было очень немного. Цзиндэчжэнь был центром фарфоровых мануфактур, в Ихине сосретодочилось гончарное производство, в Шаосине—перегонная промышленность, в двух-трех городах Шаньси—старомодная металлургия и в Гоцзю—переработка олова. А впрочем немногие морские и речные порты, административные центры и торговые пути определяли возникновение и развитие городов. Проникновение иностранного капитала и развитие капитализма вообще и крупной промышленности в частности изменили положение. Город все больше стал эксплоатировать деревню путем внедрения капиталистической домашней промышленности. Имеются города, которые в основном представляют собой большой магазин множества скупщиков. Город Шэнцзе развивается потому, что окружающие его деревни снабжают скупщиков и раздатчиков шелками, плетением, цыновками, шелковой нитьц, тканьщ [1]. Вэнчжоу, Тяньцзинь, Уху, Уси, Нанкин, Сватоу и т. д. и т. д. отчасти также развивались, как центры домашней промышленности. Ряд городов возникает, как центры торговли с монгольскими скотоводами. Фынчжэн с населением в 53 тыс. чел. с 65 маслобойными мануфактурами и 14 мануфактурами для выделки кожевенных одежд развился в течение нескольких лет [2]. Еще более разительный пример в этом отношении дает Баотаучэн. Его росту дала толчок железная дорога и торговля с Внутренней Монголией. В 1922 г., когда железная дорога была выстроена, город

[1] «China Econ. Journal», 1928, с. 87—88.
[2] «China Econ. Bulletin», vol. VIII, № 265, с. 151.

имел 60—70 тыс. жителей, а в 1926 г. население города насчитывало уже 150 тыс. При этом город сохранил свой преимущественно торговый характер [1]. В провинции Хубэй в городе Шицзячжуан в 1914 г. насчитывалось 200 дворов; Бэйпин-Ханькоуская железная дорога дала толчок к развитию захудалой деревни, и в 1926 г. Шицзячжуан уже насчитывал 40 тыс. жителей. Железнодорожная линия Тяньцзинь-Пукоу и отчасти Большое Канал вызвали к жизни новый город Бэнпу с населением в 80 тыс. чел. Однако выросли не только торговые или преимущественно торговые города. Вокруг угольных предприятий вырос город Таншань с цементными заводами, газовым заводом, электростанцией, железнодорожным депо, вагонным заводом с пропускной способностью в 700 вагонов и с населением в 44 тыс. чел., причем громадное большинство населения состоит из рабочих [2]. Существование Таньшаня вызвало к жизни морской порт Цинваньдао с населением в 5 тыс. чел. Пинсян и Дае также стали преимущественно промышленными городами точно так же, как и Уси. Уси возник и развивается по существу как пригород Шанхая. Безумно высокие цены на строительные участки в Шанхае, достигающие в некоторых частях города цен лондонского Сити, привели к тому, что текстильные фабрики и шелкопрядильни начали строить в Уси; в настоящее время только на этих фабриках занято в Уси более чем 50 тыс. рабочих. И город растет быстрым темпом. Пожалуй, еще более быстрым темпом, чем Уси, развивается Наньтунчжоу. Его вызвала к жизни текстильная промышленность Шанхая. Деревенский хинтерланд Наньтунчжоу является одним из важнейших хлопковых районов Шанхая, снабжающим шанхайские фабрики сырьем. В течение каких-нибудь 20 лет Наньтунчжоу из сонного провинциального города вырос в торговый и отчасти промышленный центр с населением в 1 млн. чел. Один из крупнейших капиталистов Китая Чжан-Цзян способствовал тому, что Нантуньчжоу имеет и ряд промышленных предприятий. В Уси, Пинсяне, Таншане, Дае промышленность, пожалуй, играет относительно более выдующуюся роль в жизни города, чем в Шанхае или Ханькоу, которые, будучи крупнейшими промышленными центрами страны, играют также огромнейшую роль как торговые центры.

Наряду с промышленностью ремесло играет большую роль даже в городах, где сосредоточена крупная промышленность.

---

[1] «Far Eastern Review» № 6, 1928, с. 265.
[2] «China Econ. Journal» № 10, 1927, с. 884.

Яркий пример — Шанхай. В общем считается, что число рабочих в Шанхае, занятых на промышленных предприятиях, достигает 250—290 тыс. чел.[1]. Но в то же время в ремесленном производстве занято 45 тыс. портных, 24 тыс. парикмахеров, 35 тыс. сапожников, 10 тыс. кузнецов и медников, 70 тыс. деревообделочников, 15 тыс. лакировальщиков, 10 700 рабочих занято обработкой щетины и 2 тыс.—приготовлением сои т.-е. всего 211 тыс. чел.[2]. А если включить сюда еще ювелиров, работников фарфорового и фаянсового ремесла, булочников и т. д., то число ремесленных рабочих вероятно достигнет и 300 тыс. чел. Но Шанхай—крупнейший промышленный город Китая. А если взять напр. Цзинань, то картина получается совсем иная. На 9 мельницах занято 1 тыс., на 2 спичечных фабриках — 1 500, на текстильной фабрике — 3 тыс., на мануфактурах для изготовления волосяных сеток 3 тыс., на сахарных, писчебумажных, мыловаренных, кожевенных, ткацких и т. д. мануфактурах и фабриках — около 10 тыс. рабочих. В более или менее крупном производстве занято 18 500 рабочих. А рикша-кули насчитывается: 10 тыс., кули с тележками — 5 тыс., приказчиков — 30 тыс., домашних прислуг и кули — 70 тыс., т. е. всего 115 тыс. человек[3]. В более отсталых городах рикша-кули кули с тележками, водовозов и собирателей нечистот насчитывают тысячами и тысячами.

В общем и целом китайские города можно было бы разделить на четыре типа: 1) Старые китайские города, которые все еще играют главным образом роль административных центров, местожительства помещиков, ярмарочных мест и торговых центров для определенных районов и места сосредоточения ремесла. Они обслуживают определенные районы или вернее определенные районы обслуживают их. Город, как паук, высасывает экономические жизненные соки своего района. Разумеется, даже эти города претерпевают изменения, и связь их с близлежащими деревнями становится сильнее. Количественно эти города составляют наибольшую категорию. 2) Торговые города, которые вследствие развития транспорта и внешней торговли охватывают торговлю больших районов или целых провинций. Уху, Цзюцзян, Учжоу, Сватоу, Бэнпу и т. д. являются для этой категории типичными. 3) Промышленно-торговые города, которые являются центрами промышленной деятельности, но в то же время и важ-

---

[1] Tayler, Farm and Factory in China, c. 52.

[2] «Вестник министерства торговли и земледелия» № 131.

[3] «China Econ. Bulletin» № 107, 1925.

нейшими центрами внешней и внутренней торговли. Шанхай, Ханькоу, Тяньцзинь, Дайрен, Ханчжоу принадлежат к этой категории, причем конечно следует подчеркнуть особую роль Шанхая, объединяющего 40% всей внешней торговли и почти половину всей легкой индустрии страны. 4) Чисто промышленные города, как Таншань, Пинсян, Фушунь.

Разумеется, отдельные города развиваются чрезвычайно неравномерно и их относительная роль меняется. Старые города разоряются или изменяют свой характер. Дорожное строительство расширяет районы и круг экономического и политического влияния городов. Последние годы в этом отношении были особенно знаменательными. Во многих местах разрушаются городские стены, ставшие препятствием к развитию города. Расширяются по восточному и средневековому узкие улицы, которые уже не могут обслуживать внутригородское движение. Но что важнее всего: в течение последних 30 лет в городах народился новый класс — современный промышленный пролетариат. Он народился как раз в крупнейших промышленных и торговых центрах, которые занимают командные высоты в хозяйственной жизни страны. Если диктатура империализма привела к тому, что города и промышленность росли главным образом в центрах влияния империализма, то империализм и развитие индустрии создали в тех же местах и своих могильщиков. Если великие крестьянские восстания китайской историей были обречены на поражение даже тогда, когда удары крестьянской революции разрушали власть восточной деспотии, если в прошлом даже после победы крестьянских восстаний снова возвышался над разрозненными деревнями отвратительный строй восточной деспотии, то в настоящее время в китайском городе крестьянство уже имеет своего союзника и руководителя — современный китайский пролетариат.

* * *

Обмен между городом и деревней в Китае происходит через довольно сложную товаропроводящую сеть, в которой нетрудно обнаружить остатки и пережитки средневековой торговли.

Низшим звеном товаропроводящей сети является деревенская лавка. В этих лавках торгуют не ежедневно и не весь день. Объем товарооборота не делает этого необходимым. В деревенской лавке продается соль, растительное масло, пряжа, спички, папиросы, уксус, табак, керосин, жертвенные

свечи и жертвенные деньги, хлопушки, иногда ткань и т. д. Сельскохозяйственные орудия покупаются уже обыкновенно в уездном городе. Номенклатура товаров не очень-то объемиста. Город дает деревне относительно небольшой ассортимент товаров в порядке неэквивалентного обмена. В Шаньдуне каждая деревня имеет свою лавку, но это не во всех провинциях так. Во многих местах одна лавка обслуживает 4—5 деревень, и лавочник со своей тележкой разъезжает по очереди по «своим» деревням.[1] Продажа в кредит — вещь общепринятая. В таком случае цены выше обыкновенного. Кроме того, полагается еще 12—14% годовых, если не больше. Оплата долгов производится после урожая и, особенно в областях специальных культур, не всегда в денежной, а зачастую и в натуральной форме. Деревенский лавочник почти всегда совмещает в своем лице и ростовщика; а кредит является известного рода способом закрепощения крестьянина к деревенской лавке не только в качестве покупателя, но также в качестве продавца сельскохозяйственных продуктов. Особенно большую роль играет этот момент в области разведения хлопка, чая, коконов, сахарного тростника, табака и тому подобных специально торговых культур. Деревенская лавочка часто выполняет и функции ломбарда и складочного места. Крестьянин закладывает хлопок у лавочника, получает аванс в ожидании отправки своего товара в город. Однако основная товарная масса проходит все же очень часто помимо деревенской лавки. Бедняк перед урожаем одалживает рис у помещика и кулака и платит продуктами после урожая. В областях, где преобладает аренда, основные товарные излишки притекают во двор помещика. В областях же, где преобладает крестьянская собственность, товарные излишки собирает кулак. Нередко кулак является также купцом. В Маньчжурии и в Гуандуне такое явление встречается довольно часто; нет оснований предполагать, что в других провинциях дело обстоит иначе. Соединение торговли с землевладением и в особенности соединение торговли с ростовщичеством является характерной чертой китайской деревни. Надо только прочесть отчеты Королевской комиссии по земледелию чтобы убедиться в том, что в Индии дело обстоит не иначе. Однако не только деревенский лавочник, помещик и кулак осуществляют торговую связь между городом и деревней. Городской купеческий капитал все чаще запускает свои щупальцы в деревню, создавая свой заготовительный аппарат, минуя посредничество деревенского купече-

[1] A. H. Smith, Village Life in China, New-York 1899, c. 49.

ского капитала. Осуществляется эта связь через странствующих комиссионных агентов. Эти агенты объединяют в себе функции кули и странствующего купца. Они посещают деревни со своими тележками или просто со своими корзинками на бамбуковой палке. Они расплачиваются с крестьянином-продавцом вовсе не всегда в денежной форме. Они появляются с небольшим ассортиментом городских товаров и обменивают их на продукты сельского хозяйства. Даже в этой области имеется известная специализация. Странствующие агенты крупных фирм, торгующих пухом в Уху, собирают преимущественно только пух. Заготовки происходят, главным образом, путем обмена. Отмечается, что прибыль весьма приличная [1]. Точно так же собирается хлопок в районах хлопководства и значительная часть яиц, поступающих на городской рынок. Теперь уже торговля коконами также проходит частично через эти каналы. Особенно большую роль играют эти странствующие агенты в тех отраслях, которые поставляют продукты для обмена с монголами, хотя как раз в этих областях, напр, в торговле шерстью большое значение имеют и караван-сараи, трактиры и кабаки вдоль торговых путей. Крупные торговцы заранее устанавливают цены и заключают контракты с владельцами трактиров, караван-сараев или со странствующими агентами, предоставляя им 20—60% цены товара в качестве аванса. Агенты обыкновенно получают два процента [2]. Иногда ремесленники и даже ремесленные подмастерья выступают в роли странствующих купцов. Так торгуют напр. члены артелей гончарными изделиями. Нередко изделия крестьянской домашней промышленности также собираются разъездными агентами. Эти агенты получают обыкновенно 2—3% с оборота. В отсталых деревнях конечно они стараются всякими приемами получить некоторый добавочный доход. Но в условиях бездорожья и бандитизм жизнь этих странствующих агентов вряд ли можно считать особенно легкой. В то же время этот метод торговли делает для городского купца возможным использовать разницу между городскими и деревенскими ценами в свою пользу.

Чем больше развиты в какой-нибудь стране меновые отношения, тем меньшее значение имеют ярмарки. Ярмарки являются — если речь идет не о ярмарках особого назначения — признаками отсталых меновых отношений. В Китае они еще играют огромную роль. Не только каждый город, но и

[1] «China Econ. Bulletin» № 259, 1926, с. 69.
[2] «China Econ. Monthly» 1924, с. 13.

каждая деревня имеет свои регулярные ярмарки, а более знаменитые ярмарки привлекают купцов из других городов, расположенных на весьма больших расстояниях. Название отдельных городов отражает, сколько раз в неделю или в месяц имеет место ярмарка в данном городе[1]. Организация и распределение ярмарок связывают соседние деревни, и если между деревнями возникают ссоры, то в качестве репрессивных мер другой деревне они запрещают посещать свои ярмарки. Ярмарки также специализируются. В Шаньси напр. знают о четырех разных видах ярмарок. Имеются специальные ярмарки для купли-продажи скота, другие — для купли-продажи ткани, далее общие ярмарки и, наконец, ярмарки для купли-продажи старых вещей[2]. Эти ярмарки связаны с народными празднествами, театральными представлениями и т. д. Они являются для местных властей, монастырей, местных кумирен весьма удобным случаем для того, чтобы сдирать с купцов и крестьян, посещающих ярмарки, различные сборы.

В торговле между деревней и городом большое значение имеет в Китае брокераж, т. е. посредничество профессиональных комиссионных агентов. Если не учесть, насколько глубокие корни пустил в стране цеховый строй, разделение труда и вообще разделение всех и всяких функций, если не учесть стремления прежних общественных формаций сделать ремесло и вообще разделение функций в обществе наследственным, если не учесть, что при прежних общественных формациях и касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного процесса, какой регулирует напр. распадение животных и растений на виды и разновидности[3], то просто непостижимо, зачем и как эти посредники возникают. В Фучжоу вообще невозможна торговля без посредничества броукеров[4]. Если крестьянин хочет продавать свиней в Наньчане, то он вынужден обратиться к одному из 16—17 брокеров, которые выступают посредниками между крестьянином и мясниками. Эти брокеры получают патент от властей и, чтобы не вызвать конкуренции между ними, им запрещается набивать цены[5]. При этом крестьянин не может продавать непосредственно мяснику, а мясник не имеет права без брокера покупать у крестьянина. В Сюаньчане торговля бамбуком и мясом организо-

---

[1] Smith, Village Life in China, с. 148.
[2] «China Econ. Bulletin» № 88, 1925.
[3] Маркс, Капитал, т. I, с. 317.
[4] «China Econ. Journal» № 11, 1927. с. 944.
[5] «China Econ. Bulletin», vol. IX, No 305, с. 373.

вана следующим образом: торговец предоставляет владельцам лесов через брокера аванс, а брокер получает 8—9% комиссионных от торговца и 8—9 от продавца за то, что он «свел» их [1]. Как общее правило, брокер получает комиссионные и от продавца и от покупателя. В Нанкине лесоторговля организована на таких же началах как в Наньчане, с той только разницей, что брокер здесь получает 3% от обоих сторон [2]. Прежде для торговли коконами были установлены определенные ярмарочные места и даже там производилась торговля через брокеров, которые получали 2—8%. А на крупнейшей рисовой бирже Китая в Уху, где продается и покупается 8—10 млн. пикулей риса, где представители кантонских, чжаочжоуских, чифуских, нинбоуских фирм выступают как покупатели, вся торговля монополизирована в руках 30 оптовиков и покупать или продавать можно только через них [3]. Рыботорговля в Нинбо также производится через брокеров. Рыбаки и даже крупные предприниматели вступают в сделку с рыботорговцами только через них [4]. Система посредников доведена до того, что в окрестностях города комиссионные агенты покупают у крестьян домотканную нанку и продают ткань через брокеров торговцам [5]. Чай проходит через 10—14 рук, пока от производителя доходит до экспортера. Эти примеры можно было бы умножать без конца.

На самом городском рынке, как общее правило, выступают купеческие гильдии. Мы уже указали на то, что цехи и гильдии, чтобы исключить конкуренцию между своими членами, все еще часто регулируют цены. Американский профессор Бэргесс в 1929 г. устанавливает, что из 128 гильдий Пейпина (бывший Пекин) 60 являются купеческими, что десять гильдий (5 ремесленных, 3 купеческих и 2 — объединяющие свободные профессии) регулируют цены, а десять гильдий (9 ремесленных и одна купеческая) регулируют заработную плату [6]. Но он же добавляет: «Разумеется, что обычай имеет больше веса среди членов гильдии, чем строгие правила, и во всех гильдиях имеется, в сущности, контроль над ценами и заработной платой» [7]. В более отсталых городах контроль гильдии

---

[1] «China Econ. Bulletin», vol. XIII, No 11, c. 131.
[2] «China Econ. Bulletin», vol. VIII, No 256, c. 28.
[3] «China Econ. Bulletin», vol. VIII, No 256, c. 26.
[4] «China Econ. Journal», No 9, 1927, c. 788.
[5] «China Econ. Bulletin», No 140. 1925.
[6] «China Weekly Review», N 13, c. 520.
[7] «China Weekly Review» N 1, 1929, c. 20.

над ценами еще больше, чем в Бэйпине. Вообще купеческие гильдии не только более сильны, чем ремесленные, не только подчиняют себе последние, но пока еще в меньшей степени разложились, чем ремесленные гильдии. Раньше магазины, принадлежащие к одной гильдии, помещались на одной улице, и до сих пор в Бэйпине и других городах еще видны целые улицы с однородными магазинами. Но разложение началось уже и в этом отношении. Названия китайских улиц все еще отражают этот старинный обычай, и весьма часто встречаются улицы, название которых указывает на то, какие именно гильдии там помещались. Но уже нередко встречаются и такие явления, что на улице Рисоторговцев ни одного рисоторговца нет. Развитие и здесь берет свое. Какие именно из купеческих гильдий имеют наибольший удельный вес в том или другом городе, это зависит всегда от особенностей района. На юге гильдии рисоторговцев, торговцев шелком и чаем бывают наиболее влиятельными. Если по линии привозных товаров и изделий крупной промышленности купеческие гильдии быстро разваливаются, если напр. в области торговли хлопчатобумажными изделиями они все труднее удерживаются, ибо японская конкуренция взрывает их основу — регулирование цен, то в области некоторых видов экспортной торговли они еще довольно сильны. Это относится к гильдиям торговцев чаем и шелком. Особенно сильны и влиятельны по всему Китаю гильдии торговцев солью.

В этой же связи следует упомянуть о провинциальных клубах (землячествах) или провинциальных гильдиях. Их в общем изображают, как филантропическое объединение уроженцев одной провинции, проживающих в другой провинции. В Бэйпине существуют гильдии кантонцев, сычуаньцев и т. д., в Шанхае — гильдии кантонцев, нибосцев, хубэйцев, хунаньцев и т. д. Эти организации якобы занимаются поддержкой земляков, благотворительными функциями и т. п. Для нас несомненно, что первоначально эти провинциальные гильдии были организациями торгового капитала. Уже в период 1890—900 гг. они выполняли преимущественно функции защиты интересов торгового капитала одной провинции в другой. Вот как характеризует комиссар Морской таможни клуб юньнаньцев и гуйчжоуйцев в Чжэньцзяне:

«Оба клуба состоят из представителей имущих классов и купцов обеих провинций» [1].

---

[1] «Decennial Reportl of the Maritime Gustoms» vol. I, 1899—1901, c. 176.

О провинциальных клубах, находившихся в Нанкине, говорится следующее:

«Члены этих клубов вербуются конечно из торгового класса» [1].

А о провинциальных клубах в Шаси утверждается:

«Эти гильдии в Шаси возникли исключительно вследствие инициативы со стороны купцов» [2].

Неудивительно поэтому, что во время тайпингского восстания здания этих гильдий разрушались до тла, где только повстанцы овладевали городом, напр. в Сюйчжоу [3] или Нанкине, точно так же, как императорские фарфоровые мануфактуры в Цзиндэчжэне и шелковые мануфактуры в Нанкине. Товарообмен между разными провинциями был уже хотя бы в некоторых специальных культурах настолько развит, что купеческий капитал отдельных районов организовался и оборонялся в других провинциях против посягательств местных гильдий. Небезынтересно отметить, что провинциальные гильдии не разрешили своим членам обращаться по тяжбам непосредственно к местным властям [4], и устанавливали цены, условия расчета и т. д. [5]. Повидимому, по мере того как товарообмен между разными провинциями развернулся, изменились функции этих гильдий, хотя они все еще играют некоторую роль.

За последнее время однако в этих клубах руководство перешло в руки студентов, чиновников, и они из купеческих гильдий все более превращаются в землячества.

Городские ярмарки и в некоторых местах биржи являются еще важными факторами в области торговли. Рисовая биржа Уху влияет на цены риса даже в соседних провинциях. Наряду с этими традиционными биржами, в Шанхае имеются не только фондовые биржи, но также биржа для купли-продажи пряжи и аукционы для купли-продажи ткани.

Было бы однако ошибочно думать, что смычка между китайской товаропроводящей сетью и внешним рынком осуществляется все еще исключительно через компрадоров. Мы уже указали в другом месте, что компрадорство в своем развитии также претерпевало разные изменения. Оно было монополией тринадцати купцов в Кантоне до опиумной войны. Оно

---

[1] «Decennial Reports of the Maritime Gustoms» vol, I, 1891—1901, с. 443.
[2] «Decenntal Reports», с. 259.
[3] «Decennial Reports», с. 553.
[4] «Decennial Reports», с. 127.
[5] «Decennial Reports», с. 525.

стало функцией агентов-компрадоров, находящихся на службе у отдельных иностранных фирм, во второй период. С начала XX века число иностранных фирм быстро растет в Китае, в особенности число японских фирм. Японские фирмы и фабрики начали создавать свою товаропроводящую сеть и вступили в сношения с китайскими фирмами без посредничества компрадоров[1]. Вопросы об языке, знании местных условий рынка, кредитоспособности китайских фирм теряли свою остроту. Все больше и больше китайцев училось иностранным языкам и все больше иностранцев училось китайскому языку. Иностранные фирмы уже хорошо знают крупные китайские фирмы и их кредитоспособность. Старомодные и современные китайские банки взяли на себя функции обеспечения кредитов для китайских купцов. Внешняя и вообще оптовая торговля все больше попадала под контроль старомодных и современных китайских банков, поскольку дело касается китайской части товаропроводящей сети. Если в области банкового дела в сношениях между иностранными и китайскими банками роль компрадора возросла, то в области торговли он в значительной мере потерял былое влияние и могущество. Многие компрадоры сами стали крупными купцами и пользуясь своим опытом и основательным знанием не только китайского, но и мирового рынка, вступили в непосредственные сношения с крупными фирмами в Англии, Японии, США и т. д. Крупные китайские фирмы в Маньчжурии или в Шанхае имеют часто своих агентов в Японии. Одним словом, связь между внешним и китайским рынком осуществляется уже не только отдельными компрадорами, а целой прослойкой компрадорской буржуазии. В этом отношении новые торговые договоры будут играть огромную роль. Если до сих пор главные пункты внешней торговли находились в открытых портах и на концессиях, если до сих пор иностранные фирмы не имели формального права открывать свои отделения в других городах, не открытых для иностранной торговли, то на основании новых договоров иностранцы имеют право открывать свои отделения в любой области, в любом городе Китая. Разумеется, тем самым создается возможность для более основательного и широкого проникновения иностранного капитала, с одной стороны, и для завязывания еще более тесной и непосредственной связи между китайской и иностранной буржуазией, с другой. Если до сих пор империализм имел 50 с лишним опорных

[1] Remer, Foreign Trade of China, с. 130—133.

пунктов в виде концессий и открытых портов, то теперь вся страна открывается перед ним. В этом главный смысл новых торговых договоров, а не в формальном признании таможенной автономии и не в повышении пошлин на ряд товаров. Это станет еще более ясным, если принять во внимание, что китайские пошлины после их увеличения превышают пошлины в Сиаме, Индонезии и Египте (3—8% от стоимости товаров), но не достигают даже уровня пошлин в Индии (16—25%) или в Турции (30%) или в Египте (15%).

Мы здесь не останавливаемся на целом ряде важнейших вопросов, определяющих отношение между городом и деревней, как то вопрос о налогах, об образовании цен, о росте цен вообще, о падении покупательной способности денег и т. д. Общеизвестно, что в то время, как в главных городах Китая ценообразование происходит параллельно с мировыми ценами и движение индекса цен в Шанхае, Тяньцзине, Кантоне сопутствует в общем и целом движению индекса в Нью-Йорке, Токио или Лондоне, деревенские цены имеют свои законы. Огромный раствор ножниц между городскими и деревенскими ценами, огромные скачки цен в разные времена года на деревенском рынке — уже достаточно выясненные характерные черты китайского внутреннего рынка. Разбирая отдельные звенья товаропроводящего аппарата, организации торгового капитала в Китае, мы главным образом стремились к выявлению того обстоятельства, что китайская деревня в своих взаимоотношениях с городом страдает в настоящее время от монополистических образований двоякого порядка, а именно: от остатков средневековых цеховых монополий, свойственных докапиталистическим общественным формациям, и от монополий, свойственных империалистическому этапу в развитии капитализма.

Монополистический финансовый капитал грабит страну с помощью и посредством купеческого капитала, организованного в гильдии.

* * *

Мы должны еще вкратце остановиться на вопросе о транспорте, который связывает город с деревней и Китай с мировым рынком. В этой области мы также находим наиболее дикие, отсталые средства передвижения наряду с наиболее новыми средствами транспорта. Следует иметь в виду, что на огромных территориях Южного Китая все еще кули являются главным средством транспорта. Миллионы и миллионы кули

таскают на своих спинах и груз, и пассажиров. Где имеются реки, там лодки, сампаны, джонки играют огромную роль. На Севере и Западе Китая такую же роль играют кули с тележкой. В этих же областях вьючный скот заменяет в некоторой мере человека в роли скота. Во внутригородском транспорте только в наиболее передовых городах имеется трамвай и автомобильное движение наряду с рикшами. В наиболее отсталых городах существует еще паланкин и даже рикша является прогрессом. В сообщении между городом и деревней извоз на лошади имеет большое значение в Маньчжурии и в меньшей мере на Севере Китая. Человек в роли средства передвижения часто вытесняет своей дешевизной скот. Ведь транспорт одной тонны груза на один километр на спинах кули на Юге Китая стоит 0,10—0,15 германской марки, а посредством вьючного скота — 0,20—0,25 марки. В центральном Китае транспорт одной тонны груза на один километр на спинах кули стоит 0,15—0,20 марки, а вьючным скотом — 0,25—0,30 марки [1]. Наиболее дешевым видом старомодных средств транспорта является водный транспорт на лодках, джонках, сампанах. Несмотря на убийственную конкуренцию пароходов, в этой отрасли транспортной промышленности все еще заняты сотни и сотни тысяч, если не миллион человек. На главных артериях водного транспорта, в особенности на Янцзыцзяне этот вид средств транспорта играет уже совершенно подчиненную роль и обслуживает лишь крупные пароходы. Но на менее значительных реках он обслуживает решающую часть грузооборота. В приморской полосе джонки и сампаны обслуживают некоторую часть каботажного плавания и почти целиком и полностью китайское рыболовство. Наряду с явным и быстрым процессом упадка старомодного водного транспорта и тем самым и старомодного судостроительства наблюдается процесс концентрации этих средств транспорта. Самостоятельный лодочник, владеющий собственными средствами транспорта, все больше превращается в предпринимателя, который объединяет в своих руках десятки и сотни лодок, джонок и сампанов.

Из современных средств транспорта наиболее важное место занимают железные дороги и океанское и речное судоходство.

Для характеристики развития этих видов транспорта мы приводим следующие данные [2]:

---

[1] Wagner, Die chinesische Landwirtschaft, с. 166.
[2] «China Econ. Journal» № 3, 1929, с. 189.

Годы	Длина ж.-д. сети в километрах	Тоннаж прибывших и отбывших судов (в тыс. тонн.)	Из него китайский тоннаж (в тыс. тонн)	Годы	Длина ж.-д. сети в километрах	Тоннаж прибывших и отбывших судов (в тыс. тонн)	Из него китайский тоннаж (в тыс. тонн)
1900 . .	470	40 807	7 864	1914 . .	—	90 663	21 783
1901 . .	1 236	48 417	6 435	1915 . .	—	90 663	24 159
1902 . .	1 516	53 990	9 341	1916 . .	—	88 020	23 398
1903 . .	1 892	57 290	9 911	1917 . .	11 004	86 907	24 023
			14 768	1918 . .	10 918	80 248	21 783
1904 . .	1 976	63 772	16 407	1919 . .	—	95 726	27 089
1905 . .	3 616	72 756	16 186	1920 . .	10 927	104 267	27 653
1906 . .	5 953	75 820	16 687	1921 . .	11 004	114 620	31 791
1907 . .	6 698	80 109	16 946	1922 . .	11 004	124 131	32 858
1908 . .	8 042	86 772	17 861	1923 . .	11 544	131 305	32 434
1909 . .	8 524	88 777	19 598	1924 . .	11 544	141 433	33 289
1910 . .	8 724	85 930	24 957	1925 . .	—	128 203	33 003
1911 . .	9 854	87 563	24 159	1926 . .	—	134 660	28 393
1912 . .	9 854	93 335	23 397	1927 . .	12 000	116 211	21 636
1913 . .	9 982	97 984	24 023	1928 . .	—	152 630	36 522

Из этой таблицы видно, что железнодорожная сеть Китая возросла за период 1910—1920 гг. на 125%, а за период 1920—1927 гг. приблизительно на 14%. Замедление темпа прямо-таки поразительное.

На всех китайских железных дорогах вместе с управленческим, канцелярским и инженерным персоналом в 1924 г. было занято около 120—130 тыс. чел., в том числе около 28 тыс. рабочих металлистов в разных депо [1] (в Индии число железнодорожников достигает 780 тыс. чел.).

Однако роль даже этой жалкой железнодорожной сети в экономике страны огромная. Число перевезенных пассажиров только на пяти ж.-д. линиях собственно Китая за период 1911—1921 гг. возросло с 10,1 млн. до 18,1 млн. человек, т. е. на 81%, а грузооборот возрос с 5,5 млн. тонн до 16,4 млн. тонн, т. е. на 200%. В области новой колонизации этот процесс идет еще быстрее. Грузооборот КВЖД за период 1903—1926 гг. возрос с 6,9 млн. пудов до 139,8 млн. пудов, т. е. почти на 2 000%. Число перевезенных пассажиров на ЮМЖД за период 1907—1926 гг. возросло с 1,5 млн. до 8,2 млн. или на 447%, а грузооборот с 1,4 млн. тонн до 11,5 млн. тонн, т. е.

[1] По данным «Китайского рабочего ежегодника».

на 721%[1]. Однако, роль и значение железных дорог в экономической жизни страны резко изменились за годы милитаристических войн. Отдельные генеральские группы захватывали железные дороги, забирали их доходы, использовывали их для переброски войск, не принимая никаких мер к поддержанию линии и подвижного состава. Захват паровозов и подвижного состава для военных целей, прекращение грузооборота и пассажирского сообщения стали каждодневным явлением. Американский эксперт Строунь считал, что только государственные железные дороги Северного Китая потеряли вследствие генеральских войск около 500 млн. долларов. За исключением Манчжурии и двух линий в долине Яньцзыцзяна разрушение и расстройство железно-дорожного транспорта идет быстрым темпом. Новое строительство идет только в Манчжурии, но и там чрезвычайно затрудняется борьбой между японским и китайским капиталом за отдельные линии. Бельгиский капитал получил концессию на продление Лунхайской ж. д. до Сиянфу, но генеральская война не позволяет осуществлению этого плана. Окончание постройки железно-дорожной линии Кантон-Ханькоу также не сдвинулось с мертвой точки, несмотря на многочисленные проекты китайского капитала и несмотря на то, что заинтересованный в этом английский капитал часть английской доли боксерской контрибуции предназначил для это цели. Министр путей сообщения Нанкинского правительства, Сун-Фо попытался взять под контроль центрального правительства управление железными дорогами, но эти попытки разбились о сопротивление генеральских групп. А планы об осуществлении мечты Сун-Ят-Сена в смысле железно-дорожного строительства остались именно мечтами. Китайский капитал оказался не способным приступить в Собственном Китае к постройке новых дорог, а иностранный капитал выжидает более благоприятную политическую обстановку и, очевидно, на ближайшее время напрасно ожидает ее. Лунхайская ж. д., Пейшен-Ханькоуская ж. д., Тяньцин-Пукоуская ж. д. служили за последние годы больше военным, чем экономическим целям. А теперь уже шаньдунские и шаньсийские ж. д. все более втягиваются в водоворот милитаристических войн. Более или менее «нормально» работают лишь железные дороги в Манчжурии и шанхайские линии. Во всяком случае несомненно, что в области ж. д. транспорта прогресса нет, а имеется явный упадок.

[1] О других ж.-д. линиях нет подходящих для сравнения данных, ибо они находились в процессе постройки или же о них вообще нет сведений.

Что же касается судоходства, то весь тоннаж прибывших и отбывших судов возрос за период 1900—1910 гг. на 117%, а тоннаж судов под китайским флагом на 152%; за период 1910—1920 гг. весь тоннаж возрос на 17%, а китайский тоннаж — на 36%; а за период 1920—1926 гг. весь тоннаж возрос на 29%, а китайский — на 24% (в основу сравнения взят 1926 г. потому, что 1927 г. дал весьма резкое, но конъюнктурное снижение, которое в 1928 г. уже было ликвидировано). Доля тоннажа под китайским флагом во всем тоннаже составляла в 1900 г. 19%, в 1910 г.—22%, в 1920 г.—26%, в 1926 г.—21% и в 1927 г.—18%. За период 1910—1920 г. растет доля китайского тоннажа абсолютно и относительно, а после 1920 г. при небольшом абсолютном росте относительно к иностранному тоннажу уменьшается доля Китая. Подобный процесс мы могли наблюдать в области промышленного производства. Однако в области судоходства этот процесс стал особенно острым начиная с 1927 г., когда генеральские войны и связанные с ними реквизиции пароходов китайских обществ привели к банкротству китайскую коммерческую пароходную К° и вывели вообще из строя множество китайских пароходов. Одно из первых китайских национальных предприятий стало жертвой нанкинской военщины. Позиции национального капитала резко ослабеваются и в этой области.

Не существует сколько-нибудь точных данных о том, каков удельный вес ж.-д. транспорта и пароходства в общем грузообороте страны. Бывший американский советник пекинского правительства Бекер утверждает, что даже теперешняя железнодорожная сеть Китая выполняет работу 25 млн. кули [1]. Никто не подсчитал еще, сколько сампанов, джонок и лодок заменяют собой пароходы; но учитывая тоннаж и быстроту передвижения, можно полагать, что получились бы астрономические цифры.

Американский коммерческий атташе в Китае Арнольд утверждает напр., что если грузооборот США совершался бы китайским способом, т. е. на спине кули, то «потребовалось бы 800 млн. здоровых людей, причем каждый из них должен был бы перевозить в течение одного дня 1 пикуль, т. е. 133,3 фунта груза на расстоянии 50 ли, т. е. 15 миль и они должны были бы работать 300 дней в году, причем 1 млрд. пассажиров, перевозимых каждый год железными дорогами в США остался бы еще вне расчета» [2]. А перевозка китайскими кули стоит все

---

[1] Malony, China, Land of Famine, c. 35.

[2] J. Arnold, Some Bigger Issues in China's Problem, Shanghai 1908, c. 3.

же в 15 раз дороже, чем перевозка по американским железным дорогам. Вполне понятно поэтому, что американский капитал, повидимому, устремится в первую голову в железнодорожное строительство, считая железные дороги в Китае — по словам того же Арнольда — «золотыми приисками». Это стремление усиливается следующим побочным обстоятельством: «В США старые локомотивы из-за большой нагрузки поездов заменяются новыми, вследствие чего хорошие паровозы вышли из оборота. Их можно было бы продавать за половину или даже треть цены новых паровозов. Эти паровозы изумительно пригодились бы для Китая» [1]. Словом, не только промышленники, но и железнодорожные короли США заинтересованы в том, чтобы Китай строил новые дороги. Надо же как нибудь продать старые паровозы. Поэтому Арнольд предлагает китайцам как один из американских «трех народных принципов» — создание современного транспорта. А к современному транспорту принадлежит уже и моторный транспорт. Советник по ж. д. делам, Минтель также предложил нанкинскому правительству проведение ряда мер, обеспечивающих переход даже существующих дорог в руки американского капитала. Однако предпосылкой к осуществлению всех этих планов является с точки зрения финансового капитала устойчивость буржуазно-помещичьей власти. А именно этой предпосылки и не хватает. А захват К.-В. ж. д. не удался американскому капиталу.

Мы уже указали на то, что за последнее время, в особенности начиная с 1928 г., моторный транспорт начинает играть известную роль в транспортной системе Китая. Происходящее довольно быстрым темпом дорожное строительство и возрастающий ввоз автомобилей указывает на то, что тенденция развития идет к быстрому распространению этого вида транспорта. В этом отношении Китай, как и все другие отсталые страны, находится в благоприятном положении в том смысле, что может перенять последнее слово техники, минуя прежние этапы развития. Конкуренция между Фордом и Дженерал Моторс и вызванное ею удешевление автомобилей и автобусов облегчает введение моторного транспорта. Кроме того, следует иметь в виду, что постройка железных дорог требует больших капиталовложений. и по опыту Китая железные дороги становятся прибыльными лишь через 5—12 лет после постройки [2]. Постройка одной мили железной дороги даже

---

[1] J. Arnold, Some Bigger in China's Problem, c. 4.
[2] Remer, Reading in Economics for China, c. 606.

при нынешних сниженных ценах обходится в 50 тыс. долл., а постройка одной мили шоссейной дороги — в 1—2 тыс. долл. Для постройки грунтовых дорог в Китае широко применяется принудительный труд крестьян, демобилизованных солдат и голодающих, — словом, наиболее дешевый труд. В 1928 г. выстроили по все стране около 15—20 тыс. ли шоссейных дорог, темп строительства не ослабляется; дорожное строительство начинает охватывать наиболее отдаленные провинции. В рассчете на развитие автомобильного транспорта Форд уже строит в Шанхае монтировочный завод.

Наконец, в 1929 г. началось в Китае введение авиотранспорта. Китайский пилот на американском аэроплане совершил полет Кантон — Пекин. Появилась первая китаянка в роли летчика. На китайском заводе произвели первый аэроплан. Во время похода Нанкина против гуаньсийской группы аэропланы с китайскими летчиками играли уже некоторую роль. Во время войны с Чжан фа Гуй и Фын Юй-аном роль авиации была еще больше.

Конечно все это только первые ласточки. Но под когда-то неподвижным небом Китая все же появились уже первые аэропланы.

ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ [1]

Проникновение в Китай капиталистического способа производства подорвало основы прежнего общественного порядка, разрушило единство империи и вызвало хотя и побежденную вследствие предательства буржуазии, но все же грандиозную революцию. Теперь встает вопрос о дальнейших путях развития социальной структуры Китая. Вопрос этот можно формулировать так: *Предстоит ли Китаю капиталистический или некапиталистический — в смысле возможности «перепрыгнуть» через стадию развитого капитализма — путь развития?*

Чтобы дать ответ на этот кардинальной важности вопрос, мы должны рассмотреть, каким образом докапиталистические формации в ходе истории превращаются в капиталистические. Мы знаем следующие основные типы:

1. *Победоносная буржуазная революция* (путь Франции): буржуазия и все крестьянство (без различия классовых группировок внутри его) при поддержке плебейских

---

[1] Этот раздел написан т. Е. Варга.

элементов города свергают революционным путем феодальный порядок, экспроприируют землю помещиков и передает ее крестьянам, насильственно расчищают дорогу капиталистическому развитию, утверждают господство буржуазии. Когда революция достигает своей высшей точки, городской пролетариат пытается бороться за свои особые интересы, противоположные интересам буржуазии, но буржуазия и крестьянство совместно подавляют его вооруженной рукой. Классический пример — Великая французская революция.

2. Непосредственный переход к капитализму без победоносной буржуазной революции (путь Пруссии). Политическое господство феодалов-помещиков не ниспровергается насильственным путем; они сами превращаются в капиталистов [1], их феодальная земельная собственность превращается в собственность капиталистическую, их феодальные права на землю и связанные с ними доходы — в капиталистическую земельную ренту; они сливаются с буржуазией, становясь особой разновидностью ее как класса — капиталистами-аграриями; в течение этого периода капиталистические отношения получают широчайшее распространение и становятся господствующими в стране.

Оба эти пути характерны для доимпериалистического периода капитализма.

3. Переход к капитализму происходит благодаря завоеванию, когда империалистическая держава-победительница силою вводит капиталистический порядок, превращая в то же время страну в колонию: путь колониального капитализма, напр., Алжир, Голландская Индия, Британская Индия [2]. В этих случаях докапиталистический порядок еще долго остается нетронутым в сельском хозяйстве, или же на его месте возникает какое-то каррикатурное подобие буржуазной земельной собственности (см. Маркс об Индии).

4. Переход к капитализму совершается под давлением империализма, причем более или менее явное экономическое рабство совмещается с известной степенью политической независимости: полуколониальный капитализм (Латинская Америка).

---

[1] «Вместо «преданности, любви и упоения», они стали торговать свеклой салом и водкой», сказал Маркс о прусских юнкерах-аграриях уже в пятидесятых годах XIX столетия.

[2] Мы не рассматриваем здесь случаев перенесения капиталистического строя в новые земли путем массового переселения, сопровождавшегося полным истреблением туземцев (США, Канада, Австралия).

5. Путь колониальной революции: переход к капитализму стоит в тесной связи с успешной защитой или завоеванием национальной независимости (причем в большей или меньшей степени могут сохраняться и элементы феодального строя). Пример: Япония, Турция.

Эти три пути характерны для периода империализма, причем в действительности отсутствуют остро-очерченные грани между ними: налицо вся гамма оттенков, начиная с абсолютного порабощения Северной Африки или Индии и кончая чисто экономической зависимостью при кажущейся полной политической самостоятельности Аргентины или Турции.

Нам думается, что ни по одному из этих путей не пойдет Китай. Ни в одной из этих форм немыслимо прочное утверждение в Китае капиталистического порядка. Чтобы доказать это, мы должны вкратце рассмотреть все особенности того общественного строя, который существовал в Китае до проникновения империализма в страну.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КИТАЯ ДО ПРОНИКНОВЕНИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА В СТРАНУ

Отметим основные особенности общественного уклада, который существовал в Китае до проникновения туда империализма.

1. Основа прикрепления работника к земле в Китае — отнюдь не недостаток рабочих рук, в результате которого явилось некогда в Европе закрепощение непосредственного производителя, прикрепление его к поместью феодала; напротив — недостаток земли заставляет непосредственного производителя итти в любую кабалу, только бы иметь возможность обрабатывать ничтожный клочок земли.

Экономическим базисом европейского феодального строя были землевладение и крепостничество. Поместье, даваемое королем в вечное владение, наследовалось из поколения в поколение. Но размер дохода зависел не от количества земли, а от числа крепостных. Решающим моментом являлось не господство над землей, а господство над рабочей силой. Счет велся не на гектар, а на «души». Только переход к капитализму — в соединении с сильным ростом народонаселения — принес с собою примат земли, как условия производства, над рабочей силой (огораживание в Англии, Пруссии и т. д.).

Совершенно иное издавна наблюдается в Китае (мы имеем в виду собственно Китай, а не редко населенные окраины — Манчжурию, Монголию). Решающим производственным фактором является земля, а не имеющаяся в изобилии рабочая сила. Земля здесь — не родовая вотчина, переходящая от поколения к поколению феодалов; она свободно продается и покупается, владельцы ее часто меняются, как при капитализме. В Китае существует, конечно, крупное землевладение, но нет феодального владычества (то обстоятельство, что размеры крупного имения исчисляются в Китае всего сотнями или даже дюжинами гектаров, а не десятками тысяч, как в Европе, ничего не меняет в сути дела: принимая во внимание, что в Китае жатву собирают четырежды в год, земельные владения указанных размеров нельзя не считать крупными). Там существует класс, живущий исключительно земельной рентой. Хотя эта земельная рента часто уплачивается натурой, она все же не является феодальной рентой, основанной на правах господства; это — «капиталистическая», ростовщическая рента, отнимающая у непосредственного производителя, бедняка-крестьянина, арендатора не только его жалкую «прибыль», но и значительную часть его заработной платы — помимо собственно земельной ренты.

В соответствии со свободой купли и продажи земли, в Китае не существует обособленного от буржуазии и ей противостоящего класса-сословия феодальных землевладельцев, как то имело место в Европе перед буржуазной революцией. Поскольку земельная собственность свободно переходит из рук в руки, каждый капитал может быть вложен в землю, любая сумма денег может дать право на получение земельной ренты, каждый ростовщик, купец, казнокрад-чиновник, удачливый разбойник может стать помещиком. А так как вследствие слабого развития промышленного капитализма можно выгодно поместить капитал только в земле, то каждый богатый человек становится землевладельцем! Происходит своеобразная предкапиталистическая нивеллировка: все слои господствующих классов выступают в качестве землевладельцев. Не исконные феодальные владыки сливаются с буржуазией, превращаясь в аграриев-капиталистов, а наоборот: ростовщики, торговцы, откупщики — эти характерные фигуры докапиталистической буржуазии — скупают земли и сливаются с помещичьим землевладением; при этом остается в силе характерная черта феодального порядка: управление и суд в сельских местностях являются монополией землевладельцев; эти

последние противостоят крестьянам, как представители государственной власти.

2. Вторая особенность социальной структуры Китая до проникновения империализма в страну — чрезвычайно сильное развитие ростовщического и торгового капитала на базе докапиталистического способа производства. «Средние века, — говорит Маркс, — завещали две различные формы капитала, которые достигают зрелости в совершенно различных общественно-экономических формациях, и до наступления эры капиталистического производства считаются капиталом quand même: ростовщический капитал и купеческий капитал» [1].

Но в Китае наличие капитала и избыточной рабочей силы не привело к самостоятельному развитию капиталистического промышленного производства. Как часто отмечал Маркс, из одного лишь наличия только что указанных двух видов капитала еще не вытекает с неизбежностью возникновение капиталистического способа производства; более того — чрезмерное развитие этих двух видов капитала составляет препятствие для капиталистического развития в собственном смысле слова.

«Там, где средства раздроблены, ростовщичество централизует денежное имущество. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при более жалких условиях». «При всяких докапиталистических способах производства ростовщик играет революционную роль лишь постольку, поскольку он разрушает и уничтожает формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй страны. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции (разрядка наша — *Е. В.*). Лишь там и тогда, где и когда имеются в наличности остальные условия капиталистического способа производства, ростовщик является одним из орудий, созидающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал» [1].

---

[1] Маркс. Капитал, перевод под редакцией Богданова, Базарова и Степанова, т. I, гл. XXIV, с. 711.

[1] Маркс, Капитал., т. III, ч. 2, гл. XXXVI, с. 134.

Точно так же обстоит дело и с торговым капиталом в докапиталистических формациях:

«Его (торгового капитала) развитие, взятое само по себе, недостаточно для того, чтобы вызвать переход одного способа производства в другой и дать ему объяснение»[1].

«Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т.-е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»[2].

Во всяком случае можно считать твердо установленным тот факт, что до проникновения империализма в Китай там процветал и ростовщический и торгашеский капитал, но капиталистического способа производства не существовало.

3. **Капиталистический способ производства зарождается в Китае не самопроизвольно, но является следствием внедрения в страну иноземного капитала.** Зачатки капиталистического развития означают для Китая постепенное порабощение его иноземным капиталом. Начало капиталистического развития и подчинение империализму составляют здесь единый процесс.

Поэтому внедрение капитализма переживается здесь гораздо болезненнее и действует гораздо разрушительнее, чем когда та или другая страна самостоятельно проходит путь капиталистического развития. Старое, докапиталистическое китайское общество распадается, и процесс этого распада порождает значительные революционные силы.

Крестьянское хозяйство и раньше находилось в состоянии хронического упадка вследствие того, что ростовщический капитал и непомерно высокая земельная рента съедали, помимо собственной ренты, еще и значительную часть заработной платы земледельца; теперь же, благодаря проникновению в страну иностранного текстиля, производимого капиталистической промышленностью, крестьянское хозяйство теряет свое единственное подспорье — кустарные промысла. Крестьянство быстро диференцируется; незначительная часть его обогащается на растущей нищете широких масс; некоторая часть крестьянства совсем выбрасывается из производственного

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, гл. XX, с. 303.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, гл. XX, с. 304.

процесса. Аналогичный процесс разложения и распада претерпевает и городское ремесло. Широчайшие массы «лишних рабочих рук» дают человеческий материал для эмиграции, для колонизации Манчжурии, для наемных армий, банд хунгузов, толп нищих. Упадок крестьянского хозяйства и ремесла массами гонит избыточные рабочие руки на городской рынок труда, где они сбивают заработную плату необученного рабочего до уровня хронического голодания...

В тех странах, где капиталистическая промышленность развивается в пределах их собственной территории, часть этих избыточных рабочих рук поглощается фабрикой. Но в Китае это имеет место в крайне ограниченных размерах, и лишь постольку, поскольку фабрики и заводы основываются иностранцами.

Под нажимом империализма наличные докапиталистические формы туземного капитала подчиняются иностранному промышленному капиталу. Часто они, под эгидой иностранного капитала, превращаются в промышленный капитал (смешанные иностранно-китайские предприятия)[1], частью же вынуждены просто исполнять подсобную роль при во много раз сильнейшем иностранном капитале.

В связи с внедрением иностранного капитала в страну, на службу к нему поступает самая значительная часть китайского торгового капитала. Китайские купцы заготовляют по деревням чай, табак, бобы, шелк для экспортирующих фирм. Так как капиталы их в количественном отношении сильно уступают капиталам иностранцев, а также вследствие того, что последние, как завоеватели, пользуются особыми привилегиями, китайский торговый капитал попадает во все большую зависимость от иностранного капитала.

Нечто аналогичное происходит с примитивными китайскими, так называемыми, «туземными банками» (равно как и ростовщическим капиталом вообще): они по существу становятся агентствами крупных иностранных банков, основанных в Китае чужеземным — преимущественно английским — капиталом.

Политическое и социальное значение этого подчинения иностранному капиталу туземной торговли, ростовщичества, а часто и промышленного капитала состоит в том, что тем

---

[1] Попытки китайской буржуазии самостоятельно развить у себя промышленный капитал были насильственно пресечены империализмом. Обильный материал по этому поводу читатель найдет в главе, посвященной фабрично-заводской промышленности.

самым китайская буржуазия как класс [1] попадает в подчинение буржуазии иноземной; а так как китайская буржуазия — как мы показали выше — тесно срослась с помещиками, составляет с ними один правящий класс, то в подчинение иноземной буржуазии попадает весь правящий класс Китая [2].

Но иноземная буржуазия не только подчиняет себе правящие классы Китая: она их и раскалывает. Иностранный капитал не един, иноземные владыки Китая представляют различные борющиеся между собой империалистические державы (Англия, Япония, Франция, Америка) и их противоречия переносятся на те группировки туземной буржуазии, которые связаны с каждой из упомянутых держав. Борьба империалистов между собою продолжается внутри китайской буржуазии, раскалывает ее и не дает ей объединиться.

Подоплекой войн китайских генералов является борьба противоречивых интересов империалистических держав и подчиненных им группировок правящего класса Китая.

Оба эти обстоятельства — то, что правящий класс Китая и подчинен иноземной буржуазии, и раздроблен ею — чрезвычайно важны для определения того, возможен ли «кемалистский» путь развития Китая.

4. Результатом общей отсталости техники, свойственной докапиталистическим формациям, является отсталость военной техники [3]: за истекшее столетие китайская армия, при всем ее численном превосходстве, не могла оказать сопротивления ни одной из империалистических армий.

5. Особое значение имеет то обстоятельство, что переход Китая от докапиталистической структуры общества к капиталистической должен был совершаться в эпоху загнивания и упадка капитализма:

---

[1] Именно как класс в целом, потому что отдельные группировки,—особенно промышленные капиталисты—в известные моменты революции могут выступить против империалистов.

[2] Джентри и старая чиновничья аристократия тоже являются звеном того передаточного механизма, который связывает между собою иностранный капитал и китайского крестьянина, являющегося и потребителем и основным поставщиком сырья; авторитет местной джентри и бюрократии полезен для мирного течения торговых дел—и за свою деятельность по поддержанию порядка они соответственно вознаграждаются. Таким образом весь правящий класс Китая приобретает в большой или меньшей степени компрадорский характер.

[3] Здесь сыграли роль и факторы историко-идеологического порядка, тысячелетиями длившаяся обособленность от внешнего мира, отсутствие войн и развившаяся на этом базисе надстройка—пацифистские идеи.

а) При острой борьбе империалистических держав за монопольное овладение рынками, Китай, с его громадной территорией и 450 млн. населения, представляет собою в настоящее время единственное место на земном шаре, которым империалисты еще не овладели полностью. Естественно, что он является главнейшим объектом борьбы между империалистическими державами.

б) Капиталистический строй и буржуазия, как класс, уже не являются более — в масштабе мировом — носителями исторического прогресса. Напротив, они представляют собою путы для исторического развития. Свержение буржуазного строя и гигантскими шагами идущее вперед социалистическое строительство в Советском Союзе свидетельствуют трудящимся всего мира о начале конца капитализма. Ясно, что это оказывает глубочайшее влияние на развитие классовых взаимоотношений в Китае.

Вот те важнейшие особые моменты, которые будут оказывать решающее влияние на грядущий ход событий в Китае.

Посмотрим теперь, может ли вообще при данной исторической обстановке формироваться в Китае буржуазный строй общества.

Для этого мы в отдельности рассмотрим все описанные выше пути перехода докапиталистических формаций в капиталистические применительно к Китаю.

ПУТЬ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ КИТАЯ НЕМЫСЛИМ

Из всего вышесказанного с неизбежностью вытекает, что о «классической» буржуазной революции, о французском пути перехода к капитализму, к буржуазному строю для Китая не может быть речи по следующим соображениям:

а) все слои буржуазии причастны к землевладению, являются получателями земельной ренты, заинтересованы в порабощении и ростовщической эксплоатации крестьянства (также и по линии товарного и денежного ростовщичества), срослись в большей или меньшей степени с помещичьим классом; поэтому невозможна возглавляемая буржуазией крестьянская революция, направленная против помещиков. Сросшаяся с помещичьим классом буржуазия не может устраивать сама против себя революцию (это с особенной ясностью доказывается тем, что нынешний «буржуазный» режим в Китае ликвидирует все завоевания крестьянского движения, даже снижение арендной платы на 25%, являвшееся программным требованием гоминдана).

б) То обстоятельство, что буржуазная революция в Китае должна была бы протекать в период упадка мирового капитализма, в корне изменяет взаимоотношения буржуазии и пролетариата в самом процессе революции. В «классических» буржуазных революциях доимпериалистической эпохи буржуазия выступала в качестве представителя общих интересов всех «трудящихся» классов против феодалов-помещиков. Пролетариат, как особый класс с особыми, противоположными буржуазии, интересами, всегда появлялся на исторической сцене в краткие моменты апогея революции. В нынешнюю же эпоху упадка капитализма, когда классовые противоречия буржуазии и пролетариата в мировом масштабе имеют первенствующее значение, когда пролетариат Советского Союза уже создал на глазах у всего мира свое собственное государство, — в эту эпоху пролетариат никогда уже не пойдет вслед за буржуазией и под ее водительством, никогда безоговорочно не поддержит буржуазную революцию.

При всяком массовом движении китайский пролетариат, давно уже ведущий ожесточенную классовую борьбу с буржуазией, будет преследовать свои собственные классовые цели, выставлять свою собственную программу. Опасность «перерастания» всякой попытки буржуазной революции в демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства осознается буржуазией весьма остро. Поэтому китайская буржуазия — даже независимо от ее связи с помещичьим классом — всегда будет остерегаться всяких попыток революционного устранения феодальных элементов, хотя они и являются помехой для развития буржуазного строя. Китайская буржуазия окончательно стала контрреволюционной[1]. Поэтому о французском пути развития для Китая не может быть и речи. А это означает, что в рамках буржуазного порядка аграрный вопрос неразрешим, что вся огромная масса эксплоатируемого крестьянства пойдет по пути некапиталистической революции.

ПРУССКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ НЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ МЕСТА В КИТАЕ

То, что буржуазия и помещики образуют в Китае единый, более или менее однородный правящий класс, заставляет сперва предположить возможность прусского пути развития, т. е. превращение феодально-помещичьего класса в капитали-

[1] Ниже мы еще остановимся на роли китайской буржуазии в революционном движении истекших годов.

стов (с сохранением известных политических и административных привилегий и прерогатив). Без сомнения, на окраинах есть данные для такого типа развития. Чжан-Цзо-лин и Фын являются одновременно генералами, феодальными владыками и промышленными капиталистами. Однако для Китая в собственном смысле слова — исключая окраины — этот путь развития по нашему мнению невозможен.

а) Прежде всего для такого типа развития нет материальной базы — характерного для Пруссии сельскохозяйственного производства. Владения китайского помещика — опять-таки исключая окраины — раздроблены на бесчисленное количество обработанных крестьянами парцелл, вдобавок по большей части территориально разбросанных так, что даже «огораживание» не даст ничего похожего на крупное помещичье хозяйство в Пруссии.

б) Переход от феодальных земельных отношений к буржуазному аграрному капитализму означает «освобождение» от земли широких масс крестьянских непосредственных производителей. В Пруссии эти массы частью были поглощены быстро развившейся капиталистической промышленностью, частью же хлынули широким эмигрантским потоком в Америку. Только лишь страна, где капитализм развивался особенно быстро — и притом в эпоху общего капиталистического подъема — могла вступить на такой путь развития, не вызвав этим массового революционного движения «освобожденного» крестьянства.

Все эти предпосылки в Китае отсутствуют. Правящий класс Китая необычайно беден капиталами в форме средств производства. У всех слоев китайской буржуазии состояние — это не средства производства, а земля, т. е. голый правовой титул на эксплоатацию крестьянства, на получение земельной ренты. При исключительно низкой заработной плате применение вытесняющих рабочую силу средств производства является нерентабельным; поэтому еще в наши дни уголь из далеких копей доставляется на спинах кули. Отсюда исключительно слабое развитие производительных сил и ничтожный удельный вес основного капитала. Имущество богатого человека состоит, в соответствии с древней культурой народа, почти исключительно из произведений искусства — ювелирных изделий, скульптур, шелков ручной работы, старинных вещей и т. п. (в Китае нет месторождений золота, поэтому мертвый капитал воплощается, помимо серебра, главным образом, в произведениях искусства). Основной формой, в которой сохранился накопленный за тысячелетия прибавочный труд, являются пло-

тины, каналы, великая стена, бесчисленные храмы и монастыри. То ничтожное количество производительных капиталов, которое вообще есть в стране, находится по большей части в руках иностранцев [1].

Отсюда следует, что ни в земледелии, ни в сельском хозяйстве нет материальной базы для быстрого прогрессирующего капиталистического развития, а, следовательно, и для поглощения «освобожденных» от земли крестьянских масс промышленностью, или крупным, поставленным на капиталистический лад помещичьим хозяйством.

Империалистические державы преграждали путь к развитию китайской промышленности, не позволив китайской буржуазии проводить покровительственную таможенную политику [2] (введенный в 1929 г. новый таможенный тариф не предоставляет китайской промышленности необходимой защиты: таможенные ставки приноровлены не к интересам китайской промышленности, а к интересам индустрии империалистических держав).

---

[1] О значении этого см. Сталин, О перспективах революции в Китае его-же, Об оппозиции, с. 424.

[2] Признание 1/II 1929 за Китаем права на «таможенную автономию» нисколько не меняет дела. Пошлины, введенные Китаем с разрешения империалистов, отнюдь не дают китайской промышленности необходимой защиты (это открыто признается крупно-капиталистической прессой, напр. «Statist» от 15/VIII 1928). Новый таможенный тариф рассчитан исключительно на увеличение доходов фиска, а вовсе не является покровительственным тарифом. Пошлины взимаются исключительно с цены и колеблются между $2^1/_2$ и $22^1/_2$ процентами ее. Товары разделены на 7 групп:

Группа *а* (7 наименований): спиртные напитки, сигары, папиросы и т. п.— $22^1/_2\%$; группа *б* (12 наименований): виноградные вина, пиво, фрукты, золото, серебро, платина, платиновые изделия, драгоценные камни, листовой табак и т. п.—$17^1/_2\%$; группа *в* (28 наименований): тонкие шелковые изделия, шерсть, готовое платье, обувь и т. п., часы, оптические и фотографические принадлежности, музыкальные инструменты, автомобили и авточасти, сахар, консервы и т.,—$12^1/_2\%$; группа *г* (32 наименований): пряжа, электротехнические товары, мыло, бумага и фарфор—10%; группа *д* (42 наименования); простые хлопчатобумажные и шерстяные ткани, масла, нефть, газолин и т. п.—$7^1/_2\%$; группа *е*: прочие товары — 5%; группа *ж* (10 наименований): хлопок-сырец, удобрения и т. п.—$2^1/_2\%$. Прежние таможенные ставки — $5+2^1/_2\%$ остаются в силе, так что фактически ввозные пошлины на $7^1/_2\%$ выше только что приведенных.

Таким образом, оказывается, что 1) таможенные ставки в среднем ниже, чем в капиталистических странах, 2) таможенные ставки приноровлены не к интересам китайской промышленности, а к интересам промышленности империалистических стран. Это видно из того, что высокие пошлины взимаются с товаров, не имеющих никакого значения для развития в Китае машинной индустрии, в то время, как важнейшие товары, напр. хлопчато-бумажные ткани, облагаются минимальной ставкой — $7^1/_2\%$.

Ясно, что при почти свободной конкуренции с индустрией высокоразвитых стран, которые к тому же практикуют на китайском рынке дэмпинг, быстрое развитие китайской промышленности и в будущем не может иметь места (особенно принимая во внимание все обостряющуюся конкурентную борьбу на мировом рынке).

Цифровые данные по ввозу машин яснее всего свидетельствуют о замедленном темпе индустриализации Китая. Так как собственного производства машин в Китае не существует, то размеры импорта машин являются наиточнейшим мерилом для темпа индустриализации. Мы имеем следующую картину [1]:

Годы	В млн. таэлей	Курс в амер. центах	В млн. долл.
1913—16	7,2	70	5,5
1917	6,5	103	6,7
1918	8,3	126	10,2
1919	15,5	139	21,15
1920	24,6	76	18,5
1921	58,8	76	44,7
1922	51,5	83	42,8
1923	28,6	80	18,9
1924	25,5	81	17,7
1925	17,3	84	14,5
1926	19,8	76	15,0
1927	—	—	15,0

Приведенные цифры недвусмысленно показывают, что темп индустриализации Китая — замирающий, что является естественным следствием борьбы империалистских держав за сбыт на мировом рынке. Отсюда следует, что в случае вступления Китая на прусский путь развития, китайская промышленность никогда не смогла бы вобрать те избыточные рабочие руки, которые выбросило бы на рынок труда сельское хозяйство, как это было в Германии [2].

---

[1] Источники: до 1923 включительно—«China Handbook»; до 1924—1926—«Foreign Trade of China», Шанхай, таможенная инспекция; за 1927—«Handbuch für die deutche Machinenindustrie» (в приведенные цифры не входит ввоз электрич. машин, локомотивов и автомобилей).

[2] В Китае нет статистики по запросам движения народонаселения между городом и деревней (промышлнностью и сельским хозяйством). Но с уверенностью можно сказать, что в последние десятилетия, в результате внедрения в страну иностранного капитала, основания иностранных предприятий и полного упадка ремесла, особенно в портовых городах—стало замечаться своеобразное „бегство в деревню“ вместо присущего эпохам расцвета капитализма „бегства в города“. Мы можем с уверенностью утверждать это по аналогии с Индией, где упадок ремесла вследствие проникновения в страну капитализма

Кроме того, для китайского крестьянства нет выхода и в эмиграции за океан, — выхода, который в свое время представился крестьянству Германии. Эмиграция из Китая в колонии, где обосновываются белые поселенцы, запрещена. Остается Манчжурия и северо-западные страны с суровым климатом и почвой, где к тому же существует государственная монополия на землю, ограничивающая возможности колонизации. При быстро прогрессирующем в Манчжурии освоении земель помещиками и богатыми крестьянами, бедняк может устроиться там лишь в качестве наемного рабочего, батрака. Поэтому колонизация Манчжурии лишь наново воспроизводит существующие в Китае аграрные противоречия, но в более острой форме.

Следовательно, прусский тип развития в Китае неосуществим; этим путем не может быть разрешен аграрный вопрос, не может быть осуществлен переход к устойчивым формам буржуазного общества.

Итак, в Китае не может иметь места ни один из двух путей перехода к буржуазному строю, характерных для доимпериалистической эпохи.

КЕМАЛИСТСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ДЛЯ КИТАЯ НЕВОЗМОЖЕН

Китай не может сам по себе превратиться из докапиталистической в капиталистическую, независимую страну; это могло бы произойти лишь в борьбе с империалистами, как то было в Турции. Однако этот кемалистский путь для Китая закрыт, как мы сейчас увидим, сравнив положение и социальные условия обеих стран.

а) Хотя турки и неоднократно терпели поражения в борьбе с современными европейскими армиями, однако в общем и целом турецкая армия не стояла качественно ниже армий европейских империалистов, как то имело место в Китае. Поэтому, выступив в удобный момент (непосредственно после мировой войны), Турция могла бороться за свою независимость с бóльшими шансами на успех, чем Китай. Чрезвычайно важно и то обстоятельство, что Турция представляет для империалистов

начался гораздо раньше: там существуют периодические демографические переписи, и они отмечают за последнее полустолетие известный отлив населения из городов в деревню. Как бы ни велика была нищета в деревне, но семейная (родовая) организация скорее даст возможность хотя бы жалкого существования, нежели город, где каждый индивидуум — обособленный атом, предоставленный самому себе.

гораздо менее ценный объект эксплоатации, чем Китай (тем более, что лучшие области империалисты уже от Турции отторгли).

б) Военное могущество империалистов в Китае несравненно больше, чем было в Турции. Еще недавно они имели свои гарнизоны во всех крупных китайских городах; их военные суда стоят в портах Китая и крейсируют по его внутренним рекам, доходя до сердца страны. Отдельные области, как напр., Южная Манчжурия, находятся под военным владычеством Японии. Поэтому борьба с империалистами стратегически гораздо труднее в Китае, чем в Турции.

в) Важнее всего однако различие социальных структур. Когда Турция повела национально-освободительную войну с империалистами, она стояла на еще более низкой ступени капиталистического развития, чем Китай. Поэтому противоречия между пролетариатом и буржуазией не играли такой роли; гораздо меньшей была опасность перерастания буржуазной национально-освободительной революции в революцию рабоче-крестьянскую тем более, что восставшая Турция имела возможность разрешить у себя аграрный вопрос. Поэтому турецкая буржуазная и антиимпериалистическая революция могла быть доведена до победного конца, в то время как китайская буржуазия, из страха перед перерастанием национально-освободительного движения в движение рабочих и крестьян, предала революцию и сдалась на милость — или немилость — победителей-империалистов [1]. Если бы в будущем представилась аналогичная ситуация, то повторилось бы то же самое, но в более широком масштабе.

Положение колониальной и полуколониальной буржуазии всегда двойственное. Как буржуазия колониальная, она вместе со всеми трудящимися страны, заинтересована в избавлении от чужеземного гнета. Но как буржуазия, она — на этот раз вкупе с империалистической буржуазией — заинтересована в сохранении классового строя и классового господства. Она лишь до тех пор может возглавлять национально-освободительное движение, покуда оно носит буржуазный характер, покуда оно не перерастает в движение антикапиталистическое. Но кемалистская революция в Китае должна была бы — будь она вообще возможна — развиваться в период упадка капитализма, когда вопрос о свержении буржуазии во всем мире стоит в порядке дня, когда вследствие этого широ-

[1] **Сталин**, Об оппозиции (беседа со студентами Университета имени Сун-Ят-Сена), с. 573.

кие массы китайских рабочих и крестьян могут быть втянуты в национальное движение лишь под такими лозунгами, которые далеко выходят за рамки буржуазной революции; поэтому китайская буржуазия навсегда лишена возможности стать во главе национально-освободительного движения.

Итак, мы приходим к выводу, что полная ликвидация феодальных отношений и переход к капитализму, к буржуазному строю в Китае не может больше осуществиться в форме победоносной национальной революции, возглавляемой китайской буржуазией. Переход Китая к капитализму осуществим лишь при господстве иностранного капитала и может, следовательно, мыслиться в рамках одной из двух указанных выше схем (4—5): китайская буржуазия должна подчиниться иноземной буржуазии, причем Китай станет либо полуколонией (экономическое рабство при видимости политической самостоятельности), либо колонией в полном смысле слова. Существенно при этом то, что в обоих случаях феодальные элементы докапиталистического строя Китая не упраздняются: колониальная эксплоатация осуществляется иноземной буржуазией в виде надстройки над феодальной эксплоатацией крестьянства помещиком и ростовщиком и таким образом эксплоатация трудящихся удваивается.

Но, прежде чем заняться подробно этим вопросом, остановимся ненадолго на той роли, которую до сих пор играла буржуазия в ходе китайской революции.

РОЛЬ КИТАЙСКОЙ БУРЖУАЗИИ В РЕВОЛЮЦИИ

Если признать правильной нашу точку зрения, согласно которой китайская буржуазия не может возглавить буржуазную революцию, а, наоборот, стала классом контрреволюционным, не успев осуществить свою историческую миссию — создание капиталистического общества, то может показаться, что китайская политика Коминтерна (поддержка национально-освободительного движения, возглавлявшегося в 1925—1927 гг. буржуазией) была ошибочной, как то утверждают троцкисты. Такой вывод будет неверным, и вот почему:

а) китайская революция была революцией антиимпериалистической, т.-е. представляла собою участок общего фронта борьбы мирового революционного пролетариата и порабощенных колониальных масс против господства финансового капитала. Коминтерн обязан был поддержать это движение, по-

скольку оно носило антиимпериалистический характер, хотя и легко было предвидеть, что с момента неизбежного перехода движения из чисто национальной фазы в фазу аграрной революции, китайская буржуазия это движение несомненно предаст.

б) Хотя большая часть китайской буржуазии и приобрела, вследствие внедрения в страну иностранного капитала, чисто компрадорский характер, но, тем не менее, был налицо один из слоев этой буржуазии, интересы которого являлись диаметрально противоположными интересам иностранного капитала—промышленная буржуазия. Она была сильно заинтересована в расширении внутреннего рынка и были все основания полагать, что интересы ее, как буржуазии промышленной, как производящего слоя буржуазии, возьмут верх над ее интересами рентополучателя и ростовщика. Во всяком случае именно здесь уместно было попытаться «получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного» [1]. (Национальная буржуазия, хотя и численно незначительная ,все же представляла собою «массового союзника», так как за нею шли широкие массы городской мелкой буржуазии, студенты, интеллигенция и т. д.). Правильная политика, следовательно, заключалась в том, чтобы вести «политику использования национальной буржуазии, пока революция в Китае была революцией общенационального объединенного фронта», и заменить ее «политикой вооруженной борьбы с национальной буржуазией, когда революция в Китае стала революцией аграрной, а национальная буржуазия стала отходить от революции» [2].

в) Нет сомнений в том, что компартия Китая с запозданием уловила перерастание общенационального освободительного движения в аграрную революцию, что поэтому и поворот в ее отношении к буржуазии — вчерашнему союзнику, а теперь врагу, с которым нужно бороться вооруженной рукой — осуществлялся с запозданием, робко, неуверенно и не до конца, что компартия не вполне сумела высвободиться из под буржуазного влияния [3]. Здесь сыграли роль отсутствие опыта, не-

---

[1] Ленин, Детская болезнь левизны в коммунизме, гл.: «Никаких компромиссов».

[2] Сталин, Об оппозиции, (Китайская революция и задачи Коминтерна) Речь на пленуме ИККИ 24/V 1927, с. 586.

[3] Много интересного материала по этому вопросу дает книга Миффа «Китайская коммунистическая партия в критические моменты».

достаточная теоретическая подготовка вождей[1] и отчасти измена (Тан Пин-сан). Но совершенно неверны утверждения троцкистов, будто компартии Китая была дана историческая возможность, не дожидаясь измены национальной буржуазии, начать против нее борьбу и завершить аграрную революцию, а с нею и дело свержения империалистического гнета, идя во главе крестьянских масс.

Этот ход мыслей глубоко антиленинский. Выходит, будто пролетариат и коммунистическая партия какой-либо страны могут без всякого опыта и при сложнейшей ситуации итти прямехонько к победе[2]. Не имея собственного опыта за плечами, это весьма маловероятно где бы то ни было, а в Китае и вовсе невозможно. Нельзя забывать о специфических китайских условиях. Элементарнейшая предпосылка всякой культуры — уменье читать и писать — является в Китае монополией господствующих классов. Нужно учиться годы, чтобы овладеть китайскими письменами. Рабочие и крестьяне почти все без исключения неграмотны[3]. Поэтому буржуазная интеллигенция почти монопольно осуществляет идейное воздействие на массы. Вожди китайской компартии тоже принадлежали к интеллигенции, тесно связанной с буржуазией общностью культуры и далеко отстоящей в культурном отношении от пролетариата и крестьянства. Разве можно было ожидать от этих вождей разрыва с бур-

---

[1] Страхов, один из вождей китайских коммунистов, говорил на VI Конгрессе Коминтерна: «Мы забывали, что, имея союзником буржуазею, всегда нужно быть готовым к превращению этого союзника во врага» (стенограммы VI конгресса Коминтерна, вып. III),

«Когда мы были в Ухане, наша тактика по отношению к крестьянству и вообще наше отношение к крестьянству, мелкой буржуазии и буржуазии было совершенно небольшевистским. В этом главная наша ошибка. Если раньше мы говорили, что нужен союз с национальной буржуазией, то это не значит, что мы должны были сами превратиться в национальную буржуазию или в мелкую буржуазию. Когда мы были в Ухане, мы именно превратились политически в мелкую буржуазию ради союза с нею» (стенограмма VI конгресса Коминтерна, вып. I, с. 393. Разрядка наша — *Е. В.*).

[2] «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически не верно» (Ленин, О брошюре Юниуса, Соч., т. III, изд. I, с. 439).

[3] Распространение тезисов и циркуляров компартии Китая происходит таким образом: один какой-либо грамотный товарищ читает документ вслух фразу за фразой, а присутствующие до тех пор повторяют за ним каждое слово, покуда не запомнят всего наизусть.

жуазией до того, как измена ее обнаружилась[1].

Рабочие и крестьяне Китая только что боролись совместно с буржуазией, в рядах гоминдана, против ненавистных милитаристов и империалистов; как же можно было ожидать, что неискушенные в революционных боях трудящиеся повернут фронт против этой самой буржуазии до того момента, покуда она нагляднейшим образом, расстрелами восставших рабочих и крестьян, не докажет, — хотя бы и сохраняя при этом старую революционную фразеологию, — своего перехода в лагерь контрреволюции?[2].

Поэтому нет сомнений в том, что стратегическая линия Коминтерна в вопросах китайской революции была правильна. А что компартия не сумела эту линию в исключительно сложной ситуации провести, было при данных исторических условиях неизбежным...

КИТАЙ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Все слои китайской буржуазии сейчас перешли в лагерь контрреволюции. Компрадорская — в тесном смысле слова — буржуазия обреталась в лагере контрреволюции еще в то время, когда революция носила чисто национальный характер. Прочие слои буржуазии изменили движению, когда оно вступило в фазу аграрной революции, которая грозила потерей основного дохода китайского буржуа — ростовщической земельной ренты. Что до «национальной» промышленной буржуазии, то ей толчок к измене был дан быстро растущим экономическим движением индустриального пролетариата.

---

[1] В резолюциях июльского пленума ЦК китайской компартии 1926 г. говорится еще о том, что «нужно поддержать борьбу хороших помещиков и джентри против дурных»; что „арендная плата не должна превышать 50% урожая" и т. д. (См. книгу Миффа, с. 63).

Год спустя, 25/VI—1927 г. руководимая коммунистами «Всекитайская рабочая федерация» приказывает рабочим Ухана добровольно сдать находящееся у них на руках оружие. Там же, с. 93.

[2] Нельзя не констатировать, что крестьянские массы скорее осознали измену буржуазии, чем вожди китайской компартии, и ответили на эту измену формированием крестьянских армий и отказом вносить арендную плату. На это агитпроп ЦК Кит. Ком. партии в Ухане реагировал 1/VIII—1927 следующим циркуляром:

«Настоятельно напоминаем, что партия в своей крестьянской политике твердо проводит линию подавления эксцессов, направленных против землевладельцев, мелкой буржуазии и офицеров». (См. Мифф, с. 92).

С переходом в лагерь контрреволюции капитуляция перед империалистами оказалась неизбежной. Положение таково, что китайская буржуазия — не без колебания и не без националистических фраз, за которыми однако нет никаких реальных возможностей борьбы — образовали с империалистами единый фронт, и что в этом едином фронте китайская буржуазия, как класс, не может разрешить задач буржуазно-демократической революции. Эти задачи буржуазно-демократической революции могут найти свое разрешение лишь в форме революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян против китайской буржуазии.

Теперь встают два вопроса чрезвычайной важности:

а) Вызвала ли победа контрреволюции такие глубокие изменения в экономической базе и всей социальной структуре Китая, которые могут повлечь за собой длительный период затишья революционного движения?

б) Возможен ли в дальнейшем для Китая «некапиталистический» путь развития?

На первый вопрос мы можем ответить отрицательно: победа контрреволюции не вызвала таких изменений в экономической базе и социальной структуре Китая, которые могли бы повлечь за собой затишье в революционном движении.

Экономический базис остался прежним. За последние два года капиталистический способ производства окреп и несколько — хотя и в ограниченных размерах — развился. Этот процесс был однако тесно связан с дальнейшим расширением и углублением господства иностранного капитала в Китае. Это означает, что описанный нами выше упадок крестьянского хозяйства и городского ремесла идет усиленным темпом [1]. Об этом лучше всего свидетельствует страшный голод на севере Китая. Ограбление крестьянства наемными армиями продолжается как ни в чем не бывало, несмотря на высокопарные гоминдановские резолюции о разоружении.

А из этого следует, что ни классовое строение общества, ни социальное соотношение сил существенных изменений не потерпели. Буржуазия попрежнему слаба, попрежнему расколота на отдельные группировки, стоящие в зависимости от империалистических держав, которые борются между собой в Китае и за Китай. Только ситуация сегодняшнего дня еще

[1] Крестьянское хозяйство особенно страдает от истощения почвы в результате нерационально поставленной обработки и от того, что за последние годы плотины и дренажи либо пришли в запустение, либо превращены в частнокапиталистические предприятия; отсюда голод в широких крестьянских массах.

сложнее той, которая была до революции. До революции Соединенные Штаты Америки активной политики в Китае не вели. Они защищали принцип «открытых дверей», как возможную основу будущей своей политики, но непосредственных интересов у них в то время в Китае не было. Теперь картина не та. Соединенные Штаты начинают инвестировать в Китае капиталы, овладевать командными высотами хозяйства (приобретение электрических предприятий в Шанхае). Свое экономическое господство Соединенные Штаты желают распространить на весь Китай; поэтому они поддерживают нанкинское правительство, формально выступающее как правительство всего Китая. Но ведь в действительности нанкинское правительство не является правительством всего Китая; влияние японского, британского, французского империализма на соответствующие группировки китайской буржуазии остается в силе и выражается в существовании в разных концах страны отдельных, фактически независимых от Нанкина, поддерживаемых Японией и Англией правительств; поэтому активная политика Соединенных Штатов фактически вносит не объединение, а еще больший раскол и раздробленность в среду китайской буржуазии. Начавшаяся в сентябре 1929 г. новая война между генералами наилучшим образом доказывает, что об объединении Китая под властью нанкинского правительства не может быть и речи.

Империалисты не скупились на красивые слова и жесты по отношению к Китаю и китайской буржуазии. Соединенные Штаты, которые добиваются мирного превращения Китая в буржуазную республику под американской экономической гегемонией, — в то время, как Англия и Япония опираются прежде всего на феодальные слои господствующих классов и стремятся к расчленению Китая, — поспешили признать нанкинское правительство. Англия и Япония вынуждены были последовать примеру Соединенных Штатов. Однако буржуазия Соединенных Штатов вовсе не намерена претворять красивые слова в дела и отказаться от прав экстерриториальности и т. п., точно так же, как Англия[1] и Япония.

---

[1] «Frankfurter Zeitung» от 7/IX 1929 противопоставляет слова Макдональда его делам. В начале сентября на сессии Лиги наций он заявил следующее:

«В стороне от нас, европейцев, лежит целый древний мир, древний по своей цивилизации, философии, религии и культуре; он не обладал до сих пор внешней, материальной властью, его считали как бы погруженным в сон. И вот теперь мир этот пробуждается и начинает понимать, что самостоятельное национальное развитие имеет огромную политическую ценность. Мы должны

Таким образом, победа контрреволюции de facto не уменьшила зависимости буржуазии от империалистов.

Если империалистические противоречия раздробляют на части китайскую буржуазию, то и она, с своей стороны, пытается маневрировать, используя противоречия между империалистическими державами для усиления своих позиций. Противоречия эти выгодны китайской буржуазии, потому что взаимный контроль сильнейших империалистических держав не дает ни одной из них открыто объявить Китай своей колонией; борьба империалистов друг с другом мешает им также и поделить Китай между собою. Можно с известной уверенностью утверждать, что до следующей мировой войны Китай сохранит — если прежде не разразится революция — свое положение полуколониальной страны [1].

Мы видим, что китайская буржуазия, как класс, попрежнему слаба и раздроблена борющимися между собой империалистами на ряд отдельных группировок. Крестьянское хозяйство и ремесло попрежнему деградируют. По мере развития капитализма развивается и промышленный пролетариат, растет основная революционная сила [2]. К и т а й с к а я р е в о л ю ц и я п о т е р п е л а, правда, п о р а ж е н и е, н о п о б е д а к о н т р р е в о л ю ц и и н е и з б е ж н о в е д е т к еще большему р о с т у тех самых р е в о л ю ц и о н н ы х с и л, к о т о р ы е т о л к а л и р е в о л ю ц и ю з а р а м к и ч и с т о-

---

уважать национальные стремления этих народов, мы должны создать для них условия свободного существования, и это не в виде уступок или одолжения, а потому, что мы сами любим свою свободу и из поколения в поколение у нас передается верность национальной традиции. Мы должны внушить древним государствам Востока доверие к нам, мы не должны доводить их до мысли, что единственный способ добиться освобождения — это разорвать на наших глазах договоры, ныне устаревшие». Почти одновременно с этой речью — 12/VIII 1929 был опубликован текст ответа английского «рабочего» правительства Нанкину по вопросу об отмене экстерриториальности: «Покуда не изменятся сложившиеся в Китае обстоятельства, ничего практически не останется как держаться — хотя бы и в измененной форме — системы экстерриториальности, почти целое столетие регулировавшей отношения между Китаем и живущими на его территории британскими гражданами.

[1] Теоретически не исключена возможность, что при очень продолжительной мировой войне китайская буржуазия могла бы освободиться от владычества империалистов. Но фактически будущая мировая война между империалистами так расшатает основы классового господства буржуазии в мировом масштабе, что для китайской буржуазии эта возможность получить свободу придет, пожалуй, слишком поздно: революция сметет со своего пути и ее...

[2] Пролетариат, как класс, развивается в Китае — и во всех странах с значительным импортом капитала — относительно быстрее, чем буржуазия, так как значительная часть буржуазии, в интересах которой проводится эксплоатация, находится не в пределах страны, а за-границей.

национального движения. Это дает нам уверенность в том, что революция вновь вспыхнет в исторически недалеком будущем. Подъем классовой борьбы пролетариата, наблюдавшийся в 1929 г., является, быть может, предтечей нового революционного шквала, который сольет воедино непрекращающиеся местные крестьянские восстания.

Китайская буржуазия могла бы, с помощью империалистов, отдалить революцию в том случае, если бы ей удалось: 1) либо путем аграрной реформы столыпинского типа создать слой «крепкого хозяйственного» крестьянства с целью расширить свою классовую базу, 2) либо подкупить или развратить — на западный манер — значительную часть рабочего класса.

Создать в Китае слой «крепкого» крестьянства невозможно по той же причине, по которой там вообще невозможно провести аграрную реформу. Земельных запасов, неосвоенных земель в Китае нет; значит землю для «столыпинского мужичка» нужно было бы отнять у помещиков, т. е., главным образом, у самой же буржуазии, что неосуществимо. Кроме того, помещичья земля, разделенная на бесчисленные парцеллы, обрабатывается крестьянами; это значит, что столыпинская аграрная реформа искусственно усилила и ускорила бы тот естественный процесс распада мелкого крестьянского хозяйства, который и без того выбрасывает на городской рынок труда миллионы крестьян-бедняков. А это еще более обострило бы аграрный вопрос.

Путь подкупа значительной части промышленного пролетариата, путь создания рабочей аристократии и реформистского рабочего движения экономически немыслим: ведь Китай — не империалистская держава, пользующаяся сверхприбылями, а напротив — полуколониальная страна, доставляющая иностранной буржуазии эти сверхприбыли. Правда, мы имеем в Китае попытки создать желтые реформистские профсоюзы; правда, часть промышленных рабочих (механики, монтеры, металлисты, печатники), несмотря на абсолютно низкую заработную плату, является слоем, стоящим весьма высоко над миллионами кули и необученных рабочих. При известном стечении обстоятельств и при ошибочной политике компартии — как показало кантонское восстание — этот слой может быть использован контрреволюцией. Но он количественно ничтожен, плохо оплачивается и отнюдь не может служить основой реформистского, антиреволюционного рабочего движения.

Итак, мы приходим к выводу, что победа контрреволюции не внесла существенных изменений

в экономические и социальные отношения Китая; она не разрешила аграрного вопроса, не смягчила бедственного положения трудящихся города и деревни. Поэтому весьма мало вероятна стабилизация господства буржуазии, мало вероятно и наступление затишья в революционном движении. Революция возобновится в скором времени и начнется сразу со второй фазы — с аграрной революции, с диктатуры рабочих и крестьян, а общенациональные задачи разрешит, как говорил Ленин, «попутно»...

ОСТАЕТСЯ ЕЩЕ ОДНА ВОЗМОЖНОСТЬ — ПУТЬ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Социал-демократы всегда защищали то положение, что каждый народ должен пройти через стадию капиталистического производства, прежде чем он созреет для социализма, и что ни в одной стране не может быть осуществлен социализм, покуда не закончится победоносное шествие капитализма по всему земному шару.

Ленин, как известно, стоял на противоположной точке зрения. Отсталые народы, полагал он, могут при помощи и поддержке пролетариата передовых стран притти прямо к советской системе, а затем и к коммунизму, минуя капиталистическую фазу развития [1]. Коминтерн твердо стоит на этой точке зрения в отношении всех колониальных и полуколониальных стран, а следовательно и Китая [2].

Тут встает вопрос: не достиг ли уже капиталистический способ производства в Китае такой степени прогресса, которая не позволяет больше говорить о «возможности миновать капиталистическую фазу развития?» [3].

Мы полагаем, что несмотря на распространение капиталистического способа производства в последние годы, для Китая все же есть возможность миновать фазу высокоразвитого капитализма. Если не считать нескольких крупных предприятий современного типа — копей, текстильных и железоделательных фабрик — то можно констатировать, что капитализм развился

[1] См. речь Ленина на II конгрессе Коминтерна, протоколы, ср. 143.

[2] См. тезисы VI конгресса Коминтерра «О революционном движении в колониях и полуколониях».

[3] Напр., т. Гусев в своей речи на VI конгрессе Коминтерна категорически отрицал восможность некапиталистического пути развития для Китая См. протоколы VI конгресса, т. III, с. 216.

главным образом в сфере обращения: железные дороги, судоходство, банковое дело, внешняя торговля — вот «командные высоты» капитализма в Китае. В сфере производства — особенно сельского хозяйства, наиболее важного для Китая — капитализм еще только начинает укореняться. В наибольшей своей части сельскохозяйственное и мелкопромышленное производство находится еще на докапиталистической стадии развития.

Поэтому весьма и весьма может итти речь о возможности для Китая миновать фазу высокоразвитого капитализма. Революционная диктатура рабочих и крестьян может, экспроприировав капиталистов, овладеть командными высотами народного хозяйства — железными дорогами, горным делом, банками, национализировать землю и провести под гегемонией пролетариата и через советы быстрый переход к коллективным формам производства. Такая возможность еще и теперь далеко не исключена. Станет ли она фактом? Это всецело зависит от того, в какой момент начнется новая китайская революция.

Но если новая революционная волна заставит себя ждать, если развитие капитализма сделает дальнейшие успехи, то это отнюдь не означает — как-то утверждают реформисты — ликвидацию всех революционных перспектив в Китае. Вследствие оттяжки изменился бы только характер революции. Чем дольше революция заставит себя ждать, тем меньше будут шансы миновать капиталистическую фазу развития; перед грядущей революцией будет тогда стоять задача низвержения капитализма. Тем сильнее выступит на передний план гегемония пролетариата; тем увереннее и авторитетней будет руководство компартии Китая, понемногу оправляющейся после зверского террора; тем быстрее аграрная революция перерастет в социалистическую.

Если, таким образом, новый революционный шквал и заставит себя ждать, то это лишь изменит характер революции, но не уменьшит ее шансов на победу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Со времени окончания этой главы прошло полгода. За этот период правильность наших положений подтвердилась. Объединение Китая на почве буржуазных лозунгов при режиме Нанкина является менее вероятным, чем когда-либо: новая война между Чан-Кай-Ши и коалицией Янь-Си-Шаня и Фыня в полном разгаре. Возможно что еще до появления этих строк Чан-Кай-Ши будет свергнут и новая клика империалистов образует «признанное правительство» Китая.

Но это по существу не играет никакой роли. Решающим является новый подъем революционного движения, совершающийся уже не только под лозунгом Советской власти, но приведший к фактическому учреждению советов в районах насчитывавших в мае 1930 г. в общей сложности уже 20 миллионов населения.

В этих районах действительно существует власть рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии Китая. Эти советские районы, территориально пока еще нередко изолированные друг от друга, вскоре соберутся на всекитайский съезд советов и в более или менее отдаленном будущем приступят к образованию советского правительства в Китае.

Поскольку это будет во власти последнего, господство землевладельцев будет уничтожено, сами землевладельцы, неуспевшие эмигрировать, будут отчасти физически истреблены, земля же будет передана крестьянам, до сих пор обрабатывавшим ее.

Новая Советская власть в Китае в военном отношении еще слаба. Однако, наряду с партизанскими войсками, вербующимися из крестьян, все более крепнет Красная армия Советского Китая. Даже империалисты признают ее образцовое поведение по отношению к населению (за исключением, конечно, классовых врагов), и это обеспечивает ей поддержку народа в борьбе с генеральскими войсками, в стычках с которыми все большие количества войсковых частей перебегают к Красной

армии. Красная армия еще слабо вооружена. Она пока что должна избегать столкновений с лучше вооруженными силами империалистов: вот почему советские районы образовались в тех частях Китая, которые находятся вне сферы действия военных судов империалистических разбойников...[1].

Дальнейшее развитие нынешней советской власти зависит от того, в какие формы выльется классовая борьба внутри страны и в международном масштабе. Однако, какова бы ни была непосредственная судьба советской власти в Китае, исторический ход событий этим не предрешается. Стомиллионная масса китайских крестьян охвачена революционным движением: аграрный вопрос не может быть решен путем буржуазной аграрной реформы.

Положение городских рабочих все ухудшается (финансовый крах, экономический кризис). Коммунистическая партия Китая крепнет со дня на день. Внекапиталистическое развитие Китая, близкая победа социальной революции обеспечена.

---

[1] В корреспонденции «Франкфуртской газеты» от 1-го июня 1930 г.

КИТАЙСКИЕ МЕРЫ

I. МЕРЫ ДЛИНЫ

1. Чи (фут, foot, Fuss) = 10 цунь (дюйм, inch, Zoll) = = 100 фэнь (линия, Linie) = 1000 хао = 0,32 м. (В. — 0,358 м.).
2. Бу (шаг, Schritt) = 5 чи = 1,60 м. (В. — 1,79 м.).
3. Чжан (сажень, Klafter) = 10 чи = 3,20 м. (В. — 3,581 м.).
4. Ли (верста) = 180 чжан = 1800 чи = 576,00 м. (В. — — 644,58 м.).
5. 1 метр = 3,125 чи.

Обычно «ли» принимается равной ½ версты или километра или $^1/_3$ английской мили.

II. МЕРЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

1. Му (6000 кв. чи) = 10 фэнь = 100 ли = 1000 хао = = 6,144 ара (В. — 675 кв. м.).
2. Бу = $^1/_{240}$ му = 0,025 ара (В. — 2,81 кв. м.).
3. Цин = 100 му = 6,144 *га* (В. — 675,00 кв. м.).
4. 1 гектар = 16,276 му.

Обычно «му» принимается равной: $^1/_{17}$ десятины, $^1/_{16}$ гектара или $^1/_6$ акра. Величина му колеблется от 350 кв. м. на юге до 925 кв. м. на севере (Вагнер). В Сев. Манчжурии зем. мера— «шан», которая равна приблизительно 10 му. Яшнов принимает шан равным 1600 кв. саж. = $^2/_3$ десятины. В южных провинциях чрезвычайно часто за единицу зем. площади принимают количество земли, на обсеменение которого требуется 1 дань зерна (Гуанси, Гуандун и др. провинции).

III. МЕРЫ ОБЪЕМА

1. Шэн (31,6 куб. цуней) = 10 хэ = 100 чжо = 1,035 лтр (В. — 1,031 лтр.).
2. Доу = 10 шэн = 10,35 лтр. (В. — 10,31 лтр.).
3. Ху = 50 шэн = 51,75 лтр. (В. — 51,55 лтр.).
4. Дань (В.—Schi) = 100 шэн = 103,54 лтр. (В.—103,10 лтр.).
5. 1 литр = 0,966 шэн.

Меры объема имеют применение, главным образом, во внутридеревенском обороте и при приеме арендной платы. Товары, даже жидкости вроде масел, спирта и пр., обычно покупаются и продаются по весу («Chin. Econ.») в Шанхае 1 дань («Schi») риса = 119,35 лтр., а дань (Schi) бобов = 107,41 лтр. (Вагнер). В Северной Манчжурии «большое доу» = от 42,5 до 44 лтр. и «малое доу» = 28,5 до 31,5 лтр. (Яшнов).

IV. МЕРЫ ВЕСА

1. Лян (1 кб. цунь чистой воды при 4° Цельсия = = 0,878 лян) (унция, tael, Unze) = 10 цянь (доля, mace, Mass) = = 100 фэнь (condareen, Condarin) = 1000 ли (Käsch) = = 10.000 хао = 37,301 гр. (В. — 37,783 гр.).

2. Цзинь (фунт, catty, Kätty) = 16 лян = 596,816 гр. (В. — —604,528 гр.).

3. Дань (пикуль, picul, Picul) = 100 цзинь = 59.681 гр. (В.—60.452,8 гр.).

4. Ши (shih, Schi) = 120 цзиней = 72,543,36 гр. (Вагнер).

5. 1 килограмм = 26,809 лян.

Обычно дань принимают равным: $133^{1}/_{3}$ lbs или 60.453 кг и цзинь: $1^{1}/_{3}$ lbs или 604.53 гр.

V. ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ

1. Юань (мексиканский доллар, mescican dollar) = 100 центам в среднем = 0.50 (В. 25/26 г. — 1,80—2,20 зол. мар.).

2. Таэль (таможенный) — весовое количество серебра равное 1 ляну (37.301 гр. в среднем = 1.50 мекс. долл. = S 0.75 (В. 25/26 г.—2.50—3.00 зол. мар.).

3. Серебряная разменная монета — ординарная. В 1927 г. шла по курсу 12—13 монет за мекс. долл. (работа пр. Чэна).

4. Медная разменная монета — ординарная. В 1927 г. шла по курсу 300—400 монет за мекс. долл. (работа пр. Чэна). В начале 1928 г. по курсу около 400 монет за мекс. долл.

5. Медные кеши — в 1925—26 году (Вагнер) шли по курсу 3400—3900 кешей за там. таэль. 1000 кеш = 1 дяо.

(Различие мер в отдельных провинциях и даже уездах— общеизвестно, поэтому о нем особо не упоминалось. За основу взяты цифры Китайского Министерства Торговли Земледелия, дополненные по работам Вагнера, Яшнова, пр. Чэна, и по данным «Chin. Econ.»).
